

Я. КОРЧАК

Я. КОРЧАК

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

**МОСКВА
«ПЕДАГОГИКА»
1991**

ББК 74.03(3)
К.66

Составитель
К. П. ЧУЛКОВА

Перевод с польского
К. Э. СЕНКЕВИЧ

Автор вступительной статьи и комментариев
М. Н. КУЗЬМИН

Корчак Я.
К.66 Педагогическое наследие: Пер. с польск. / Сост.
К. П. Чулкова. — М.: Педагогика, 1991. — 272 с. —
(Б-ка учителя).
ISBN 5-7155-0448-1

В книге представлены избранные сочинения о воспитании детей выдающегося польского гуманиста и писателя. В известных советскому читателю работах «Как любить ребенка», «Право ребенка на уважение», «Воспитательные моменты» и др., включенных в данную книгу, а также во впервые публикуемых материалах сформулированы основные положения его новаторской педагогики, получившей название «педагогика сердца».
Для учителей.

К 430200000-067 подписное
005(01)-91

ББК 74.03(3)

ISBN 5-7155-0448-1

© Издательство «Педагогика», 1991

ЯНУШ КОРЧАК

«Трудное это дело — родиться и научиться жить. Мне осталась задача куда легче — умереть... Я хотел бы умирать в полном сознании, сохраняя присутствие духа. Не знаю, что я сказал бы детям на прощание. Хотелось бы сказать многое, главное же — что они вольны сами избрать свой путь».

Эту запись в «Дневнике» — книге размышлений и воспоминаний — Януш Корчак сделал 21 июля 1942 г., в канун своего последнего дня рождения. Простота слов, ясность и спокойствие духа перед лицом приближающейся смерти. Позади — 64 года жизни, из них последние полтора — за стенами приговоренного к вымиранию варшавского гетто.

Он думает о главном, чему была посвящена жизнь, — о детях. В тот вечер, однако, он не мог еще знать, что у последних двухсот его воспитанников никакого выбора уже не будет: назавтра последует приказ о «депортации» гетто, и спустя 15 дней все они будут умерщвлены в газовых камерах лагеря смерти Трешлинка П. Он не мог знать и того, что в тот день — 5 августа последний выбор между жизнью и смертью будет лишь у него самого: рассчитывая использовать его популярность, гитлеровцы предложат ему остаться.

Бросить перед лицом смерти двести детей, отцом которых он сам вызвался быть не по долгу службы, а по внутреннему решению? Для него такой дилеммы не существовало. Он навсегда сделал свой выбор 30 лет назад. И когда судьба подвела его к последней черте, он остался верен этому выбору до конца.

Утром 5 августа 1942 г. дети «Дома сирот» вместе с девятью воспитателями прошли через Варшаву к вокзалу единым строем, неся над головой зеленое приютское знамя надежды с четырехлистным золотым клевером. Януш Корчак шел во главе колонны, держа за руки с двумя самыми маленькими.

На месте их смерти сейчас стоит камень: «Януш Корчак и дети».

* * *

Со времени смерти Я. Корчака прошло почти 50 лет. И все эти годы интерес к его личности и творчеству (начавшийся, впрочем, еще при жизни) неуклонно возрастал. Его наследие обретало все большее число сторонников как в самой Польше, так и за ее пределами. В 1978 г. в Варшаве было создано Международное об-

щество Корчака, имеющее сейчас свои филиалы во многих странах мира.

Возможно, всему этому способствовал трагический и вместе с тем символический финал его жизни. Но главная причина все растущего интереса к его наследию — в самом наследии. Один из великих педагогов XX в. — Януш Корчак был выдающимся теоретиком и практиком воспитания — его реформатором, давшим ответ на труднейшие проблемы, выдвинутые эпохой.

Корчак являл собой уникальный тип педагога «божьей милостью». Всех близко знавших его поражала в нем редкая способность непосредственного контакта с детьми, удивительный дар общения с ребенком на основе абсолютного взаимного доверия и понимания.

Однако Корчак не был просто практик-самородок, педагогическая система и воспитательное мастерство которого выросли на основе общения ярко индивидуального и своеобразного личного творчества и опыта. Непосредственный опыт был лишь верхней частью айсберга его педагогической системы. Созданная им целостная социально-педагогическая концепция при всей кажущейся простоте и непосредственной данности ее педагогических принципов опиралась на широкий научный фундамент, она была результатом синтеза обширного комплекса наук о человеке — от медицины и биологии и до философии и истории культуры. Ее органичность — следствие того, что Корчак-педагог, писатель, исследователь и практик в одном лице — в полной мере обладал даром, присущим художникам и ученым-теоретикам, — даром целостного видения мира.

Концепция Корчака родилась в начале XX в. в русле реформаторских теорий, возникших как следствие кризиса традиционной педагогики XIX в. Педагогический кризис этот в свою очередь был обусловлен общественным сдвигом конца XIX в., осязаемым изменением социально-исторических условий бытия индивида, потребовавшим раздвижения границ его субъектной самостоятельности и свободы. Налицо была острая диспропорция между новой общественной ситуацией жизни индивида и старой практикой его подготовки к жизни, традиционалистским авторитарным воспитанием, односторонне видевшим в ребенке лишь объект императивного педагогического воздействия. Не случайно поэтому педоцентризм, выдвинувший на передний план цель формирования суверенной человеческой индивидуальности, оказался компонентом достаточно широкого круга педагогических систем, весьма неодинаково — едва ли не полярно — решавших проблему соотношения общества и личности.

Педагогическая концепция Корчака носила ярко выраженный последовательно-демократический, предельно гуманистический характер. Именно поэтому ответы, найденные им на запросы эпохи, — будучи полностью в русле исторического вектора развития человека — далеко перешагнули границы его поколения, страны и времени.

Выдающийся польский педагог, писатель, публицист и общественный деятель Януш Корчак (Генрик Гольдшмит) родился 22 июля 1878 (или 1879) г. в Варшаве. Его отец был известным юристом.

Детство Генрика протекало первоначально по обычным канонам домашнего воспитания. Жизнь, однако, сложилась так, что распрощаться с детством и вступить в мир взрослых он должен был еще гимназистом, после неожиданного банкротства, сумасшествия и смерти отца. Благополучие внезапно кончилось. Двенадцатилетний мальчик остается единственной опорой сестры и матери. В богатые гостиные, куда еще недавно он входит с отцом как гость, как человек своего круга, он входит теперь как репетитор, старающийся сохранить независимость и соблюсти дистанцию и достоинство.

Но, расставшись с детством и перейдя в мир взрослых, выдержав нелегкое испытание на взрослость, юный Генрик сохранил, однако, мироощущение, не присущее взрослым: его оценки и симпатии остались на стороне его маленьких подопечных. Именно в этой нестереотипной позиции — умении взглянуть на мир с «обратной» стороны, с позиции интересов ребенка, — можно, кажется, предугадать исходный момент, который в конце концов не только определит выбор им дела жизни, но и, развившись и окрепнув, станет ядром его социально-педагогической концепции.

Корчак найдет себя не сразу, его путь к детям займет почти полтора десятилетия. В 1898 г. 20-летний Генрик Гольдшмит оканчивает русскую гимназию и становится студентом медицинского факультета Варшавского университета. По необходимости продолжает репетиторствовать — нужно содержать семью. Однако начинающий студент-медик не замыкается в кругу профессиональных интересов. В напряженной атмосфере тех лет он с головой погружается в разнообразную общественную деятельность, пробуя себя в разных качествах: посещает нелегальный «Летучий университет», выступает как журналист в демократической и социалистической печати, ведет просветительскую работу в бесплатных читальнях Варшавского благотворительного общества, учит ребятишек в младших классах нелегальной школы Стефании Семполовской. При этом его явственно тянет к детям — в мир полных чувств и искренних отношений. Он сталкивается с огромным миром нового для себя детства — социально-обездоленным детством трущоб и рабочих пригородов Варшавы. Картина этого мира, требующего неотложной практической помощи, потрясает. В многообразии врачебных профилей студент-медик решает избрать специальность педиатра. Корчак навсегда связывает свою жизнь с миром детей.

Тот же жизненный выбор отразит и его публицистическая деятельность: многообещающий литератор, подписывающийся псевдонимом Януш Корчак, все более концентрируется на детской проблематике — пишет о положении детей в обществе и

по вопросам воспитания. Повесть «Дитя гостиной» (1904—1905), содержащая критику буржуазной семьи, приносит ему широкую литературную известность.

Университет окончен, начинается новый этап жизни, в котором Корчак продолжает врачебную и общественно-литературную деятельность. В 1904 г. он работает в одной из детских больниц Варшавы. Затем участвует как медик в русско-японской войне, по возвращении с которой опять работает в клинике.

Семь лет ежедневных встреч с детскими болезнями, семь лет ежедневных прямых столкновений с социальными язвами, эти болезни порождающими. Больница и врачебная практика, резко раздвинув социальные границы известного ему мира детства, не только ясно продемонстрировали ему чудовищную обездоленность детства низов — они беспощадно и в полном объеме обнажили перед ним всю несправедливость мира детства в целом. И одновременно они с новой глубиной открыли ему чистую и ясную подлинность достоинств маленького человека. Тридцать четыре года спустя он поделится главным потрясением тех лет: «Больница показала мне, как достойно, зрело и мудро умеет умирать ребенок».

Детская больница все более настойчиво толкает его к постижению социальных и педагогических корней тех явлений, с которыми он имеет дело как медик. Наступает момент, когда круг его профессиональных интересов резко расширяется, целиком захватывая единый комплекс вопросов: ребенок и детство, проблема ребенка и детства во всей ее реальной полноте и целостности. Корчак ставит перед собой новую чрезвычайно масштабную цель — постичь общую картину детства, понять до конца, что и почему на сегодня существует, как должно быть и, главное, что следует делать. Поискам ответов он отдает себя целиком.

Это решение, определившее новые цели и смысл его профессиональной деятельности, не было и не могло быть холодным актом чисто профессионального выбора: оно носило четкий гражданский характер. Решение приходит к нему за границей. Во время второй поездки за рубеж (Париж, Лондон) контраст со стольпинской Россией вызывает у него особенно острое ощущение своего двойного бесправия. «Раб не имеет права иметь детей. Польский еврей под царским гнетом. Это подействовало на меня как самоубийство. Силой воли и упорством шел я через жизнь, которая казалась мне беспорядочной, одинокой и чужой. Сыном стала мне идея служения детям и их делу», — напишет он в письме к другу, вспоминая об этой минуте тридцать лет спустя.

Итак, благополучный детский врач и литератор — критик социальных пороков — все уже позади. Теперь это борец, для которого примирение с этой действительностью невозможно, человек, избравший борьбу, нашедший свою дорогу борьбы. Корчак открывает свой путь воздействия на общество, на ток его истории: это борьба за утверждение свободы и достоинства личности человека — ребенка. Задача — изменить воспитание, изменить дет-

ство. Последствием этого, полагает он, будет и изменение существующего общества, несправедливого к детям.

Педагогическая теория Корчака, пишет профессор Александр Левин, была частью его своеобразной историософии — общепедагогической концепции, рассматривавшей детство как неполноправный, лишаемый своей доли общественных благ «класс» общества. В этой концепции Корчак смог нащупать зависимость не только детства от общества, но и общества от детства. (В истории педагогики это не первый случай, когда педагог и социальный мыслитель предстает в одном лице.)

«Реформировать мир — это значит реформировать воспитание». Этот тезис раннего Корчака может показаться слишком наивным, просветительским. Разве не ясно, что школа классовая, что общественное воспитание подчинено эгоизму правящего класса, стремящегося не к развитию, а к консервации существующего положения вещей? И пока в его руках государство, думать иначе — либо иллюзия, либо идеалистическая утопия. Действительная взаимосвязь обратна — сначала следует добыть свободу, революционно изменить мир, и только это позволит изменить воспитание. Разве не убеждает нас в этом крах периодически предпринимавшихся просветительских попыток изолированных воспитательных реформ? Вспомним хотя бы основателя Смольного института И. И. Бецкого, полагавшего, что можно обновить общество путем интернатского воспитания «новой породы людей». В сословном обществе из этой попытки, разумеется, ничего не получилось. Затем что-то похожее содержалось и в замысле Царскосельского лицея.

Но с другой стороны, решает ли дело одна свобода, свобода без культуры? Можно ли изменить мир, не изменяя воспитания? Одностороння ли эта связь изменения мира и человека? Зависит ли она лишь от вселенских процессов смены общественно-экономических формаций?

И здесь исторический опыт говорит, что отвергать эту просветительскую мысль с порога вряд ли следует: она не столь наивна и проста, как может показаться на первый взгляд. Ведь и эгоизм господствующего класса может натолкнуться на потребности выживания нации или государства в условиях уничтожающего напора экономической конкуренции или военного конфликта. И тогда — все-таки школьная реформа (разумеется, вкупе с другими социальными преобразованиями) как средство изменения мира через воспитание. История знает тому немало примеров. Радикальная школьная реформа вообще редко была делом добровольным.

Поэтому не будем спешить с категорическими выводами в старом споре: от свободы к просвещению или от просвещения к свободе. Изменение мира через изменение человека есть действующий фундаментальный закон общественного развития эволюционного типа. Он был открыт, вернее, предугадан еще три с лишним века назад великим Я. А. Коменским. Правда, специфические социальные детерминанты проявления этой взаимосвязи, равно как

и ее абсолютная непреложность, стали ясны общественному сознанию значительно позже — с развитием индустриального общества на первый план выдвигаются интенсивные факторы общественного прогресса. Преимущество во все ускоряющейся экономической гонке оставалось в конечном итоге за тем, кто обеспечивал лучшие условия для реализации творческой активности «человеческого материала». Одним из таких факторов становится воспитание. Кризис традиционной педагогики в конце XIX в. был одним из первых сигналов нового порядка вещей.

В этом контексте замысел Корчака уже совсем не представляется социальной утопией. Дело, следовательно, вовсе не в Корчаке — дело в зрелости общества и эпохи, которым он адресовал свои идеи. И вопрос, таким образом, нужно перевести совсем в другую плоскость — возможность общественного резонанса новых идей в застойных общественно-исторических условиях, целесообразность усилий личности, противостоящей общественной инерции.

* * *

«Великий синтез ребенка — вот о чем грезил я, когда, раскрасневшись от волнения, читал в парижской библиотеке удивительные творения французских классиков клиницистов», — пишет он несколько лет спустя.

Дерзость замысла была очевидной. Нужно было досконально знать ребенка от младенчества до юности, знать полностью условия и характер воспитания детей в зависимости от социальной среды, глубоко понимать и чувствовать мотивы и формы поведения самого ребенка — наедине, со взрослыми, в группе детей, поведения детской группы и, наконец, определить социальные и педагогические пути и условия, действительно обеспечивающие становление ребенка как личности.

Эта огромная и целеустремленная теоретическая работа заняла несколько лет. Корчаком двигал, как уже было замечено, не только азарт исследователя, но и одержимость человека, страстно верящего в социально-преобразовательный смысл своих поисков.

Теоретическая модель нормальной организации мира человеческого детства интересовала Корчака не сама по себе — она должна была стать практическим ключом к преобразованию всей сферы отношений «взрослые — дети», «дети — взрослые». Как же, однако, можно было превратить эту исподволь уже сложившуюся у него социально-педагогическую концепцию в действующую программу повседневной жизни?

Первый путь — проблема «общество — дети» выступает прежде всего как проблема «родители — дети». Нужна новая практика их отношений, что изменит в конечном счете атмосферу в семье, а с ней — всю эту огромную сферу человеческого бытия. Правда, чтобы пробить панцирь привычных стереотипов обыденного сознания, проповедь должна обладать особой силой. Корчак не отвергает этот путь, хотя он и не станет для него главным.

Другой путь — собственная практическая деятельность. Именно в этой связи у Корчака постепенно нарастает неудовлетворенность врачебной деятельностью — ее социальной неэффективностью. Корчак-врач приходит к выводу, что в данных условиях более насущной помощью детству является не эпизодическая помощь врача, а систематическая работа воспитателя — работа в приютах для сирот, где необходимо создать для детей должные жизненные условия, избавить их от голода, беспризорности, душевной заброшенности, организовать им нормальное человеческое детство.

В 1912 г. Корчак бесповоротно отказывается от карьеры врача и становится директором реорганизованного «Дома сирот», которым будет руководить на протяжении 30 лет — до конца своей жизни. Помогать ему в этом будет Стефания Вильчиньская.

Не прерывая литературной, публицистической и общественной деятельности, он посвящает себя прежде всего теории и практике воспитания. Он начинает реализовывать свою педагогическую концепцию — свою систему «организации детства» и воспитания личности.

Пробными шагами в этом направлении были два его выезда (1907 и 1908 гг.) в детские летние колонии, где он работает как воспитатель. (Впечатления об этом нашли свое отражение в книжках «Моськи, Иоськи и Срули» — 1910 г. и «Юзьки, Яськи и Франки» — 1911 г.)

Его последовательное углубление в анализ проблем современного воспитания, ребенка и детства отражают обширная педагогическая публицистика («Современная школа», 1905; «Школа жизни», 1907—1908) и его литературные произведения этой поры — повесть «Слава» (1913), рассказы «Бобо», «Исповедь мотылька» и «Роковая неделя», изданные в 1914 г.

Но все это были лишь подходы к чему-то главному. Главное же — необходимость обобщить достигнутое, выстроить накопленный, продуманный и проверенный материал в целостную конечную систему — «великий синтез ребенка».

В 1914 г. начинается мировая война, и Корчак на четыре года превращается в ординатора полевого госпиталя русской армии. Четыре года скитаний по военным дорогам — от Восточной Пруссии до Тернополя. С весны 1917 г., будучи откомандирован для работы врачом в польских и украинских детских приютах, Корчак целый год живет в Киеве, где сотрудничает с известной польской общественной деятельницей Марией Фальской. (После войны он будет руководить вместе с ней варшавским детским приютом «Наш Дом».)

Основной результат его фронтовых лет — рукопись главной книги «Как любить ребенка». Несмотря на необычные условия создания, книга эта настолько цельна, что кажется написанной на одном дыхании. Это кредо Корчака, редкий по силе сплав мыслей, чувств и опыта, синтез его размышлений о ребенке и детстве. Как заметил писатель Игорь Неверли, работавший в свое время секретарем Кор-

чака, Корчак будет впоследствии кое-что уточнять и аргументировать («Право детей на уважение»), популяризировать («Беседы старого Доктора по радио. Шутливая педагогика»). У него будут новые художественные достижения («Когда я снова стану маленьким», «Король Матиуш Первый»), но к этой основной своей концепции ребенка и мира он уже ничего не добавит и ничего в ней не изменит.

* * *

Остановимся на мгновение, вдуваемся в это неожиданное название — «Как лю б и т ь ребенка». А может быть, к а к любить ребенка? Сколь многозначно в свою очередь и это к а к! Такова вся работа. Ее не стоит читать залпом. Лучше читать ее медленно, небольшими дозами, вчитываясь и перечитывая отдельные абзацы и эпизоды, открывая для себя философскую глубину самых, казалось бы, обыденных и очевидных вещей, постигая обнажаемую автором совсем не очевидную связь их с главными проблемами человеческой жизни и счастья, обнаруживая за педагогическими и психологическими характеристиками и оценками незаметных, будничных явлений их общесоциологический масштаб.

Несмотря на литературную форму, это отнюдь не легкое чтение, ибо содержание книги — тончайшая и капризнейшая материя психологии повседневных межличностных отношений родителей и детей, взрослых и детей, трудная как для детей, так и особенно для взрослых.

К медленному чтению, чтению-впитыванию располагает и внутренняя конструкция книги: она выстроена из небольших, порой всего в десяток строк, миниатюр, связанных общим замыслом, строгим планом и внутренней системой и как бы самостоятельных. Читатель найдет в них последовательный разбор всех основных проблем, которые преодолевает ребенок в своем развитии от младенчества до юности. В эту своеобразную форму и влит выраженный порой афористически концентрированный педагогический опыт ее автора.

Автор поставил перед книгой трудную цель. Она совсем не в том, чтобы сообщить читателю сумму достоверных знаний по вопросам воспитания, дать в руки справочник готовых рецептов. Ее смысл глубже и масштабнее: повлиять на определенную сферу общественных отношений, на социальное поведение, на практику отношений «родители (взрослые) — дети».

Именно поэтому книга не просто информирует о чем-то, предлагает размышление, оценку и выбор. Это манифест, который апеллирует к сознанию и доброй воле взрослых, побуждая к действию. Не случайно в разных частях своей книги Корчак применяет одинаковый прием и начинает буквально с лобовой атаки собеседника: познал ли ты самого себя, воспитал ли ты самого себя, чтобы взять на себя ответственность воспитывать другого человека — ребенка? Ибо воспитание ребенка — «это не милая забава, а рабо-

та, в которую нужно вложить усилия бессонных ночей, капитал тяжких переживаний и множество размышлений...»

И каждая из многих десятков миниатюр — несмотря на неторопливый, казалось бы, тон беседы, неизбежный при размышлении о глубинной сути вещей, — настойчиво преследует ту же цель: пробиться через коросту «привычных истин» и рутину расхожих стереотипов, разбудить сознание для творческого усилия. «Всякий раз, когда, отложив книгу, ты начинаешь пряхть нить собственных размышлений, книга достигла цели».

И действие, которого добивается автор от читателя, не требует в общем-то каких-либо особых возможностей и условий. Оно чисто «субъективно», в том смысле, что речь идет о самовоспитании, о внутренней перделке самого себя, о перестройке характера своего отношения к ребенку. Правда, у этого субъективного действия — пробуждения, осознания своей ответственности перед личностью ребенка — есть свои причины и условия. Но в принципе оно возможно и посылно для каждого.

Исходный пункт педагогической концепции Корчака — ребенок как личность и его благо. Ребенок — это самостоятельная «отдельность» и независимая от другой воли личность. Согласно Корчаку, ребенок имеет право даже на смерть. Готовы ли мы сегодня даже профессиональным нашим педагогическим сознанием, сложившимся в русле традиционных авторитарных установок, безоговорочно принять этот принципиальный тезис?

Следующий пункт. Вопреки принятому представлению, что ребенок лишь будущий человек, а детство — подготовительный этап взрослой жизни, Корчак решительно утверждает тезис о полноценности ребенка как человека и о самоценности детства как подлинного, а не предварительного этапа будущей «настоящей» жизни. «Детей нет — есть люди, но с иным масштабом понятий, иным запасом опыта, иными влечениями, иной игрой чувств». Отсюда — «одна из грубейших ошибок считать, что педагогика является наукой о ребенке, а не о человеке».

Ребенок есть отличающаяся, но отнюдь не низшая или более слабая психическая организация. В области чувств ребенок превосходит взрослых силой, ибо не отработано торможение. В области интеллекта, по меньшей мере, равен им, недостает лишь опыта. Его-то и накапливает ребенок. «Основным лейтмотивом, содержанием психической жизни младенца является стремление к овладению неизвестными стихиями, тайнами окружающего его мира, откуда идет добро и зло. Желая овладеть, стремится познать... Ребенок — это ученый в лаборатории, напрягший всю свою волю и ум для решения труднейших задач».

Детство есть полноценный этап жизни человека — сама жизнь. «Разве существует жизнь в шутку?» «Чем же сегодня ребенка хуже, менее ценно, чем его завтра?» «Нет, детский возраст — долгие, важные годы в жизни человека». Детство — фундамент жизни: без безмятежного, наполненного детства, считает Корчак, последующая жизнь будет ущербной. Лишь такое

детство создает условия для нормального созревания и развития личности.

Отсюда вытекает следующий тезис Корчака — о равноценности ребенка и взрослого. Поэтому традиционное, пренебрежительное отношение к нему как к младшему, более слабому существу должно быть решительно заменено новым отношением — уважением, признанием права ребенка на уважение, признанием его человеческого достоинства.

Но что имеет место в действительности? «Все современное воспитание, — отмечает Корчак, — направлено на то, чтобы ребенок был удобен, последовательно, шаг за шагом стремится усыпить, подавить, истребить все, что является волей и свободой ребенка, стойкостью его духа, силой его требований». (Когда это написано — 70 лет назад, вчера или в нынешнее время?) В семье — «не любовь к ребенку, а родительский эгоизм, не благо личности, а амбиции толпы, не поиски пути, а пути шаблона». А чего хочет общество, поручившее ребенка воспитателю, чего ждут государство, церковь, работодатель? «Государство требует официального патриотизма, церковь — догматической веры, работодатель — честности, а все они — посредственности и смирения».

Корчак требует полной и решительной ломки существующего отношения к детям, изживания общепринятого пренебрежения ребенком, манипулирования его личностью, проявляющихся как в бездумной бесцеремонности родителей, так и в тотальной нивелировке детей государством, в социальной обездоленности детства.

Признание равноценности и самоценности личности ребенка означает, наконец, признание за ним права «быть тем, что он есть», — права на индивидуальность.

Целью воспитания является полное, свободное и гармоничное развитие внутренних сил и способностей каждого конкретного ребенка, формирование личности «в уважении к добру, к красоте, к свободе», личности, свободной от конформизма и эгоцентризма, уважающей нормы человеческого общежития и достоинство другого человека, личности, обладающей внутренней самостоятельностью и чувством собственного достоинства.

Как же организует Корчак достижение этой цели, в чем специфика его пути к ней? Ведь эта цель с теми или иными оттенками выдвинута многими педагогическими системами.

Стержень воспитательной системы Корчака — осознание и признание ребенка наиболее важным, в конечном итоге — ключевым звеном в цепи субъектов воспитания. «Воспитания без участия в нем самого ребенка не существует». Отсюда ядро, фокус всего долгого и длительного воспитательного процесса — пробуждение и развитие в самом ребенке потребности к самопознанию, самооценке, самоконтролю и воли к самосовершенствованию. Самостоятельная работа ума и чувств, самостоятельные поиски жизненных принципов и истин, выработка собственного характера и мировоззрения, закалка воли в процессе преодоления своих слабостей — таков путь, который постепенно и неизбежно должен пройти каж-

дый, формируя себя как личность. Ибо только такое личное «переживание» всеобщего человеческого опыта даст возможность каждому найти себя и выработать, расставаясь с детством и юностью, собственную программу жизни и формулу счастья.

Все остальное в системе Корчака подчинено этому главному, поставлено ему на службу.

Начальным условием, предпосылкой нормального воспитательного процесса является, прежде всего, создание в семье или в детском коллективе атмосферы доброжелательности и взаимного доверия, любви и уважения, атмосферы, исключающей какое-либо насилие, гарантирующей свободу ребенка и удовлетворение его характерных интересов и потребностей. Только тогда каждый может ощущать себя свободно — тем, что он есть, и развиваться в направлении того, чем он может стать.

Для воспитателя детей «вообще» не существует. Каждый ребенок конкретен. Отсюда — необходимость точного индивидуального подхода. Корчак начинает с изучения ребенка путем наблюдения, внимательно и чутко следя за его поведением и реакциями, не пренебрегая кажущимися мелочами, стремясь доброжелательно постичь самые сокровенные желания и самые тонкие переживания. Эти ежедневные наблюдения воспитатель документирует — записывает. Чем лучше знание ребенка — тем меньше ошибок в воспитании.

Это исходный пункт работы воспитателя, работы творческой, сопряженной с постоянными размышлениями, с поисками решения посредственных текущих воспитательных ситуаций, с построением живого отношения к воспитаннику. Преследуя цель ослабить или облагородить те или иные качества, воспитатель строит свое отношение на основе разумной любви, снисходительности, такта, уважения к ребенку-человеку. При этом задача воспитателя как в том, чтобы создавать и поддерживать нужные условия и атмосферу жизни коллектива, так и в том, чтобы организовывать воспитывающие ситуации с целью выявления и поощрения активности и инициативы ребенка как средства становления его самостоятельности.

Таким образом, Корчак не допускает подчинения воли ребенка ради удобства взрослых, послушания ребенка путем наказаний и запретов. Значит, все позволять? Ни за что, отвечает Корчак. «Из скупающего раба мы сделаем изнывающего от скуки тирана». Но как в таком случае, отказавшись от принуждения и приказа, избежать другого полюса — своеволия ребенка? Корчак находит такой выход во взаимопонимании. Принуждение, как писала М. Фальская, излагая педагогические принципы «Нашего Дома», заменяется «добровольным и сознательным приспособлением личности к формам коллективной жизни. Не слова, не поучения — весь уклад, атмосфера интерната должны быть таковы, чтобы дети ценили свое пребывание в нем, сами были заинтересованы, чтобы овладеть собой, победить себя, приспособиться и примениться к требованиям и нуждам окружающих».

Как же Корчаку удастся организовать жизнь большого детского

коллектива, в котором обеспечивалось достижение этих столь непростых условий и целей — полноты жизни отдельного ребенка и органичности его индивидуального саморазвития, включения его в нормы коллективного бытия и автокоррекции его поведения с помощью самовоспитывающих нравственных усилий?

Таким инструментом стала продуманная, действительно демократическая организация детского коллектива, базирующаяся на реальном детском самоуправлении и гласности. Ее конкретными элементами были, прежде всего, выборные детский сейм, товарищеский суд и судебный совет. Задача этих институтов, однако, отнюдь не принуждение — они несли воспитательную нагрузку. Их смыслом было заставить детей размышлять, научить относиться к себе критически, лучше понимать себя и других, научить с уважением относиться к правилам общежития. Кодекс суда, например, представлял широкую шкалу моральных оценок наиболее типичных проступков. Он не назначал кары — он порицал.

Другими важными элементами демократической организации жизни коллектива, гласности были газета, доска информации, ящик для записок и запросов. Среди форм морального воздействия следует назвать систему поощрительных индивидуальных памятных открыток, широкую практику официальных пари (фиксация индивидуальных нравственных обязательств) и особенно плебисциты доброжелательности. Им, кстати, подлежали и новые воспитатели после прохождения испытательного срока. Плебисцит фактически устанавливал степени «гражданственности». (В «Нашем Доме» их существовало четыре: товарищ, жилец, безразличный жилец, обременительный пришелец. В «Доме сирот» звания были несколько иные.) Периодически проводимый плебисцит являлся весьма сильным средством моральной оценки. Описание живого механизма деятельности всей этой системы читатель найдет в соответствующих главах «Как любить ребенка» и некоторых других работах Корчака.

Эта абсолютно демократическая организация внутренней жизни детского коллектива оказалась способной, таким образом, обеспечить защищенность личности ребенка, в особенности младших и слабых, от любых форм нажима и насилия со стороны старших и взрослых, построить жизнь в коллективе на законности, откровенности и доверии — обеспечить условия для становления самостоятельной личности.

Одновременно с этим самоуправление, система гражданских и трудовых обязанностей, стимулирование общественной активности, система осуждений и поощрений, механизм периодических моральных оценок и воздействие через мнение среды сверстников способствовали развитию самооценки, самокритики и закалке воли ребенка.

Такая организация жизни детского коллектива и была реализована Корчаком на практике в варшавском «Доме сирот» накануне первой мировой войны. Эта концепция будет фундаментом всей его последующей педагогической деятельности.

Корчак возвращается в Варшаву в 1918 г. Годы межвоенного двадцатилетия в его жизни всецело отданы педагогической и литературной деятельности. Он руководит двумя детскими приютами — «Домом сирот» и «Нашим Домом», преподает в Институте специальной педагогики, Свободном польском университете, педагогическом училище, выступает как эксперт в суде по делам несовершеннолетних, сотрудничает в различных журналах, редактирует детскую газету «Малый обзор», выступает с беседами по радио и т. д.

Внушительен перечень книг, которые он выпускает в эти годы. По педагогике — помимо «Как любить ребенка» — он издает «Воспитательные моменты» (1919), «О школьной газете» (1921), программную книгу «Право ребенка на уважение» (1929), «Правила жизни» (1930), «Шутливую педагогику» (1939), а также десятки статей.

Одновременно создает художественные произведения для детей и о детях: «Король Матиуш 1» (1923), «Король Матиуш на безлюдном острове» (1923), «Банкротство юного Джека» (1924), «Когда я снова стану маленьким» (1925), «Кайтусь-волшебник» (1935), «Упрямый мальчик. Жизнь Л. Пастера» (1938) и ряд других.

И вместе с тем, два межвоенных десятилетия были для Корчака неравноценными. В середине 30-х гг. он, как отмечают его биографы, переживает внутренний кризис. Одна из причин — уход из «Нашего Дома» в результате разрыва с М. Фальской, в тесном сотрудничестве с которой он проработал 18 лет. Другая — вынужденный уход с польского радио, где он под псевдонимом Старый Доктор вел популярнейшие передачи, чаще всего на воспитательные темы. Играет свою роль ухудшение общественной атмосферы, оживление антисемитских настроений. Корчак болезненно переживает все это, однако на предложение эмигрировать в Палестину отвечает отказом.

Война, оккупация Варшавы гитлеровцами, попытка в этих чудовищных условиях ценой невероятных усилий сохранить «Дом сирот», перемещенный с конца 1940 г. на территорию гетто, — содержание последних трех лет жизни Корчака. Арестованный немцами за патриотическое ношение офицерского мундира, он несколько месяцев сидит в тюрьме «Павиак», пока его не выкупают оттуда его бывшие воспитанники.

Документом особой силы является «Дневник» Корчака, писавшийся им в гетто весной — летом 1942 г. Отклонив предложения друзей о побеге, Корчак остается до конца верен детям и погибает вместе с ними.

«Корчак доходит до нас медленно, долгими годами, действительно «как свет угасших звезд», — писал А. Шаров по случаю выхода первого однотомника педагогических произведений Я. Кор-

чака (8-тысячным тиражом) в 1966 г. Слова эти, к сожалению, не устарели и сегодня. Правда, после 100-летнего юбилея Корчака, широко отмеченного в 1978 г. по инициативе ЮНЕСКО во всем мире, частота и масштабы издания его педагогических работ и особенно художественных произведений несколько возросли. Суммарный тираж его изданий у нас за четверть века начал приближаться к одному миллиону экземпляров. Но это в основном за счет литературных произведений.

Если же говорить о выборке его педагогических работ, то книга, которая должна лежать на столе у каждого педагога, быть в каждой молодой семье, имела скромные тиражи, десятилетние интервалы между изданиями, произвольные купюры в текстах. Не следует думать, что это случайно — социальные причины здесь очевидны: гуманист и демократ Корчак — антипод казенно-бюрократической, авторитарной педагогики. Он вызывал и вызывает идиосинкразию у ее авгуров. Отсюда фарисейское признание сквозь зубы, поверхностный эклектизм интерпретаций, снисходительная тональность оценок: «...не дошел до понимания путей, ведущих к справедливому общественному устройству».

Многие произведения Корчака все еще продолжают оставаться незнакомыми советскому читателю. Для сравнения — объем выпущенного в 1978 г. польского юбилейного издания избранных педагогических работ Корчака составляет 4 тома. У нас же публикация новых фрагментов его творчества идет буквально микродозами — в настоящее издание наконец-то включена «Роковая неделя», ранее на русском языке никогда не печатавшаяся. И уж что совершенно непростительно — до сих пор не переведен и не опубликован полностью «Дневник» Корчака.

Всем этим объясняется и трудность исследования творчества Корчака. За единичными исключениями, у нас нет специальных исследований его педагогической системы, не вызывают нашего любопытства даже «русские» периоды его жизни. А ведь именно на этом пути возможны бесценные биографические находки, ибо пережившие катастрофу войны варшавские архивы, увы, вряд ли что-нибудь еще скажут.

Не есть ли все это причина того, что мы в итоге до сих пор так и не имеем серьезной обобщающей работы, где жизнь и творчество Корчака были бы описаны и проанализированы во всей полноте и методологической глубине, с позиций современного научного знания. Если педагогическая наука и практика действительно хотят сбросить с себя змеиную шкуру казарменной педагогики и встать на уровень гражданских задач обновления нашего общества — они не могут избежать решительного поворота к Корчаку. Ибо проблема формирования свободной и самостоятельной личности неразрешима вне русла той педагогики гуманизма, одним из великих творцов которой в нашу эпоху был Януш Корчак.

М. Н. Кузьмин

КАК ЛЮБИТЬ РЕБЕНКА

РЕБЕНОК В СЕМЬЕ

ВСТУПЛЕНИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Прошло пятнадцать лет, прибавилось много вопросов, предположений и сомнений, возросло недоверие к установленным истинам.

Истина воспитателя — это субъективная оценка опыта, один лишь, последний, момент размышлений и ощущений. Богатство воспитателя — число и вес тревожащих его проблем.

Вместо того чтобы исправлять и дополнять — правильнее будет обозначать (петитом) то, что изменилось вокруг меня и во мне.

Ведь родиться — не то, что воскреснуть: могила отдаст нас, но не взглянет на нас, как мать.

«Ангелли»*

1. Как, когда, сколько, почему?

Я предвижу много вопросов, которые ждут ответа, и сомнений, нуждающихся в разъяснении.

И отвечаю:

— Не знаю.

Всякий раз, когда, отложив книгу, ты начинаешь раздумывать, книга достигла цели. Если же, быстро листая страницы, ты станешь искать предписания и рецепты, досадуя, что их мало, знай: если и есть тут советы и указания, это вышло само собой, вопреки воле автора.

Я не знаю и не могу знать, как неизвестные мне родители могут в неизвестных мне условиях воспитывать неизвестного мне ребенка, подчеркиваю — «могут», а не «хотят», а не «обязаны».

В «не знаю» для науки — первозданный хаос, рождение новых мыслей, все более близких истине. В «не знаю» для ума, не искушенного в научном мышлении, — мучительная пустота.

Я хочу научить понимать и любить это дивное, полное жизни и ярчайших неожиданностей творческое «не знаю» современной науки о ребенке.

Я хочу, чтобы поняли: никакая книга, никакой врач не заметит собственной зоркой мысли и внимательного наблюдения.

Часто можно встретить мнение, что материнство облагораживает женщину, что лишь как мать она созревает духовно. Да, материнство ставит огненными буквами вопросы, охватывающие все стороны внешнего и внутреннего мира, но их можно и не заметить, трусливо отодвинуть в далекое будущее или возмущаться, что нельзя купить их решение.

Велеть кому-нибудь дать тебе готовые мысли — это поручить другой женщине родить твое дитя. Есть мысли, которые надо самому рожать в муках, и они-то самые ценные. Это они решают, дашь ли ты, мать, грудь или вымя, воспитаешь как человек или как самка, станешь руководить или повлечешь на ремне принуждения, или, пока ребенок мал, будешь играть им, находя в детских ласках дополнение к скупым или немилым ласкам супруга, а потом, чуть подрастет, бросишь без призора или захочешь переламывать.

3. Ребенок, которого ты родила, весит десять фунтов.

В нем восемь фунтов воды и горсть углерода, кальция, азота, серы, фосфора, калия и железа. Ты родила восемь фунтов воды и два — земного праха. А каждая капля этого твоего ребенка была паром облака, кристаллом снега, мглой, росой, родником, мутью городского сточного канала. Каждый атом углерода или азота вступал в миллионы разных соединений.

Ты лишь собрала воедино то, что было...

Земля, повисшая в бесконечности.

Близкий друг земли — солнце — пятьдесят миллионов миль.

Диаметр нашей небольшой планеты — это только три тысячи миль огня в тонкой, остывшей на десять миль, коре.

На тонкой, наполненной огнем коре, среди океанов — брошена пригоршня суши.

На суше меж кустов и деревьев, насекомых, птиц и зверей — роются люди.

Среди миллионов людей ты родила еще одного, одну — что? — пылинку, пылинку — ничто.

Уж так-то он хрупок, что его может убить бактерия, которая, и в тысячу раз увеличенная, в поле нашего зрения — только точка...

Но это ничто — кровный брат морской волне, вихрю, молнии, солнцу и млечному пути. Эта пылинка — сестра колосу, траве, дубу, пальме — птенцу, львенку и жеребенку, щенку.

В ней есть то, что чувствует и исследует, страдает и устремляется — радуется, любит, надеется, ненавидит — верит и сомневается, приемлет и отвергает.

Эта пылинка охватывает мыслью все: звезды и океаны, горы и пропасти. И чем является содержание нашей души, как не вселенной — только взятой без протяжений?

Вот противоречие в человеческом существе: прах земной стал обителем Бога.

4. Ты говоришь: «Мой ребенок».

Нет, это ребенок общей матери и отца, дедов и прадедов.

Чье-то отдаленное «я», спавшее в веренице предков, — голос истлевшей, давно забытой гробницы вдруг заговорил в твоём ребенке.

Три сотни лет тому назад, в военное или в мирное время, кто-

то овладел кем-то (в калейдоскопе скрещивающихся рас, народов, классов) — с согласия или насильно, в минуту ужаса или любовной истомы — изменил или соблазнил. Никто не знает, кто и где, но Бог записал это в книгу судеб, а антрополог пытается разгадать по форме черепа и цвету волос.

Бывает, впечатлительный ребенок фантазирует, что он в доме родителей — подкидыш. Да: тот, кто породил его, умер столетия назад.

Ребенок — это пергамент, сплошь покрытый иероглифами, лишь часть которых ты сумеешь прочесть, а некоторые сможешь стереть или только перечеркнуть и вложить свое содержание.

Страшный закон? Нет, прекрасный. В каждом твоём ребенке он видит первое звено бессмертной цепи поколений. Поищи в своём чужом ребенке эту дремлющую свою частицу. Быть может, и разгадаешь, быть может, даже и разовьешь.

Ребенок и беспредельность.

Ребенок и вечность.

Ребенок — пылинка в пространстве.

Ребенок — момент во времени.

10. Хороший ребенок.

Надо остерегаться смешивать хороший с — удобным.

Мало плачет, ночью нас не будит, доверчив, спокоен — хороший.

А плохой капризен, кричит без явного к тому поводу, доставляет матери больше неприятных эмоций, чем приятных.

Ребенок может быть более или менее терпелив от рождения, независимо от самочувствия. С одного довольно единицы нездоровья, чтобы дать реакцию десяти единиц крика, а другой на десяток единиц недомогания реагирует одной единицей плача.

Один вял, движения ленивы, сосание замедленно, крик без острого напряжения, четкой эмоции.

Другой легко возбудим, движения живы, сон чуток, сосание яростно, крик вплоть до синюхи.

Зайдется, задохнется, надо приводить в чувство, порой с трудом возвращается к жизни. Я знаю: это болезнь, мы лечим от нее рыбьим жиром, фосфором и безмолочной диетой. Но болезнь эта позволяет младенцу вырасти человеком могучей воли, стихийного натиска, гениального ума. Наполеон в детстве заходился плачем.

Все современное воспитание направлено на то, чтобы ребенок был удобен, последовательно, шаг за шагом стремится усыпить, подавить, истребить все, что является волей и свободой ребенка, стойкостью его духа, силой его требований.

Вежлив, послушен, хорош, удобен, а и мысли нет о том, что будет внутренне безволен и жизненно немощен.

33. Когда я смотрю на младенца, как он открывает и закрывает коробочку, кладет в нее и вынимает камешек, встряхивает и прислушивается; когда годовалый ребенок тащит скамеечку, сгибаясь под ее тяжестью и пошатываясь; когда двухлетний, услышав, что

корова это «му-у», прибавляет от себя «ада-му-у-у», а «ада» — это имя их собаки, то есть делает архилогичные языковые ошибки, которые следует записывать и оглашать...

Когда среди разного хлама у ребенка постарше я вижу гвозди, веревочки, тряпочки, стеклышки, потому что это «пригодится» для осуществления сотни замыслов; когда дети пробуют, кто дальше «скакнет»; мастерят, возятся, затевают игру; спрашивают: «Когда я думаю о дереве, то у меня в голове маленькое дерево?»; дают нищему не двушку, чтобы видели и похвалили, а двадцать шесть грошей, все свое состояние, ведь он такой старый и бедный и скоро умрет...

Когда подросток, поплевав на ладонь, приглаживает волосы, потому что должна прийти подруга сестры; когда девушка пишет мне в письме, что «мир подлый, а люди звери», и умалчивает почему; когда юнец гордо бросает бунтарскую, но такую избитую, лежащую мысль — вызов...

О, я целую этих детей взглядом, мыслью и спрашиваю: вы, дивная тайна, что несете? Целую усилием воли: чем могу вам помочь? Целую их так, как астроном целует звезду, которая была, есть и будет. Этот поцелуй должен быть равно близок экстазу ученого и покорной молитве. Но не издевает его чар тот, кто в поисках свободы потерял в давке Бога.

37. Внимание! Или мы с вами сейчас договоримся, или навсегда разойдемся во мнениях! Каждую стремящуюся ускользнуть и притаиться мысль, каждое слоняющееся без призора чувство надлежит призвать к порядку и построить усилием воли в шеренгу!

Я взываю о Magna Charta Libertatis*, о правах ребенка. Быть может, их и больше, я же установил три основных:

1. Право ребенка на смерть.
2. Право ребенка на сегодняшний день.
3. Право ребенка быть тем, что он есть.

Надо ребенка знать, чтобы, предоставляя эти права, делать как можно меньше ошибок. А ошибки неизбежны. Но спокойно: исправлять их будет он сам — на удивление зоркий, — лишь бы мы не ослабили эту ценную способность, его защитную силу.

Мы дали слишком обильную или неподходящую пищу: чересчур много молока, несвежее яйцо — ребенка вырвало. Дали неудобоваримые сведения — не понял, неразумный совет — не усвоил, не послушался. Это не пустая фраза, когда я говорю: счастье для человечества, что мы не в силах подчинить детей нашим педагогическим влияниям и дидактическим покушениям на их здравый рассудок и здравую человеческую волю.

У меня еще не выкристаллизовалось понимание того, что первое, неоспоримое право ребенка — высказывать свои мысли, активно участвовать в наших рассуждениях о нем и приговорах. Когда мы дорастем до его уважения и доверия, когда он поверит нам и скажет, в чем его право, загадок и ошибок станет меньше.

40. Из страха, как бы смерть не отняла у нас ребенка, мы отнимаем ребенка у жизни; не желая, чтобы он умер, не даем ему жить.

Сами воспитанные в деморализующем пассивном ожидании того, что будет, мы непрерывно спешим в волшебное будущее. Ленивые, не хотим искать красоты в сегодняшнем дне, чтобы подготовить себя к достойной встрече завтрашнего утра: завтра само должно нести с собой вдохновение. И что такое это «хоть бы он уже ходил, говорил», что, как не истерия ожидания?

Ребенок будет ходить, будет обивать себе бока о твердые края дубовых стульев. Будет говорить, будет перемалывать языком сечку серых будней. Чем это сегодня ребенка хуже, менее ценно, чем завтра? Если речь идет о труде, сегодня — труднее.

А когда наконец это завтра настало, мы ждем новое завтра. Ибо в принципе наш взгляд на ребенка — что его как бы еще нет, он только еще будет, еще не знает, а только еще будет знать, еще не может, а только еще когда-то сможет — заставляет нас непрерывно ждать.

Половина человечества как бы не существует. Жизнь ее — шутка, стремления — наивны, чувства — мимолетны, взгляды — смешны. Да, дети отличаются от взрослых; в жизни ребенка чего-то недостает, а чего-то больше, чем в жизни взрослого, но эта их отличающаяся от нашей жизнь — действительность, а не фантазия. А что сделано нами, чтобы познать ребенка и создать условия, в которых он мог бы существовать и зреть?

Страх за жизнь ребенка соединен с боязнью увечья; боязнь увечья сцеплена с чистотой, залогом здоровья; тут полоса запретов перекидывается на новое колесо: чистота и сохранность платья, чулок, галстука, перчаток, башмаков. Дыра уже не во лбу, а на коленях брюк. Не здоровье и благо ребенка, а тщеславие наше и карман. Новый ряд приказов и запретов вызван нашим собственным удобством.

«Не бегай, попадешь под лошадь. Не бегай, вспотеешь. Не бегай, забрызгаешься. Не бегай, у меня голова болит».

(А ведь в принципе мы даем детям бегать: единственное, чем даем им жить.)

И вся эта чудовищная машина работает долгие годы, круша волю, подавляя энергию, пуская силы ребенка на ветер.

Ради завтра пренебрегают тем, что радует, печалит, удивляет, сердит, занимает ребенка сегодня. Ради завтра, которое ребенок не понимает и не испытывает потребности понять, расхищаются годы и годы жизни.

«Мал еще, помолчи немножко. — Время терпит. Погоди, вот вырастешь... — Ого, уже длинные штанишки. — Хо-хо! Да ты при часах. — Покажись-ка: у тебя уже усы растут!»

И ребенок думает:

«Я ничто. Чем-то могут быть только взрослые. А вот я уже ни что чуть постарше. А сколько мне еще лет ждать? Но погодите, дайте мне только вырасти...»

И он ждет — прозябает, ждет — задыхается, ждет — притаил-ся, ждет — глотает слюнки. Волшебное детство? Нет, просто скучное, а если и бывают в нем хорошие минуты, так отвоеванные, а чаще краденые.

Ни слова о всеобщем обучении, сельских школах, городах-парках, харцверсте*. Так все это было безнадежно далеко и потому несущественно. Книга, ее содержание зависят от того, какими категориями переживаний и опыта оперирует автор, каково было поле его деятельности и творческая лаборатория — какова была почва, вскормившая его мысль. Вот почему мы встречаем наивные суждения у авторитетов, и тем более иностранных.

50. Крестьянин, чей взор устремлен на небо и землю, — сам плод и продукт земли, — знает предел человеческой власти. Быстрая, ленивая, пугливая, норовистая лошадь, ноская курица, молочная корова, урожайная и неурожайная почва, дождливое лето, зима без снега — всюду встречает он что-то, что можно слегка изменить или изрядно подправить надзором, тяжким трудом, кнутом. А бывает, что и никак не сладишь.

У горожанина слишком высокое понятие о человеческой мощи. Картофель не уродился, но достать можно, надо только заплатить подороже. Зима — надевает шубу, дождь — калоши, засуха — поливают улицы, чтобы не было пыли. Все можно купить, всякому горю помочь. Ребенок бледен — врач, плохо учится — репетитор. А книжка, поясняя, что надо делать, создает иллюзию, что можно всего добиться.

Ну как тут поверить, что ребенок должен быть тем, что он есть, что, как говорят французы, экзематика* можно выбелить, но не вылечить?

Я хочу раскормить худого ребенка, я делаю это постепенно, осторожно, и — удалось: килограмм веса завоеван. Но достаточно небольшого недомогания, насморка, не вовремя данной груши, и пациент теряет эти с трудом добытые два фунта.

Летние колонии для детей бедняков. Солнце, лес, река; ребята впитывают веселье, доброту, приличные манеры. Вчера — маленький дикарь, сегодня он — симпатичный участник игр. Забит, пуглив, туп — через неделю смел, жив, полон инициативы и песен. Здесь перемена с часу на час, там с неделю на неделю; кое-где никакой. Это не чудо и не отсутствие чуда; есть только то, что было и ждало, а чего не было, того и нет.

Учу недоразвитого ребенка: два пальца, две пуговицы, две спички, две монеты — «два». Он уже считает до пяти. Но измени порядок слов, интонацию, жест — и опять не знает, не умеет.

Ребенок с пороком сердца: смирный, медлительные движения, речь, даже смех. Задыхается, каждое движение поживее для него — кашель, страдание, боль. Он должен быть таким.

Материнство облагораживает женщину, когда она отказывается, отрекается, жертвует; и деморализует, когда, прикрываясь мнимым благом ребенка, отдает его на растерзание своему тщеславию, вкусам и страстям.

Мой ребенок — это моя собственность, мой раб, моя комнатная собачка. Я щекочу его за ухом, глажу по спинке, нацепив бант, веду на прогулку, дрессирую, чтобы был смышлен и вежлив, а надоест мне:

«Иди поиграй. Иди позанимайся. Спать пора!»

Говорят, лечение истерии заключается в этом:

«Вы утверждаете, что вы петух? Ну и оставайтесь им, только не пойте».

— Ты вспыльчив, — говорю я мальчику. — Ладно, дерись, только не слишком больно, злись, но только раз в день.

Если хотите, в этой одной фразе я изложил весь педагогический метод, которым я пользуюсь.

51. Видишь этого мальчишку, как он носится, крича во все горло, и барахтается в песке? Он будет когда-нибудь знаменитым химиком и сделает открытия, которые принесут ему уважение, высокий пост, состояние. Да-да, вдруг между гулялкой и балом вертопрах одумается, запрется в своей лаборатории и выйдет ученым. Кто бы мог ожидать?

Видишь другого, как равнодушно следит сонным взглядом за игрой сверстников? Зевнул, встал, — может, подойдет к разыгравшейся ребятне? Нет, опять сел. И он станет знаменитым химиком и сделает открытия. Чудеса: кто бы мог предполагать?

Нет, ни маленький сорванец, ни соня не будут учеными. Один станет учителем физкультуры, а другой — почтовым служащим.

Это преходящая мода, ошибка, неразумие, что все невыдающееся кажется нам неудавшимся, малоценным. Мы болеем бессмертием. Кто не дорос до памятника на площади, хочет иметь хотя бы переулочек своего имени — дарственную запись на вечные времена. Если не четыре столбца посмертно, то хотя бы упоминание в тексте: «Принимал деятельное участие... Оставил сожаление о себе в широких общественных кругах».

Улицы, больницы, приюты носили когда-то имена святых патронов, и это имело смысл; позже — монархов, это было знамением времени; нынче — ученых и артистов, и в этом нет никакого смысла. Уже воздвигаются памятники идеям и безымянным героям — тем, у кого нет памятника.

Ребенок не лотерейный билет, на который должен пасть выигрыш в виде портрета в зале магистратуры или бюста в фойе театра. В каждом есть своя искра, которая может зажигать костры счастья и истины, и в каком-нибудь десятом поколении, быть может, заполыхает он пожаром гения и спалит род свой, одарив человечество светом нового солнца.

Ребенок не почва, вспаханная наследственностью под посев жизни; мы можем лишь содействовать росту того, что дает буйные побеги еще до первого его вздоха.

Известность нужна новым сортам табака и новым маркам вина, но не людям.

52. Стало быть, фатум наследственности, абсолютная предопределенность, банкротство медицины, педагогики? Фраза мечет молнии.

Я назвал ребенка сплошь исписанным пергаментом, уже засеянной землей? Отбросим сравнения, они вводят в заблуждение.

Существуют случаи, когда при современном уровне знаний мы бываем бессильны. Сегодня их меньше, чем вчера, но они существуют.

Существуют случаи, когда в современных условиях жизни мы бываем беспомощны. Этих несколько меньше.

Вот ребенок, которому самое горячее желание добра и самые упорные старания дадут мало.

А вот другой, которому дали бы много, да мешают условия. Одному деревня, горы, море дадут немного, другому и помогли бы, да мы не можем их ему предоставить.

Когда мы встречаем ребенка, гибнущего из-за недостатка ухода, воздуха и одежды, мы не виним родителей. Когда мы видим ребенка, которого калечат излишней заботой, перекармливают, перегревают, оберегая от мнимых опасностей, мы склонны винить мать, нам кажется, что беде легко помочь, было бы желание понять. Нет, нужно очень большое мужество, чтобы действием, а не бесплодной критикой оказать сопротивление нормам поведения, обязательного для данного класса или прослойки. Если там мать не может умыть ребенка и вытереть ему нос, здесь не может позволить ходить чумазым и в худых башмаках. Если там со слезами забирает из школы и отдает в учение к мастеру, здесь с равно мучительным чувством должна посылать в школу.

— Пропадает мой парнишка без школы, — говорит одна, отнимая книжку.

— Испортят мне моего ребенка в школе, — говорит другая, покупая новые полпуда учебников.

53. Для широких кругов общества наследственность является фактом, который заслоняет собой все встречающиеся исключения, для науки — это проблема, находящаяся в стадии изучения. Существует обширная литература, стремящаяся решить один лишь вопрос: рождается ли ребенок туберкулезных родителей уже больным, только с предрасположением или заражается после рождения? Принимали ли вы во внимание, когда думали о наследственности, следующие простые факты: что, кроме передачи по наследству болезней, существует передача по наследству крепкого здоровья, что братья и сестры не являются братьями и сестрами по полученным ими плюсам и минусам, запасам здоровья и его изъянам? Не принимали? А должны были и обязаны были принимать. Первого ребенка рожают здоровые родители; второй будет уже ребенком сифилитиков, если родители заболели этой болезнью; третий — ребенком сифилитиков-туберкулезников, если родители заразились еще и туберкулезом. В этом отношении эти

трое детей — чужие друг другу люди: не отягощенный тяжелой наследственностью, отягощенный, дважды отягощенный тяжелой наследственностью. И наоборот, больной отец вылечился, и из двоих детей этого отца первый ребенок — больного родителя, второй — здорового.

Потому ли ребенок нервный, что рожден нервными родителями, или потому, что воспитан ими? Где граница между невропатичностью и утонченностью психической конституции — наследственной одухотворенностью?

Рождает ли отец-гуляка расточителя-сына или заражает своим примером?

«Скажи мне, кто тебя породил, и я скажу, кто ты» — но не всегда.

«Скажи мне, кто тебя воспитал, и я скажу, кто ты» — и это не так.

Отчего у здоровых родителей бывает слабое потомство? Отчего в порядочной семье вырастает подлец? Отчего в заурядной семье появляется знаменитый потомок?

Кроме законов наследственности надо параллельно изучать воспитывающую среду, тогда, может быть, не одна загадка найдет свое разрешение.

Воспитывающей средой я называю тот дух, который царит в семье; отдельные члены семьи не могут занимать по отношению к нему произвольной позиции. Этот руководящий дух подчиняет и не терпит сопротивления.

54. Догматическая среда.

Традиция, авторитет, обряд, веление как абсолютный закон, необходимость как жизненный императив. Дисциплина, порядок и добросовестность. Серьезность, душевное равновесие и ясность, вытекающая из твердости, ощущения прочности и устойчивости, уверенности в себе, в своей правоте. Самоограничение, самопреодоление, труд как закон, высокая нравственность как навык. Благоразумие, доходящее до пассивности, одностороннего незамечания прав и правд, которых не передала традиция, не освятил авторитет, не закрепил механически шаблон поступков.

Если уверенность в себе не перейдет в своеволие, а простота в грубость, эта плодородная воспитывающая среда либо сломает чуждого ей духом ребенка, либо изваяет воистину прекрасного человека, который будет уважать суровых наставников, ибо они не тешили им, а вели тяжелым путем к ясно начертанной цели.

Неблагоприятные условия, ущемление физических потребностей не меняют духовного существа среды. Прилежание переходит в истовый труд, спокойствие — в отрешенность человека, ожесточившегося в стремлении устоять; иногда робость и смирение, всегда сознание своей правоты и надежда. И апатия, и энергия здесь не слабость, а сила, которую тщетно пытается одолеть чужая злая воля.

Догматом могут быть земля, костел, отчизна, добродетель и

грех; могут быть наука, общественно-политическая работа, богатство, борьба, а также Бог — Бог как герой, божок или кукла. Не во что, а как веришь.

55. Идейная среда.

Сила ее не в твердости духа, а в полете, порыве, движении. Здесь не работаешь, а радостно вершишь. Творишь сам, не дожидаясь. Нет повеления — есть добрая воля. Нет догм — есть проблемы. Нет благоразумия — есть жар души, энтузиазм. Сдерживающим началом здесь — отвращение к грязи, моральный эстетизм. Бывает, здесь временами ненавидят, но никогда не презируют. Терпимость тут не половинчатость убеждений, а уважение к человеческой мысли, радость, что свободная мысль парит на разных уровнях и в разных направлениях — сталкиваясь, снижая полет и взмывая — наполняет собой просторы. Отважный сам, ты жадно ловишь отзвуки чужих молотов и с любопытством ждешь завтрашнего дня, его новых восторгов, недоумений, знаний, заблуждений, борьбы, сомнений, утверждений и отрицаний.

Если догматическая среда способствует воспитанию пассивного ребенка, то идейная — хорошая почва под посев активных детей. Я полагаю, корни многих неприятных сюрпризов в том, что одному дают десять высеченных на камне заповедей, когда он хочет сам выжечь их жаром своего сердца в своей груди, а другого неволят искать истины, которые он должен получить готовыми. Этого можно и не увидеть, если подходить к ребенку с «Я из тебя сделаю человека», а не с пытливым: «Каким ты можешь быть, человек?»

56. Среда безмятежного потребления.

У меня есть столько, сколько надо, — а значит, мало, если я ремесленник или чиновник, или много, если я владелец обширных поместий. И я хочу быть тем, кто я есть, а значит, мастером, начальником станции, адвокатом, писателем. Работа для меня не служение чему-то, не место в жизни, не самоцель, а средство для обеспечения себе удобств, желательных условий.

Душевный покой, беззаботность, чувствительность, приветливость, доброта, трезвости сколько надо, самосознание, какое добывается без труда.

Нет у п о р с т в а ни в желании сохранить, продержаться, ни в стремлении достичь, найти.

Ребенок живет в атмосфере внутреннего благополучия и ленивой, консервативной привычки, снисходительности к современным течениям, среди привлекательной простоты. Здесь он может быть всем, чем хочет: сам — из книжек, бесед, встреч и жизненных впечатлений — ткет себе основу мировоззрения, сам выбирает путь.

Добавлю: взаимная любовь родителей. Редко ребенок чувствует ее отсутствие, когда ее нет, но жадно впитывает ее, когда она есть.

«Папа на маму сердится, мама с папой не разговаривает, мама

плакала, а папа как хлопнет дверью» — это туча, которая застилает небесную синеву и сковывает ледяной тишиной радостный гомон детской.

Я сказал во вступлении:

«Велеть кому-нибудь дать тебе, матери, готовые мысли — это поручить чужой женщине родить твое дитя».

Может, не один из вас подумал:

«А мужчина? Разве не чужая женщина рождает его ребенка?»

Нет: любимая, не чужая.

57. Среда внешнего лоска и карьеры.

Опять выступает упорство, но оно вызвано к жизни холодным расчетом, а не духовными потребностями. Ибо нет здесь места для полноты содержания, есть одна лукавая форма — искусная эксплуатация чуждых ценностей, приукрашивание зияющей пустоты. Лозунги, на которых можно заработать. Этикет, которому надо покоряться. Не достоинства, а ловкая самореклама. Жизнь не как труд и отдых, а вынюхивание и обхаживание. Ненасытное тщеславие, хищность, недовольство, высокомерие и раболепие, зависть, злоба, злорадство.

Здесь детей и не любят, и не воспитывают, здесь их только оценивают, теряют на них или зарабатывают, покупают и продают. Поклон, улыбка, пожатие руки — ясное дело, все подсчитано: и брак, и плодовитость. Добывают деньгами, повышением в чине, орденом, связями в высших сферах.

Если в подобной среде вырастает нечто положительное, это лишь видимость, лишь более искусная игра, точнее пригнанная маска. Однако и в среде распада и гангрены, в муках в душевном раздвоении вырастает иногда пресловутая «жемчужина в навозной куче». Такие случаи показывают, что наряду с общепризнанным законом о влиянии воспитания существует и другой — закон антитезы. Мы видим проявление этого закона, когда у скряги вырастает расточитель, у безбожника — человек богобоязненный, у труса — герой, чего нельзя односторонне объяснять одной «наследственностью».

58. В законе антитезы выступает сила противопоставления себя внушениям, исходящим из разных источников и осуществляемым разными способами. Это защитный механизм сопротивления и самообороны, в некотором роде инстинкт самосохранения духовного склада, чуткий, действующий автоматически.

Если морализаторство уже достаточно дискредитировано, то влияние примера, среды пользуется в воспитании полным доверием. Отчего тогда это влияние так часто подводит?

Спрашиваю: почему ребенок, услышав ругательное слово, старается его повторить вопреки запретам, а и уступив угрозам, хранить в памяти?

Где источник этой с виду злой воли, когда ребенок упорствует, хотя мог бы легко уступить?

— Надень пальто.

Нет, хочет идти без пальто.

— Надень розовое платье.

А ей как раз хочется голубое.

Не настаиваешь — послушается, станешь настаивать, просить или угрожать — заартачится и уступит лишь по принуждению.

Почему чаще всего в период созревания ребенка наше банальное: «да» сталкивается с его: «нет»? Не есть ли это одно из проявлений того глубокого противодействия соблазнам, которые сейчас идут изнутри, а могут прийти извне?

«Печальная ирония судьбы велит добродетели жаждать греха, а преступлению видеть непорочные сны» (Мирбо)*.

Преследуемая религия находит более горячий отклик. Стремление усыпить национальное самосознание успешнее его пробуждает. Я, может быть, смешал здесь факты из разных областей, но мне лично гипотеза о законе антитезы объясняет многие парадоксальные реакции на воспитательные воздействия — и удерживает от многочисленных слишком частых и энергичных попыток влиять даже в самом желательном направлении.

Дух, который царит в семье? Согласен. Но где дух эпохи? Остатков осталось у границ попорченной свободы; мы трусливо прятали от него ребенка. «Легенда молодой Польши» Бжозовского* не уберегла меня от узкого взгляда на жизнь.

64. Что представляет собой ребенок как отличная от нашей душевная организация? Каковы его особенности, потребности, каковы скрытые, не замеченные еще возможности? Что представляет собой эта половина человечества, живущая вместе с нами, рядом с нами в трагичном раздвоении? Мы возлагаем на нее бремя завтрашнего человека, не давая прав человека сегодняшнего.

Если поделить человечество на взрослых и детей, а жизнь — на детство и зрелость, то детей и детства в мире и в жизни много, очень много. Только, погруженные в свою борьбу и в свои заботы, мы их не замечаем, как не замечали раньше женщину, крестьянина, закабаленные классы и народы. Мы устроились так, чтобы дети нам как можно меньше мешали и как можно меньше догадывались, что мы на самом деле собой представляем и что мы на самом деле делаем.

В одном из парижских детдомов я видел два ряда перил у лестницы: высокие для взрослых, низкие для малышей. Этим да еще школьной партой и исчерпал себя гений изобретателя. Мало, очень мало! Взгляните на нищенские площадки для ребят со шерба-той кружкой на ржавой цепи у бассейна в магнатских парках столиц Европы.

Где дома и сады, мастерские и опытные поля — орудия труда и знания для детей, людей завтрашнего дня? Еще одно окно да тамбур, отделяющий класс от клозета, — архитектура дала лишь столько; клеенчатая лощадка и жестяная сабля — столько дала промышленность; яркие картинки да рукоделия на стенах — немно-

го; сказка? — не мы ее выдумали.

На наших глазах из наложницы возникла женщина-человек. Веками играла она насильно навязанную роль, воплощая тип, выработанный самовластием и эгоизмом мужчины, который не желал замечать женщину-труженицу, как не замечает и сейчас труженика-ребенка.

Ребенок еще не заговорил, он все еще слушает.

Ребенок — это сто масок, сто ролей способного актера. Иной с матерью, иной с отцом, с бабушкой, с дедушкой, иной со строгим и с ласковым педагогом, иной на кухне и среди ровесников, иной с богатыми и с бедными, иной в будничной и в праздничной одежде. Наивный и хитрый, покорный и надменный, кроткий и мстительный, благовоспитанный и шаловливый, он умеет так до поры до времени затаиться, так замкнуться в себе, что вводит нас в заблуждение и использует в своих целях.

В области инстинктов ему недостает лишь одного, вернее, он есть, только пока еще рассеянный, как бы туман эротических предчувствий.

В области чувств превосходит нас силой, ибо не отработано торможение.

В области интеллекта, по меньшей мере, равен нам, недостает лишь опыта.

Оттого так часто человек зрелый бывает ребенком, а ребенок — взрослым.

Вся же остальная разница в том, что ребенок на зарабатывает деньги и, будучи на содержании, вынужден подчиняться.

Детские дома теперь уже меньше похожи на казармы и монастыри — это почти больницы. Гигиена есть, зато нет у них улыбки и радости, неожиданности и шаловливости; они серьезные, если не суровы, только по-другому. Архитектура их еще не заметила; «детского стиля» нет. Взрослый фасад, взрослые пропорции, старческий хлад деталей. Французы говорят, что Наполеон колокол монастырского воспитания заменил барабаном — правильно; я добавлю, что над духом современного воспитания тяготеет фабричный гудок.

65. Ребенок неопытен.

Приведу пример, попытаюсь объяснить.

— Я скажу маме на ушко.

И, обнимая мать за шею, бормочет таинственно:

— Мамочка, спроси доктора, можно мне булочку (шоколадку, компот).

При этом поглядывает на доктора, кокетничая улыбкой, чтобы подкупить, вынудить позволение.

Старшие дети шепчут на ухо, младшие говорят обычным голосом...

Был момент, когда окружающие признали, что ребенок достаточно созрел для морали:

«Есть желания, которые нельзя высказывать. Эти желания бывают двойные: одни вовсе не следует иметь, а если уж они есть, их надо стыдиться; другие допустимы, но только среди своих».

Нехорошо приставать; нехорошо, съев конфетку, просить вторую. А иногда вообще нехорошо просить конфетку: надо ждать, когда сами дадут.

Нехорошо делать в штанишки, но нехорошо и говорить: «Хочу пись-пись», будут смеяться. Чтобы не смеялись, надо сказать на ухо.

Порой нехорошо вслух спрашивать:

— Почему у этого дяди нет волос?

Дядя засмеялся, и все засмеялись. Спросить можно, да только шепотом, на ухо.

Ребенок не сразу поймет, что цель говорения на ухо — чтобы тебя слышало лишь одно доверенное лицо; и ребенок говорит на ухо, но громко:

— Я хочу пись-пись, я хочу пирожное.

А если и тихо говорит, все равно не понимает. Зачем скрывать то, о чем все присутствующие и так от мамы узнают?

У чужих ничего не надо просить, почему тогда у доктора можно, да еще вслух?

— Почему у этой собачки такие длинные уши? — спрашивает ребенок тихим-претихим шепотом.

Опять смех. Можно было и вслух спросить, собачка не обидится. Но ведь нехорошо спрашивать, почему у этой девочки некрасивое платье? Ведь и платье не обидится?

Как объяснить ребенку, сколько здесь скверной фальши?

И как потом растолковать, отчего вообще нехорошо говорить на ухо?

68. Ребенок подражает взрослым.

Лишь подражая, ребенок учится говорить и осваивает большинство бытовых форм, создавая видимость, что сжился со средой взрослых, которых он не может постичь, которые чужды ему по духу и непонятны.

Самые грубые ошибки в наших суждениях о ребенке происходят именно потому, что истинные его мысли и чувства затеряны среди перенятых им у взрослых слов и форм, которыми он пользуется, вкладывая в них совершенно иное, свое содержание.

Будущее, любовь, родина, Бог, уважение, долг — все эти окаменевшие в словах понятия рождаются, живут, растут, меняются, крепнут, слабеют, являясь чем-то иным в каждый период жизни. Надо сделать над собой большое усилие, чтобы не смешать кучу песка, которую ребенок зовет горой, со снежной вершиной Альп. Кто вдумается в душу употребляемых людьми слов, у того сотрется разница между ребенком, юношей и взрослым, невеждой и мыслителем; перед ним предстанет человек интеллектуальный независимо от возраста, класса, уровня образования и культуры, существо, мыслящее в пределах большего или меньшего опыта. Люди разных убеждений (я говорю не о политических лозунгах, подчас насильно внедряемых) — это люди с разным опытом.

Ребенок не понимает будущего, не любит родителей, не дога-

дывается о родине, не постигает Бога, никого не уважает и не знает обязанностей. Говорит «когда вырасту», но не верит в это, зовет мать «самой-самой любимой», но не чувствует этого; родина его — сад или двор. Бог для него добрый дядюшка или надоеда-ворчун. Ребенок делает вид, что уважает, уступая силе, воплощенной для него в том, кто приказал и следит. Надо помнить, что приказать можно не только с помощью палки, но и просьбой и ласковым взглядом. Подчас ребенок угадывает будущее, но это лишь моменты, своего рода ясновидение.

Ребенок подражает? А что делает путешественник, которого мандарин пригласил принять участие в местном обряде или церемонии? Смотрит и старается не отличаться, не вызывать замешательства, схватывает суть и связь эпизодов, гордясь, что справился с ролью. Что делает человек несветский, попав на обед к знатым господам? Старается приспособиться. А конторщик в имении, чиновник в городе, офицер в полку? Не подражают ли они речью, движениями, улыбкой, манерой стричься и одеваться патрону?

Есть еще одна форма подражания: когда девочка, идя по грязи, приподнимает короткое платьице, это значит, что она взрослая. Когда мальчик подражает подписи учителя, он проверяет до известной степени свою пригодность для высокого поста. Эту форму подражания мы легко найдем и у взрослых.

69. Эгоцентризм детского мировоззрения — это тоже отсутствие опыта.

От эгоцентризма личного, когда его сознание является средоточием всех вещей и явлений, ребенок переходит к эгоцентризму семейному, более или менее длительному в зависимости от условий, в которых воспитывается ребенок; мы сами укореняем его в заблуждении, преувеличивая значение семьи и дома и указывая на мнимые и действительные опасности, угрожающие ему вне досягаемости нашей помощи и заботы.

— Оставайся у меня, — говорит тетя.

Ребенок со слезами на глазах льнет к матери и ни за что не остается.

— Он ко мне так привязан.

Ребенок с удивлением и испугом смотрит на чужих мам, которые ему даже не тети.

Но настает минута, когда он начинает спокойно сопоставлять то, что видит в других домах, с тем, что есть у него. Сначала ему хочется только такую же куклу, сад, канарейку, но у себя дома. Потом замечает, что бывают другие матери и отцы, тоже хорошие, а может, и лучше?

— Вот если бы она была моей мамой...

Ребенок городских задворков и деревенской избы приобретает соответствующий опыт раньше, познавая печаль, которую никто с ним не делит, радость, которая веселит лишь домашних, понимает, что день его именин — праздник лишь для него самого.

«А мой папа, а у нас, а моя мама» — это столько часто встречаю-

щаяся в детских спорах похвальба своими родителями скорее полемическая формула, а подчас и трагичная защита иллюзии, в которую хочешь верить, но начинаешь сомневаться.

— Погоди, вот я скажу папе...

— Очень я твоего папу боюсь.

И правда, папа мой страшен только для меня самого.

Эгоцентричным я назвал бы и взгляд ребенка на текущий момент — по отсутствию опыта ребенок живет одним настоящим. Отложенная на неделю игра перестает быть действительностью. Зима летом кажется небылицей. Оставляя пирожное на завтра, ребенок отрекается от него поневоле. Ребенку трудно понять, что испорченный предмет может стать не сразу негодным к употреблению, а лишь менее прочным, быстрее поддающимся износу. Рассказ о том, как мама была девочкой, — интересная сказка. С удивлением, граничащим с ужасом, смотрит ребенок на чуждого пришельца, который зовет его отца — товарища своих детских лет — по имени.

— Меня еще не было на свете...

А юношеский эгоцентризм: все на свете начинается с нас?

А партийный, классовый, национальный эгоцентризм? Многие ли дорастают до сознания места человека в человечестве и Вселенной? С каким трудом люди примирились с мыслью, что Земля вращается и является лишь планетой! А глубокое убеждение масс, вопреки всякой действительности, что в XX веке ужасы войны невозможны?

Да и наше отношение к детям — не проявление ли эгоцентризма взрослых?

Я не знал, что ребенок так крепко помнит и так терпеливо ждет. Многие наши ошибки происходят оттого, что мы имеем дело с детьми принуждения, рабства и крепостничества, исковерканными, обиженными и бунтующими; приходится с трудом догадываться, какие они на самом деле есть и какими могут быть.

70. Наблюдательность ребенка.

На экране кинематографа потрясающая драма. Вдруг раздается звонкий возглас ребенка:

— Ой, собачка...

Никто не заметил, а он заметил.

Подобные возгласы слышишь подчас в театре, в костеле, во время многих торжеств; они вызывают переполох среди ближних и улыбки в публике.

Не охватывая целого, не вдумываясь в непонятное содержание, ребенок, счастливый, приветствует знакомую, близкую деталь. Но ведь и мы радостно приветствуем в многочисленном чужом и стеснительном для нас обществе случайно встреченного знакомого...

Не будучи в состоянии жить бездейтельно, ребенок заберется в любой уголок, заглянет в каждую щель, съест и спросит; ему интересно все: и движущаяся точка — букашка, и блестящая бусинка, и услышанное слово или фраза. Как же похожи мы на детей в чужом городе, в необычной среде!..

Ребенок знает окружающих, их настроения, повадки, слабости, знает и, можно добавить, умело их использует. Угадывает расположение, чувствует лицемерие, схватывает на лету смешное. Читает по нашим лицам так, как крестьянин по небу, какую оно сулит погоду. Ведь и ребенок годами всматривается и изучает; в школах, и в интернатах; эта работа по вниканию в нас ведется у них коллективно, общими усилиями. Только мы не хотим замечать и, пока они не нарушат нам наш драгоценный покой, предпочитаем обольщаться, что — наивный — ребенок не знает, не понимает, легко дает себя обмануть видимости.

Иная точка зрения поставила бы перед нами дилемму: или открыто отречься от права на мнимое совершенство, или искоренить в себе то, что унижает нас в их глазах, делает посмешищем, обедняет.

97. А это правда?

Надо понять суть этого вопроса, который мы не любим и считаем лишним.

Если мама или учительница говорили, значит, это правда.

Ан нет! Ребенок уже убедился, что каждый человек обладает лишь частью знания, и, например, кучер знает о лошадях даже больше, чем папа. А потом ведь не всякий скажет, хотя и знает. Порой просто не хотят, иногда подгоняют правду под детский уровень, часто утаивают или сознательно искажают.

Кроме знания, есть также вера; один верит, а другой нет; бабушка верит в сны, а мама не верит. Кто прав?

Наконец, ложь-шутка и ложь-похвальба.

— Правда ли, что земля — шар?

Все говорят, что правда. Но если кто-нибудь один скажет, что неправда, останется тень сомнения.

— Вот вы были в Италии; правда это, что Италия как сапог?

Ребенок хочет знать, сам ли ты видел или знаешь от других — откуда ты это знаешь; хочет, чтобы ответы были короткие, уверенные, понятные, одинаковые, серьезные, честные.

Как термометр измеряет температуру?

Один говорит — ртуть, другой говорит — живое серебро (почему живое?), третий — что тела расширяются (а разве термометр — тело?), а четвертый — что после узнаешь.

Сказка про аиста обижает и сердит детей, как каждый шуточный ответ на серьезный вопрос, неважно, будь это «откуда берутся дети?» или «почему собака лает на кошку?».

«Не хотите, не помогайте, но зачем мешаєте, зачем насмехаетесь надо мной, что хочу знать?»

Ребенок, мстя товарищу, говорит:

— Я что-то знаю, но раз ты такой, я тебе не скажу.

Да, он в наказание не скажет, а вот взрослые за что ребенка наказывают?

Привожу еще несколько детских вопросов:

«Этого никто на свете не знает? Этого нельзя знать? А кто это

сказал? Все или только он один? А это всегда так? А это обязательно так должно быть?»

98. Можно?

Не позволяют, потому что грешно, нездорово, некрасиво, потому что он слишком мал, потому что не позволяют, и конец.

И тут не все ясно и просто. Подчас что-нибудь вредно, когда мама сердится, а подчас позволят и малышу, раз отец в хорошем настроении или гости.

— Почему запрещают, чем бы это им помешало?

К счастью, рекомендуемая теорией последовательность на практике неосуществима. Ну как вы хотите ввести ребенка в жизнь с убеждением, что все правильно, справедливо, разумно мотивировано и неизменно? Теоретизируя, мы забываем, что обязаны учить ребенка не только ценить правду, но и распознавать ложь, не только любить, но и ненавидеть, не только уважать, но и презирать, не только соглашаться, но и возмущаться, не только подчиняться, но и бунтовать.

Часто мы встречаем зрелых уже людей, которые возмущаются, когда достаточно пренебречь, и презирают, где следует проявить участие. В области негативных чувств мы самоучки; обучая азбуке жизни, взрослые учат нас лишь несколькими буквам, а остальные утаивают. Удивительно ли, что мы читаем неправильно?

Ребенок чувствует свою неволю, страдает из-за оков, тоскует по свободе, но ему ее не найти, потому что форма воспитания меняется, а содержание — запрет и принуждение — остается. Мы не можем изменить свою жизнь взрослых, так как мы воспитаны в рабстве, мы не можем дать ребенку свободу, пока сами мы в кандалах.

Если я выкину из воспитания все, что прежде времени отягощает мое дитя, оно встретит суровое осуждение и у ровесников, и у взрослых. Необходимость прокладывать новый путь, трудность пути против течения не явятся ли для него еще более тяжким бременем? Как мучительно расплачиваются в школьных интернатах вольные птицы сельских усадеб за эти несколько лет относительной свободы в поле, в конюшне и в людской...

Я писал эту книгу в полевом госпитале под грохот пушек, во время войны; одной терпимости было мало.

99. Почему девочка в нейтральном возрасте уже так сильно отличается от мальчика?

Обездоленная детством, она подвержена дополнительным ограничениям как женщина. Мальчик, лишенный прав как ребенок, обеими руками ухватился за привилегии пола и не выпускает их, не желая делиться с ровесницей.

«Мне можно, я могу, я мальчик».

Девочка в кругу мальчиков — незванный гость. Из десятирех всегда один спросит:

— А она зачем с нами?

Возникни спор — мальчики все уладят между собой, не заде-

вая самолюбия, не угрожая изгнанием; а для девочки у них в запасе резкое:

«Не нравится тебе — ну и иди к своим».

Общаясь охотнее с мальчиками, девочка становится подозрительной личностью в своем кругу.

«Не хочешь, ну и иди к своим мальчишкам».

Обида на презрение отвечает презрением: рефлекс самозащиты атакуемой гордости.

Лишь совершенно исключительная девочка не опускает руки, не принимает всерьез общего мнения, стоит выше толпы.

В чем выражается враждебность ребячьего общества к девочкам, которые упорно играют с мальчиками? Может, я не ошибаюсь, утверждая, что эта враждебность породила беспощадный жестокий закон:

«Девочка опозорена, если мальчик у нее увидит штанишки».

Этот закон в той форме, какую он принял среди детей, придуман не взрослыми.

Девочка не может свободно бегать — если она упадет, прежде чем успеет привести в порядок платье, она уже слышит злобный возглас:

«Ой, штаны!»

«Неправда» или вызывающе: «Ну, и что тут такого», — говорит она, вспыхнув, смущенная, приниженная.

Пусть она только попробует подраться, этот возглас сразу остановит ее и обезоружит.

Почему девочки менее ловкие и, значит, менее достойные уважения, не дерутся, зато обижаются, ссорятся, жалуются и плачут? А тут еще старшие требуют девочек уважать. С какой радостью дети о взрослом-то говорят:

«Очень мне надо его слушаться».

А девчонке он, мальчик, должен уступать, почему?

До тех пор пока мы не избавим девочек от «не пристало», корни которого в их одежде, тщетны усилия девочек стать товарищами мальчику. Мы решили задачу иначе: обрядили мальчика в длинные волосы и опутали равным количеством правил благопристойного поведения, и вот дети играют вместе; вместо мужественных дочерей мы удвоили число женоподобных сыновей.

Короткие платья; купальные костюмы, спортивная одежда; новые танцы — смелая попытка по-новому решить проблему. Сколько в законах моды кроется размышлений? Верю, что не по легкомыслию.

Нельзя критиковать и раздражаться; при рассмотрении так называемых щекотливых тем сохраним благоразумную осторожность.

*

Я не возобновил бы попытку рассмотреть все этапы развития детей в небольшой брошюре.

100. Ребенок, который сперва радостно скользит по поверхности жизни, не зная ее мрачных глубин, коварных течений, скрытых чудищ и затаившихся вражеских сил, доверчивый, очарованный, улыбаясь красочный новизне, вдруг пробуждается от голубого по-

лусна и с остановившимся взглядом, затаив дыхание, шепчет дрожащими губами в страхе:

— Что это, почему, зачем?

Пьяный еле держится на ногах, слепой нащупывает посохом дорогу, эпилептик падает на тротуар, вора ведут, лошадь подыхает, петуха режут.

— Почему? Зачем все это?

Отец говорит сердитым голосом, а мама плачет, плачет... Дядя поцеловал прислугу, та ему в ответ погрозила, и они улыбаются и смотрят друг другу в глаза. Говорят, возмущаясь, о ком-то, что он темная личность и кости ему надо поломать.

— Что это, почему?

Ребенок не смеет спрашивать.

Чувствует себя маленьким, одиноким и беспомощным перед лицом таинственных сил.

Он, который раньше царил и чьи желания были законом — вооруженный слезами и улыбками, богатый тем, что у него есть мама, папа и няня, — замечает, что он у них только для развлечения, что это он для них, а не они для него.

Чуткий, словно умная собака, словно королевич в неволе, он озирается вокруг и заглядывает в себя.

Взрослые что-то знают, что-то скрывают. Сами они не то, чем себя выставляют, и от него требуют, чтобы он был не тем, что он есть на самом деле. Хвалят правду, а сами лгут и ему велют лгать. По-одному говорят с детьми и совершенно по-другому — между собой. Они над детьми смеются!

У взрослых своя жизнь, и взрослые сердятся, когда дети захотят в нее заглянуть: желают, чтобы ребенок был легковверным, и радуются, если наивным вопросом выдаст, что не понимает.

Смерть, животные, деньги, правда, Бог, женщина, ум — во всем как бы фальшь, дрянная загадка, дурная тайна. Почему взрослые не хотят сказать, как это на самом деле?

И ребенок с сожалением вспоминает младенческие годы.

101. Второй период неуравновешенности, о котором я могу сказать определенно лишь то, что он существует, я назвал бы школьным. Название это — увливание, незнание, отступное, одна из многих этикеток, которые пускает в оборот наука, создавая видимость у профанов, что она знает, тогда как еле начинает догадываться.

Школьная неуравновешенность — не перелом на грани между младенчеством и первым детством и не период созревания.

Физически — это изменение к худшему во внешности, сне, аппетите, пониженная сопротивляемость болезням, проявление скрытых наследственных изъянов, плохое самочувствие.

Психически — это чувство одиночества, душевный разлад, враждебное отношение к окружающим, предрасположенность к моральным инфекциям, бунт врожденных склонностей против навязываемого воспитания.

«Что с ним случилось? Я его не узнаю» — вот характеристика, которую дает мать.

А иногда:

«Я думала, это капризы, сердилась, выговаривала ему, а он, видно, уже давно болен».

Для матери тесная связь замеченных физических и психических изменений неожиданна:

«А я это приписывала плохому влиянию товарищей».

Да, но отчего среди многих детей он выбрал плохих, отчего они так легко нашли отклик, оказали влияние?

Ребенок, с болью отрываясь от самых близких, слабо еще сросшись с ребячьим обществом, тем сильнее обижается, что ему не хотят помочь, что не с кем посоветоваться, не к кому приласкаться.

Когда встречаешь эти небольшие изменения в интернате со значительным числом ребят, когда из сотни ребят сегодня один, завтра другой «портится», делается вдруг ленивым, неуклюжим, сонным, капризным, раздражительным, недисциплинированным и лживым, чтобы через год опять выровняться, «исправиться», трудно сомневаться в том, что эти массовые перемены связаны с процессом роста, известное знание законов которого дают объективные и беспристрастные измерительные приборы: весы и ростомер.

Предчувствую минуту, когда весы, ростомер и, может быть, другие изобретенные человеческим гением приборы станут сейсмографом скрытых сил организма и позволят не только познать, но и предвидеть.

103. Положительный период — безмятежное затишье. Даже «нервные» дети делаются опять спокойными. Возвращается детская живость, свежесть, гармония жизненных функций. Есть и уважение к старшим, и послушание, и хорошие манеры; нет вызывающих тревогу вопросов, капризов и выходок. Родители опять довольны. Ребенок внешне усваивает мировоззрение семьи и среды; пользуясь относительной свободой, не требует больше того, что получает, и остерегается выявлять те из взглядов, про которые знает, что их плохо примут.

Школа с ее прочными традициями, шумной и яркой жизнью, распорядком, требовательностью и заботами, поражениями и победами и друг-книжка — вот содержание его жизни. Факты не оставляют времени на бесплодное копание.

Ребенок теперь уже знает. Знает, что не все на свете в порядке, что есть добро и зло, знание и незнание, справедливость и несправедливость, свобода и зависимость. Не понимает, так не понимает, какое ему в конце концов до этого дело? Он смиряется и плывет по течению.

Бог? Надо молиться, в сомнительных случаях к молитве добавить милостыню, так делают все. Грех? Придет раскаяние, и Бог простит.

Смерть? Надо плакать, траур носят, вспоминают со вздохом — все так делают.

Требуют, чтобы был примерным, веселым, наивным и благодарным родителям? Пожалуйста, к вашим услугам!

«С удовольствием, спасибо, простите, мамочка кланяется, желаю от всего сердца (а не от половинки)» — так это просто, легко, а приносит похвалу, обеспечивает покой.

Знает, когда, к кому, как и с какой обратиться просьбой, как половчее вывернуться из неприятного положения, как, кому и чем угодить, надо лишь взвесить, «стоит ли?».

Хорошее душевное самочувствие и физическое благополучие делают его снисходительным и склонным к уступкам: родители по существу добряки, мир вообще симпатяга, жизнь, опуская мелочи, прекрасна.

Этот этап, который может быть использован родителями для подготовки и себя и ребенка к ожидающим их новым задачам, — время наивного покоя и беспечного отдыха.

«Помогли мышьяк или железо, хорошая учительница, каток, пребывание на даче, исповедь, материнские наставления».

И родители и ребенок тешат себя иллюзией, что уже столквались, преодолели трудности, тогда как столь же важная, как и рост, но наименее покорная современному человеку функция размножения начнет вскоре трагично осложнять все еще дрящущую функцию развития индивида — смутит душу и пойдет в атаку на тело.

104. И опять лишь старание обойти правду, маленькое облегчение в понимании этой правды и опасность ошибиться, что постиг истину, когда она лишь еле вырисовывается.

И период неустойчивости и уравновешенности — не объяснение явления, а лишь его популярное название. Тайны разгаданные мы пишем как объективные математические формулы; другие же, перед которыми беспомощно остановились, пугают нас и сердят. Пожар, наводнение, град — катастрофы, но лишь с точки зрения наносимых убытков; мы организуем пожарную охрану, строим плотины, страхуем, оберегаем. К весне и к осени мы приспособились. С человеком же боремся безрезультатно, ибо, не зная его, не умеем согласовать наши жизни.

Сто дней ведут к весне. Еще нет ни единой былинки, ни единой почки, а в земле и в корнях уже чувствуется наказ весны, которая таится в укрытии, пульсируя, выжидая, крепчая под снегом, в нагих ветвях, в морозном вихре, чтобы вдруг вспыхнуть расцветом. Лишь поверхностное наблюдение видит непорядок в изменчивой мартовской погоде — там, в глубине, есть что-то, что логично с часу на час зреет, накапливается, строится в ряды; только мы не обособляем железного закона астрономического года от его случайных мимолетных скрещений с законами, менее известными или даже вовсе не известными.

Нет пограничных столбов между разными периодами жизни, это мы ставим их, так же как раскрасили в разные цвета карту мира, установив искусственные границы государств и меняя их

каждые несколько лет.

«Он из этого вырастет, это переходный возраст, это еще изменится» — и воспитатель ждет со снисходительной улыбкой, вывезет же счастливый случай!

Каждый исследователь любит свой труд за муки поисков и упование битвы, но добросовестный и ненавидит его — из страха перед ошибками, которыми он чреват, и лживостью результатов, к которым приводит.

Каждый ребенок переживает периоды стариковской усталости и бурлящей полноты жизненной деятельности; это не значит, что следует уступать и оберегать, но и не значит, что следует перебарывать и закалять. Сердце не поспевает за ростом, стало быть, дать ему покой или, может быть, побуждать к более живой деятельности, чтобы окрепло?

Эту проблему можно решить лишь для данного случая и момента; надо, однако, чтобы мы завоевали расположение ребенка, а он заслуживал доверия.

А прежде всего надо, чтобы знание знало.

105. Надо подвергнуть коренному пересмотру все то, что мы приписываем сегодня периоду созревания, с которым мы серьезно считаемся, и правильно, что считаемся, только не преувеличенно ли, не односторонне ли, а главное, дифференцируя ли обуславливающие его факторы? Не позволит ли знакомство с предыдущими этапами развития объективнее присмотреться к этому новому, но одному из многих, периоду детской неуравновешенности (который обладает общими с ними чертами), лишая его нездоровой, таинственной исключительности? Не обрядили ли мы (несколько искусственно) созревающую молодежь в мундир неуравновешенности и беспокойства, так же как детей — в мундир душевной ясности и беззаботности, и не поддалась ли она внушению? Не повлияла ли наша беспомощность на бурность процесса? Не слишком ли много о пробуждающейся жизни, заре, весне, порывах и мало фактических данных?

Что перевешивает: явление общего буйного роста или развития отдельных органов? Что зависит от изменений в кровеносной системе, сердце и сосудах и от недостаточного или качественно измененного окисления и питания тканей мозга и что от развития желёз?

Если некоторые явления сеют среди молодежи панику, больно рая и собирая богатую жатву жертв, ломая ряды и сокрушая, — это не потому, что так должно быть, а потому, что так бывает в теперешних социальных условиях, где все благоприятствует такому ходу вещей на этом отрезке жизненной орбиты.

Легко поддается панике усталый солдат; еще легче, когда с недоверием смотрит на начальство или подозревает измену; еще легче, когда, раздираемый беспокойством, не знает, где он, что перед ним, с боков и за ним; но легче всего, когда атака обрушивается неожиданно-негаданно. Одиночество благоприятствует па-

нике, сомкнутый строй, плечом к плечу, крепит спокойную отвагу.

Утомленная ростом, одинокая, блуждающая без разумного руководства в лабиринте жизненных проблем молодежь вдруг сталкивается с врагом, будучи слишком высокого мнения о его сокрушительной мощи, не зная, откуда он взялся и как укрыться и обороняться.

Еще один вопрос:

Не смешиваем ли мы патологии периода созревания с физиологией, не обоснован ли наш взгляд врачами, выдающими лишь *maturitas difficilis*, созревание трудное, ненормальное? Не повторяем ли мы ошибок столетней давности, когда все нежелательные явления у детей до трех лет приписывались прорезыванию зубов? Быть может, то, что осталось нынче от легенды про «зубки», останется через сто лет и от легенды о «половом созревании».

106. Исследования Фрейда* сексуальной жизни детей запятнали детство, но не очистили ли тем самым юность? Любимая иллюзия о непорочной чистоте ребенка рассеялась и помогла рассеяться другой, но уже мучительной иллюзии: вдруг «в нем проснется животное и утопит в клоаке». Я привел это ходовое выражение, чтобы тем сильнее подчеркнуть, как фаталистичен наш взгляд на эволюцию полового влечения, которое связано с жизнью, как и рост.

Нет, не позорное пятно — этот туман ощущений, которым лишь осознанная или безотчетная развращенность придает преждевременно определенную форму; не позорное пятно и то смутное «что-то», которое постепенно, в течение ряда лет, все более явно окрашивает чувства двух полов, чтобы с наступлением зрелости полового влечения и полной зрелости половых органов привести к зачатию нового существа, преемника ряда поколений.

Половая зрелость: организм готов без вреда для себя дать здорового потомка.

Зрелость полового влечения: четко оформившееся желание нормального совокупления с индивидом другого пола.

У юношей половая жизнь начинается иногда даже раньше, чем созревает влечение; у девушек осложняется в зависимости от замужества или изнасилования.

Трудная проблема, но тем неразумнее беспечность, когда дитя ничего не знает, и недовольство, когда о чем-то догадывается.

Не затем ли мы грубо отталкиваем его всякий раз, когда его вопрос вторгается в запретную область, чтобы не отважился обращаться к нам в будущем, когда начнет не только предчувствовать, но и чувствовать?

107. Любовь. Ее арендовало искусство, приделало крылья, а поверх них натянуло смирительную рубашку и попеременно преклоняло колени и давало в морду, сажало на трон и велело на перекрестке завлекать прохожих — совершало тысячи нелепостей

обожания и посрамления. А лысая наука, нацепив на нос очки, тогда признавала ее достойной внимания, когда могла изучать ее гнойники. Физиология любви имеет одностороннее назначение: «служить сохранению вида». Маловато! Бедновато! Астрономия знает больше, чем то, что солнце светит и греет.

И вышло, что любовь в общем грязна и сумасбродна и всегда подозрительна и смешна. Достойна уважения лишь привязанность, которая всегда приходит после совместного рождения законного ребенка.

Поэтому мы смеемся, когда шестилетний мальчуган отдает девочке половинку своего пирожного; смеемся, когда девочка вспыхивает в ответ на поклон соученика. Смеемся, подкараулив школьника, когда он любит «ее» фотографией; смеемся, что кинулась отворить дверь репетитору брата.

Но морщим лоб, когда он и она как-то слишком тихо играют или, борясь, повалились, запыхавшись, на пол. Но впадаем в гнев, когда любовь сына или дочки расстраивает наши планы.

Смеемся, ибо далека, хмуримся, ибо приближается, возмущаемся, когда опрокидывает расчеты. Раним детей насмешками и подозрениями, бесчестим чувство, не сулящее нам дохода.

Поэтому дети прячутся, но любят друг друга.

Он любит ее за то, что она не такая маменькина дочка, как все, веселая, не ссорится, носит распущенные волосы, что у нее нет отца, что какая-то такая славная.

Она любит его за то, что не такой, как все мальчишки, не хулиган, за то, что смешной, что у него светятся глаза, красивое имя, что какой-то такой славный.

Прячутся и любят друг друга.

Он любит ее за то, что похожа на ангела с картины в боковом крыле алтаря, что она чистая, а он нарочно ходил на одну улицу посмотреть на «такую» у ворот.

Она любит его за то, что согласился бы жениться при единственном условии: никогда не раздеваться в одной с ней комнате. Целовал бы ее два раза в год только в руку, а раз по-настоящему.

Испытывают все чувства любви, кроме одного, грубо заподозренного, что звучит в резком:

«Вместо того, чтобы романами заниматься, лучше бы ты...
Вместо того, чтобы забивать себе любовью голову, лучше бы ты...»

Почему выследили и травят?

Разве это плохо, что они влюблены? И даже не влюблены, а просто очень, очень любят друг друга? Даже больше, чем родителей? А быть может, это-то и грешно?

А случись кому умереть?.. Боже, но ведь я прошу здоровья для всех!

Любовь в период созревания не является чем-то новым. Одни влюбляются еще детьми, другие еще в детском возрасте издеваются над любовью.

— Она твоя милка? Она уже тебе показала?

И мальчик, желая убедить, что у него нет милки, подставляет

ей ногу или больно дергает за косу.

Выбивая из головы преждевременную любовь, не вбиваем ли мы тем самым преждевременный разврат?

108. Период созревания — словно все предшествующие не были постепенным созреванием, то медленный, то побыстрее. Приглядимся к кривой веса, и мы поймем усталость, неловкость движений, леность, полусонную задумчивость, воздушность, бледность, вялость, безволие, капризы и нерешительность, характерные для этого возраста, — скажем, большой «неуравновешенности» в отличие от прежних малых.

Рост — это работа, тягчайший труд организма, однако условия жизни не позволяют пожертвовать ему ни одним часом в школе, ни одним днем на фабрике. А как часто рост протекает почти как заболевание — преждевременный, слишком бурный, с отклонением от нормы?

Первая менструация для девочки — трагедия, ее выучили бояться вида крови. Развитие груди ее печалит, ее научили стыдиться своего пола, а грудь разоблачает, все увидят, что она девочка.

Мальчик, который физиологически переживает то же самое, психически реагирует иначе. Он с нетерпением ожидает первого пушка над губой, это ему сулит, предвещает многое, и если он и стыдится пускать петуха и жердеобразных рук, то потому, что еще не готов, должен ждать.

Вы замечали у обездоленных девочек зависть и неприязнь к привилегированным мальчикам? Да, раньше, когда ее наказывали, была хотя бы тень вины, а сейчас чем она виновата, что она не мальчик?

Девочки раньше формируются и радостно начинают демонстрировать это свое единственное преимущество.

«Я почти взрослая, а ты еще сопляк. Через три года я могу выйти замуж, а ты все еще будешь корпеть над книжкой».

Любимому товарищу детских игр посылается презрительная улыбка.

«Выйдешь замуж? Да кто тебя возьмет? А я и без женитьбы...»

Она раньше созревает для любви, он — для любовных похождения, она — для замужества, он — для трактира, она — для материнства, он — для совокупления с самкой «вроде тех мух», говорит Куприн, которые «слепились на секунду на подоконнике, а потом в каком-то глуповатом удивлении почесали лапками спину и разлетелись навеки»*.

Взаимное нерасположение двух полов приобретает теперь новый оттенок, чтобы вскоре вновь изменить облик — когда она прячется, он за ней охотится — и окончательно закрепиться во враждебном отношении к жене, которая ему обузой, лишает его привилегий, забирая их себе.

109. Давнишняя тайная неприязнь к окружающим взрослым

получает фатальную окраску.

Столь частое явление: ребенок провинился, разбил окно. Он должен чувствовать, что виноват. Когда справедливо ему выговариваешь, реже встречаешь раскаяние, чаще бунт — гневно нахмуренные брови, взгляд исподлобья. Ребенку хочется, чтобы воспитатель именно тогда проявил доброту, когда он виноват, когда он плохой, когда его постигло несчастье. Разбито стекло, пролиты чернила, порвано платье — все это результаты неудачных начинаний, которые затевались, может быть, даже несмотря на предупреждения. Ну а взрослые, просчитавшись и потеряв на сделке, как воспримут претензии, гнев и брань?

Эта неприязнь к суровым, беспощадным господам существует и тогда, когда ребенок считает взрослых высшими существами.

«Ага, значит, это так, значит, вот она, ваша тайна, значит, вы скрывали, и ведь есть чего вам стыдиться».

Ребенок слышал и раньше, но не верил, сомневался, его это не касалось. Теперь он желает твердо знать, и у него есть у кого узнать, эти сведения ему нужны для борьбы с ними, взрослыми, наконец, он чувствует, что и сам уже замешан в это дело. Раньше было так: «Это я не знаю, а то знаю наверняка», а теперь ему все ясно.

«Значит, можно и хотеть, да не иметь детей, значит, и у девушки может быть ребенок, значит, можно не рожать, если не хочешь, значит, за деньги, значит, болезни, значит, все?!»

А они живут, и ничего, они между собой не стыдятся.

Их улыбки и взгляды, запреты и опасения, смущение и недоумки, все, ранее неясное, становится теперь понятным и потрясающе выразительным.

«Ладно, ладно, сочтемся».

Учительница польского языка глаз не сводит с математика.

«Поди сюда, а тебе что-то скажу на ухо».

И смех злобного торжества, и подглядывание в замочную скважину, и изображение сердца, пронзенного стрелой, на промокашке или классной доске.

Старушка вырядилась. Старикан заигрывает. Дядя берет за подбородок и говорит: «Э-э, еще молодо-зелено...»

Нет, уже не молодо-зелено, а «Я знаю».

Они, взрослые, еще притворяются, еще пытаются лгать, — значит, преследовать, разоблачать обманщиков, мстить за годы рабства, за краденое доверие, за вынужденные ласки, за выманенные признания, принудительное уважение.

Уважать?! Нет, презирать, насмехаться и помнить. Борются с ненавистной зависимостью.

«Я не ребенок. Что думаю — мое дело. Не надо было меня рожать. Завидуешь мне, мама? Взрослые тоже не такие уж святые».

Или прикидываться, что не знаешь, пользоваться тем, что прямо сказать они не посмеют, и лишь насмешливым взглядом, полуулыбкой говорить: «Знаю», когда уста произносят: «Я не знаю, что в этом плохого, я не знаю, что вы от меня хотите».

110. Следует помнить, что ребенок недисциплинирован и зол не потому, что он «знает», а потому, что страдает. Мирное благополучие снисходительно, а раздражительная усталость агрессивна и мелочна.

Было бы ошибкой считать, что понять — это значит избежать трудностей. Сколько раз воспитатель, сочувствуя, должен подавлять в себе доброе чувство; должен обуздывать детские выходки ради поддержания дисциплины, чуждой его духу. Большая научная подготовка, опыт, душевное равновесие подвергаются здесь тяжкому испытанию.

«Я понимаю и прощаю, но люди, мир не простят».

«На улице ты должен вести себя прилично — умерять слишком бурные проявления веселья, не давать воли гневу, воздерживаться от замечаний и осуждения, оказывать уважение старшим».

Даже при наличии доброй воли и стараний понять бывает трудно, тяжело; а всегда ли встречает ребенок в отчем доме беспристрастное отношение?

Его 16 лет — это родительских сорок с лишним, возраст печальных размышлений, подчас последний протест собственной жизни, минуты, когда баланс прошлого показывает яркую недостачу.

— Что я имею в жизни? — говорит ребенок.

— А я что имела?

Предчувствие говорит нам, что и он не выиграет в лотерею жизни, но мы уже проиграли, а у него есть надежда, и ради этой призрачной надежды он рвется в будущее, не замечая — равнодушный, — что нас хоронит.

Помните, когда вас разбудил рано утром лепет ребенка? Тогда вы заплатили себе за труды поцелуем. Да, да, за пряник мы получили сокровища признательной улыбки. Пинетки, чепчик, слюнявчик — так все это было дешево, мило, ново, забавно. А теперь все дорого, быстро рвется, а взамен ничего, даже доброго слова не скажет... А сколько сносит подметок в погоне за идеалом и как быстро вырастает из одежды, не желая носить на рост!

— На тебе на мелкие расходы...

Ему надо развлечься, есть у него и свои небольшие потребности. Но принимает сухо, принужденно, словно милостыню от врага.

Горе ребенка отзывается на родителях, страдания родителей необдуманно бьют по ребенку. Раз конфликт так силен, насколько он был бы сильнее, если бы ребенок, вопреки нашей воле, сам, своим одиночным усилием, не подготовил себя исподволь к тому, что мы не всемогущи, не всеведущи и не совершенны.

111. Если внимательно взглядеться не в собирательную душу детей этого века, а в ее составные части, не в массы, а в индивиды, мы опять видим две прямо противоположные душевные организации.

Мы находим того, кто тихо плакал в колыбели, нескоро стал сам приподниматься, без протеста расставался с пирожным, смотрел издали на игры сбившихся в круг ребят, а теперь изливает свои бунт и боль в слезах, которые ночью никто не видит.

Мы находим того, кто кричал до синюхи, ни на минуту его нельзя было оставить со спокойной душой одного, вырывал у сверстника мяч, командовал: «Ну, кто играет? Возьмитесь за руки, быстро», — а теперь навязывает свою программу бунта и активное беспокойство сверстникам и всему обществу.

Я усиленно искал объяснение мучительной загадке: отчего и среди молодежи, и взрослых так часто честная мысль должна скрываться и убеждать вполголоса, а спесь задает шик и криклива? И почему доброта — синоним глупости или бессилия? Как часто толковый общественный деятель и честный политик, сами не зная почему идя на попятную, нашли бы объяснение этому в словах Елленты*:

«Я недостаточно дерзок на язык, чтобы отвечать на их остроты и ехидства, и говорить, рассуждать с теми, у кого на все готов наглый ответ альфонса, не умею».

Что делать, чтобы в соках, движущихся в собирательном организме, присутствовали на равных правах активные и пассивные личности, свободно циркулировали элементы всех воспитывающих сред?

«Я этого не прошу. Уж я знаю, что я сделаю. Хватит с меня всего этого», — говорит активный бунт.

«Брось. Ну зачем тебе это? Может, тебе это только кажется».

Эти простые слова, выражение честного колебания или просто-душного смирения, действуют успокоительно, обладая большей силой убеждения, чем искусная фразеология тирании, которую выработываем мы, взрослые, желая закабалить детей. Сверстника не стыдно послушаться, но дать себя убедить взрослому, а уж тем более растрогать — это дать себя провести, обмануть, расписаться в своем ничтожестве; к сожалению, дети правы, не доверяя нам.

Но как, повторяю, защитить раздумье от алчного честолюбия; спокойное рассуждение от крикливого аргумента; как научить отличать «идею» от «внешнего лоска и карьеры»; как оградить догмат от издевательства, а молодую идею от многоопытной предательской демагогии?

Ребенок, шагнув вперед, вступает в жизнь — не в половую жизнь! — он созревает, но не в одном половом отношении.

Если ты понимаешь, что никакого вопроса тебе не решить самому, без их участия; если ты им выскажешь все, что тут сказано, а после окончания собрания услышишь:

«Ну, пассивные, пошли домой! — Не будь такой активный, а то схлопочешь. — Эй, ты, догматическая среда, ты мою шапку взял...» — не думай, что они над тобой насмеются, не говори: не стоит.

112. Мечты.

Игру в Робинзона сменили мечты о путешествии, игру в раз-

бойники — мечты о приключении.

Опять жизнь не удовлетворяет, мечта — это бегство от жизни. Нет пищи для размышлений — появляется их поэтическая форма. В мечте находят выход скопившиеся чувства. Мечты — это программа жизни. Умей мы их расшифровывать, мы увидели бы, что мечты сбываются.

Если мальчик из простонародья мечтает стать врачом, а становится санитаром в больнице, он выполнил свою программу жизни. Если мечтает о богатстве, а умирает на соломе — это только внешнее крушение мечты: он мечтал не о труде стяжания, а о наслаждении мотовства; мечтал пить шампанское, а хлестал сивуху, мечтал о салонах, а гулял в кабаке, хотел швырять на ветер золото, а бросал медяки. Мечтал стать ксендзом, а стал учителем; нет, всего-навсего дворником; но и как воспитатель он стал ксендзом, и как дворник он стал ксендзом.

Девочка видела себя в мечтах грозной царицей; а разве не тиранит она мужа и детей, выйдя за мелкого чиновника? Видела себя любимой королевой; а разве не царит она в сельской школе? Видела себя славной королевой; а разве не приобрела она известность как необыкновенная, исключительная портниха или бухгалтер?

Что влечет молодежь к богеме? Одних — развязность, других — экзотика, третьих — напористость, честолюбие, карьера; и только этот, один-единственный, любит искусство, он один в этом артистическом мире на самом деле художник и не предаст искусства; и умер он в нищете и безвестности, но ведь и мечтал он не о злате и почестях, а о победе. Прочитайте «Творчество» Золя; жизнь куда более логична, чем мы думаем.

Она мечтала о монастыре, а очутилась в доме терпимости; но и там оставалась сестрой милосердия, которая в неприемные часы ухаживает за больными товарками по недоле, утоляя их печаль и страдание. Другую влекло к веселью, и она полна им в приюте для больных раком — даже умирающий улыбается, слушая ее болтовню и следя угасающим взглядом за светлым личиком...

Нищета.

Ученый о ней думает, изучая, предлагая проекты, выдвигая теории и гипотезы; а юноша мечтает, что он строит больницы и раздаёт милостыню.

В детских мечтах есть Эрос, но до поры до времени нет Венеры. Односторонняя формула, что любовь — это эгоизм вида, пагубна. Дети любят людей одного с ними пола, любят стариков и тех, кого они и в глаза не видели, даже кого вообще нет на свете. Даже испытывая половое влечение, дети долго любят идеал, а не тело.

Потребность борьбы, тишины и шума, труда и жертв; стремление обладать, потреблять, искать; амбиция, пассивное подражательство — все это находит выражение в мечте независимо от ее формы.

Жизнь воплощает мечты, из сотен юношеских мечтаний лепит одну статую действительности.

113. Первая стадия периода созревания. Знаю, но еще сам не чувствую, чувствую, но сам еще этому не верю, осуждаю то, что делает с другими природа; страдаю, ибо нет уверенности, что сам избежу этого. Но я невинен; презираю их, опасаясь за себя.

Вторая стадия: во сне, в полусне, в мечтах, в момент возбуждения игрой, несмотря на внутренний протест, отвращение и голос совести, все чаще и четче прорезывается чувство, которое к мучительному конфликту с внешним миром добавляет тяжесть конфликта с самим собой. Гонишь мысль, а она пронизывает тебя, как предвестник болезни — первый озноб. Существует инкубационный период сексуальных ощущений, которые сначала удивляют и пугают, а затем вызывают ужас и отчаяние.

Эпидемия разговоров шепотом по секрету и хихиканья угасает, будоражащие пикантности теряют прелесть, — ребенок вступает в период взаимных признаний; крепнет дружба — прекрасная дружба заблудившихся в чаще жизни сирот, которые клянутся друг другу, что не покинут, не оставят, не расстанутся.

Ребенок, сам несчастный, уже не встречает с тревогой и угрюмым удивлением, заученной фразой чужое несчастье, страдание и лишение, а горячо им сочувствует. Слишком занятый и озабоченный собой, не может долго плакаться о других, но он найдет время для слезы о соблазненной и покинутой девушке, побитом ребенке, узнике в кандалах.

Каждый новый лозунг, идея находят в нем внимательного слушателя и горячего сторонника. Книги он не читает, а глотает и молит Бога о чуде. Детский Боженька — сказка, потом — Бог, виновник всех бед, первоисточник несчастий и преступлений, тот, кто может и не хочет, — становится для него Богом великой тайны, Богом-всепрошением, Богом-разумом превыше человеческой мысли, Богом-пристанью во время бури.

Раньше: «Если взрослые заставляют молиться, значит, и молитва — вранье; если критикуют приятеля, видно, он-то и укажет мне путь», ибо как можно им верить? Теперь все иначе: враждебная неприязнь уступает место состраданию. Определения «свинство» недостаточно: здесь кроется что-то бесконечно более сложное. Но что? Книга только на первый взгляд, на минуту рассеивает сомнения, а ровесник сам слаб и беспомощен. Бывает момент, когда можно вновь обрести ребенка — он ждет, он хочет тебя выслушать.

Что ему сказать? Только не про то, как оплодотворяются цветы и размножаются гиппопотамы и что онанизм вреден. Ребенок чувствует, что тут дело в чем-то значительно более важном, чем чистота пальцев и простыни, тут решается судьба его духовной основы — ответственности перед жизнью в целом.

Ах, снова стать невинным ребенком, который верит и доверяет, не размышляя!

Ах, стать наконец взрослым, убежать от переходного возраста и быть таким, как они, как все.

Монастырь, тишина, благочестивые размышления.

Нет, слава, героические подвиги.
Путешествия, смена впечатлений.
Танцы, игры, море, горы.

Лучше умереть; к чему жить, к чему мучиться.

Воспитатель в зависимости от того, что он приготовил к этой минуте за те годы, когда он внимательно приглядывался к ребенку, может наметить ему план действий — как познать себя, как побеждать себя, какие приложить усилия, как искать свой путь в жизни.

114. Буйное своеволие, пустой смех, веселье юности.

Да, радость, что всем скопом, торжество во сне снившейся победы, взрыв неискушенной веры в то, что наперекор действительности мы переведем мир.

Сколько нас, сколько юных лиц, сжатых кулаков, сколько здоровых клыков, не поддадимся!

Рюмка или кружка рассеивает оставшиеся сомнения.

Смерть старому миру, за новую жизнь, ура!

Не замечают того, чей насмешливый прищур глаз говорит: «дурачье», не видят другого, в чьем печальном взгляде читаешь: «несчастные», не видят и третьего, который, пользуясь моментом, хочет положить чему-то начало, принести клятву, дабы благородное возбуждение не потонуло в оргии, не расплескалось в бессодержательных возгласах.

Часто массовое веселье мы считаем избытком энергии, тогда как это лишь проявление раздраженной усталости, которая на какой-то момент, не чувствуя преград, приходит в обманчивое возбуждение. Вспомни веселье ребенка в железнодорожном вагоне, когда ребенок, не зная, как долго будет ехать и куда, вроде бы и довольный новыми впечатлениями, капризничает от их избытка и ожидания того, что наступит, и веселый смех кончается горькими слезами.

Объясни, почему присутствие взрослых «испортит игру», стесняет, вносит принужденность...

Празднество, помпезность, у всех приподнятое настроение, взрослые так умело взволнованы, так вчувствовались в роль. А два таких переглянулись и задыхаются, помирают со смеху, аж слезы текут от старания не прыснуть, и не могут удержаться от каверзного желанья подтолкнуть локтем, шепнуть язвительное словечко, приближая опасность скандала.

«Только, чур, не смеяться. Только ты не смотри на меня. Только меня не смей».

А после праздника:

«А какой у нее был красивый нос! А у него галстук перекошил ся. Покажи: у тебя это так хорошо выходит».

И бесконечное повествование о том, как это было смешно.

И еще одно:

«Они думают, мне весело. И пускай себе думают. Еще одно доказательство, что нас не понимают...»

Вдохновенный труд юности. Какие-нибудь приготовления,

огромные усилия, действия с ясно очерченной целью, когда нужны проворство рук и изобретательный ум. Здесь молодежь в своей стихии, здесь увидишь ты здоровое веселье и ясное возбуждение.

Планировать, принять решение, выложить всего себя и выполнить, а затем смеяться над неудачными попытками и преодоленными трудностями.

115. Юность благородна.

Если вы зовете это отвагой, когда ребенок не боится высунуться из окна пятого этажа; если вы зовете это добротой, когда ребенок подает хромоту нищему золотые часы, которые мама оставила на столе; если вы зовете преступлением, что ребенок кинул в брата ножом и выбил глаз, — хорошо, я согласен: молодежь благородна, не имея опыта в таких областях — широчайших, широкой в полчеловеческой жизни, — как работа по найму, социальная иерархия и законы общества.

Люди неопытные считают, что можно проявлять дружелюбие или неприязнь, уважение или презрение в зависимости от испытываемых чувств.

Люди неопытные считают, что можно добровольно завязывать и порывать отношения, мириться или не считаться с общепринятыми формами, соблюдать или нарушать правила общежития.

«А мне начхать, плевать, какое мне дело, и пусть себе говорят, не хочу — и баста, а мне-то что?»

Еле дух перевел, хоть отчасти вырвался из-под родительской власти, ан глядь, новые пути, эхма!

Потому, что кто-то богат или сиятелен, потому, что где-то кто-то может что-то подумать или сказать?

Кто из нас учит молодежь, какие компромиссы — жизненная необходимость, а какие можно избежать и какой ценой? Какие заставляют страдать, но не марают душу, и какие развращают? Кто указывает границы, в которых лицемерие — приличие (вроде неплевания на пол и невытирания носа о скатерть), а не преступление?

Мы говорили ребенку: люди будут смеяться.

Надо теперь добавить: и заморят голодом.

Вы говорите: идеализм молодежи. Иллюзия, что всегда можно убедить и исправить.

А что вы делаете с этим благородством? Вырываете его у своих детей с корнем, отираясь сладострастно об идеализм, веселье, свободу безымянной «молодежи», как прежде о невинность, обаяние, любовь своих детей. И создается иллюзия, что идеал такая же возрастная болезнь, как свинка или ветряная оспа — этакая невинная обязанность, вроде посещения картинной галереи во время свадебного путешествия.

«И я был фарисом*. Я видел Рубенса».

Благородство не может быть утренней мглой, оно сноп лучей. Если нас на это еще не хватает, давайте пока воспитывать просто честных людей.

116. Счастлив автор, который, кончая свой труд, сознает, что сказал в нем то, что знал, вычитал и оценил согласно принятым образцам. Сдавая такой труд в печать, он испытывает чувство спокойного удовлетворения, что дал жизнь зрелому жизнеспособному ребенку. А бывает и иначе: автор не видит читателя, который требует от него рядовых знаний с готовыми рецептами и указанием способа их применения. Творческий процесс здесь иной: вслушивание в собственные, неуставленные, недоказанные, внезапно рождающиеся мысли. Окончание труда здесь — холодный итог, мучительное пробуждение. Каждая глава взирает с упреком: «Покинул, прежде чем закончил!» Последняя мысль в книге не завершает целого, а удивляет: «Как, уже? И больше ничего?»

Стало быть, дополнить? Это значило бы еще раз начать, отбросив то, что уже знаю, столкнуться с новыми проблемами, о которых лишь догадываюсь; написать новую книгу, равно не законченную.

ИНТЕРНАТ

1. Я желаю написать книгу о городском интернате, где под наблюдением небольшого числа воспитателей, в собственном здании, при немногочисленном техперсонале воспитывается сто человек сирот — мальчиков и девочек школьного возраста.

Эта тема не может похвастать богатой литературой. Обычно встречаются или труды исключительно по гигиене, или страстная критика самого принципа массового воспитания детей.

В роли воспитателя я узнала яркие и мрачные тайны интерната — спальни, умывалки, зала, столовой, двора, уборной. Я знаю детей в будничном домашнем платье, а не в парадной школьной форме.

Эта книга может заинтересовать не только воспитателя тюрьмы-казармы, какой является интернат, но и тюрьмы с одиночками, какими для современных детей являются семьи.

Как в интернате, так и в семье детей истязают; более энергичные пытаются обмануть надзор, вырваться из-под неусыпного контроля — упорно и безнадежно борются за свои права.

Боюсь, читатель захочет мне слепо поверить, тогда эта книга принесет ему вред. Поэтому предупреждаю: путь, который я избрал, стремясь к своей цели, ни самый короткий, ни самый удобный, но для меня самый лучший, раз это мой — собственный — путь. Я нашел его не без труда, не без мук и лишь когда понял, что все прочитанные книги — чужой опыт и чужие мнения — лгали.

Издатели печатают подчас золотые мысли великих людей; насколько было бы полезнее составить свод ложных высказываний классиков правды и знания. Руссо начинает своего «Эмиля» фразой, которую опровергает вся современная наука о наследственности*.

2. Книга эта должна быть как можно короче, потому что я предназначаю ее в первую очередь моему юному товарищу, который попал в круговорот труднейших педагогических проблем, сложнейших жизненных обстоятельств и, ошеломленный и огорченный, взывает о помощи.

У бедняги нет времени на учебу. Ночью его два раза будили: у ребенка болел зуб, ребенок заплакал — пришлось утешать и лечить. Едва воспитатель уснул, будит второй; этому приснился страшный сон: мертвецы, разбойники... хотели убить, бросили в реку; воспитатель опять успокаивает, убаюкивает...

Человек сонный не может читать на ночь толстых педагогических трудов, у него слипаются глаза, а если он не выспится, то станет раздражаться, выходить из себя и не сможет проводить в жизнь спасательные идеи ученой книги. Я буду краток, чтобы не лишать воспитателя его ночного отдыха.

3. Днем у него нет времени на учебу. Только он сел за книжку, подходит ребенок с жалобой, что он писал, сосед его подтолкнул и вышла клякса и теперь он не знает, то ли начать все сначала, то ли оставить так, то ли вырвать страницу. Другой ребенок хромает: в башмаке гвоздь, не может ходить. Третий спрашивает, можно ли взять домино. Четвертый просит ключ от шкафа. Пятый подает носовой платок: «Нашел вот, а чей — не знаю». Шестой дает на хранение четыре гроша, которые получил от тетки. Седьмой прибегает за платком: «Это мой платок, я его только на минутку положил на окно, а он уже взял!»

Там, в углу, маленький недотёпушка играет ножницами — насорит, порежется — кто ему их дал? Посредине комнаты горячей спор, готовый перейти в драку, — надо вмешаться. Тот, у кого ночью болел зуб, носится теперь как угорелый и, того и гляди, опять кого-нибудь подтолкнет или опрокинет чернила, а к ночи снова, может быть, у него разболится зуб.

Воспитатель должен очень захотеть, чтобы одолеть хотя бы маленькую книжку.

4. Но он не очень хочет, потому что не верит.

Автор с помощью многочисленных цитат докажет свою ученость. Еще раз повторит то, что общеизвестно. Все те же благочестивые пожелания, согревающая душу ложь, невыполнимые советы: «Воспитатель обязан... обязан... обязан...» А в конечном счете, во всех мелких и важных делах воспитатель вынужден поступать как знает и как умеет, а главное — как может.

— Это хорошо в теории, — печально утешает себя воспитатель.

И испытывает неприязнь к автору за то, что тот, сидя в тишине, за удобным письменным столом, диктует предписания, не обязанный сам непосредственно соприкоснуться с подвижной, крикливой, надоедливой, непослушной оравой, рабом которой становится каждый, кто не хочет быть ее тираном, и из которой то один, то

другой так основательно отравляют тебе изо дня в день жизнь, что с трудом скрашивают остальные.

К чему дразнить его миражем глубоких знаний, серьезных задач, высоких идеалов, когда он есть и должен остаться педагогической золушкой, батраком?

5. Он чувствует, что утрачивает энтузиазм, который возникал в нем самопроизвольно, независимо от чьих-либо приказов. Раньше его тешила мысль, что вот, мол, он организует игру, приготовит детям сюрприз. Он желал внести новую радостную струю в серую однообразную жизнь интерната. А теперь доволен, если отметит у себя «все по-старому». Если никого не рвало, не били стеклом и сам он не получил нагоняя, значит, день прошел хорошо.

Он утрачивает энергию: на мелкие проступки смотрит сквозь пальцы, старается меньше замечать, меньше знать — только самое необходимое.

Утрачивает инициативу: раньше, когда он получал конфеты, игрушки, у него сразу уже был план, как их лучше всего использовать. Теперь он быстро раздаст лакомства: пускай уж поскорее съедят, а то опять не оберешься ссор, жалоб, претензий. Новая мебель или вещь — значит, опять надо смотреть, следить, как бы не сломали, не испортили. Какие-нибудь цветы на окно, картинка на стену — сколько всего можно сделать, а он не знает, не хочет или не может. И просто уже не замечает.

Теряет веру в себя. Раньше дня не пройдет, чтобы он не подметил что-нибудь новое в детях или в себе. И дети к нему льнули, а теперь сторонятся. Да и любит ли он их еще? Бывает резок, иногда груб.

Может быть, он станет скоро похож на тех воспитателей, для кого хотел быть примером и к кому питал неприязнь за их холодность, пассивность и недобросовестность?

6. Он в обиде на себя, на окружающих, на детей.

Неделю тому назад он получил письмо: больна сестра. Ребята узнали и отнеслись к его горю с уважением: легли спать тихо. Он был благодарен им.

А назавтра поступил новый воспитанник. Ребята выманили у него все привезенные из дома конфеты, и пенал, и картинки, пригрозив, что, если пожалуется, избыют, а участие в этой грязной истории принимали и те, кого он считал честными.

Ребенок закинет ему ручонки на шею, скажет «люблю» — и попросит новое платье.

Ведь тот же самый ребенок то умиляет тебя необыкновенным тактом, глубиной чувств, то оттолкнет хищным двуличием.

То «я хочу, я должен, я обязан», а то безнадежное «да стоит ли?».

Теоретические послышки и личный каждодневный опыт так смешались, что воспитатель потерял нить и, чем дольше думает, тем меньше понимает.

7. Он не понимает, что вокруг него происходит.

Старается свести наказания и запреты к самым необходимым, дает детям свободу — недовольные, дети требуют еще.

Хочет вникнуть во все их заботы. Подходит к парнишке, который против обыкновения стоит в сторонке, тихий и равнодушный. «Что с тобой? Почему ты такой грустный?» — «Ничего... я не грустный», — отвечает тот неохотно. Воспитатель хочет погладить его по голове — мальчик резко отстраняется.

Вот оживленно беседует кучка ребят. Воспитатель подходит — молчание. «О чем говорили?» — «Ни о чем».

Ему кажется, дети его любят. И знает, что над ним смеются. Доверяют ему — и всегда что-нибудь да скроют. Как будто его словам верят, а охотно прислушиваются к сплетням.

Воспитатель не понимает, не знает ребят — чуждых, враждебных. Плохо ему.

А ты лучше порадуйся, о воспитатель! Ты уже отбрасываешь предвзятое сентиментальное представление о детях. Ты уже знаешь, что ты не знаешь. Это не так, как ты думал, значит, как-то по-другому. Сам того не понимая, ты уже на правильном пути. Сбился? Помни, блуждать в огромном лесу жизни — не зазорно. Даже плутая, гляди по сторонам с интересом и увидишь мозаику прекрасных образов. Страдаешь? Истина рождается в муках.

8. Будь самим собой, ищи собственный путь. Познай себя прежде, чем захочешь познать детей. Прежде чем наметать круг их прав и обязанностей, отдай себе отчет в том, на что ты способен сам. Ты сам тот ребенок, которого должен раньше, чем других, узнать, воспитать, научить.

Одна из грубейших ошибок считать, что педагогика является наукой о ребенке, а не о человеке.

Вспыльчивый ребенок, не помня себя, ударил; взрослый, не помня себя, убил. У простодушного ребенка выманили игрушку; у взрослого — подпись на векселе. Легкомысленный ребенок за десятку, данную ему на тетрадь, купил конфет; взрослый проиграл в карты все свое состояние. Детей нет — есть люди, но с иным масштабом понятий, иным запасом опыта, иными влечениями, иной игрой чувств. Помни, что мы их не знаем.

Не достигшие зрелости!

Спроси старика, он тебя и в сорок лет считает не созревшим. Да что там, целые классы общества не созрели, не вошли в силу. Целые народы нуждаются в опеке, они тоже не достигли зрелости, у них нет пушек!

Будь самим собой и присматривайся к детям тогда, когда они могут быть самими собой. Присматривайся, но не предъявляй требований. Тебе не заставить живого, зазорного ребенка стать сосредоточенным и тихим; недоверчивый и угрюмый не делается общительным и откровенным; самолюбивый и своевольный не станет кротким и покорным.

А ты сам?

Если ты не обладаешь внушительной осанкой и здоровыми легкими, ты напрасно будешь призывать шумную ораву к порядку. Но у тебя добрая улыбка и терпеливый взгляд. Не говори ничего: может быть, они сами успокоятся? Дети ищут свой путь.

Не требуй от себя, чтобы ты уже сразу был степенным, зрелым воспитателем с психологической бухгалтерией в душе и педагогическим кодексом в голове. У тебя есть чудесный союзник — волшебная молодость, а ты призываешь брюзгу — дряхлый опыт.

9. Не то, что должно быть, а то, что может быть.

Ты хочешь, чтобы дети тебя любили, а сам — обязанный добросовестно выполнять предписанную работу — должен втискивать их в душевные формы современной жизни, современного лицемерия, современного насилия. Дети этого не хотят, они защищаются и должны быть на тебя в обиде.

Ты хочешь, чтобы они были искренни и хорошо воспитаны, тогда как формы светской жизни — лживы и искренность — это дерзость. Знаешь, что думал мальчик, которого ты вчера спрашивал, почему он грустный? Он подумал: «Да отстань ты от меня». Он уже не искренний, не сказал, что думает, а только недовольно отстранился — и даже это тебя задело.

Жаловаться не положено, ябедничать скверно — а как же постичь их дела, страдания, грехи?

Не наказывать, не награждать. А должны быть и режим и сигнал, которого дети слушались бы. По звонку все должны собраться к обеду. Ну, а если опоздают, не придут, не захотят прийти?

Ты должен быть для них образцом, а куда ты денешь свои пороки, недостатки и смешные стороны? Попробуешь скрыть. Наверное, тебе это удастся: ведь чем старательней ты будешь скрывать, тем старательней дети станут притворяться, что не видят, не знают, и потешаться над тобой, только самым тихим шепотом.

Трудно тебе, даже очень трудно — согласен! Но трудности есть у каждого, а вот разрешать их можно по-разному. Ответ будет лишь относительно точен. Ведь жизнь не задачник по арифметике, где ответ всегда один, а способов решения самое большое два.

10. Обеспечить детям свободу гармонического развития всех духовных сил, высвободить всю полноту скрытых возможностей, воспитать в уважении к добру, к красоте, к свободе... Наивный, попробуй! Общество дало тебе маленького дикаря, чтобы ты его обтесал, выдрессировал, сделал удобоваримым, и ждет. Ждут государство, церковь, будущий работодатель. Требуют, ждут, следят. Государство требует официального патриотизма, церковь — догматической веры, работодатель — честности, а все они — посредственности и смирения. Слишком сильного сломает, тихого затрет, двуличного порой подкупит, бедному всегда отрежет дорогу — кто? Да никто — жизнь!

Ты полагаешь, ребенок — это пустяки, сирота-птенец, выпавший из гнезда, умри он и никто не заметит, порастет могилка травой? Попробуй испытай, и ты убедишься, что это не так, и заплачешь. Прочти историю приюта Прево* в свободной республиканской Франции.

Ребенок имеет право желать, домогаться, требовать, имеет право расти и созревать, а достигнув зрелости, приносить плоды. А цель воспитания: не шуметь, не рвать башмаки, слушаться и выполнять приказания, не критиковать, а верить, что все они ему во благо.

Нет, заповедь: люби ближнего своего — это гармония, простор, свобода. Глянь вокруг — улыбнись!

11. Новый воспитанник.

Ты его остриг, обрезал ему ногти, вымыл, передел, и вот он уже похож на всех.

Он уже даже умеет кланяться, не говорит «я хочу», а «пожалуйста», знает, что, когда входит кто-нибудь чужой, надо поздороваться. Он уже на школьном вечере прочитает стишок, вытрет грязные ноги; не плюнет на пол, пользуется носовым платком.

Не обольщайся, что ты вычеркнул из его памяти тяжелые воспоминания, дурные влияния, горький опыт. Эти чистые и чисто одетые дети долго еще останутся душевно смятыми, облинявшими, больными; есть нечистые раны, которые приходится терпеливо лечить месяцами, да и то еще остаются рубцы, всегда готовые опять загноиться.

Интернат для сирот — это клиника, где встречаются всякие недомогания души и тела при слабой сопротивляемости организма, где отягощенная наследственность мешает, задерживает выздоровление. И если интернат не будет моральным курортом, есть угроза, что он станет очагом заразы.

Ты запер двери интерната на все запоры, но тебе не сделать так, чтобы не просачивался вредный уличный шепот и не врывались непрофильтрованные свирепые голоса, которых не заглушить моральному песнопению. Воспитатель может опустить глаза и притвориться, что не знает, но тем пагубнее будут знать дети.

12. Ты говоришь: я иду на компромиссы, принимаю тот детский материал, который дает жизнь, и склоняю голову перед неизбежными условиями работы, хотя они и очень тяжелы; но я требую свободы в деталях и помощи и облегчений в самой технике работы.

Наивный, ты ничего не можешь требовать.

Начальник поставит тебе в упрек, что на полу валяются бумажки, что маленький увалень набил себе шишку, что фартучки недостаточно чистые, а постели недостаточно гладко застланы.

Ты хочешь удалить ребенка из интерната, считая это необходимым для блага остальных. Тебя просят не исключать: а может, исправится?

В комнатах холодно, у большинства твоих анемичных детей поморожены пальцы. Уголь, тепло — дороги, но ведь холод заставляет детей свертываться и физически и духовно. Нет, надо детей закалять.

Ты удивляешься, что из двух яиц выходит неполная ложка яичницы. Ты слышишь грубый ответ, что это не твое дело.

Твой товарищ по работе, наверное, знал, где ключ от шкафа, может быть, сам спрятал и нарочно заставил искать. По вечерам он уходит, оставляя спальню без присмотра, но «не позволит лезть не в свое дело» — в его спальню, к его ребятам.

Деспотический каприз и неосведомленность начальства, нечестность администрации, недоброжелательность и недобросовестность товарища по работе. Добавь: грубость техперсонала, скандал с прачкой из-за утерянной якобы тобой простыни, с кухаркой из-за подгоревшего молока, со сторожем из-за натоптанной лестницы.

Если воспитателю удастся найти более приличные условия работы, его счастье. Если же именно такие, пусть не удивляется и не возмущается, а трезво рассчитает свои силы и энергию на более длительный срок, чем несколько первых месяцев.

13. Интернат с высоты птичьего полета.

Гомон, движение, юность, веселье.

Этакое славненькое государство наивных маленьких человечков.

Сколько детей, а так чисто.

Гармония форменной одежды, ритм хорового пения.

Сигнал — и все умолкают. Молитва — ребята садятся за стол. Ни драк, ни ссор.

Мелькнет славная мордашка, блеснут веселые глазки. Этакая бедненькая крохотулька.

Воспитатель добрый, спокойный. Кто-то подбежал с вопросом — ответил. Шутливо погрозил кому-то пальцем — тот понял и послушался. Кучка самых преданных окружает вас тесным кольцом.

— Вам тут хорошо?

— Хорошо.

— Вы любите своего воспитателя?

Кокетливо потупившись, улыбаются.

— Некрасиво не отвечать, когда вас спрашивают. Любите?

— Любим.

Приятный труд, благородная задача. Малые заботы, незначительные потребности — детский мирок.

— Натe пряники, это вам.

Ребята вежливо поблагодарили. Ни один не протянул руки первым.

14. Случайный гость, взгляни лучше на тех ребят, что стоят в стороне.

Где-то в темном углу один хмурый такой, палец обвязан тряпочкой. Двое постарше о чем-то шепчутся с иронической улыбкой, внимательно провожая вас взглядом. Несколько ребят заняты и даже не замечают, что пришел кто-то посторонний. Кто-то делает вид, что читает, чтобы к нему не обратились с трафаретным вопросом. Кто-то, пользуясь тем, что воспитатель занят, потихоньку удирает, чтобы безнаказанно нахулиганить.

Есть такой, который с нетерпением ждет, когда ты уйдешь, так как хочет что-то спросить у воспитателя. Другой нарочно подходит, чтобы его видели. Еще один притаился, желая подойти последним и побыть с вами наедине; он знает, тогда воспитатель скажет: «Это наш певец, это наша маленькая хозяйка, это жертва трагического случая». Под одинаковой одеждой бьется сто разных сердец, и каждое — особая трудность, особый характер работы, особые хлопоты и опасения.

Сто детей — сто людей, которые не когда-то там, не еще... не завтра, а уже... сейчас... люди. Не мирок, а мир, не малых, а великих, не «невинных», а глубоко человеческих ценностей, достоинств, свойств, стремлений, желаний.

Вместо того чтобы спрашивать, любят ли, спроси лучше, чем это достигается, что они слушаются, что в интернате мир, программа, порядок.

— Нет наказаний...

— Ложь.

15. Каковы твои обязанности? — Быть бдительным.

Если хочешь быть надзирателем, можешь ничего не делать. Но если ты воспитатель, у тебя шестнадцатичасовой рабочий день без перерывов и без праздников, день, состоящий из работы, которую нельзя ни точно определить, ни заметить, ни проконтролировать, — и из слов, мыслей, чувств, имя которым — легион. Внешний порядок, кажущаяся воспитанность, дрессировка напоказ требуют только твердой руки и многочисленных запретов. И дети всегда мученики страха за их мнимое благополучие; страх этот — источник тягчайших несправедливостей.

Воспитатель, так же как и надзиратель, хорошо знает, что, если ударить по глазу, ребенок может ослепнуть, что ему постоянно угрожает перелом руки или вывих ноги, но помнит и многочисленные случаи, когда ребенок едва не лишился глаза, чуть не выпал из окна, сильно ушиб, а мог сломать ногу, что действительные несчастья относительно редки, а главное, застраховать от них невозможно.

Чем ниже духовный уровень воспитателя, бесцветнее его моральный облик, больше забот о своем покое и удобствах, тем больше он издаст приказов и запретов, диктуемых якобы заботой о благе детей.

Воспитатель, который не хочет неприятных сюрпризов и не желает нести ответственность за то, что может случиться, — тиран.

16. Тираном станет и воспитатель, неумело заботящийся о нравственности детей.

Болезненная подозрительность может зайти так далеко, что уже не детей разного пола и не любых двоих уединившихся ребят, а собственные руки ребенка мы будем считать врагами.

Когда-то, где-то, кто-то безымянный продиктовал запрет: не держать руки под одеялом.

«А раз мне холодно, а раз мне страшно, а раз я не могу заснуть?»

Если в комнате тепло, ребенок не только руки, он весь раскроется. И если он сонный, он через пять минут спит. И сколько еще подобных бессмысленных подозрений, основанных на незнании ребенка!

Раз я заметил, как несколько старших мальчиков, таинственно пошептавшись, повели малышей в уборную. Малыши возвращались в сильном смущении. Мне стоило больших усилий усидеть на месте и продолжать писать. А забава была невинная. Один из ребят (он работал у фотографа) накрыл фартуком коробку изпод сигар; желающих сниматься он установив на стенку, под краном, и, когда малыши с приятным выражением лица ждали, что их сейчас снимут, им по счету «три» пускали на голову струю холодной воды.

Превосходный урок разумной осторожности для малышей! Облитые водой, они больше уже не пойдут в уборную по первому таинственному приглашению.

Воспитатель, слишком односторонне следящий за нравственностью детей! Боюсь, у тебя самого не все благополучно.

17. Теоретик делит детей на категории согласно темпераментам, типам интеллекта и склонностям; практик знает прежде всего детей «удобных» и «неудобных»: обычных, с которыми не приходится возиться, и исключительных, на которых идет уйма времени.

«Неудобные, дети: самый младший, ниже обычного возраста; самый старший, критически настроенный и своенравный; вялый, несобранный и хилый; и горячий, настырный.

Ребенок, который перерос интернатскую дисциплину, которому она в тягость, которого унижает режим спальни, столовой, молитвы, игры, прогулки.

Ребенок, у которого из уха течет гной, вскочил чирый, сошел ноготь, слезятся глаза, болит голова, жар, кашель.

Ребенок, который медленно одевается, умывается, причесывается, ест. Последним стелет постель, последним вешает полотенце, тарелку его и стакан всегда приходится дожидаться, задерживает уборку спальни и со стола и отправку посуды на кухню.

Ребенок, который поминутно обращается к тебе с вопросами, жалуется, требует, плачет, клянчит, который не любит общества других детей и назойливо тянется к тебе, вечно чего-нибудь не

знает, что-нибудь да просит, в чем-либо нуждается, хочет сказать что-то важное.

Ребенок, который грубо ответил, обидел кого-нибудь из тех-персонала, поссорился, подрался, бросался камнями, нарочно что-то сломал или порвал, отвечает на все «не хочу».

Ребенок впечатлительный и капризный, которому больно от пустяшного замечания, хмурого взгляда, для которого холодное безразличие — наказание.

Симпатичный шалунишка, который заткнет тебе камешками умывальник, покатается на дверях, открутит кран, закроет вьюшку, отвинтит звонок, запачкает стену синим карандашом, исцарапает гвоздем подоконники, вырежет на столе буквы. Убийственно избобретательный и неутомимый.

Вот похитители твоего времени, тираны твоего терпения, ферменты твоей совести. Ты борешься с ними, а знаешь, что это не их вина.

18. В шесть часов утра дети встают. Тебе нужно только сказать: «Дети, вставать!» — ничего больше.

На самом же деле, если ты велишь сотне ребят встать, восемьдесят «удобных» встанут, оденутся, умоются и будут готовы к новому сигналу «завтракать». Восьмерым же ты должен повторить это дважды, пятерым — трижды. На троих тебе придется прикрикнуть. Двоих разбудить. У одного болит голова: хворает или, может быть, притворяется?

Девяносто ребят одеваются сами, двоим же ты должен помочь, а то не успеют. У одного потерялась подвязка, у другого отморожен палец и башмак не надевается. Еще у одного на шнурке сделан узелок. Кто-то кому-то мешает стелить постель. Кто-то не дает мыло, еще кто-то толкается, или брызгается, умываясь, или перепутал полотенца, или льет на пол. Надел правый башмак на левую ногу, не может — оборвалась пуговица — застегнуть фартук; кто-то, видно, взял блузу — минуту назад была! Кто-то плачет: «Это мой тазик, я всегда в нем умываюсь», — но ведь тот сегодня первый пришел.

Восемьдесят ребят ты наплатил пятью минутами своего времени, десять ребят поглотили у тебя по минуте, а с двумя ты провозился почти полчаса.

То же самое будет и завтра, только не этот, а тот потеряет, заболит, плохо постелит постель.

То же самое будет и через месяц, и через год, и через пять лет.

19. Ты должен был только сказать: «Ребята, вставать!» — и все. А ведь ты не успел бы.

Не успел бы, не найди один из «удобных» ребят пропавшую подвязку или блузу, не принеси другой ребенку с отмороженным пальцем запасных башмаков, не развяжи узелка третий.

Ведь за подвязкой надо было лезть под кровать, башмаки принести из дальней комнаты, а над узлом изрядно попотел твой за-

меститель, орудуя сначала ногтями, потом зубами, потом найденным вчера гвоздем и, наконец, одолженным с этой целью вязальным крючком.

Ты не можешь не заметить, что один ребенок чаще теряет, а другой чаще находит, один делает узлы, а другой развязывает. Один часто болеет, а другой всегда здоров. Один требует помощи, а другой сам тебе помогает. Предположим, ты не испытываешь нерасположения к первым и благодарности ко вторым.

Но вот сегодня с трудом встает тот, который вчера долго разговаривал, лежа в постели. Младший стелет постель лучше, чем старший. Тот, у кого болит горло, пьет воду из-под крана, хотя ты и предупредил, что вода холодная, а он потный. Сам подумай, что ты тогда скажешь, хотя ты и знаешь, и понимаешь, и со всем мируешься и прощаешь.

Чем больше этих «неудобных», тем больше из твоих шестнадцати рабочих часов уйдет на возню, беготню, воркотню и тем меньше останется времени на «высокое», «чистое» (читай раздел «Воспитатель обязан»).

И меньше времени, и меньше сил...

20. Помощь, которую дети оказывают воспитателю, может быть совершенно бескорыстной. Ребенок помогает, раз ему хочется, помогает, раз сегодня хочется, а за завтра он не отвечает.

Но такой капризный, самолюбивый и честный помощник возьмется не за каждую работу. Он легко остынет, повстречайся неожиданная трудность; обидится, вырази воспитатель неудовольствие; сомневается, спрашивает, нуждается в проверке и в указаниях. Сам он навязывать тебе свою помощь не будет; его надо найти, поощрить, ободрить; попроси — сделает это охотно, прикажи — не захочет. Полагаться на него нельзя, он может подвести, когда более всего нужен.

Надзиратель легко найдет среди ребят помощника другого типа. Ловкий, энергичный, наглый, двуличный и корыстный, он сам навяжет свою помощь; прогони его — он вернется, нужен — вырастет как из-под земли, по глазам увидит, чего ты хочешь, выполнит любое поручение, возьмется за все.

Если выполнит плохо — вывернется, наврет. Отчитай его — прикинется тише воды, ниже травы. Такой всегда рапортует: «Все в порядке».

Если недобросовестный, неспособный или просто вымотавшийся воспитатель, не входя в малые ребячьи дела и заботы, передоверит такому дежурному свою власть, тот его выручит, легко заменит. И из ребенка, который отыщет, позовет, принесет, уберет, присмотрит, напомнит, знает, слышал, скажет, он скоро превратится в настоящего заместителя.

Это не невинная школьная подлиза, это грозный фельдфебель интерната-казармы.

21. Дежурному легче справиться с ребятами, чем взрослому. Надзиратель и ударит, так не изо всей силы, пригрозит сдержанно, накажет, так за провинность. А надзиратель из ребят ударит не по мягкому месту, а по голове или в живот, ведь это больнее, пригрозит не наказанием, а с виду наивным: «Погоди, вот зарежу тебя ночью складным ножом»; хладнокровнейшим образом обвинит невинного и заставит признаться в несовершенном преступлении: «Скажешь, что съел, взял, сломал», — и малыш, трепеща, повторяет: «Это я сломал, это я украл».

Основная масса детей боится его больше, чем воспитателя, ведь дежурный все знает, он с ними все время вместе. Непослушные дети ненавидят, редко мстят, чаще подкупают.

Теперь у маленького тирана завелись уже помощники, заместители. Он уже ничего не делает сам, только командует, доносит на противников и отвечает за все перед начальством.

Нужно хорошо различать: это не фаворит, не любимчик, это настоящий помощник, доверенный слуга — наушник. Он заботится об удобствах хозяина, хозяин его терпит и, хотя и знает, что он врет, обманывает и наживается на нем, не может без него обойтись — а впрочем, ждет местечка получше.

22. Таинственные угрозы исподтишка заменяют явные и шумные запрещенные драки:

«Погоди вот, я скажу воспитателю. Погоди, уж и задам же я тебе ночью» — вот магические заклятия, которыми ловкий и двуличный заставит молчать, поддаться, смириться младшего, глупенького, более слабого и честного.

Уборная и спальня — вот два места, где свободно обмениваются тайнами и где концентрируется конспиративная жизнь интерната. Воспитатели ошибаются, полагая, что спальня и уборная требуют лишь односторонней бдительности.

Я знаю случай, когда мальчик подполз ночью к кровати врага и щипал его, драл за уши, таскал за волосы, предупреждая: «Тише! Крикнешь, разбудишь воспитателя, и тебя исключат».

Я знаю случаи, когда дежурный коротко, до самого мяса обстригал ногти нелюбимым товарищам. Другой дежурный нарочно приготовил холодную ванну мальчику, с которым был в ссоре.

В интернате может укорениться террор злых сил, отравляя атмосферу, ширя моральные эпидемии, калеча и опустошая. В этой атмосфере лжи, принуждения, укрывательства, гнета, насилия, тайных расправ, ложных доносов, страха и молчания — в атмосфере, насыщенной миазмами морального гниения, вспыхивают эпидемии онанизма и уголовных преступлений.

Воспитатель, попав в подобную клоаку, бежит прочь, а если не может убежать, обо всем утаивает.

23. Дети быстро подметят, что надзиратель скрывает от начальства — что те ребята, кого похвалили, пользуются у него симпатией, а те, из-за кого пришлось выслушать замечание, ему антипатичны.

Между надзирателем и детьми заключается немое соглашение: будем делать вид, что все превосходно, а случись «что-нибудь такое» — скроем.

И до главного руководителя в его укромной канцелярии уже доходит немного, за стены же учреждения не выходит ничего. Дети совершают ряд недозволенных, заслуживающих наказания поступков, а он по недомыслию или по преступной небрежности все покрывает.

Может, поэтому-то интернатские дети такие неразговорчивые и отвечают охотно лишь на самые банальные вопросы: «Тебе хорошо здесь? А ты послушный?» — и молчат, когда могут «засыпаться». Может, поэтому-то на интернате лежит печать каких-то дурных тайн, и разговор с ребенком, который, перед тем как ответить, переглядывается с воспитателем, стесняет и неприятен?

В третьей части этой книги я расскажу, как при организации Дома Сирот мы обеспечили себе детскую помощь, не опасаясь каких-либо дурных последствий, потому что ввели гласность.

24. Будни с их хлопотами и возней имеют своих «удобных» и «неудобных» детей; дни торжественных ярмарок, дни показов — своих.

Для воспитателя, который ведет уроки пения, таким «удобным» будет ребенок с самым звонким голосом; для воспитателя — преподавателя гимнастики самый ловкий гимнаст. Первый думает о показательном хоре, второй о публичном состязании.

Дети способные, воспитанные, смелые принимают гостей во время парадного визита, выставляя в выгодном свете учреждение, хорошо свидетельствуя о воспитателе. Миловидный ребенок преподнесет букет достойной особе.

Разве воспитатель может не быть им за это благодарным? Но что из того, что ребенок спел, сыграл на скрипке, ловко провел свою роль в комической пьеске? Это не его заслуга. И, полный укор совести, честный воспитатель старается подавить приятное волнение.

Правильно ли это? И может ли притворное равнодушие обмануть ребенка, а если обманет, то не обидит ли? Для ребенка это важный, торжественный, памятный день; немного ошеломленный, а больше всего испуганный присутствием многочисленных сановников и вообще посторонних, ребенок подбежит к тому, кто ему близок, потому что ценит прежде всего его похвалу, ждет ее, имеет на то право...

Не позволяй им зазнаваться, но отличить их ты должен...

А что тогда будет с положением о безусловном равенстве всех детей? Но это положение — ложь.

25. У воспитателя-практика всегда есть дети, которые вызывают в нем приятное чувство, вознаграждая за потраченный труд, — дети воскресных дней его души, — он любит их независимо от подлинной их цены и пользы, которую они приносят.

Славные, потому что миловидные; славные, потому что ясноглазые, веселые, подвижные, улыбающиеся; славные, потому что маленькие, беспомощные, отвлекающиеся; славные, потому что критически настроенные, смелые, склонные к бунту.

В зависимости от духовного облика и идеалов воспитателя разным воспитателям близки и дороги разные дети.

Один импонирует своей энергией, другой трогает добродушием, третий будит воспоминания о твоём собственном детстве, четвертый вызывает искреннее беспокойство за его судьбу, в пятом боишься его порыва ввысь, в шестом — пугливой покорности.

А среди всех этих многочисленных славных ребят ты любишь одного как самое близкое существо, кому желаешь всего самого лучшего, чьи слезы причиняют самую сильную боль, чьего расположения стремишься добиться и кем не хотел бы быть забытым.

Как это случилось, когда? Ты не знаешь. Чувство пришло внезапно, без всякого повода, неожиданно, как любовь.

Не скрывай: тебя выдадут улыбка, голос, взгляд.

А остальные дети? Не бойся, они не обидятся: и у них есть любимцы.

26. Молодые и чувствительные воспитатели склонны любить этого самого тихого и запуганного, с печальными глазами и с тоской на душе. К этим забытым в тени и обращают они свое горячее чувство, хотя и завоевать их доверие, ждут признаний: что чувствует, о чем думает этот ангел с утомленно опущенными крыльями?

Все ребята удивляются: «За что его любить, ведь он такой глупый?» И ребята, которые раньше обходили твоего любимца, считая круглым нулем, или, самое большее, толкали, если стоял у них на дороге, теперь сознательно, планомерно его преследуют. Ребята ревнуют, потому что выбор сделан неудачно.

Воспитатель вступает в неравную борьбу за любимца — и проигрывает. Поняв ошибку, воспитатель старается его полегоньку, незаметно от себя отстранить. Тот понял и отошел, печально глядя, как бы с упреком, своими влажными глазами. Воспитатель страдает и сердится и на себя и на ребят.

Поэт, если бы ты знал, что в больших, осененных длинными ресницами глазах этого поэтичного ребенка скрыта одна только тайна — тайна наследственного туберкулеза, — ты, может быть, вместо признаний скорее ожидал бы приступов кашля и не целовал бы его, а поил рыбьим жиром с гваяколом*. Ты избавил бы и его, и себя, и остальных ребят от многих тяжелых минут.

27. Бывает, что ты полюбил ребенка без взаимности. Ему хочется играть в мяч, в войну, бегать наперегонки, а тебе хочется погладить, прижать к себе, приласкать. Это его сердит, раздражает, унижает, и он или отодвигается, или обвивает ручонками шею и просит новое платье. В этом виноват ты, а не он.

Бывает, что несколько человек из персонала добиваются расположения одного и того же ребенка; тогда маленький фаворит искусно лавирует, стараясь никого не обидеть. Ведь ты позволяешь ему позже ложиться спать, экономка сменит рваные чулки, а кухарка угостит яблоками или изюмом.

Бывает, что чувственный или уже развращенный ребенок находит в ласке удовольствие. Он любит погладить твою руку, она такая мягкая! Скажет, что твои волосы приятно пахнут, поцелует в ухо, или в шею, или по очереди каждый любимый пальчик. Смотри правде в глаза: это сладострастная ласка.

В ребенке заложены эротические чувства. Все живое должно расти и размножаться: этот закон природы охватывает людей, животных и растения. Половое чувство не появляется вдруг и из ничего; оно еще дремлет, но его тихое дыхание уже слышно. У детей есть явно или скрыто чувственные движения, объятия, поцелуи, игры.

Но воспитателю нет надобности воздевать очи к небу, разводить в недоумении руками, открещиваться с возмущением.

Сообщи жизни ребенка размах, чтобы он не скучал, позволь ему бегать и шуметь и спать сколько хочет, и половое чувство пустит ростки спокойно, не марая и не принося вреда.

28. Пытливое око науки обнаружило сексуальное начало и в родительском чувстве. От него не свободны ни мать, кормящая грудью младенца, ни отец, прижавший к губам холодную руку умершего ребенка.

Потрепать по щечке, погладить по головке, подоткнуть одеяльце, даже помолиться за счастье своего дитяти, когда оно спокойно спит в колыбели, — все это нормальное проявление здорового эротического чувства, а бросать ребенка на прислугу и находить высочайшее удовольствие в пустой болтовне в кафе — его извращение.

Для извращенной, притупленной чувственности эти ощущения слишком слабы и уже неуловимы. Здесь мать должна осыпать поцелуями ножки, спинку и животик ребенка, чтобы испытать чувство, которое здоровая мать получает от легкого прикосновения. Простой честной чувственности мало, нужно сладострастие.

Ты удивляешься и, может быть, не хочешь мне верить? А может, я сказал то, что ты уже сам предчувствовал, подозревал, но с гневом отвергал?

Ибо ты не знаешь, что инстинкт размножения в его разнородных проявлениях колеблется от возвышенных творческих порывов до низменнейшего преступления.

Ты обязан дать себе отчет в чувстве, которое испытываешь к де-

тям, и следить за ним, ибо дети могут расстлить и тебя, своего воспитателя и воспитанника.

За четырьмя стенами дома, школы, интерната скрыты мрачные тайны. Иногда их на миг осветит молния уголовного скандала. И опять тьма.

Указанное насилие над детскими душами, которое допускает современное воспитанием, рабство, тайна и безапелляционная власть неизбежно таят в себе и произвол и преступления.

29. «Воспитатель — апостол... Будущее народа... Счастье будущих поколений...»

Но где в этом моя собственная жизнь, мое собственное будущее, мое собственное счастье, мое собственное сердце?

Я раздаю мысли, советы, предостережения, чувства, раздаю щедро. Когда поминутно подходит все новый и новый ребенок с новым и новым требованием, просьбой или вопросом, отнимая время, мысль, чувство, ты иногда с болью видишь, что ты, солнце этой толпы, сам остываешь и, светя им, теряешь за лучом луч.

Все детям, а что же мне?

Дети набираются знаний, опыта, моральных принципов; они обогащаются — я теряю. Как же мне дальше распоряжаться запасом душевных сил, чтобы не оказаться банкротом?

Допустим, у воспитателя нет молодости, предьявляющей свои права, семьи, сковавшей по рукам и ногам, одолевающих материальных забот, замучивших физических недомоганий. Отдав себя целиком святому делу воспитания, воспитатель не должен отказываться от чувств.

Как уберечь их от крушения?

Когда он возвращается в дом, который должен быть его домом, и не может сердечно приветствовать всех, разве не в праве он улыбнуться одному? Когда он покидает вечером спальню и не может нежно попрощаться со всеми, разве не вправе он одного или двоих выделить отдельным: «Спи, сынок, спи, баловник»? Или, распекая за мелкие провинности и произнося суровые слова, прощать взглядом?

Если даже он ошибается и выбрал не самого стоящего, ну что из этого? Приятное чувство от общения с ним покрывает ряд неприятных; полученной от любимого улыбкой воспитатель одарит многих.

Быть может, и есть воспитатели, которым все дети одинаково безразличны или ненавистны, но таких, которым все до одного были бы одинаково милы и дороги, нет.

30. Предположим, что существует абсолютное равенство. Нет ни «удобных», ни «неудобных», ни милых, ни немилых. Для всех одинаковые куски хлеба и порция супа, одинаковое количество сна и бодрствования, одинаковые строгости и поблажки и абсолютное тождество одежды, порций, режима, чувств. Несмотря на явную абсурдность, допустим, что так и должно быть. Никаких при-

вилегий, никаких исключений, никаких отличий — все это портит.

И даже тогда воспитатель имеет право ошибаться, отвечая за последствия совершаемых им ошибок.

Письма Песталоцци* о его пребывании в Станце — это прекраснейшее из произведений воспитателя-практика.

«...Один из самых больших моих любимцев злоупотребил моей верной любовью и несправедливо стал угрожать другому ребенку; это возмутило меня, и я сурово дал ему почувствовать свое негодование».

О, диво: у великого Песталоцци были любимчики, Песталоцци гневался!

Ошибся, чересчур доверившись или захвалив, и в первую очередь был наказан сам: обманулся!

Подчас просто недоумеваешь, как быстро, как жестоко приходится воспитателю расплачиваться за совершенные им ошибки. Пускай он их тщательно исправляет.

К сожалению, иногда в самых важных вопросах это ему не под силу.

31. Не шуметь!

Ребята дают разрядку только части энергии, скопившейся у них в горле, в легких, в душе; только части крика, который живет в их мускулах. Послушные дети подавляют крик до предела возможного.

«Тише!» — вот девиз класса.

Нельзя шуметь за обедом.

Не шуметь в спальне!

Ребята шумят трогательно тихо, бегают до слез осторожно, чтобы не сдвинуть стол, обходят друг друга, уступают, только не было бы ссоры, только бы чего-нибудь не вышло, а то опять услышат ненавистное: «Только без шума».

Нельзя кричать и во дворе — беспокоят соседей. А единственная их вина — это то, что в городе каждый метр земли стоит дорого.

«Вы не в лесу». Циничное замечание, грубое издевательство над ребенком, что он не может быть там, где ему следует быть.

Разрешите им рассыпаться по лужайке — и не будет никакого крика, лишь милое щебетание человечьих пташек.

Если не все, то по крайней мере значительное большинство ребят любит двигаться и шуметь. От свободы двигаться и кричать зависит их физическое и моральное здоровье. А ты, зная это, должен одергивать:

— Сидите спокойно и тихо.

32. Ты всегда делаешь ошибку: борешься со справедливым упорством ребенка:

— Я не хочу!

Не хочу ложиться спать, хотя часы пробили, ведь ароматный

вечер улыбается мне кусочком звездного неба. Не хочу идти в школу, ведь ночью выпал первый снег и так весело на свете. Не хочу вставать, ведь холодно, грустно. Лучше не пообедать, а доиграть партию в лапту. Не буду просить прощения у учительницы, она наказала несправедливо. Не хочу готовить уроки, я читаю Робинзона. Не надену коротких штанов, засмеют.

Нет, ты это сделаешь.

Бывает, отдаешь приказ сердито, но без внутреннего убеждения, так как тебе самому приказали, а не исполнить нельзя.

Значит, слушайся уже не только меня, который взвешивает каждое распоряжение, прежде чем отдать, но и этих многочисленных безымянных, чьи законы жестоки и несправедливы.

Учись у них, уважай их, верь!

— Не хочу! — это крик ребячьей души, а ты должен его подавить, ведь современный человек живет в обществе, а не в лесу.

Нет, ты это сделаешь.

Сделаешь, а то будет хаос.

Чем незаметней ты ломаешь сопротивление, тем лучше, а чем скорей и основательней, тем безболезненней обеспечишь дисциплину и достигнешь необходимого минимума порядка. И горе тебе, если, слишком мягкий, ты этого не сумеешь сделать.

В обстановке дезорганизации и расхлябанности могут нормально развиваться только немногие, исключительные дети, из десятков же не будет толка.

33. Есть ошибки, которые ты будешь совершать всегда, потому что ты человек, а не машина.

Грустный, усталый, больной, ты с горечью замечаешь в ребенке черту характера, которая делает взрослых плохими и вредными: лживость, холодный расчет, пошлое чванство, дрянненькую хитрость, хищную жадность; не поступишь ли ты опрометчиво?

У меня не сходится счет. Поминутно кто-нибудь да входит, хотя вход в канцелярию детям в какой-то мере воспрещен. Последним входит мальчуган, неся мне в подарок букетик; букет я выбрасываю в открытое окно, а его самого вывожу за ухо за дверь.

К чему множить примеры неразумных и грубых поступков?

Но ребенок простит. Обидится, рассердится, а подумает и очень часто доверчиво припишет вину себе. Несколько наиболее впечатлительных ребят будут тебя избегать, когда ты злишься или занят. Но и они простят, если знают, что, в общем, им желают добра.

Это не какая-нибудь сверхъестественная интуиция, когда ребенок знает, кто его любит, а бдительность зависимого существа, которое обязано тебя изучить, раз в твоих руках его благополучие. Так, раб-чиновник до тех пор приглядывается и мучительно думает о своем шефе, пока не изучит все его привычки, вкусы, настроения — движения губ, жесты, блеск глаз. И знает, когда попросить отпуск или повысить жалованье, порой целые недели терпеливо выжидая подходящей минуты. Дайте им независимость,

и они утратят эту наблюдательность.

Ребенок простит и бестактность, и несправедливость, но не привяжется к воспитателю-педанту или сухому деспоту. А всякую фальшь гадливо отбросит или поднимет на смех.

34. Воспитателю не избежать ошибок, вытекающих из порочного навыка к избитым выражениям и общепринятым поступкам и из обычного отношения к детям как к существам низшим, не отвечающим за себя, забавным своей наивной неопытностью.

Если станешь относиться к их заботам, желаниям, вопросам презрительно, шутливо или покровительственно, ты всегда кого-нибудь больно заденешь.

Ребенок имеет право требовать уважения к своему горю, хотя бы он потерял камешек, желанию, хотя бы хотел пройтись без пальто по морозцу, к нелепому на вид вопросу. Ты безучастен к его потере, коротким «нельзя» отклоняешь просьбу, двумя словами «вот дурачок» пресекаешь сомнения.

А знаешь, почему мальчуган хотел надеть в жаркий день пелерину? На коленке, на чулке у него безобразная заплатка, а в саду будет девочка, которую он любит.

У тебя нет времени, ты не можешь все время следить, вдумываться, искать скрытые мотивы явно нелепого желания, проникать в неисследованные тайники детской логики, фантазии, искания истины — приспособляться к стремлениям и вкусам ребенка.

Ты будешь делать эти ошибки, потому что не ошибается только тот, кто ничего не делает.

35. Я вспыльчив. Олимпийское спокойствие и философское равновесие духа не мой удел. Плохо. Ну что же, коли иначе я не могу.

Когда меня как какого-нибудь эконома отругает хозяйка-жизнь, я злюсь, что раб-ребенок не понимает, с каким трудом я добываю для него цепи длиннее на одно звено, на грамм легче. Я вижу сопротивление там, где мне нельзя уступить, и говорю, как чиновник: «ты должен», а как естествоиспытатель: «тебе не сделать». То я — батрак — злюсь, что скот лезет в траву, то я — человек — радуюсь, что дети живут. Попеременно я то тюремщик — слежу за предписанным циркулярами порядком, — то равный среди равных, раб среди сотоварищей-рабов, бунтую против деспота-закона.

Когда я врезаюсь лбом в проблему и бессилен, когда я слышу о грозных событиях и не могу их отгнать, я — сам страх, само предвидение, — глядя на их доверчивость и беззаботность, испытываю гневную скорбь и беспредельную нежность.

Когда я замечаю в ребенке бессмертную искру похищенного у богов огня — блеск непокорной мысли, гордость гнева, порыв энтузиазма, осеннюю грусть, сладость жертвы, застенчивое достоинство, энергичные, радостные, уверенные, активные поиски причин и целей, настойчивость попыток, грозный голос совести, —

я смиренно преклоняю колени, я хуже тебя, я слабый, я трус.

Что же я еще для вас, как не баласт, мешающий вольному полету, паутина на ваших ярких крыльях, ножницы, кровавая обязанность которых срезать буйные побеги?

Я стою у вас на дороге и беспомощно топчусь на месте, брюзжу, пристаю, замалчиваю, неискренне убеждаю — бесцветный и смешной.

36. Хороший воспитатель от плохого отличается только количеством сделанных ошибок и причиненного детям вреда.

Есть ошибки, которые хороший воспитатель делает только раз и, критически оценив, больше не повторяет, долго помня свою ошибку. Если хороший воспитатель от усталости поступит бес тактно или несправедливо, он приложит все усилия, чтобы как-то механизировать мелкие надоедливые обязанности, ведь он знает, что все неладное от нехватки у него времени. Плохой воспитатель свои ошибки сваливает на детей.

Хороший воспитатель знает, что стоит подумать и над пустяжным эпизодом, за ним может стоять целая проблема — не пренебрегает ничем.

Хороший воспитатель знает, что он делает по требованию торжествующих властей, господствующей церкви, в силу укоренившейся традиции, принятого обычая, под железным диктатом существующих условий. И он знает, что диктат этот имеет в виду добро детей лишь постольку, поскольку учит гнуть спины, подчиняться, рассчитывать, приучает к будущим компромиссам.

Плохой воспитатель полагает, что дети и в самом деле должны не шуметь и не пачкать платье, а добросовестно зубрить грамматические правила.

Умный воспитатель не куксится, когда он не понимает детей, а размышляет, ищет, спрашивает их самих. И они его научат не задевать их слишком чувствительно — было б желание научиться!

37. «У меня наказаний нет», — говорит воспитатель, иногда и не подозревая, что не только есть, но и очень суровые.

Нет темного карцера, но есть изоляция и лишение свободы. Поставит в угол, посадит за отдельный стол, не позволит съездить домой. Отберет мячик, магнит, картинку, пузырек из-под одеколona, — значит, есть и конфискация собственности. Запретит ложиться спать вместе со старшими, не позволит на праздник надеть новое платье, — значит, и лишение особых прав и льгот. Наконец, разве это не наказание, если воспитатель холоден, недружелюбен, недоволен?

Ты применяешь наказания, ты только смягчил или изменил их форму. Дети боятся, будь это большое, маленькое или только символическое наказание. Понимаешь: дети боятся, — значит, наказания существуют.

Можно высечь самолюбие и чувства ребенка, как раньше секли розгами тело.

38. Наказаний нет, я ему только объясняю, что он плохо поступил. А как ты это объяснишь?

Скажешь, что, если не исправится, будешь вынужден его исключить? Наивный! Ты грозишь смертью! И не исключишь: тот, кого в прошлом году исключили, был больной, ненормальный, а этот здоровый, симпатичный сорванец, из него выйдет дельный парень; ты его хочешь только попугать. Ведь и нянька не отдаст ребенка нищему и не заведет его в лес, чтобы его волки съели, и она только грозитя.

Вызовешь опекунов на беседу — еще более изощренная угроза.

Ты грозишь, что заставишь спать в коридоре, есть на лестнице, наденешь на него слюнявчик — всегда грозишь наказанием ступенью выше тех, которые в ходу.

Иногда угрозы бесплотны, неопределенны:

«В последний раз тебе говорю! — Увидишь, все это плохо кончится! — Доиграешься, наконец! — Больше повторять не стану, делай что хочешь. — Теперь уж я за тебя примусь всерьез!» Само разнообразие оборотов доказывает, что они широко распространены, и добавлю, что ими злоупотребляют.

Иногда ребенок верит всецело и всегда хотя бы наполовину.

«И что только теперь со мной будет?»

Правда, воспитатель пока не наказал, ну а если накажет, то когда и как? Боязнь неизвестного, неожиданного. Если ты его наказал — он уже обрел душевное спокойствие, а если ты ему только пригрозил, то, проснувшись на другой день, он готов будет тебя возненавидеть за то, что ты его так мучишь.

Можно угрозами держать детей в полном повиновении и при отсутствии критического отношения к себе думать, что это мягкий способ воздействия, тогда как на самом деле невыполненная угроза большое наказание...

39. Существует ошибочное, основанное на поверхностном наблюдении убеждение, что дети быстро забывают печали, обиды и решения. Только что плакал — и уже смеется. Едва поссорились, как уже вместе играют. Час назад обещал исправиться, и снова шкодит.

Нет, дети долго помнят обиды, они припомнят тебе оскорбление, нанесенное год назад. А не выполняет вынужденное обещание потому, что не может.

Заразившись общим весельем, ребенок бегает и играет, но он вернется к своим невеселым думам в тиши — за книжкой или вечером перед сном.

Порой замечаешь, что ребенок тебя избегает. Не подбежит с вопросом, не улыбнется, проходя мимо, не войдет к тебе в комнату.

— А я думал, вы еще сердитесь, — ответит, если спросить.

И с трудом вспоминаешь, что на прошлой неделе ты сказал ему из-за какого-то мелкого проступка что-то не совсем приятное, несколько повысив голос. И самолюбивый или впечатлительный

ребенок пережил в душе незаметно для тебя много неприятных минут.

Ребенок помнит.

Вдова в глубоком трауре, забывшись в шутливой беседе, громко рассмеется и тут же спохватится: «Ах, я смеюсь, а мой бедный муж...» Она знает: так надо. Ты быстро научишь детей этому искусству: сделай выговор, что он веселый, а должен быть грустным и сокрушенным, и он послушается. Мне не раз случалось видеть, как принимавший живое участие в играх мальчик делал печальное лицо, поймав мой грозный взгляд. «Ох, правда, неприлично веселиться, когда на тебя сердятся».

Помни, есть дети, которые только прикидываются, что им все равно: пусть, мол, воспитатель не думает, что они боятся, огорчены, помнят. А если цель наказания — сбить с них спесь, так это уже для них становится делом чести. И это дети, которые, пожалуй, острее всего воспринимают и долго помнят.

40. Наказаний нет — только выговор, напоминания — слова. Ну а если под этими словами кроется желание опозорить?

«Взгляни, как выглядит твоя тетрадка! На кого ты похож! Ну и отличился! Погляди-ка, что он устроил!»

А публика-товарищи обязаны иронически улыбаться и выражать удивление и презрение. Это делают не все — и чем ребята честнее, тем они сдержаннее в выражении нелестного мнения.

Существует другой вид наказания: упорное пренебрежение, унижительное примирение с существующим положением вещей.

— Ты еще не съел? Опять последний? Опять забыл?

Посмотришь укоризненно, вздохнешь с отчаянием, махнешь безнадежно рукой.

Сознавая свою вину, правонарушитель вешает голову, а иногда, полный внутреннего бунта и неприязни, косится исподлобья на травящую его свору, чтобы при случае задать кому следует.

— Дай мне то, дай мне это, — чаще, чем другие, повторял один мальчик.

В довольно резкой форме я приструнил его за эту некрасивую привычку. Год спустя, записывая детские прозвища, я столкнулся с отголоском моего бестактного выступления — у этого мальчика было мучительнейшее для самолюбия прозвище: «Даймнеэтопопрошайка».

Высмеивание — большое и очень болезненное наказание.

41. Ты взываешь к чувствам.

— Так вот как ты меня любишь? Так-то ты выполняешь обещание?

Ласковой просьбой, добродушным укором, поцелуем в залог желанного исправления ты наконец добиваешься нового обещания.

А у ребенка тяжело на душе: признательный за доброту и великодушное прощение, беспомощный, часто не веря в исправление, он возобновил обещание, решив еще раз вступить в жестокий бой со

своей вспыльчивостью, ленью, рассеянностью — с собой.

— А что будет, если я опять забуду, опоздаю, ударю, дерзко отвечу, потеряю?

Порой поцелуй налагает более тяжкие оковы, чем розга.

Разве ты не замечал, что если ребенок после данного обещания исправиться что-нибудь натворил, то уж держись: за первой провинностью следует и вторая, и третья?

Это боль понесенного поражения и досада на воспитателя за то, что, коварно вырвав у него обещание, он принудил его к неравному бою. И если ты вторично взовешь к его совести и чувствам, он тебя резко оттолкнет.

На гнев ты отвечаешь бурной вспышкой гнева, криком. Ребенок не слушает, он только чувствует, что ты выкидываешь его из своего сердца, лишаешь расположения. Чужой, одинокий — вокруг пустота. А ты в исступлении обрушиваешь на него все, какие есть, наказания: угрозу, упреки, насмешку и более существенные меры.

Обрати внимание, с каким сочувствием смотрят на него товарищи, как ласково стараются утешить:

— Это он только так говорит. Не бойся — это ничего, не горюй, он забудет.

И все это осторожно, чтобы не досталось от воспитателя и не влетело от взбунтовавшейся жертвы.

Всякий раз, учинив «великий скандал», я испытывал наряду с неприятным ощущением светлое чувство. Я был несправедлив к одному, но зато многих научил великой добродетели — солидарности в несчастье. Маленькие рабы знают, что такое боль.

42. Иногда выговаривая ребенку, ты читаешь в его взгляде тычачу бунтовщических мыслей.

«Ты, может, думаешь, я забыл? Я все помню».

Неумело изображая раскаяние, ребенок говорит тебе злыми глазами:

«Я не виноват, что у тебя такая хорошая память».

Я: — Я был терпелив. Ждал, может, справишься.

Он: «Эка беда. Не надо было ждать».

Я: — Я думал, ты, в конце концов, возьмешься за ум. Я ошибался.

Он: «Умные не ошибаются».

Я: — Раз я прощаю, ты, поди, думаешь, что тебе все можно?

Он: «Вовсе я так не думаю. И когда это только кончится!»

Я: — Нет, с тобой невозможно выдержать.

Он: «Болтай, болтай, ты сегодня зол, как черт, вот и цепляешься...».

Подчас ребенок во время нагоняя проявляет удивительный стоицизм.

— Сколько раз я тебе повторял: не смей прыгать по кровати! — мечу я громы и молнии. — Кровать это тебе не игрушка. Хочешь играть — играй в мячик, решай кроссворды...

— А что это такое — «кроссворды»? — спрашивает он с любопытством.

Вместо ответа я дал ему по рукам...

В другой раз, после бурного разговора, у меня спросили:

— Скажите, пожалуйста, отчего, когда кто-нибудь злится, он делается красный?

В то время когда я напрягал голосовые связки и ум, чтобы обратить его на стезю добродетели, он, видите ли, изучал игру красок у меня на лице! Я поцеловал его — он был очарователен.

43. Дети правильно ненавидят огульные обвинения.

«С вами добром нельзя... Опять вы... Если вы не исправитесь...»

Почему за проступок одного или нескольких должны отвечать все?

Если повод к взбучке дал маленький циник, он останется доволен: вместо полной порции гнева ему досталась лишь часть. Честный же будет слишком потрясен, видя столько невинных жертв своего преступления.

Иногда буря разражается над определенной группой детей: «совсем никудышные мальчишки» — или наоборот: «на редкость испорченные девчонки», чаще же всего: «старшие, вместо того чтобы показать пример... смотрите, как хорошо ведут себя малыши».

Здесь, кроме справедливого гнева невинных, мы вызываем смущение у тех, кого хвалим, которые знают за собой много грехов и помнят, как сами стояли у позорного столба. Наконец, мы даем возможность нехорошо торжествовать маленьким насмешникам: «ага... а видите... эге...».

Однажды я хотел особо торжественно прореагировать на невыясненную кражу. Я вошел в спальню к мальчикам, когда они уже засыпали, и, стуча в такт о спинку кровати, громко заговорил:

— Опять кража! С этим надо кончать. Жалко времени и труда на то, чтобы растить воров...

Эту же довольно длинную речь я повторил в спальне девочек.

На другой день между мальчиками и девочками шел такой разговор:

— И у вас он орал?

— Ясно, орал.

— Говорил, что всех выгонит?

— Говорил.

— И стучал кулаком по кровати?

— Да еще как, изо всей силы.

— А по чьей он кровати стучал? У нас так по Манюскиной.

Каждый раз, выступая с огульным обвинением, я огорчал наиболее честных, раздражал всех и делал из себя посмешище в глазах критически настроенных: «Ничего, пусть себе немножко позлится — это ему полезно».

44. Разве воспитатель не понимает, что значительная часть наказаний несправедлива?

Драка.

— Он меня первый ударил.

— А он дразнился... Взял и не отдает!

— Я только так, ради шутки (помешал, испачкал)...

— Это он меня толкнул, а не я.

И ты наказал или обоих (почему?), или старшего, который должен уступить младшему (почему?), или того, кто по простой случайности ударил больнее, вреднее для здоровья. Ты наказал, драться нельзя. А жаловаться можно?

Ребенок пролил, сломал.

— Я нечаянно.

Он повторяет тебе твои собственные слова: ты ведь велишь прощать, если ему причинят вред нечаянно.

— Я не знал... Я думал, можно.

Он опоздал, потому что... он это умеет делать, но...

Объяснения правильные, а тебе кажутся уверткой.

Это двойная несправедливость: ты и не веришь, хотя он говорит правду, да еще несправедливо наказываешь.

Иногда условное запрещение случайно становится категорическим, а то и вовсе перестает быть запрещением.

В спальне шуметь нельзя, а говорить вполголоса можно. Если тебе весело, ты и сам посмеешься над невинной проделкой, а если устал, прекратишь обычную для спальни болтовню, хотя бы только замечто:

«Довольно болтать... Ни гу-гу... Кто скажет хоть слово...»

В канцелярию детям входить не разрешается, но они входят. Как раз сегодня у тебя месячный отчет, тебе нужен покой. Мальчуган не знал, вошел, и ему влетело. Если бы ты его даже не вывел за ухо, если бы только сказал: «Чего прилез? Вон сейчас же!» — твой гнев — незаслуженное наказание.

45. Во время игры в мяч он разбил стекло — ты простил, стекло бьют редко, не знаешь, кто собственно, виноват, не любишь наказывать.

Но когда разбито уже четвертое стекло, когда разбил его хронический озорник, за которым вдобавок значится в школе плохая отметка, ты наказываешь — криком, угрозой, злостью.

— Я нечаянно, — отвечает он смело, а по-твоему, дерзко.

...Четвертое окно... озорник... плохой ученик... лентяй... еще дерзит... Воспитатель, уверяю тебя, ты дашь ему по рукам. А ведь ребенку не понять, да и не надо ему мириться с тем, что ты его наказал для примера, потому что, как менее впечатлительный, он удобный объект для эффективного наказания; и что ты подверг его наказанию не за один этот поступок, а за всю его деятельность в совокупности.

Он знает только, что детям А, Б, В ты простил, а его вот несправедливо наказал...

Допустим, ты поступил по-другому: отобрал у ребят мяч.

— Играть в мяч нельзя.

И это несправедливо: наказание коснулось десятка невинных ребят.

Еще мягче: ты предупреждаешь, что, если они еще раз разобьют стекло, ты отберешь мяч, то есть применяешь несправедливо наказание — угрозу — ко всем ребятам, хотя виноваты будут только четверо.

И из этих четверых не все виноваты, потому что один разбил стекло, на котором уже была трещина, другой разбил не целиком, а только с уголка, а третий, оно правда, и разбил, но ведь его подтолкнули, и виноват, собственно, только этот четвертый, который всегда сделает что-нибудь такое, из-за чего воспитатель злится.

46. Ты простил безоговорочно. Ты полагаешь, ты поступил правильно? Ошибаешься.

«Да, попробуй-ка я это сделать», — думает один.

«Ему все можно, — думает другой, — воспитатель его любит».

Опять несправедливость.

Есть дети, для которых насупленные брови, резкое замечание или мягкое: «Ты меня огорчил» — достаточное наказание. Но если ты желаешь такого ребенка простить, другие должны понять, почему ты это делаешь, и он сам должен понять, что ему можно не больше, чем остальным. Иначе ты его избалуешь, распустишь и отдашь на растерзание затронутой в своих правах толпе. Ты совершишь ошибку, и он и остальные дети тебя накажут.

Забудь на минутку о четырех выбитых стеклах, а собственно говоря, о двух, раз на одном уже была трещина, а у второго отбит только уголок. Забудь и погляди, сколько ребят, сбившись в кучки, обсуждают несчастный случай. И в каждой кто-нибудь агитирует за тебя или против.

«Правые» утверждают, что стекло дорогое и что у воспитателя будут неприятности в правлении — слишком, мол, добрый, дети не слушаются. У него всегда непорядок: следовало наказать строже.

«Левые» (сторонники игры в мяч):

— Ни во что играть нельзя, все запрещают. Сделай что-нибудь, сразу в крик, и пошло: угрозы, скандалы. Нельзя же целый день сидеть, точно кукла какая.

И только «центр» принимает все с доверием и смирением.

Не улыбайся снисходительно — это не шутка, не мелочи; это и есть жизнь в казармах.

Значит, раз и навсегда, принципиально и во всех случаях отказаться от наказаний, предоставив детям полную свободу? А если своеволие ребенка-единицы ограничивает права массы? Своевольный и сам не учится, и другим не дает, и свою постель не постелет, и чужую разворошит, и свое пальто запропастит, да еще чужое возьмет — что тогда?

47. «Некрасиво жаловаться, я не разрешаю жаловаться».

А что делать ребенку, если его обокрали, оскорбили отца или мать, наговорили на него товарищам, если ему угрожают, подбивают на плохое?

Некрасиво жаловаться. Кто установил это правило? Дети ли переняли его от плохих воспитателей, или воспитатели от плохих детей? Потому что оно удобно только для плохих и самых плохих.

Тихих и беспомощных будут обижать, эксплуатировать, обирать, а позвать на помощь, потребовать справедливости — нельзя! Обидчики торжествуют, обиженные страдают.

Недобросовестному, неумелому воспитателю удобно не знать, что вытворяют ребята, он машет рукой на их споры, не умея их умно рассудить.

«Лучше всего пускай сами мирятся». И тут, когда дело коснулось его собственного удобства, его вера в них заходит так далеко, что он полагается на их разум, опыт, справедливость и представляет в столь важной области свободу действий.

Свободу? Ну нет: драться нельзя, ссориться нельзя, ты даже не разрешишь ему выйти из игры, не дашь устраниваться. Ребенок поссорился и не хочет — всего-навсего — рядом спать, сидеть за столом, ходить в одной паре. Такое справедливое, естественное желание — и нельзя.

Дети легко ссорятся? Неправда, они дружны и снисходительны. Попробуй засади человек сорок служащих в одну комнату на неудобные скамьи и держи по пяти часов кряду за ответственной работой под неусыпным надзором начальника — да они глаза друг другу выцарапают!

Вслушайся в детские жалобы и изучай их, и ты найдешь способ во многом им помочь. Сосед задел локтем тетрадку, и поперек страницы поехала некрасивая черта, или перо воткнулось в бумагу, разбрызгивая чернила. Самая частая жалоба в классе.

48. Особый характер носят жалобы на переменах.

— Он не дает играть, он мешает...

Перемена приводит некоторых ребят в дикое, полубессознательное состояние. Носятся, скачут, толкаются, бессмысленные крики, бестолковые движения, безответственные поступки. Вот он бежит куда глаза глядят, наталкиваясь на идущих, размахивая руками, издавая возгласы, наконец, ударяет первого встречного ученика. Обрати внимание, как часто тот, кого толкнули или ударили, сердито обернется и молча посторонится.

А есть дети, которые пристанут ни за что ни про что и не отстанут. «Уйди, оставь» для них сигнал как раз не уходить. Ребята не любят таких, презируют за отсутствие самолюбия и такта и жалуются:

«Мы играем, а он... Господин воспитатель, он всегда... Стоит нам начать играть, как он...»

Жалобщик в гнев («вскипятился»), в голосе отчаяние. Перемена короткая, жалко каждой драгоценной минуты, а тут отравляют, крадут у тебя последние минуты свободы...

Помни, ребенок обращается к тебе только в крайнем случае, выведенный из терпения, беспомощный, не желающий драться. Он зря теряет время и рискует получить небрежный или резкий ответ. У тебя должна быть наготове привычная фраза, это сэкономит тебе работу мысли.

— Мешает? Позови-ка его сюда, — говорю я.

Часто все на этом и кончается. Надо было отогнать нахала, тот, видя, что товарищ пошел жаловаться, спрятался, — значит, цель достигнута.

Если жалобчик возвращается: «А он не хочет идти» — я грозно говорю тогда: «Скажи, чтобы немедленно явился».

Вообще дети жалуются очень редко и неохотно. Если некоторый процент жалуется часто, надо это изучить и подумать почему. Ты никогда не узнаешь детей, пренебрегая их жалобами.

49. «Господин воспитатель, можно? Разрешите? Вы мне позволите?»

Мне кажется, воспитатель, который не любит жалоб, в равной мере не переносит и просьб. Желая, однако, и тут подыскать убедительную мотивировку, он ссылается на принцип, гласящий:

— Все дети на равных правах. Никаких исключений, никаких привилегий.

Справедливо ли это? Или, может быть, только удобно?

Необходимость часто отвечать: «Нельзя. — Не позволю. — Не разрешаю» — неприятная необходимость. Когда нам кажется, что мы свели запреты и приказы до минимума, нас сердит, если ребята требуют дальнейших уступок. Иногда мы и признаем справедливость просьбы, да запрещаем, так как одна удовлетворенная просьба вызывает целый ряд просьб других детей. Мы стремимся достичь идеала, чтобы дети знали определенные границы и большего не требовали.

Но если ты взвалишь на себя тяжелую обязанность не просто отклонять детские пожелания, а выслушивать их, если будешь их записывать и разбивать по рубрикам, ты убедишься, что бывают желания повседневные и совершенно исключительные.

Постоянные назойливые просьбы о перемене места за столом. Мы позволили ребятам раз в месяц меняться местами. Об этой незначительной реформе можно было бы написать обширную монографию, столько в ней положительных сторон, а обязаны мы ею исключительно неотвязным просьбам.

Горе ребятам и воспитателю, который умеет подавить каждое не предусмотренное регламентом желание. Благодаря им, как и благодаря жалобам, ты познаешь большинство тайн детской души.

50. Кроме детей, которые обращаются к воспитателю по своему делу, бывают просьбы через послов.

«Он спрашивает, не разрешите ли вы ему? а можно ему?..»

Долгое время этот вид просителей меня злил, и по многим причинам.

Часто послами бывают дети, у которых и своих дел хватает, и уже успели тебе с ними надоесть; приходят обычно они не вовремя, когда ты торопишься, занят, не в настроении; просьбы часто такие, что ответ должен бы быть явно отрицательным; это создает впечатление протекции — а не припишет ли посол себе заслугу благоприятного решения? Наконец, в этом есть вроде как бы неуважение: «Приди-ка сам, изволь побеспокоиться, а не проси через адвоката».

Бесплодность борьбы с такими просьбами заставляла искать более глубокую причину этого явления. И я нашел ее.

Я обнаружил общечеловеческую, а не чисто детскую тонкость души. Резкий ответ не обижает просящего за другого, лично не заинтересованный проситель не видит недовольного лица, кривой усмешки, нетерпеливого жеста. Ему важен отказ, как таковой.

Мне случалось видеть, как настоящий проситель наблюдал издали, какой эффект вызовет его просьба, готовый по первому зову подойти и дать разъяснения.

Когда мы ввели в Доме Сирот систему письменного общения с детьми, количество просьб через послов значительно сократилось, и у нас появился готовый ответ:

«Пусть напишет, чего он хочет и почему».

51. До тошноты часто повторяется *ex cathedra** предписание отвечать детям на вопросы. И, слепо поверив в него, бедный воспитатель вступает в конфликт с совестью, потому что не может, не умеет, не обладает достаточным терпением непрерывно выслушивать вопросы и вечно давать ответы. И даже не подозревает, что чем чаще он бывает вынужден отделаться коротким «не надоедай» от маленького пристава, тем он лучше как воспитатель.

«Я хорошо написал, вычистил башмаки, вымыл уши?»

Если первый спрашивает, потому что у него есть сомнения, то уже следующие желают только обратить на себя внимание, прервать начатую работу, получить лишнюю похвалу.

Бывают вопросы трудные, на которые лучше не отвечать совсем, чем отделяться поверхностным, непонятным объяснением. Поймет, когда будет изучать физику, космографию, химию. Поймет, когда будет изучать физиологию. А вот этого никто не знает, даже взрослые, даже учитель — никто.

Следует принять во внимание самого ребенка: вдумчивый он или поверхностный, что побудило его спросить — беспредметное ли любопытство или желание разрешить мучающий его вопрос, тайну природы, этическую проблему — и, наконец, возможность ответа. И мое «посмотри в книжке — тебе не понять — не знаю, спроси у меня через неделю» или «не морочь мне голову» будет результатом многих правильно учтенных обстоятельств.

Я смотрю с подозрением на воспитателя, который утверждает, что он терпеливо отвечает детям на вопросы. Коли не врет, он, возможно, настолько чужд детям, что они действительно редко и лишь в виде исключения обращаются к нему с вопросами.

52. Если жалобы, просьбы и вопросы — ключ к познанию детской души, то сделанное шепотом признание — настезь распахнутые в нее ворота.

Вот добровольное признание, сделанное через несколько месяцев после имевшего место факта:

«Мы очень на вас были злы, он и я. Вот мы и уговорились, что один из нас заберется ночью через окно к вам в комнату, возьмет очки и выбросит в уборной, а потом подумали, что ведь жалко выбрасывать, что мы только спрячем. Мы не спали и ждали до двенадцати часов ночи. Когда я уже встал, чтобы идти, один мальчик проснулся и пошел в уборную. Но я потом все равно опять встал. Влез я в окно — сердце во как колотится! Очки лежали на столе. Вы спали. Я их взял и спрятал у себя под подушкой. Поэтому мы испугались. Не знали, что и делать. Потом он сказал: «Надо положить на место». А я ему сказал, чтобы он положил. А он не захотел. Тогда я опять встал, но уже в комнату не влезал, а просто положил и немножечко еще подтолкнул».

Зная обоих, я понимаю, откуда исходила инициатива, как выработывался план действий и почему месть не была доведена до конца.

Одному этому факту можно было бы посвятить целый трактат, такой это богатый материал для размышлений.

53. Улыбаясь ребенку — ждешь в ответ улыбку. Рассказывая что-нибудь любопытное — ждешь внимания. Сердишься — ребенок не должен огорчиться.

Это значит, ты получаешь нормальную реакцию на раздражение. А бывает и по-другому: ребенок реагирует парадоксально. Ты имеешь право удивиться, обязан задуматься, но не сердись, не дуйся.

Ты подходишь к ребенку с дружеским чувством, а он отворачивается с досадой, а то и явно тебя избегает: может быть, это ты перед ним виноват, а может быть, это он провинился, сделал что-нибудь плохое и честность не позволяет принять незаслуженную ласку. Возьми это на заметку и через неделю или месяц попроси объяснить: может быть, он забудет, может быть, скажет, а может быть, по его улыбке или смущению ты поймешь, что он помнит, только не хочет сказать. Воспитатель, отнесись к его тайне с уважением.

Однажды я приструнил ребят:

— Что это за шушуканья по углам? Прячетесь в классной комнате... Вы же знаете, я этого не люблю!

Ответом мне были: стоическая покорность, злостное упрямство, своевольная ясность духа. Мое внимание должно было бы привлечь явное отсутствие раскаяния; я не понял и подозревал преступные козни наших неслухов. А это ребята в секрете репетировали комическую пьеску, которой думали нас порадовать. Еще сегодня я краснею при мысли, как я был смешон в своем ожесточении.

54. «У моего мальчика от меня нет секретов, он делится со мной всеми своими мыслями», — говорит мать.

Я не верю, что это так, но верю, что она этого требует, и знаю, что она делает ошибку.

Пример:

Мальчик видит на улице похороны. Величественная процессия — фонари, торжественность. За гробом следует ребенок: в своем отделанном черным крепом платье он участник исполненного таинственной поэзии обряда. И у мальчика мелькает мысль: должно быть, это приятно, когда мама умирает... И он с ужасом смотрит на мать. Ой, он не хочет, чтобы мама умерла, и откуда только такие мысли?

Ну можно ли, позволительно ли такую мысль высказать? И вправе ли мы тревожить ребенка в момент грозного конфликта с совестью?

Если ребенок поверит тебе свою тайну, радуйся, потому что его доверие — высочайшая награда, лучшее свидетельство. Но не принуждай ни просьбами, ни хитростью, ни угрозами, все способы одинаково недостойны и не сблизят тебя с воспитанником, а скорее разъединят.

Надо убедить детей в том, что мы уважаем их тайны, что вопрос «Не можешь ли ты мне сказать?» не значит «ты должен». Пусть на мое «почему» он ответит искренне, без уверток: «Я не могу вам этого сказать. — Я вам потом когда-нибудь скажу. — Никогда не скажу».

55. Однажды я заметил, как одиннадцатилетний мальчик подошел к девочке, которую он любил, и что-то шепнул ей. В ответ она покраснела, опустила голову и недоуменно пожала плечами.

Несколько дней спустя я спросил его, с чем он тогда к ней обратился. Никакого замешательства, искреннее желание вспомнить.

— Ах да, я спросил у нее, сколько шестнадцатью шестнадцать.

Я был ему так благодарен — столько он пробудил во мне хороших душевных мыслей.

Другой раз мне стало известно, что с одной девочкой, когда она шла вечером через сад, случилась какая-то загадочная история. Наши ребята ходят в город без провожатых и в одиночку — это входит в программу воспитания, и отказаться от этого было бы очень жаль. Мы решили удвоить бдительность. Случай в саду меня сильно беспокоил. Я потребовал, чтобы она во всем созналась, припугнув, что иначе не буду пускать одну.

Она сказала, что, когда шла по саду, пролетающая птичка испачкала ей шляпку: «сделала мне на голову».

Мне кажется, из нас двоих я был более сконфужен.

Будь мы более деликатны по отношению к детям, как часто нам приходилось бы стогать со стыда за ту нечистоплотность жизни, которую они застали и от которой мы их не в силах уберечь.

56. Тихий шепот признаний подчас бывает шепотом доносов. Не возмущайся лицемерно: ты выслушаешь доносчика, твоя обязанность выслушивать.

— Он вас ругает, обозвал нехорошим словом.

— Откуда ты знаешь, что он меня ругает?

— Нас много слышало.

Значит, услышал случайно, не подслушал.

— Ну ладно, только зачем ты мне это говоришь?

Смущение: ну сказал и сказал.

— Ну а знаешь ты, почему он меня ругал?

— Разозлился, что вы...

Суть доноса — ерундовая, цель — неясная. Наверное, думал заинтересовать воспитателя, импонировала мысль, что вот, мол, владеет великой тайной и делится ею со старшим.

— А ты сам не ругаешься, когда злишься?

— Иногда и ругаюсь.

— Не делай этого, это дурная привычка.

Не читай ему нравоучений, может быть, он хотел тебе добра, а если нет, несколько ставящих в тупик вопросов и отсутствие интереса к сообщению — достаточное наказание.

57. Преступная цель: желал отомстить.

— Старшие мальчики говорят разные свинства, и у них какие-то неприличные картинки есть и стихи.

— Какие такие картинки и стихи?

Не знает. Он спрятался и подслушивал. А говорит потому, что такие картинки иметь не разрешается. Он хочет, чтобы этих мальчишек наказали.

— А ты, случайно, не просил показать тебе картинку?

Просил, да они не захотели, сказали, что он мал еще.

— А я могу им сказать, от кого я узнал?

Нет, нельзя: они его побьют.

— Раз ты мне не позволяешь сказать, от кого я это знаю, то я не могу им ничего сделать. Они могут подумать на кого-нибудь другого и побьют его.

Ну ладно, он не боится: поступайте как знаете.

— Спасибо, что сказал. При случае я поговорю с ними, попрошу больше этого не делать.

Я говорю ему «спасибо»: он заметил то, что я сам обязан был заметить. А разговор о том, что месть уродлива, я откладываю на после. На сегодня довольно, он ожидал другого эффекта — выстрел не попал в цель.

58. Дело, может быть, очень серьезное, цель — благая.

Он был в доме, где скарлатина. — Малыши забиваются в раздевалку и курят, они дом поджечь могут. — Икс подговаривает Игрека украсть. — Зет относит сторожу еду и взамен получает яблоки. — Вчера на улице какой-то господин предлагал девочке пойти в кондитерскую и прокатиться на автомобиле.

Ребенок знает, зачем он это говорит. Заметив опасность или заслуживающий наказания поступок, он колебался, не знал, что делать, и вот приходит посоветоваться, потому что тебе доверяет. Ребята рассердятся, будут избегать его, — что ж, ничего не поделаешь. Он свой долг выполнил: предостерег.

Я должен относиться к нему как к товарищу, который помог мне решить трудный вопрос. Ребенок оказал мне большую услугу. А теперь мы вместе с ним думаем, как быть дальше.

Помни, всякий раз, когда к тебе приходит ребенок с чужой тайной, он тебя обвиняет:

«Ты не выполнил свой долг: не знаешь. А не знаешь потому, что ты пользуешься у детей доверием, да только относительным — дети тебе доверяют, да не все».

59. После того как ты узнал, не спеши. Не давай бесчестному доносчику торжествовать: «Я, мол, обратил внимание, я, мол, выполнил важную миссию». Твой долг защитить честного ребенка от мести — вражды. Откладывая обсуждение дела в долгий ящик, ты получаешь возможность, усилив бдительность, заметить все сам.

Дальше: если, заметив провинность, ты немедленно бьешь тревогу, дети могут быть уверены, что, раз ты молчишь, ты не знаешь.

«Откуда вы знаете, а когда вы это узнали, а почему вы сразу не сказали?» — вот о чем чаще всего спрашивают ребята, когда напоминаешь им старый грех.

Еще раз: не спеши. Выжди удобный момент и поговори с ребенком, когда он дружелюбно настроен, а само дело с течением времени перестало быть важным и актуальным. Ох, это было давно, месяц тому назад. И он тебе откровенно расскажет, что его толкнуло на дурной поступок, и как он его совершил, и что чувствовал до, во время его и после.

Дальше: не рассердишься, у тебя будет время обдумать, взвесить, подготовиться. От разумного решения зависит подчас все твое дальнейшее отношение к ребенку или к группе ребят.

Пользуясь твоим хорошим настроением, он просит у тебя ящик с ключиком.

— С большим удовольствием. Будешь лучше прятать свои неприличные картинки, чтобы малыши не нашли.

Пристыжен, ошеломлен, удивлен.

Теперь он захочет с тобой поговорить. Не спеши! Чуть остыв, он сам отдаст тебе картинку (утратит прелесть новизны), скажет, от кого получил, кому давал посмотреть. Чем ты спокойнее говоришь, тем всё проще, чем умнее, тем ближе к сути дела.

60. Мой принцип:

«Пусть дитя грешит».

Не будем стараться предупреждать каждое движение, колеблется — подсказывать дорогу, оступится — лететь на помощь. Помни, в минуты тягчайшей душевной борьбы нас может не окзаться рядом.

«Пусть дитя грешит».

Когда со страстью борется еще слабая воля, пусть дитя терпит поражение. Помни: в конфликтах с совестью вырабатывается моральная стойкость.

«Пусть дитя грешит».

Ибо, если ребенок не ошибается в детстве и, всячески опекаемый и охраняемый, не учится бороться с искушениями, он вырастает пассивно-нравственным — по отсутствию возможности согрешить, а не активно-нравственным — нравственным благодаря сильному сдерживающему началу.

Не говори ему:

«Грех мне противен».

Скажи лучше:

«Не удивляюсь, что ты согрешил».

Помни:

«Ребенок имеет право солгать, выманить, вынудить, украсть. Ребенок не имеет права лгать, выманивать, вынуждать, красть».

Если ребенку ни разу не представился случай выковырять из кулича изюминки и тайком съесть их, он не мог стать честным и не будет им, когда возмужает.

— Возмутительно!

Лжешь.

— Я тебя презираю!

Лжешь.

— Никогда я от тебя этого не ожидал... Значит, даже тебе нельзя доверять?

То-то и плохо, что не ожидал. Плохо и то, что безоговорочно доверял. Никудышный ты воспитатель: не знаешь даже, что ребенок — человек.

Ты возмущаешься не потому, что видишь грозящую ребенку опасность, а потому, что ребенок может испортить репутацию твоего учреждения, твоей педагогической системы и лично твою: ты заботаешься исключительно о себе.

61. Позволь детям ошибаться и радостно стремиться к исправлению.

Детям хочется смеяться, бегать, шалить. Воспитатель! Если для тебя жизнь — кладбище, позволь им в ней видеть лужайку. Сам во власянице — банкрот брэнного счастья или кающийся грешник — имей мудрую снисходительную улыбку.

Здесь должна — должна царить атмосфера полной терпимости к шутке, проказе, насмешке и подвоху и наивному греху лжи. Здесь не место суровому долгу, каменной серьезности, железной необходимости, непоколебимому убеждению.

Всякий раз, впадая в тон моастырского колокола, я делал ошибку.

Верь мне, интернатская жизнь потому нам кажется мутной, что мы требуем от нее слишком высокого идейного уровня. В сотый раз повторяю: в казарменной обстановке интерната не воспи-

таешь ни дивно цельной честности, ни пугливой чистоты, ни девственной невинности чувств, не знающих, что зло существует.

И не потому ли ты так любишь этих своих честных, беззаветных, кротких, что знаешь, как им будет тяжело на свете?

Да и может ли обойтись любовь к правде без знания дорог, которыми ходит кривда? Разве ты желаешь, чтобы отрезвление пришло внезапно, когда жизнь кулаком хама смажет по идеалам? Разве, увидав тогда твою первую ложь, не перестанет сразу твой воспитанник верить во все твои правды?

Если жизнь требует клыков, разве вправе мы вооружать детей одним румянцем стыда да тихими вздохами?

Твоя обязанность — воспитывать людей, а не овец, работников, не проповедников: в здоровом теле здоровый дух. А здоровый дух не сентиментален и не любит быть жертвой. Я желаю, чтобы лицемерие обвинило меня в безнравственности!

62. Дети лгут.

Лгут, когда боятся и знают, что правда не выйдет наружу.

Лгут, когда им бывает стыдно.

Лгут, когда ты их заставляешь сказать правду, которую они не хотят или не могут сказать.

Лгут, когда им кажется, что так надо.

— Кто это пролил?

— Я, — признается кто-нибудь и попытается оправдаться, если знает, что ты ему за это скажешь только: «Возьми тряпочку и подотри» — и самое большее добавишь: «разиня».

Он признается и в серьезном проступке, если будет знать, что воспитатель станет усиленно доискиваться, решив во что бы то ни стало узнать правду. Пример: нелюбимому мальчику налили в постель воды. Никто не признается. Я предупредил, что, пока виновный не сознается, не выпущу никого из спальни. Прошел тот час, когда старшие отправляются на работу; приближается время завтрака. Завтракать ребята будут в спальне. В школу они не пойдут, и так опоздали. В спальне шепот: совещаются. Часть ребят, безусловно, не виновата, остальные в разной степени под подозрением. Ребята уже, наверное, догадываются, кто мог это сделать, возможно, уже знают, возможно, уговаривают сознаться.

— Господин воспитатель...

— Это ты сделал?

— Я.

Наказание было бы излишне: подобный проступок не повторится...

Позволь ребенку хранить тайны: если ты дашь ему право сказать: «Знаю, но не скажу» — он не станет лгать, что не знает.

Позволь ребенку свободно признаваться в чувстве, не отвечающем установленной заповеди.

63. «Как вас дети любят», — говорит какая-нибудь сентиментальная особа.

Бывает, заключенные любят снисходительных надзирателей. Но есть ли хоть один ребенок, который не был бы в обиде на своего воспитателя? Какое-нибудь неприятное распоряжение, какая-нибудь когда-то сказанная резкость, затаенное желание, которое он не откроет, «раз все равно из этого ничего не выйдет». Если ребята думают, что они любят, то потому, что старшие им говорят, что так должно быть; другие не хотят отставать; некоторые и сами в толк не возьмут, любят они или ненавидят; а все они, видя мои недостатки, хотели бы меня немножко переделать, сделать лучше. Бедняги не знают, что самая большая моя вина — это то, что я перестал быть ребенком.

«Как вас дети любят».

Как ребята подбежали, прильнули ко мне, обступили, когда я пришел с войны! Но разве они не больше обрадовались бы, появившись в зале неожиданно белые мыши или морские свинки?

Мать, отец, воспитатель! Если ребенок полюбил тебя глубокой, всегда одинаково бескорыстной любовью, пропиши ему водные процедуры или даже немного брома.

64. Бывают минуты, когда ребенок тебя безгранично любит, когда ты ему нужен, как никто: когда он болен и когда он испугался ночью страшного сна.

Помню ночь, проведенную в больнице у постели больной девочки. Время от времени я давал ей вдыхать кислород. Девочка дремала, крепко держа меня за руку. Каждое движение моей руки сопровождалось словами: «Мама, не уходи», которые она шептала в полузабытии, не открывая глаз.

Помню, как, весь дрожа, в приступе безнадежного отчаяния, вошел ко мне мальчик, перепуганный сном о мертвецах. Я взял его к себе в кровать. Он рассказал сон, рассказал о покойных родителях и о своем пребывании после их смерти у дяди. Мальчик говорил задушевым шепотом, может быть, желая вознаградить за прерванный отдых, а может, из страха, что я усну раньше, чем от него отступятся злые видения...

У меня есть письмо мальчика, полное жалоб на меня и на Дом Сирот. Мальчик написал его на прощание. В письме он жалуется, что я не понимал его и был к нему злой и несправедливый. В доказательство, что он умеет ценить доброту, приведен пример: он, мол, никогда не забудет, что, когда у него однажды болел ночью зуб, я не сердился, что меня разбудили, и не брезговал, клал ему на зуб ватку с лекарством. За все свое двухлетнее пребывание в Доме Сирот он один этот факт считал достойным сердечного упоминания. А воспитатель обязан удалять больных детей из интерната и ночью после целого дня работы спать.

65. Не будем требовать от детей ни индивидуального, ни коллективного самопожертвования.

Папа, у которого много работы, мама, у которой болит голова, усталый воспитатель — все это может тронуть раз или несколько

раз; если же это постоянно — утомит, надоест, будет злить. Мы можем запугать детей так, что при первой же нашей гримасе боли или выражении неудовольствия они начнут говорить шепотом и ходить на цыпочках, но будут делать это нехотя, с перепугу, а не из чувства привязанности.

Да, дети будут послушные, серьезные — у воспитателя горе. Но пусть это случается редко, как исключение.

А разве мы, взрослые, всегда готовы уступать капризам, причудам и достопочтенным взглядам старцев?

Я думаю, многие дети вырастают в отвращении к добродетели потому, что ее безудачно внушают, перекармливая хорошими словами. Пусть ребенок сам открывает необходимость, красоту и сладость альтруизма.

Всякий раз, указывая детям на их обязанности по отношению к семье, младшим братьям и сестрам, я боюсь, что делаю ошибку.

Ребята сами принесут домой выигранные в лото картинки и конфеты, потому что им приятно видеть радость братишки, — а может быть, это только самолюбие? Что и они дают — как взрослые?

Ребенок берет в сберкассе накопленный им рубль и отдает сестре на башмаки. Прекрасный поступок! Но знает ли ребенок цену деньгам? Может быть, это просто легкомыслие?

Не сам поступок, а побуждение характеризует нравственный облик и потенциальные возможности ребенка.

66. Ребенок подавлен нашим авторитетом, обязанностью быть нам благодарным, уважать нас. Ребенок все это чувствует, но по-другому, по-своему.

Ребята уважают тебя за то, что у тебя есть часы, что ты получил письмо с иностранной маркой, что имеешь право носить при себе спички, поздно ложиться спать, подписываешься красными чернилами, что ящик у тебя запирается на ключ, — за то, что ты обладаешь всеми привилегиями взрослых. Намного меньше ребята уважают тебя за образование, в котором всегда усмотрят недостатки: «А вы умеете говорить по-китайски? А считать до миллиарда?»

Воспитатель рассказывает интересные сказки, а кухарка и сторож знают еще интереснее. Воспитатель играет на скрипке, а товарищ, играя в лапту, подкидывает мяч выше.

Добродушным детям импонируют все взрослые; настроенные же критически не склоняют головы ни перед нашим умом, ни перед нашей нравственностью. Взрослые врут, жульничают, они неискренние, прибегают к некрасивым уловкам. Если взрослые не курят потихоньку, то только потому, что могут курить открыто, ведь они делают что хотят.

Чем больше ты заботишься о поддержании авторитета, тем больше его роняешь; чем ты осторожнее, тем скорее его потеряешь. Если ты только не смешон до последней степени, не абсолютно туп и не стараешься по-дурацки вкратце в доверие у ребят, за-

игрывая и делая поблажки, они станут тебя на свой лад уважать.

На свой лад — это как? Я не знаю.

Ребята будут смеяться, что ты худой и высокий — толстый — лысый, что у тебя на лбу бородавка, что, когда ты сердишься, у тебя шевелится нос, а когда смеешься, голова уходит в плечи. И станут тебе подражать, и захотят быть худыми или толстыми и шевелить носом, когда сердятся.

Позволь им в какую-нибудь исключительную минуту в редкой задушевной беседе сказать тебе по-товарищески, что они о тебе думают.

— Вы такой странный. Иногда я вас люблю, а иногда так просто убил бы со злости.

— Когда вы что-нибудь говорите, кажется, что все это правда. А подумаешь и видишь, что вы ведь это только так говорите, потому что мы дети.

— Никогда нельзя узнать, что вы о нас на самом деле думаете.

— И выходит, что и посмеяться над вами нельзя, раз вы только иногда смешной.

67. Никто не запротестовал, что я в повести «Слава»* позволил одному из героев украсть. Я долго колебался, но не мог поступить иначе: этот паренек, с такой силой желаний и таким живым воображением, должен был один раз украсть.

Ребенок крадет, если ему чего-нибудь так крепко хочется, что он не в силах устоять.

Ребенок крадет, когда чего-нибудь очень много, — значит, одно можно взять. Крадет, когда не знает, кто хозяин. Крадет, если у него самого украли. Крадет, раз ему нужно. Крадет, потому что его подговорили.

Объектом кражи может быть камушек, орех, обертка от карамельки, гвоздик, спичечная коробка, осколок красного стекла.

Бывает, что все дети воруют, что детские кражи допускаются. Эти маленькие, не имеющие цены предметы составляют не то личную, не то общую собственность.

— Нате вам лоскутки, играйте.

А перессорятся — что тогда?

— Перестаньте ссориться: вон у тебя сколько, дай и ему.

Ребенок подает тебе найденное им сломанное перышко:

— Возьми и выброси.

Ребенок нашел разорванную картинку, шнурок, бусинку. Если можно выбросить, значит, можно и взять себе?

И мало-помалу перышко, иголка, кусочек резинки, карандаш, наперсток, наконец, каждый валяющийся на окне, столе или на полу предмет становится как бы общей собственностью. И если в семье из-за этого каждый день сотня ссор, в интернате их будут тысячи.

Есть два способа: один — недостойный — не позволять детям держать у себя разный «хлам» и другой — правильный — у каждой вещи есть свой хозяин и все, что найдено, должно быть воз-

вращено по принадлежности. Каждую пропавшую вещь надо немедленно разыскать.

Таким образом, ребенок получает ясное указание; остается только один, первый вид кражи; и поддаются подчас искушению украсть не самые плохие дети.

68. Обман — это только разновидность кражи, кража замаскированная.

Выпрашивание подарков, явно нелепые пари, азартные игры и игры в «зелень» и в «косматое», наконец, выменивание «ценных» предметов (перочинный нож, пенал, коробка из-под шоколада) на предметы, ничего не стоящие. Наконец, долги без указаний срока.

Чаще всего воспитатель, заботясь о своем удобстве, запрещает меняться, делать подарки, играть из корыстных соображений. Этот запрет отрезает раз и навсегда пострадавшему путь к жалобе, и так уже преданной анафеме.

Сотни наиболее жизненных, любопытных, своеобразных дел не доходят до воспитателя, а одно, очень уж броское и потому разоблаченное, позволяет ему блеснуть ораторским талантом, проповедью, полной жизненной неправды. Следует запрет еще более решительный — и опять тишь да гладь до следующего скандала. Запрет имеет силу ненадолго — жизнь сметает его.

Сколько же этих отвратительных, деморализующих, обидных дел по поводу невыполненных обязательств, выманенных подарков, сознательно жульнических сделок!

Ребенок, потеряв чужой мяч или перочинный ножик, может стать рабом.

69. Воспитатель, который приходит со сладкой иллюзией, что он вступает в этакый маленький мирок чистых, нежных, открытых сердечек, чьи симпатии и доверие легко снискать, скоро разочаруется. И вместо того чтобы винить тех, кто ввел его в заблуждение, и себя самого, что поверил, он будет дуться на детей, подорвавших его веру в них. А разве они виноваты, что тебе показали заманчивые стороны работы и скрыли шипы?

Среди детей столько же плохих людей, сколько и среди взрослых; только у детей нет то ли надобности, то ли возможности себя проявить.

Все, что творится в грязном мире взрослых, существует и в мире детей. Ты найдешь здесь представителей всех типов людей и образцы всех их недостойных поступков. Дети подражают жизни, речам и стремлениям воспитавшей их среды, ибо имеют в зародыше все страсти взрослых.

И если я завтра встречаю группу детей, я уже сегодня обязан знать, кто они. Там будут ласковые, пассивные, добродушные, доверчивые ребята — вплоть до самых злостных, явно враждебных и полных двуличной инициативы или притворно уступчивых, конспиративно злостных малолетних преступников и интриганов.

Я предвижу необходимость борьбы за режим и безопасность

и бездушных и честных. Я призыву к сотрудничеству положительные элементы ребячьей толпы, противопоставлю их злым силам. И только после того, как ясно представляю себе границы педагогических влияний на данном участке, разверну планомерную воспитательную работу.

Я могу внедрить традиции правды, порядка, трудолюбия, честности, искренности, но я не в силах изменить природу ребенка. Береза так и останется березой, дуб дубом, лопух лопухом. Я могу пробудить то, что дремлет в душе ребенка, но не могу ничего создать заново. И буду смешон, если стану сердиться из-за этого на себя или на него.

70. Я заметил у частных воспитателей нелюбовь к неискренним детям. Я хотел бы обратить внимание воспитателей на то, что рабство, в каком мы держим детей, воспитывает в них ложь, умение злоупотреблять нашим расположением, лицемерное угодничество, комедию привязанности из расчета. Поражены этим недугом в разной степени все.

Загляни в души твоих «неискренних». Бедные дети! Иногда это самолюбивые, но без реальных к тому данных (а может, просто непонятые?); иногда это слабые физически и некрасивые, всеми гонимые; иногда это приучаемые на стороне к ханжеству, калечимые и порченые как тобой самим, который их не любит, так и теми, кто, не замечая фальши их привязанности, благодарности и образцовости, наделяет их особыми правами.

Если такой холодный, злой ребенок подошел к тебе и приласкался, ты, хотя и знаешь, что он это сделал из расчета, не вправе его оттолкнуть. Может быть, он просто не умеет по-другому, а может, другие, которые тебя обманывают привлекательнее и ловчее, еще более лживы, ибо вошли в роль?

Среди тех, кто вертится около тебя больше, чем тебе бы хотелось, может, есть слабые и нелюбимые, желающие, чтобы ты окружил их заботой, защитил от обид?

Может, кто-нибудь им шепнул: будь поприветливее, дай букетик, поцелуй — и попроси. Может быть, ребенок следует указанию машинально, вопреки своей сухой, но искренней натуре, а значит, по приказу, неловко и неумело?

Меня удивило, когда один из мальчиков, сдержанный, старчески сухой, замкнутый в себе мизантроп, стал вдруг со мной душевным — первым смеялся над моими шутками, шел впереди, прокладывая дорогу, предупреждал желания. Делал он это неловко, явно желая привлечь внимание к своим поступкам. Так продолжалось довольно долго, мне было неприятно, но я скрывал. Когда, наконец, он попросил принять в Дом Сирот его младшего брата, я почувствовал, как на глаза мои навертываются слезы: бедняга, каких ему стоило усилий быть так долго тем, чем он по существу не был!

71. Ребята, не любимые другими ребятами, и ребята-любимцы,

коноводы. Важная тема, разработка ее даст ключ к загадочным жизненным успехам не за счет душевных качеств или силы, а чего-то неуловимого и нам неизвестного.

У красивых, здоровых, веселых, инициативных, смелых, талантливых ребят всегда есть товарищи, союзники, поклонники; у чересчур честолюбивых бывают и враги. Отсюда враждебные лагеря. В детском коллективе случаются и мимолетные любимцы, дети возвышают их, чтобы потом порадоваться их падению.

Не удивительно, если ребенка, который умеет организовать игры, знает сказки, любит и умеет играть, охотно принимают товарищи; он оделяет своей веселостью и задором, как другой яблоками и грушами. И в конце концов, что и любить детям, как не изобилие сластей или богатство духа, дающего им радость?

Дети не любят размазней и надоед, но кто они, эти размазни и надоеды, как не слабые телом и бедные духом? Вот и идут они к воспитателю: ведь ничего не давая ребятам сами, они ничего и не получают взамен.

Так оно и должно быть, что больше всего на тебя посягают, теснее всего тебя обступают не наиболее стоящие дети. Не требуй для них всей полноты прав, они и сами немногого требуют.

Но и не отталкивай их.

72. Ребенок старается, а я добавлю, и имеет право использовать все свои плюсы, все положительное, что в нем есть, чтобы обратить на себя внимание: приятную внешность, ловкость, память, хорошо подвешенный язык, звучный голос, происхождение. Если, не переубедив, мы станем ему мешать, мы вызовем у него неприязнь, и он усмотрит в нашем поступке придирку, а может, и зависть.

— Это наш певец, это наш гимнаст.

Может быть, это неправильно? Может быть, это портит? А может быть, только придает ребенку храбрости прямо сказать то, что думает: да, он гордится, что лучше всех поет, что он самый ловкий.

Разве не бестактнее грубо сказать:

«Думаешь, раз хорошо поешь, раз у тебя отец войт*, так уж тебе все можно?»

Или:

«Думаешь, обманул своей улыбкой?»

Или:

«Ты целуешь, потому что тебе что-то надо!»

Да, это так, но ты и сам так поступаешь.

Разве не подменяешь ты памятью отсутствие собственных мыслей или способностью логически мыслить отсутствие памяти? Не стараешься добиться послушания с помощью улыбки, так как не умеешь или не любишь прибегать к угрозам? Не хочешь исправить, целуя?

Разве сам ты не скрываешь своих пороков и недостатков?

Почему ты лишаешь ребенка права, которым пользуешься сам,

хотя и располагаешь колоссальными преимуществами возраста и власти?

У огромного большинства детей еще нет ума. У них смекалка. Локк называет смекалку обезьяной разума*. Чем более благоприятные условия созревания создашь ты своим воспитанникам, тем скорее твои забавные обезьянки превратятся в людей.

73. Дети опаздывающие, последние — вот мерило терпения воспитателя.

Звонок. Непосвященные не знают, сколько нужно усилий со стороны воспитателя и сколько упорства и доброго желания со стороны детей, чтобы эта сотня по данному сигналу явилась в полном составе.

Еще только одна строка не переписанного до конца стиха, один номер в лото, одно слово неоконченного разговора, не до конца главы, а только до точки дочитанная сказка.

Уходя из класса, ты ждешь, чтобы закрыть дверь. Крича и толкаясь, летят сломя голову все, кроме одного или двух, и ты обязан ждать, пока они в последнюю минуту чего-нибудь не наденут или не вынут.

Выдаешь башмаки, пальто — то же самое.

И ты стоишь и ждешь у открытого шкафа — у лампы, чтобы ее погасить, — у ванны, чтобы спустить воду, — у стола, чтобы собрать посуду, ждешь этого одного или двух, чтобы начать или закончить какую-нибудь работу. А у них вечно то затеряется шапка перед самым уходом, то сломается перо в начале диктанта.

«Скорее! Ну, пошевеливайся!.. И долго это будет продолжаться?.. Когда же ты, наконец, соизволишь?..»

Не сердись, такими они и должны быть.

74. Запрещение на первый взгляд не обременительное. Но борешься безрезультатно: ребята не слушаются. Не сердись.

Мы запретили по вечерам разговаривать в спальне.

— Целый день в вашем распоряжении, могли наболтаться. А теперь спать.

Видно, что-то не позволяет подчиниться этому, казалось бы, справедливому требованию, раз ребята разговаривают вполголоса, шепотом. Стоит шум. Прикрикнешь — тишина, но ненадолго. Сегодня, завтра, вчера — то же самое. Значит, осталось только взяться за палку — применить насилие — или дознаться, в чем дело.

— О чем ты вчера разговаривал в спальне?

— Я ему рассказывал, как мы жили дома, когда еще папка живой был.

— Я у него спросил, почему поляки не любят евреев?

— Я говорил, пусть исправится, тогда вы на него не будете злиться.

— Я говорил, что, когда я вырасту большой, я поеду к эскимосам и научу их читать и строить дома.

Грубым окриком: «Тихо там» — я прервал бы эти четыре разговора.

Вместо проступка перед тобой раскрылись сокровенные думы и заботы твоих детей. В шуме и ярмарочной суете нет места тихим признаниям, печальным воспоминаниям, дружеским советам, вопросам по секрету. Тебе надоедает шум с утра и до ночи и хочется перед сном хотя бы минуту покоя — того же хотят и дети...

По утрам ты запрещаешь им разговаривать до определенного часа? И что делать тому, кто проснулся раньше, кто каждый день просыпается раньше?

И в этой бесцельной борьбе за утреннюю тишину в спальне одержали победу дети, а я сделал открытие, если и не основополагающее, то уж, во всяком случае, первостепенной важности.

75. Другой пример.

Мне часто случалось задавать детям вопросы:

«Что поделываешь, что у тебя слышно, почему ты такой невеселый, как поживают твои домашние?»

И часто слышать в ответ:

«Да ничего, все в порядке, я не невеселый».

Я был доволен: на то, чтобы показать ребенку, что я им интересуюсь и к нему расположен, я тратил ничтожные доли минуты. Проходя мимо, я часто гладил кого-нибудь по головке.

Через некоторое время я обратил внимание на то, что дети не любят ни эти ласки, ни вопросы. Одни отвечали нехотя, как бы с некоторым смущением; другие с холодной сдержанностью, а то и с иронической улыбкой. Раз ко мне обратился по довольно важному делу мальчик, всего минуту назад давший стандартный ответ на вопрос. От поглаживания по головке дети, в другое время нежные и чувствительные, явно уклонялись.

Признаюсь, это меня раздражало, я сердился и наконец понял. В этих привычных, небрежно брошенных вопросах ребенок не видит ни искреннего интереса, ни возможности обратиться с просьбой. Он прав: подавая целую коробку конфет, ты рассчитываешь, что гость возьмет одну и не самую большую. Ты потчешь ребенка долей минуты, он дает тебе требуемый ответ: «Все в порядке», но, исполнив долг вежливости, остается в обиде на тебя за притворный интерес к его особе, не желая, чтобы к нему обращались, чтобы только отделаться, мимоходом.

— Ну как, вам лучше? — спрашивает врач на обходе в больнице.

По тону голоса и движениям больной видит, что врач торопится, и нехотя отвечает:

— Спасибо, лучше.

76. Дети не привыкли к фальши светских условностей и, добавлю, к обычной лжи нашей разговорной речи.

«Просто руки опускаются. — За обедом должно быть тихо, как в церкви. — На нем все так и горит. — Что ни возьмет в руки, все ломает. — Сто раз тебе говорил, больше уже я повторять не стану».

Для ребенка все это ложь.

И как ему только не стыдно говорить, что у него руки опускают-

ся, раз он ими все время двигает? А в церкви вовсе не тихо. Штаны не сторели, а порвались, когда он лез через забор, и их можно заштопать. Он очень много вещей берет в руки и не ломает, а если одна и сломалась, так это с каждым может случиться. Сто раз не говорили, а самое большее пять, и еще не раз повторяют.

— Ты что, оглох?

Нет, не оглох. Этот вопрос — тоже ложь.

— На глаза мне не показывайся!

И это запрещение — ложь, ведь велют же ему обедать вместе со всеми?

Сколько раз ребенок готов взбунтоваться, предпочитая получить несколько колотушек, «только бы это противное пиление кончилось!».

Быть может, убежденный в том, что воспитателей надо уважать, ребенок страдает, видя, как это уважение рассыпается в прах? Ведь насколько ребенку легче подчиняться, когда он действительно убежден в их моральном превосходстве.

77. Мы ввели в Доме Сирот реформу: за завтраком, обедом и ужином ребята получают хлеба сверх нормы, сколько хотят. Нельзя только разбрасывать и оставлять недоеденным. Бери столько, сколько можешь съесть. Ребята не сразу приобретают соответствующий навык, ведь для многих свежий хлеб — лакомство.

Вечер, ужин окончен, малышей послали спать.

В этот момент одна из старших девочек, откусив небольшой кусочек хлеба, демонстративно швыряет остаток порции на стол, за которым я сижу, и идет дальше, шаркая ногами. Я был так изумлен, что не нашел ничего сказать, кроме: «Гадкая, наглая девчонка». В ответ презрительное пожатие плечами — слезы — обиженная, она направляется в спальню.

Я удивился, когда застал ее вскоре в постели и уже спящей.

Несколько дней спустя я понял причину этого, казалось бы, явно нелепого поступка, когда та же самая девочка заявила, что хочет ложиться спать раньше, вместе с маленькими.

Самолюбивая, она не сразу могла решиться на такое унижение — ложиться спать вместе с малышами. И вот полусознательно или подсознательно спровоцировала меня на вспышку гнева, чтобы иметь повод обидеться, расплакаться и раньше, чем положено, лечь спать...

Несколько слов о ее шаркающей походке.

Ходила она не поднимая ног, а везя их по полу. Некоторым детям это нравилось, и они стали ей подражать. Эта старческая походка у ребенка казалась мне неестественной, смешной, безобразной и, добавлю, какой-то неуважительной. Несколько позже я заметил, что такая походка не только естественна, но и свойственна детям в период интенсивного развития. Это походка усталых.

Когда я занимался частной практикой, я не раз спрашивал:

— А вы заметили, что у вашего ребенка изменилась походка?

— Да, да, идет, надуется, точно принцесса какая. Ну просто беда, а иной раз и злость разбирает. Волочит ноги, словно столетняя старуха или бог весть как наработалась.

78. Разве уже этот один пример не доказывает, как тесно связан духовный мир с его физиологической основой?

Как ошибаются те, кто считает, что, бросив больницу ради интерната, я предал медицину! После восьми лет работы в больнице я достаточно ясно понял, что все, что не настолько случайно, как проглоченный гвоздь или сбившая ребенка машина, можно познать лишь в результате многолетнего клинического наблюдения, и притом ежедневного, в мирные периоды благополучия, а не изредка, во время болезни-катастрофы.

Берлинская больница и немецкая медицинская литература научили меня думать о том, что мы уже знаем, и постепенно и систематически идти вперед. Париж научил меня думать о том, чего мы не знаем, но желаем, должны и будем знать. Берлин — это будничная жизнь, полный мелких забот и усилий. Париж — это праздник завтра с его ослепительным предчувствием, могучей надеждой, неожиданным триумфом. Силу желания, боль неведения, наслаждение поисков дал мне Париж; технику упрощений, изобретательность в мелочах, гармонию деталей я вынес из Берлина.

Великий синтез ребенка — вот о чем грезил я, когда, раскрасневшись от волнения, читал в парижской библиотеке удивительные творения французских классиков-клиницистов.

79. Медицине я обязан техникой исследования и дисциплиной научного мышления.

Как врач я констатирую симптомы: я вижу на коже сыпь, слышу кашель, чувствую повышение температуры, устанавливаю при помощи обоняния запах ацетона изо рта ребенка. Одни я замечаю сразу, те, что скрыты, ищу.

Как у воспитателя у меня тоже есть свои симптомы: улыбка, смех, румянец, плач, зевок, крик, вздох. Как бывает кашель сухой, с мокротой и удушливый, так бывает и плач в три ручья, в голос и почти без слез.

Симптомы я устанавливаю беззлобно. У ребенка жар, ребенок капризничает. Я стараюсь снизить температуру, устраняя по мере возможности причину, ослабляю напряжение каприза, насколько это удается, без ущерба для детской психики.

Когда я не знаю, почему мое вмешательство как врача не приносит желательного результата, я не сержусь, а ищу. Когда я замечаю, что мое распоряжение не достигает цели и приказ не исполняется многими или одним, я не сержусь, а исследую.

Иногда на первый взгляд мелкий, ничего не значащий симптом говорит о великом законе, а изолированное явление глубоко

связано с важной проблемой. Как для врача и воспитателя для меня нет мелочей: я внимательно наблюдаю то, что кажется случайным и малоценным. Легкая травма иногда разрушает хорошо устроенные послушные, но хрупкие функции организма. Микроскоп открывает в капле воды заразу, опустошающую города.

Медицина показала мне чудеса терапии и чудеса человеческих усилий подсмотреть тайны природы. Работая врачом, я много раз видел, как человек умирает и с какой безжалостной силой, разрывая материнское чрево, пробивается в мир к жизни созревший плод, чтобы стать человеком.

Благодаря медицине я научился кропотливо связывать распыленные факты и противоречивые симптомы в логичную картину диагноза. И обогащенный сознанием мощи законов природы и гения научной мысли человека, останавливаюсь перед неизвестным: ребенок.

80. Сердитый взгляд воспитателя, похвала, выговор, шутка, совет, поцелуй, сказка в качестве награды, словесное поощрение — вот лечебные процедуры, которые надо назначать в малых и больших дозах, чаще или реже, в зависимости от данного случая и особенностей организма.

Существуют аномалии, искривления характера, которые надо терпеливо лечить у ортофренолога. Существует врожденная или приобретенная душевная анемия. Существует врожденная слабая сопротивляемость моральной заразе. Все это можно распознать и лечить. Слишком поспешный и потому ошибочный диагноз и несоответствующее или чрезмерно энергичное лечение приводят к ухудшению.

Голод и пресыщение в сфере духовной жизни так же материальны, как и в жизни физической. Ребенок, изголодавшийся по советам и указаниям, поглотит их, переварит и усвоит, а перекормленный моралью — испытает тошноту.

Ребьячья злость одна из самых важных и любопытных областей.

Рассказываешь ему сказку — не слушает. Ты не понимаешь почему, но вместо того, чтобы удивиться, как естествоиспытатель, выходишь из себя, сердисься.

— Не хочешь слушать, ладно... Потом и попросишь — не расскажу.

— Ну и не надо, — отвечает ребенок.

А и не скажет, так подумает: по жесту, по выражению лица видишь, что он не нуждается в твоей сказке.

Целуя и обнимая маленького сорванца, я просил его исправиться. Мальчуган расплакался и сказал с отчаянием:

— Ну разве я виноват, господин воспитатель, что вы как раз не любите озорных, а только растяп? Вон велите-ка ему стать озорным, он тоже вас не послушает.

Его слезы не означали раскаяния. Он не протестовал против моих ласк и приторных речей, считая их заслуженным суровым

наказанием за свои многочисленные прегрешения. Он только думал о своем будущем безнадежно: «Этот симпатичный, но глупый воспитатель не может понять, что я не могу быть другим. Зачем он так строго наказывает меня поцелуями, я ненавижу, когда целуют, дал бы уж лучше подзатыльник или велел бы все лето ходить в рваных штанах».

81. Суммируя результаты, которые дало клиническое наблюдение в больнице, я спрашиваю: а что же нам дал интернат? Ничего.

Я спрашиваю у интерната: сколько часов сна необходимо ребенку? В учебниках гигиены приводится какая-то переписываемая из книжки в книжку неизвестно кем составленная таблица. Таблица гласит, что чем ребенок старше, тем меньше нуждается в сне — ложь. В общем, дети требуют меньше сна, чем мы привыкли думать и, добавлю, чем мы бы хотели. Количество часов сна колеблется в зависимости от стадии развития, в какой находится ребенок: часто тринадцатилетние ложатся спать вместе с маленькими, а десятилетние в это время бодры и не слушаются книжных предписаний.

Тот же самый ребенок сегодня не может дожидаться звонка, чтобы вскочить с постели, независимо от погоды и температуры в спальне, а через год вдруг становится вялым, просыпается с усилием, потягивается, медлит и от холода в спальне приходит в отчаяние.

Аппетит у ребенка: не ест, не хочет, отдает другим, увиливает, обманывает, только бы не есть.

Проходит год: не ест, а просто пожирает — крадет из буфета булки.

А любимые и ненавистные блюда?

На вопрос, какие у него два самых сильных огорчения, мальчик отвечает: «Первое, что у меня умерла мама, а второе, что меня заставляют есть горошницу».

А бывают дети, которые съедают и по три порции горохового супа.

Но разве можно говорить об индивидуальных особенностях, не зная общих законов?

А эта детская манера горбиться, когда ребята через некоторое время выпрямляются и опять сутулятся? Бледные набирают румянца и снова бледнеют. Уравновешенные становятся вдруг капризными, упрямыми, непослушными, чтобы через некоторое время опять прийти в равновесие — «исправиться».

Сколько мышьякового распутства и ортопедического надутьства исчезло бы в мелицине, знай мы весны и осени развития ребенка! Да и где детей исследовать, как не в интернатах? Задача больницы — изучать болезни, резкие изменения, яркие симптомы; вся же ювелирная отделка гигиены, микронаблюдение малейших отклонений должны вестись в интернате.

82. Мы не знаем детей, хуже того — знаем по предрассудкам. Просто стыд берет, когда на какие-то два-три произведения, действительно писавшиеся у колыбели, ссылаются все до омерзения. Просто стыд берет, когда первый попавшийся добросовестный работник становится авторитетом чуть ли не во всех вопросах. Мельчайшей детали в медицине посвящена более обширная литература, чем в педагогике целым разделам науки. Врач в интернате почетный гость, а не хозяин. Не удивительно, что кто-то съязвил, что реформа интерната — это реформа стен, а не душ. Здесь все еще царит не изучение, а нравоучение.

Читая старые клинические работы, мы видим кропотливость исследований, которая вызывает у нас порой смех и всегда удивление: например, подсчитывалось количество сыпинок на коже при сыпных заболеваниях; врач дни и ночи не отходил от больного. Медицина теперь вправе несколько забросить клинику — возложить надежды на лабораторию. А педагогика, перескочив через клинику-интернат, сразу взялась за лабораторные работы.

Я провел в интернате каких-нибудь три года (за это время можно успеть приглядеться) и не удивляюсь, что собрал целую сокровищницу наблюдений, планов и предположений; в этом эльдорадо еще никто не был, о его существовании не знают.

83. Мы детей не знаем.

«Ребенок дошкольного возраста», «школьный возраст» — это полицейское деление там, где существует школьная рекрутчина. Период прорезывания молочных зубов, постоянных зубов, период полового созревания. Нечего удивляться, что при современном состоянии наблюдений за ребенком мы заметили только зубы и волосы под мышками.

Мы не умеем объяснить даже те противоречия в детском организме, которые бросаются в глаза: с одной стороны, жизнеспособность клеток, с другой — уязвимость. С одной стороны, возбудимость, выносливость, сила; с другой — хрупкость, неуравновешенность, утомляемость. И ни врач, ни воспитатель не знают, является ли ребенок существом «неутомимым» или хронически усталым.

Сердце ребенка? Знаю. У ребенка два сердца: центральное, переутомленное, и периферийное, в эластичных сосудах. Поэтому пульс так легко исчезает, но зато и легко восстанавливается.

Но почему у одних детей под влиянием сильного возбуждения пульс замедленный, с перебоями, а у других учащенный и без перебоев? Почему одни бледнеют, а другие краснеют? Кто прослушивал сердце у ребят, перескочивших сто раз через веревочку? Не в том ли причина кажущейся живучести, неутомимости ребенка, что у него нет опыта расходования энергии до предела? Почему пульс у девочек под влиянием сильного возбуждения более частый, чем у мальчиков; и что это значит, когда у мальчика пульс реагирует «по-девичьи», а у девочки — «по-мальчишески»?

Все эти вопросы не интернатского врача, а интернатского врача-воспитателя.

84. Воспитатель говорит: «Мой метод, мой взгляд». И он вправе так говорить, даже если имеет слабую теоретическую подготовку и всего несколько лет работал.

Но пусть он докажет, что этот метод или взгляд подсказаны ему опытом работы в таких-то условиях, в такой-то области, на таком-то материале. Пусть обоснует свою позицию — приведет примеры, подкрепит аргументами.

Даю ему право даже на то, что является самым трудным и рискованным: право предрекать, предсказывать, что выйдет из данного ребенка.

Но пусть его никогда не покидает сознание, что он может ошибаться. Пусть ни один из его взглядов не станет ни непререкаемым убеждением, ни убеждением навсегда. Пусть сегодняшний день всегда будет только переходом от суммы вчерашних наблюдений к завтрашней, еще большей.

Каждый вопрос и каждый факт должны рассматриваться независимо от общих воззрений. Факты противоречат друг другу, и только по количеству их там и здесь можно делать предположения об общих законах.

Только при соблюдении всех этих условий работа воспитателя не будет ни монотонной, ни безнадежной. Каждый день принесет что-либо новое, неожиданное, необыкновенное, обогатит еще одним данным.

Необычная или редкая жалоба, ложь, спор, просьба, проступок, проявление непослушания, жульничества или героизма станут для него тогда столь же ценны, как для коллекционера или ученого редкая монета, окаменелость, растение, положение звезд в небе.

85. И только тогда он полюбит каждого ребенка разумной любовью, заинтересуется его духовной сущностью, потребностями и судьбой. Чем ближе он станет ребенку, тем больше заметит в нем черт, достойных внимания. И в исследовании найдет и награду и стимул к дальнейшему исследованию, к дальнейшим усилиям.

Пример:

Злая, некрасивая, надоедая девчонка. Если и принимает участие в игре, то, чтобы ее расстроить. Задирает, чтобы пожаловаться, когда обидают. Проявишь внимание — наглет. Слабое умственное развитие, стремлений нет, чувствительность отсутствует, никакого самолюбия, бедное воображение.

Я люблю ее как естествоиспытатель, который приглядывается к какому-либо жалконькому злему существу — и поди ж ты, уродился этакий уродец, этакая золушка природы!

...Я строго предупредил:

— Чтобы ты мне не смел вставать с постели!

И вернулся к прерванным вечерним перевязкам.

Когда через минуту в спальне раздалось тревожное: «Господин воспитатель!» — я уже знал, что это значит.

Ясно, не послушался и встал, чтобы свести счеты с приятелем.

Я молча дал ему несколько шлепков по руке и, накинув ему на плечи одеяло, повел к себе в комнату.

Раньше, полгода тому назад, он упирался бы, вырывался, хватался за спинки кроватей и дверные косяки. Сегодня у него уже есть опыт нескольких неудачных попыток, и он идет. Удивительно точно размерен шаг: чуть быстрее значило бы, что сдается, чуть помедленнее — было бы уже сопротивлением. Я слегка подталкиваю его ладонью, лишь настолько, чтобы знал, что он идет недобровольно.

Он идет, а на его лице тень, словно душу его окутала черная туча и вот-вот прольется ливнем.

Стоит, опершись о стенку, опустив голову, не дрогнет.

Я кончаю мелкие процедуры: мажу йодом поцарапанный палец, вазелином — потрескавшиеся губы, капля глицерина на руки, ложка микстуры от кашля...

— Можешь идти.

Я иду следом — а ну как ударит по дороге? Нет, покосился только, замедлив шаг, может быть, дожидаясь, — пусть только тронет, пусть скажет: «Ага, в углу стоял!»

Дошел до своей кровати, лег, накрылся с головой одеялом, может быть, нарочно притих, чтобы я шел к себе.

Я хожу между рядами кроватей.

Вот был уже на пути к исправлению, а сегодня опять плохой день. Хлопнул дверью со зла, а дверь стеклянная. Стекло треснуло. А сказал, что это ветер, сквозняк, — я поверил.

Когда прыгали через веревочку, не хотел соблюдать очередь, а не дали, обиделся, не прыгал и всем мешал. Ребята наядбедничали. Ужина не съел: не понравилась булка, а дежурный не захотел обменять.

Трудно объяснить ребятам, что ему следует больше прощать, чем им.

Шум засыпающей спальни стихает. Особенная минута, удивительно тогда легко и хорошо думается.

Моя научная работа.

Кривые веса, графическое изображение развития, данные изменения роста, прогноз соматической и психической эволюции. Сколько надежд — какой же результат? А если никакого?

А разве мало с меня испытывать чувство радостной благодарности, что дети растут и крепнут? Разве уже одно это не достаточная награда за труд? Разве не вправе я бескорыстно читать природу: пусть зеленеют всходы?

Вот журчащий ручей, вот нива, сад, шумящий листвою. И задавать вопросы зернам колыхающихся колосьев, спрашивать капли об их назначении?

К чему обкрадывать природу, пусть хранит свои тайны.

Вот спят дети. И пожалуй, у каждого есть хоть один грех: например, оборвал и не пришел пуговицу. Как все это мелко в перспективе грозного завтра, когда ошибка порой мстит за себя целой разбитой жизнью.

Такие спокойные и тихие...

Куда мне вести вас? К великим идеям, высоким подвигам? Иль привить лишь необходимые навыки, без которых изгоняют из общества, но научив сохранять свое достоинство? Имею ли я право за эти жалкие крохи еды и заботы в течение нескольких лет требовать, приказывать и желать? Может быть, для любого из вас свой путь, пусть на вид самый плохой, будет единственно верным?

Тишину сонных дыханий и моих тревожных мыслей нарушает рыдание.

Я знаю этот плач, это он плачет. Сколько детей, столько видов плача: от тихого и сосредоточенного, капризного и неискреннего до крикливого и бесстыдно обнаженного.

Неприятно, когда дети плачут, но только это рыдание — сдавленное, безнадежное, зловещее — пугает.

Сказать «нервный ребенок» — этого мало. Как часто, не зная существа дела, мы удовлетворяемся мало знакомым названием. Нервный, потому что говорит во сне, нервный, потому что чувствительный, — живой — вялый — быстро утомляющийся — не по летам развитый — *progéne*, как говорят французы.

Редко, но бывают дети, которые старше своих десяти лет. Эти дети несут напластования многих поколений, в их мозговых извилинах скопилась кровавая мука многих страдальческих столетий. При малейшем раздражении имеющиеся в потенции боль, скорбь, гнев, бунт прорываются наружу, оставляя впечатлительные несоответствия бурной реакции незначительному раздражению.

Не ребенок плачет, то плачут столетия; причитают горе да печаль не потому, что он постоял в углу, а потому, что их угнетали, гнали, притесняли, отлучали. Я поэтизирую? Нет, просто спрашиваю, не найдя ответа.

Чувства должны быть очень напряжены, если любой пустяк может вывести из равновесия. И должны быть негативными, раз с трудом вызовешь улыбку, ясный взгляд и никогда — громкое проявление детской радости.

Я подошел к нему и произнес решительным, но ласковым шепотом:

— Не плачь, ребят перебудешь.

Он притих. Я вернулся к себе. Он не заснул.

Это одинокое рыдание, подавляемое по приказу, было слишком мучительно и сиротливо.

Я встал на колени у его кровати и, не обращая ни к какому учебнику за словами и интонациями, заговорил монотонно, вполголоса.

— Ты знаешь, я тебя люблю. Но я не могу тебе все позволить. Это ты разбил окно, а не ветер. Ребятам мешал играть. Не съел ужина. Хотел драться в спальне. Я не сержусь. Ты уже исправился: ты шел сам, не вырывался. Ты уже стал послушнее.

Он опять громко плачет. Успокаивание вызывает иногда прямо противоположное действие, возбуждает. Но взрыв, выигрывая в силе, теряет в продолжительности. Мальчик заплакал в голос, чтобы через минуту затихнуть.

— Может, ты голодный? Дать тебе булку?

Последние спазмы в горле. Он уже только всхлипывает, тихо жалуясь исстрадавшейся, обиженной, наболевшей душой.

— Поцеловать тебя на сон грядущий?

Отрицательное движение головы.

— Ну, спи, спи, сынок.

Я легонько дотронулся до его головы.

— Спи.

Боже, как уберечь эту впечатлительную душу, чтобы ее не залила грязь жизни?

ЛЕТНИЕ КОЛОНИИ

...Скажи лучше, с какими надеждами ты сюда шел, какие питал иллюзии, какие повстречал трудности, как страдал, столкнувшись с действительностью; какие делал ошибки, как, исправляя их, был вынужден отступать от общепринятых взглядов, на какие шел компромиссы...

1. Я многим обязан летним колониям. Здесь я впервые столкнулся с детским коллективом и на практике изучил азбуку самостоятельной педагогической работы.

Полный иллюзий, лишенный опыта, юный и сентиментальный, я думал, что, много желая, я многого достигну.

Я верил, что добиться любви и доверия ребячьего мирка, легко; в деревне ребятам следует дать полную свободу, мой долг — быть со всеми равным, каждый малолетний грешник, отнесись к нему хорошо, сразу раскается.

Я стремился сделать детям чердаков и подвалов их четырехнедельное пребывание в колонии «сплошной полосой веселья и радости», без единой слезы.

Бедные мои милые друзья, вы, кто, как и я тогда, не может дожидаться, когда наконец настанет эта минута! Мне жаль вас, если, расколотые с самого начала, поколебленные в самых основах, приписывая вину себе, вы не сумеете быстро восстановить душевное равновесие.

Чужой опыт искушает вас, говоря:

«Видишь? Не стоит! Поступай, как я: заботься о собственном удобстве, не то полетишь ко всем чертям на радость завистникам, не принеся пользы детям, которым хочешь служить. Не стоит!»

Ты зависишь от людей опытных. Они, что ни говори, справляются со своим делом, а ты, сознайся искренне, стоишь, опустив руки в недоумении.

Бедняги, как мне вас жаль!

2. Такая легкая и благодарная задача! У тебя тридцать детей (из ста пятидесяти) и никакой программы. Делай как знаешь. Игры, купание в речке, экскурсии, сказки — полная свобода инициативы. Экономка позаботится о еде, товарищи-воспитатели в случае чего помогут, прислуга присмотрит за порядком, деревня одарит вас прекрасными местами, солнышко — ласковыми улыбками.

Ожидая с нетерпением дня отъезда, я обдумывал отдаленные второстепенные детали, не предчувствуя ближайших серьезных задач. Раздобыл граммофон и волшебный фонарь, достал фейерверки, купил про запас шашки и домино — может быть, их не окажется среди игрушек.

Я знал, что детей придется переодеть в колониистское платье, разместить кого в спальне, кого у себя, и уж конечно изучить фамилии и лица моих тридцати ребят, а может быть, и всех ста пятидесяти. Но я об этом совершенно не думал — сделается, мол, само собой! Думая о детях, я не задавался вопросом, кто они.

Я поддался обаянию стоявшей передо мной задачи, наивно поверив в ее легкость.

3. Как запомнить тридцать фамилий, подчас трудных и схожих, и тридцать лиц? Ни в одном из учебников об этом не упоминается, а без этого нет авторитета воспитателя и нельзя приступить ни к какому систематическому воспитанию.

Здесь возникают вопросы: какие дети и какие фамилии прежде всего запоминаются? Каковы индивидуальные особенности зрительной памяти воспитателя? И как все это сказывается на судьбах детей и вообще на работе воспитателя в учреждениях со значительным количеством ребят?

Опыт показывает, что одни дети запоминаются сами, других надо запоминать. Здесь нельзя полагаться на время, потому что, прежде чем наконец ты всех изучишь, ты наделаешь много ошибок, зачастую ставя себя в неловкое положение.

Скорее всего запоминаются калеки и ребята с особой приметой, необычные — очень маленькие или очень высокие, самые старшие, горбатые, рыжие, на редкость красивые или безобразные. Порой фамилия привлекает внимание воспитателя еще до того, как он увидел самого ребенка. Часто успех папирос или лекарства зависит от удачного названия или упаковки — к сожалению, то же бывает и с людьми.

Из целого моря впечатлений мы выхватываем легче всего запоминающиеся: при оценке человеческих качеств — то, что проще всего заметить и правильно оценить.

4. Для ребенка, обладающего некоторыми положительными качествами или умеющего в них принарядиться, важно, конечно, чтобы его знали. Ведь мы общаемся главным образом с детьми, которых мы знаем, — даем им поручения, то есть возможность сблизиться с нами, найти общий язык, отличиться. И они чувствуют себя увереннее, ближе к нам — они уже привилегированные.

Ребенку приятнее обратиться с просьбой или вопросом к воспитателю, который его знает, да и воспитатель охотнее выслушает ребенка, о котором он слышал, кого помнит, знает в лицо. То, чего заурядному ребенку приходится добиваться, ребенку с запоминающейся внешностью или фамилией дается само собой.

Остающиеся в тени ребята, чувствуя несправедливость или, наоборот, поверив в простоте души в свою никудышность, сторонятся тебя еще больше. Теперь, желая ближе познакомиться, ты должен суметь подойти к ним. Иначе ты их лишаешь своей помощи и совета, предоставляя в конфликтах с толпой ребят собственным силам и переживаниям.

В каждой конторе, на каждой фабрике, в каждой казарме есть свои обездоленные судьбой потому лишь, что начальник незнаком с ними, не знает о них, не помнит. Так подчас пропадают зря ценные силы.

И дети, быстро приобретя опыт, ждут при первой встрече с тобой: маленький Мицкевич или Собеский* — шутивого вопроса, красивенький — приветливой улыбки, а дурнушка-рыжик или Баран наперед знают, что от нового окружения жди новой беды. И если ты на красивенького, самоуверенного лишь подольше и повнимательнее взглянул, а злополучную фамилию прочел быстрее и тише, ты уже оправдал надежды первого и подтвердил опасения второго.

5. На основании внутренних достоинств и недостатков скорее всего познаешь вспыльчивых или надоедливых и плохо воспитанных или воспитанных лучше, чем обычно. Сами о себе дают знать, сея тревогу, проделки озорников и плаксивые визги зануд; дети из бедных семей доставляют хлопоты своим одичанием; дети из более обеспеченных семей и подхалимы привлекают внимание хорошими манерами. Будут там, наконец, и ребята проворные и себе на уме, которые силком навяжут тебе помощь, совет, справку.

И все эти дети: красивенькие, с громкой фамилией или из состоятельных семей — настойчиво требуют, чтобы я признал их и выдвинул на первый план из серой толпы, которая должна остаться в тени, и удивляются, если я не делаю этого сразу, и возмущаются, если я этого вообще не хочу делать, и используют все способы борьбы, какие в ходу у взрослых.

Молоденький князь в школе для богатых, сынишка войта в народной школе, если сами не думают или не потребуют, так их кто-нибудь подучит — требуй, а не получил, чего хотел, мсти:

«Скажи, что учитель бьет, не молился, нехорошо отзываясь о начальстве, плохо учит, совсем с нами не занимается». Или испачкают тебе мелом стул, загадят уборную, устроят беспорядок во время инспекторского обхода, взбунтуют бесцветных и равнодушных и втянут в некрасивую историю самых невинных, как раз тех, кого ты желаешь оградить от обид.

Радостно ожидая дня отъезда в колонию, я по своей наивности не подозревал, сколько нужно такта и осмотрительности, чтобы овладеть грозной оравой ребят.

6. Я не испытывал никаких опасений и тогда, когда увидел, что некоторых я должен был по несколько раз уговаривать не высовываться из окон вагона и не выскакивать на площадку. Уже один мальчишка собирался было встать в дверях и проследить, а другой записывать фамилии непослушных. Я отверг оба проекта, резко заметив:

— За собой следи, и тебе не стыдно записывать товарищей?

— Они мне не товарищи, — презрительно буркнул мальчишка.

Я по-детски возмутился.

Были и такие, которые умирали от жажды; этим я терпеливо и безрезультатно объяснял, что сразу по приезде на место они напьются молока.

Я слишком уж заботливо утешал мальчика, ревавшего потому, что его разлучили с матерью; чересчур старательно следил, как бы кто не выпал из окна, и, желая сдружиться с группой, тратил драгоценное время на пустые разговоры, вроде: «А ты уже был в деревне? А тебе жалко, что с тобой не едет младший братишка?»

Я принял от ребят деньги и открытки, стараясь поскорее покончить с этим низменным занятием: шутивно пробирая, когда кто-нибудь давал уже смятые и запачканные открытки, и с досадой успокаивая тех, кто, видя, как я бесцеремонно обращаюсь с их собственностью, предупреждал, что его открытки чистые, а сдаваемая на хранение монета новая и блестящая. Что делать с зубными щетками, которые они тоже хотели было мне отдать, я не знал: «Пускай пока побудут у вас».

7. Покинув с чувством облегчения поезд, я гордо констатировал, что все обошлось благополучно и все ребята налицо. Оставалась еще часть пути на лошадях.

Будь у меня крупица опыта, я мог бы предвидеть, что ребята, не предупреди их, бросятся как попало к телегам; юркие и предприимчивые захватят самые удобные места, а неуклюжие перетеряют мешки с одеждой и с этими своими несчастными зубными щетками; ребят придется пересаживать и поднимется крик и суматоха.

Порядок целиком зависит от умения предвидеть. Предвидя, я могу все предотвратить.

Отправляясь на более или менее длительную прогулку, я обя-

зан предупредить ребят, чтобы они сходили в уборную, не то шепнут мне по секрету, что им хочется в уборную, в трамвае или на улице...

На прогулке мы подходим к колодцу с оградой. Я останавливаю ребят:

— Встаньте парами. Будете подходить к колодцу по четыре человека.

Не предупреди я, никакие усилия не помогли бы сохранить порядок. И выйдет ли драка, потопчут ли ребята газон или развалят ограду — виноваты не дети, а неопытность воспитателя.

Все это мелочи; так о й опыт при желании приобретается быстро, но отсутствие его сказывается моментально, определяя порой все дальнейшие взаимоотношения ребят и воспитателя.

Путь в колонию был для меня сущей мукой. Когда первый мальчик соскочил с телеги — надоело ехать, — мне следовало велеть ему сесть обратно, а я не сделал этого. И вот дети, проделав остаток пути частью на телегах, частью пешком, отчаянно голоса, толкаясь и теряя мешки и молитвенники, возбужденные и ошеломленные, вваливаются на веранду.

8. Ни в одном учебнике педагогики не сказано, что там, где тридцать ребят переодеваются в казенную одежду, обязательно найдутся несколько таких, кому все рубашки будут длинны или узки в плечах или в вороте.

Груды белья и верхней одежды, вертлявая разошедшаяся ребятня и отсутствие опыта у воспитателя... Переодев нескольких, и я и дети убеждаемся, что одни добрые желания не заменяют сноровки.

С нескрываемой радостью я принял помощь экономки, которая безо всяких усилий и спешки быстро управилась не только с детьми, но и с бельем (его я успел-таки перепутать). Несколько недовольных слишком длинными рукавами, отсутствием пуговиц или тем, что широки штаны, она успокоила, обещав завтра же все уладить.

Секрет ее триумфа, а моего поражения состоял в том, что я хотел, чтобы все было к лицу, хорошо сидело и вдобавок было красиво, а она знала, что это невозможно; я занялся несколькими (остальные ждали в нетерпении), а она сразу раздала половину рубашек, малышам — самые маленькие, средним и самым большим — большие, предоставив собственной их инициативе более точную подборку по фигуре. То же со штанами и блузами. В результате ловкие и хозяйственные ребята оказались одетыми в свой размер, а нерасторопные и непрактичные — словно маленькие ярмарочные клоуны. Но — а это главное — когда позвонили к ужину, все ребята были переодеты, а их собственное платье упаковано в мешки, снабжено номерками и сдано в кладовую.

9. Как рассадить детей за столом?

Я не учел и эту проблему. В последнюю минуту я наспех ре-

шил, исходя из главного принципа «свобода»: пускай сидят как хотят. Я не подумал, что, в сущности, только четыре угловых места особые, а все остальные одинаковые, и, значит, из-за этих четырех мест будет ссора, и тем крупнее, чем больше найдется на эти места любителей.

Я не учел, что споры из-за этих четырех мест будут повторяться за каждой едой, что те, кто занял их первыми, станут упорствовать, ссылаясь на право первенства, а остальные — на право равенства.

Я не учел, что при постоянной смене мест и симпатий ребята будут менять и соседей, а значит, опять ссоры при раздаче молока и супа, обладающих свойством проливаться и пропадать для еды.

Я не учел и того, что при постоянной смене мест мне будет труднее изучить ребят.

Я даже был так глуп, что предоставил детям самим выбрать себе кровати: где кто хочет. Ей-ей, если бы мне самому дали выбрать, я не знал бы, на чем остановиться. Распоряжение это было так явно нелепо, что я быстро его отменил, однако не настолько быстро, чтобы и тут не обошлось без крика и суматохи. Я уложил детей по списку и почувствовал огромное облегчение, когда наконец настала относительная тишина.

Я неясно представлял причины своего поражения, но был слишком ошеломлен, чтобы искать их источники.

10. Экономка в третий раз звала меня ужинать; остальные наблюдатели давно покинули свои спальни. Я считал, что в первый вечер не следует оставлять ребят одних: ребята могут перетрусить, плакать, но опытная экономка утверждала, что они устали и уснут. И как ей было не поверить? Действительно, большинство уже спало.

Я ушел, но ненадолго: пришлось вернуться и сделать перевязку мальчику с рассеченным пряжкой лбом; второму воителю подбили глаз: цвет синяка менялся в течение ряда дней с красного на желтый, с желтого на черный и с черного на грязно-серый.

— Неплохо для начала сезона, — сказала экономка.

Я нашел ее замечание резким и обидным, и тем более несправедливым, что она сама уговорила меня уйти из спальни.

Следовало учесть, что если одни дети и уснут, то другие, возбужденные переменой обстановки, не смогут уснуть и, только тронь, перессорятся и передерутся. Я готовился не мирить несогласных, а утешать тоскующих и печальных, но — о диво! — тот, кто хныкал дорогой, теперь крепко спал.

Я не заметил главного: такой серьезный поступок, как драка, является грозным предзнаменованием, показывая, что мой авторитет пошатнулся уже в первый день моей незадачливой деятельности.

Добавлю, что все лицо у одного из участников драки было в оспинках; вероятно, это сыграло некоторую роль в ссоре, столь

фатально закончившейся для моих радужных надежд. «Ни единой слезы» стояло в программе; а слезы были уже по дороге в колонию, и теперь — кровь.

11. Ночью я спал плохо. Кто-то из ребят, не привыкший спать один на узкой кровати, съехал с набитого свежей соломой матраца и с шумом свалился на пол. Кто-то то ли застонал, то ли забормотал во сне; то опять мне представилось, что мальчик с подбитым глазом может потерять зрение. Нервы были натянуты, как струны.

Я проработал десять лет репетитором и не был ни юнцом, ни новичком на педагогической ниве, прочел массу книг о детской психике. Несмотря на это, я был бессилён постичь тайну коллективной души ребячьего общества. Что оно выдвигает какие-то новые требования, которые застали меня врасплох, не подлежало сомнению. Самолюбие мое страдало, овладевала усталость — как, уже?

Может быть, я и тешил еще себя надеждой, что после первого, как-никак исключительного, дня наступят те долгожданные, излучающие улыбку, но что делать, чтобы обеспечить себе спокойное завтра, я не знал.

12. Основная моя ошибка была та, что я отмахнулся с досадой от помощи прошлогоднего дежурного: на первых порах он был бы незаменим. И пусть стоял бы в дверях вагона и следил, и пусть даже записывал бы, если так у них всегда было. И пусть сказал бы, как сделать, чтобы ребята не прятали от меня деньги, и как ребята обычно сидят за столом, и как спят, и куда ходят купаться.

Анализ всех этих ошибок был бы бесконечно поучителен. К сожалению, если я и делал записи, то опуская неудачи, раны были слишком свежи и чувствительны. Теперь, четырнадцать лет спустя, я уже не помню подробностей. Знаю лишь, что ребята жаловались, что они голодные и болят ноги от хождения босиком; что на вилках песчинки и холодно без пелерин; знаю, опытный надзиратель возмущался, глядя на беспорядок и разболтанность у меня в группе, а экономка давала указания касательно благополучия моей особы, которой я, слишком усердствуя, наносил урон. Знаю, сторож жаловался, что ребята загадили лес и разрушали веранду — вытаскивали кирпичи из столбов; что моя группа, когда умывается, расходует больше всех воды, а ведь ее приходится накачивать в бак.

Наконец, на пятый или шестой вечер настало и это, самое худшее.

13. Ребята лежали в постели в полутемной спальне, как вдруг начался кошачий концерт.

Кто-то резко свистнул, кто-то запел, еще один залаял, зарычал, опять кто-то свистнул, и все это с некоторыми паузами, в разных углах зала.

Я понял.

А ведь у меня были сторонники среди ребят. Я беседовал с ребятами, объяснял им, обращался к ним с просьбами, встречая и понимание и хорошее отношение. Но я не умел ни выявить, ни тем более организовать положительные элементы моей группы. И вот самолюбивые и неискренние ребята, чьи надежды я обманул, а помощь с презрением отверг, быстро столкнулись между собой, воспользовавшись моей неопытностью, и, увидя мою слабость, бросили вызов.

Я медленно ходил между кроватями; ребята, как примерные, лежали с закрытыми глазами, кое-кто даже натянул на голову одеяло — и глумились напропалую, бросали вызов, бунтовали.

У нас в гимназии был учитель, вся вина которого заключалась в том, что, слишком снисходительный, он не мог справиться с классом. С ужасом вспоминаю оргии злобных выходов, которыми мы его преследовали.

Так умеют мстить ненавистной власти лишь рабы, почуяв свою силу. И в каждой школе-деспоте всегда есть среди персонала подобная жертва, которая молча страдает, одинаково страшась начальства и детей.

За эти несколько минут, которые длились целую вечность, я пережил многое.

14. Так вот ответ на мое доброе отношение, энтузиазм, труд? Острая боль пронзила мое сердце. Хрустальный дворец мечты рухнул, разбившись вдребезги.

Гнев и уязвленное самолюбие: я стану посмешищем в глазах тех, кого превосхожу чувствами, кого хотел переубедить, увлечь примером, быть может, заставить себя ценить.

Я встал посреди зала и спокойно глуховатым голосом заявил: «Поймаю, отколочу». Сердце готово было выскочить, губы прыгали. Меня прервал свист. Я схватил свистуна и выдрал за уши, а когда он было запротестовал, пригрозил вышвырнуть на веранду, где бегала спущенная на ночь с цепи собака.

Знаете, кого я ударил? Такого, который свистнул всего один раз, в первый раз. Зачем он это сделал, он не умел объяснить.

Какой превосходный урок дали мне дети!

В белых перчатках, с бутоньеркой в петлице я шел к голодным, холодным и обездоленным за приятными впечатлениями и сладкими воспоминаниями. Я хотел откупиться от своих обязанностей несколькими улыбками и дешевыми фейерверками; я даже не потрудился выучить фамилии, раздать белье, позаботиться о чистоте в уборной. Я ждал от ребят симпатии, закрывая глаза на пороки, возвращенные в закутках столичной жизни.

Я думал о развлечениях, не о работе; бунт ребят показал мне отрицательные стороны радостных каникул.

И что же? Вместо того чтобы подвести итог своим ошибкам, я, обозлясь, науськал на парнишку собак.

Мои коллеги пришли сюда поневоле, ради заработка; я — ради идеи; может быть, дети почуяли фальшь и покாரали.

15. Под вечер следующего дня один мальчик предупредил меня, что волнения повторятся и, вздумай я бить, ребята не дадутся — припасли палки.

Надлежало действовать быстро и энергично. Я поставил на окно яркую лампу и сразу, как вошел, забрал палки и отнес к себе: завтра, мол, возвращаю.

Поняли ли они, что их предали, оробели ли из-за яркого света, зачеркнуло ли их планы отсутствие оружие для самообороны — достаточно, что я победил.

Заговор, бунт, измена, репрессии — так ответила жизнь на мои мечтания.

— Завтра я с вами поговорю, — гласило грозное обещание вместо сентиментального «спокойной ночи, детки», которым я потчевал их первые вечера.

Как победитель я проявил такт.

И опять жизнь научила меня, что истоки нашего благополучия порой лежат там, где, как полагали мы, постигла нас катастрофа, что бурный кризис — часто начало выздоровления.

Я не только не потерял расположения ребят, наоборот, наше взаимное доверие возросло. Для них это был мелкий эпизод, для меня — переломное событие.

Я понял, что дети — сила, которую можно привлечь к совместной работе или оттолкнуть, сила, с которой приходится считаться. Это истину, по странному стечению обстоятельств, я постиг благодаря палке.

Проводя на другой день в лесу беседу, я впервые говорил с ребятами, а не ребятам, и говорил не о том, какими я хочу, чтобы они были, а о том, какими они сами хотят и какими могут быть. Может быть, именно тогда я впервые понял, что у детей можно многому научиться, что и дети требуют, ставят условия и делают оговорки, и имеют на то право.

16. Форменная одежда тяготит детей не потому, что она одинакового покроя и цвета, а потому, что часть детей из-за несоответствующей одежды испытывает физические страдания. Сапожник не учтет особенностей ноги ребенка, если зоркий воспитатель не заметит их, не поймет и не укажет. Дайте нуне удобную обувь, и он, может быть, станет подвижным и веселым. По уставу колонии дети летом должны ходить босиком — это большая радость для тех, кто и в городе ходил босым, и пытка для некоторых с исключительно нежной кожей. Малокровным и малоподвижным ребятам нужна более теплая одежда.

Как отличить каприз от действительной потребности в интернате, если это нелегко сделать даже в семье? Как установить границу между тем, к чему ребенок легко привыкает, что составляет мимолетное неудобство, и тем, что является особенностью его организма, индивидуальным отличием единицы в толпе?

В интернате существует единая для всех норма сна. И тут доза сна рассчитана на среднюю детскую потребность, хотя отклонения

значительны. У тебя всегда будут вечно сонные дети и такие, с которыми ты вынужден тщетно бороться за утреннюю тишину в спальне. Ведь это сущая мука для ребенка лежать в постели и не спать, как и вставать, когда он еще сонный.

Наконец, единая для всех норма питания, которая не учитывает возраст и совершенно обходит стороной различие appetitов детей приблизительно одного возраста.

Вот откуда у нас в интернате несчастные дети, неудобно или недостаточно тепло одетые, вечно клюющие носом или, наоборот, нарушающие дисциплину в отношении сна, полуголодные и голодные.

Все это вопросы первостепенной важности, решающие в деле воспитания.

17. Нет более печального зрелища, чем голодные ребятишки, рвущиеся за добавкой или ссорящиеся из-за куска хлеба; нет фактора более деморализующего, чем торговля пищей.

На этой почве возникают острейшие разногласия между добросовестным воспитателем и добросовестной экономкой. Воспитатель быстро поймет, что голодающего ребенка не перевоспитаешь, голод — дурной советчик.

Родители могут сказать: «Хлеба нет» — и не потеряют из-за этого любви и уважения; воспитатель имеет право сказать так лишь в виде исключения, повторяю, лишь в виде исключения и лишь тогда, когда он сам голодает. Разницу между обычным средним детским рационом и большим аппетитом следует восполнять хлебом — кто сколько хочет и может съесть.

Знаю, ребята станут носить хлеб в карманах, прятать под подушку, оставлять на подоконниках и топить в уборных. Так будет с неделю, при неумных воспитателях — с месяц, но не дольше.

Можно наказать ребенка, который так поступает, но нельзя угрожать:

— Мы вам перестанем выдавать хлеб.

Более предусмотрительные тогда, опасаясь обещанных репрессий, станут делать запасы.

Знаю, ребята будут обжираться хлебом, а нормальная еда пойдет на помойку. Наверное, там, где неопратно приготовленная невкусная пища столкнется с не вконец изголодавшимися ребятами, она будет вынуждена отступить перед не слишком заманчивым, но и не противным вчерашним хлебом.

Знаю, объестся тот или другой дуралей — заботы, волнения; но, верьте мне, он это сделает раз, другой — не больше; не имеют опыта лишь те, за кем слишком следят.

18. Несогласия будут даже там, где между экономкой и надзирателями царит полная гармония. Если дети сыты, часть приготовленной еды иногда остается. Жаркий день, спешка из-за экс-

курсии, чуть подгорело молоко — а уже экономка с попреками:

— Половина каши не съедена, а вот хлеб, который нашли под верандой...

Пусть воспитатель выпьет для примера полный стакан подгорелого молока; пусть предупредит ребят, что, если они не съедят суп, прогулки не будет; и пусть дает хлеба вволю, но небольшими кусками; пусть посчитается с печальми экономки, но выдача хлеба должна остаться, нельзя капитулировать, ни на один день нельзя.

Воспитатель склонен относиться несерьезно к заботам экономки; экономка склонна видеть эту несерьезность и там, где ее нет. Но при обоюдном добром желании несогласия будут лишь такие, какие и должны быть между людьми, которые работают в одной области, но на разных участках. Надо быть тактичным, а воспитателю, который, всплыв, может забыться и сказать: «Занимайтесь лучше своими горшками и не суйтесь к детям», — я напомню, что экономка имеет полное право ответить:

— А вы вашим ребятам получше зады подтирайте, а то прачка никак белье не отстирает.

В самом деле, если экономка обязана следить за чистотой на кухне, то воспитатель и за чистотой белья. Добрая воля подскажет им правила тактичного поведения, вразумит, что оба они служат одному и тому же доброму делу.

Если только она налицо, это добрая воля.

19. Дети уже сыты. Ты считаешь, что преодолел сопротивление — нет, оно лишь притаилось. Возможно, суп сегодня нарочно пересолен, а рис разварился в кисель. Возможно, порции мяса нарочно большие и, кроме того, картошки вволю, а на десерт прокисшие вишни: «пусть, мол, у него ребята расхвораются, увидит, чем это пахнет». Весь рис в помойном ведре, после соленого супа ребята набухают воды, и крыжовник или кислое молоко довершат остальное.

Помни, юный воспитатель, если ребенок бывает изощренно жесток, он это делает бессознательно, по подсказке. Коварство же взрослого, которому ты помехой, безгранично.

Обездоленные и забытые мстят здесь за пережитые обиды. Обманутые в честолюбивых стремлениях тешат себя здесь бесконтрольной властью, требуя почета, милостиво принимая услуги, деспотично повелевая. Серые и неспособные, смиренные и лицемерные найдут здесь хлеб ценою молчания и самой грязной работы. Если ты мешаешь им, не надейся, что они уступят без долгой, упорной и яростной борьбы; слишком быстрая и легкая победа таит в себе зачатки поражения: враг ждет, когда ты устанешь, а тем временем старается усыпить твою бдительность или собрат против тебя улики.

Если поздно вечером к тебе в комнату вошла молоденькая горничная с поручением от экономки, это может быть простой случайностью, а могло и иметь особую цель. Чем ты моложе и не-

опытнее, тем осмотрительнее ты должен поступать, осторожнее говорить и быть начеку, когда что-нибудь уж очень легко тебе дается.

20. Хочешь ли ты плыть по течению, подчиняясь власти имущим, опираясь на ловкачей и прыгун, помыкая маленькими людьми, подавляя непокорных и непослушных; хочешь ли ты во все вникать, удовлетворять каждое справедливое требование, не допускать злоупотреблений и выслушивать жалобы — у тебя должны быть враги, будь ты министр или скромный воспитатель. Если ты слишком рьяно, неосмотрительно и уверенно вступишь в бой, ты обожжешься разок-другой и, быть может, потеряешь охоту продолжать экспериментировать ценою душевного спокойствия, а подчас и ценою средств к существованию и всей своей будущности. Чем легкомысленнее взлет, тем опаснее падение...

А впрочем, не верь мне, я лгу, я старый брюзга. Действуй, как тебе велит сердце, стремительно, напористо, без компромиссов и колебаний... Выживут тебя — придут новые, встанут на твоё место, поведут дальше. С нечестным — никаких сделок, разгильдяя — прочь с дороги, подлеца — в морду. У тебя нет опыта — тем лучше. Если опыт указывает дорогу, которой ты можешь ползти всю жизнь, так ты его не захочешь: лучше час, да парить в небе... А победят тебя... что ж, не будешь достопочтенным для седых и лысых, зато для юных останешься героем.

Брось кукситься — сам хотел...

Не говори, что тебя не предупредили, ввели в заблуждение, обманули...

21. Речь моя о позавчерашнем шуме была приблизительно такова: «Я побил мальчика — я поступил плохо. Я пригрозил выбросить его на веранду, где его покусает собака, — это очень гадко. Но кто виноват в том, что я совершил два гадких поступка? Виноваты ребята, которые нарочно шумели, чтобы я разозлился. Возможно, я наказал невинного. Но кто виноват? Виноваты ребята, которые нашалили и попрытались, пользуясь темнотой. А вчера почему было тихо? Потому что горела лампа. Значит, это вы виноваты, что я поступил несправедливо. Мне очень стыдно, но пускай и вам будет стыдно. Я сознался, а теперь вы сознайтесь. Дети бывают хорошие и плохие. Каждый плохой ребенок может исправиться, коли захочет, я ему в этом охотно помогу. Но и вы помогите мне остаться хорошим, чтобы я с вами не испортился. Мне очень досадно, что у одного из вас подбит глаз, а у другого забинтована голова, что пан Х вами недоволен и что на вас жалуется сторож».

Потом каждый говорил: хороший он и послушный, или так себе, или и сам не знает, какой он; потом говорили: очень им хочется исправиться, или только немножко, или вовсе не хочется. Все это мною записывалось. Я узнал, кто правые, кто левые и кто центр в группе...

Бывают же сборники политических и судебных речей и поведней. А почему нет печатных речей воспитателей к ребятам? Всем кажется, что это легко — говорить с детишками. Некоторые обращения к детям я писал по неделе и больше.

22. Мы все вместе решали, что делать, чтобы ребята не загаживали лес, не шумели за столом, не бросали куда попало хлеб и шли по сигналу купаться или к столу.

Я продолжал делать все те ошибки, от которых желаю вас уберечь, но уже заручился у части ребят моей группы обещанием мне помогать.

Глупости сами мстили за себя тщетностью усилий и бесполезной тратой энергии. Ребята пожимали плечами, порой старались переубедить меня; часто я уступал.

Помню разговор об отметках по поведению. Я не хотел ставить оценок: все заслуживают пятерку, каждый старается быть хорошим, а если не может, наказывать не за что.

— Не напишу я, что у меня пятерка, он подумает, что я плохо себя веду.

— Вот у других воспитателей — у сорванца и то хоть тройка, да есть, а я послушный — и у меня ничего.

— Если я сделал что-нибудь плохое и вы поставили мне отметку, я знаю, что с этим уже покончено.

— Без оценок и слушаться не хочется, а почему, сам не знаю.

— А я не так. Когда вы ставите отметки, а я сделал что-нибудь плохое, я думаю: и пусть ставит мне тройку. А не поставите — неприятно.

Обдумайте каждый из доводов, и вы увидите, какие важные тут затронуты вопросы и как ясно обозначились индивидуальные особенности ребят.

Я уступил: каждый сам называет заслуженную им отметку; некоторые с огорчением: «Не знаю».

23. Я довольно долго придерживался ложного взгляда, что номер унижает ребенка. Я упорно не хотел ставить ребят в пары, сажать по порядку номеров за стол. А дети номерам рады: ему девять лет и у него девятый номер, у него двадцатый номер, а тетка его живет как раз в доме № 20. И разве унижает театрального зрителя, что у него номер на билете?

Воспитатель обязан знать ребят, уметь назвать в задушевной беседе уменьшительным именем, каким зовет мама. Надо знать и семью воспитанника — спросить о больной сестренке, о дяде, оставшемся без работы.

Если кровати закрепляются по порядку номеров, пятерым из тридцати шести захочется переменить место: одному захочется спать рядом с братишкой, другому — потому что сосед разговаривает во сне, третий хочет быть поближе к комнате воспитателя, а четвертому страшно.

Ребята ходят купаться парами по порядку номеров; если кто-

либо хочет переменить место, чтобы пойти вместе с приятелем, номер не должен служить препятствием, пусть ребенок сменит пару или место.

Уже в первые дни пребывания в колонии номер может стать как бы фамилией, сквозь которую проглядывает личность ребенка, пока не проклюнется наконец полностью его нравственный и умственный облик. Тогда неизбежный номер не приносит вреда.

24. Я нес свои чувства детям, а те не хотели их, плохо переносили, пугались. Я наивно считал, что за четыре недели можно исцелить любое страдание, залечить всякую рану. Я терял время попусту.

Я окружал заботой наименее стоящих ребят, вместо того чтобы оставить их в покое.

С умилением вспоминаю, как, идя навстречу моим просьбам, ребята принимали в игру таких, которые мешали играть, и уступали задирам, еще больше наглевшим от поблажек.

Даю чудесный мяч не умеющему толком играть глупышу, и он носит его в кармане, ведь у всех равные права на мяч: я давал его «справедливо», по очереди.

Я добивался от честных ребят, не желавших брать на себя невыполнимые обязательства, «добровольного» обещания исправиться.

И радовался, что дело идет на лад, не считаясь ни с бессонными ночами, ни с шедшими на убыль силами. К ребятам, их спорам, делам и играм я относился свысока — все это были для меня тогда «мелочи».

25. Работа в летних колониях тяжелая, но зато благодарная. Ты сразу получаешь большое число ребят, в любом же другом интернате они добавляются по одному или небольшим группами к уже имеющимся, прошедшим известную обработку. Присмотр за детьми на большой территории тоже нелегкое дело. Особенно тяжела первая, организационная неделя, да и последняя требует от воспитателя усиленной бдительности: ребята, все мысли которых обращены к городу, снова во власти городских привычек.

Добросовестный и неопытный воспитатель может тут почти безболезненно испытать свои силы; на живой работе он быстро ознакомится с проблемами воспитания в интернате и, не отвечая за дальнейшее, может объективнее оценить свои пороки и недостатки. Осознав ошибки, он имеет возможность в следующем сезоне, с новой партией ребят, без свидетелей прошлых ошибок начать все заново, на новых основаниях.

Ему не надо экономить силы и рассчитывать энергию и душевный подъем на большой срок. Устал — лето кончится, отдохнет.

Приобретенный опыт в первый месяц даст ему радостное сознание наличия прогресса в следующем, он быстро заметит разницу, а это поощрит его к дальнейшим усилиям.

Кажется лишь, что работа первого сезона потеряна невоз-

вратно: во втором сезоне будут приятели, знакомые или родственники ребят, бывших в первом сезоне. Поговори с ними, и ты увидишь, что они уже знают тебя и твои требования: еще до того, как тебя увидят, они уже чувствуют к тебе симпатию и готовы признать твой авторитет.

26. Второй сезон начался под более счастливой звездой. Получив накануне отъезда список, я принялся заучивать подряд все фамилии. Некоторые внушали доверие, иные — опасения. Я не шучу, сами подумайте, как это звучит: маляр Пылища, крестьянин Улита, сапожник Недоля.

Вооружившись тетрадью и карандашом, я записывал все, что поразило меня в ребенке при первом знакомстве. Оценками первого впечатления были плюсы, минусы или знаки вопроса против фамилии. Короткое «симпатичный, сорванец, ротозей, неряха, дерзит» — первой характеристикой, которая могла подтвердиться или не подтвердиться, но давала общее представление о ребенке.

Так библиотекарь разбирает партию книг, с любопытством обшаривая взглядом заглавие, формат, обложку. Приятное занятие: ого, будет что почитать!

Я отметил особо рекомендованных ребят, ребят, которых провозило много народу, у кого было много подарков в дорогу, и опоздавших. Уже есть в тетрадке первые вопросы, просьбы, советы, тем и любопытные, что они первые. Если один роняет регистрационный листок, а сосед поспешно поднимает его и подает, улыбаясь; если один быстро и громко отвечает, когда его вызывают по списку: «Здесь», а за другого отвечает мать; один отталкивает того, кто занял его место, а другой жалуется; один вежливо кланяется, а другой угрюмо озирается по сторонам — все это имеет для воспитателя громадное значение и, подмеченное и запечатленное в памяти или в записной книжке, служит ценным познавательным материалом.

27. Забирая у ребят почтовые открытки, я кладу их в пронумерованные и сложенные вдвое листки бумаги, потому что одни открытки разлинованы, другие засалены или помяты.

Совершенно справедливо обижались ребята в первом сезоне, что им дают, когда они пишут домой, не их открытки.

Деньги я завертывал в пронумерованные бумажки и завязывал в носовой платок, тоже приготовленный накануне. Это — вклад, чужая собственность, тем более неприкосновенный, что сделан по принуждению. Отдавая свои десять грошей, ребенок вручает тебе все состояние: ты обязан относиться к нему серьезно.

В дверях вагона стоял дежурный, у каждого окна — тоже. У меня было время перекинуться несколькими словами с каждым ребенком, и записная книжка опять пополнилась новыми деталями.

Я отмечал, кто кланялся попить, ябедничал, подрался у окошка.

В третий раз продефилировала передо мной вся группа, когда

я ставил химическим карандашом номера на мешках. И тут, когда я называл фамилию, одни подходили быстро, а других приходилось выкликать по нескольку раз. Были и такие, которые, вместо того чтобы глядеть в окно, с любопытством следили, обступив меня, за тем, что я делал. И опять кто-то плакал: я послал одного мальчика его утешить, у него это лучше выйдет, а впрочем, пускай даже поплачет.

28. Я предупредил, что на станции нас будут ждать повозки, и чтобы ребята сходили в уборную сейчас, в вагоне; что нельзя помногу забираться на повозку и нельзя по дороге слезать и что, если у кого окажется не его размера одежда, завтра же ему ее обменяют. Два прошлогодних колониста помогут раздать молоко, трое других — одежду.

Я старался завязать деловую дружбу, а не пустой флирт.

Я отметил, у кого грязные уши, длинные ногти, грязная рубашка: если мать перед отъездом не привела ребенка в порядок, значит, она не только бедна, но и небрежна; иногда такой ребенок живет самостоятельно, без надзора, а то и вовсе нет матери. Когда я переодену их и умою, эта деталь будет утрачена.

Я соглашался на любое предложение помочь мне, в чем-либо меня выручить. Я знал, что моя задача — организация и контроль, что самому мне всего не одолеть и что я сдам экзамен на хорошего воспитателя, если у меня будет время на наиболее важные дела и на заботу о детях, исключительных по своему здоровью, темпераменту, запущенности, никудышности или большой духовной ценности.

И когда переодетые ребята сели по порядку номеров за стол, я стал изучать лица.

Я уже сейчас знал свою группу лучше, чем в прошлом сезоне после нескольких дней работы.

29. Одного я узнаю по веснушкам, другого по бровям, третьего по родимому пятнышку на носу, четвертого по форме черепа. Всегда остается несколько таких, в ком ты усматриваешь несуществующее сходство и долгое время путаешь. Этих трудностей школьный учитель не знает, ученики у него закреплены неподвижно на партах; зато хорошо знают их школьный надзиратель, инспектор, директор. И легко шалить такому неприметному, коли ответ за себя и за других держат два-три козла отпущения.

«Ага, попался, тебе не впервой, ты всегда».

А настоящий виновник посмеивается втихомолку.

Я потому так настаиваю на быстром ознакомлении со всеми ребятами, что всякие вредные предубеждения (как в пользу ребенка, так и против него) вытекают именно из этого незнания детей.

Я не очень, кажется, удалюсь от истины, если скажу, что у милovidного со славной рожницей ребенка есть все данные считаться хорошим, а у некрасивого или с каким-либо физическим недо-

статком — плохим. Отсюда одинаково несправедливое предубеждение некоторых воспитателей против красивых детей. Еще раз повторяю: воспитатель, который не знает хотя бы одного из своих воспитанников, безусловно и в любом случае окажется плохим воспитателем.

30. Вечером, когда все уже были в постели, я провел беседу о ребятах предыдущего сезона.

«Я расскажу о ребятах, которые спали на пятой, одиннадцатой, двадцатой и тридцать второй кроватях. Один из них оказался очень славным малым, другой был всегда и всем недоволен, третий очень растолстел, а с четвертым как-то ночью случилась беда: он сделал под себя, и ребята сначала нехорошо смеялись над ним, а потом убедились, что это слабый и больной мальчик, и взяли над ним шефство. И где-то они теперь и о чем думают?»

В этих четырех взятых из жизни рассказах были и мораль, и распорядок дня, и более сложные проблемы колониистского житья-бытья.

Я предупредил ребят, что делать, если они ночью испугаются или слишком рано завтра проснутся.

И все заснули — кроме двоих.

У одного дома остался больной дедушка, и мальчик все о нем думал; а другому мать говорила на сон грядущий «спокойной ночи». Этого последнего, одного из тридцати восьми, надо было в тот вечер, чтобы он мог заснуть, поцеловать. И я подумал, что как раз его, одного из самых впечатлительных, я мог в прошлом сезоне при общем сумятице и возбуждении отругать или выдрать по ошибке за уши.

Уже в первый вечер у меня осталось время на записи: в одной тетрадке — о первом дне в колонии, в другой — о каждом ребенке. И о доброй половине ребят я хоть что-то, хоть самую малость, а уже записал.

31. Назавтра чуть свет я уже был в спальне и опять, прежде чем ребята разбегутся и смешаются, учился узнавать свою группу.

В течение всего дня я спрашивал то одного, то другого, как его зовут.

— А меня, господин воспитатель? А меня как зовут?

Похожих друг на друга или тех, кто казался мне похожим, я ставил рядом и изучал, а ребята указывали мне приметы, по которым можно их различить.

С каждым часом прибывали все новые детали, посвящавшие меня в личную жизнь или в ту или иную область духовной жизни ребенка.

Быстро, словно по волшебству, под влиянием деревни и ласковой руки воспитателя смятые души сперва с удивлением и страхом, а потом все доверчивее и радостнее начинают тянуться к тому, что красиво и гармонично.

Но существует предел возможностей воспитателя, и его не

перейдешь никаким чудом. Проснется душа чуткая и богатая, уставшая от неблагоприятных условий; убогую же и вялую еле станет на болезненную гримасу. Тебе жаль? У тебя всего лишь четыре короткие недели...

Врожденная самобытная честность жадно прильнет к новым формам светлой жизни, двуличие с досадой отвернется.

Бывают злаки, которые оживают от одного дождя, и совсем увядшие и больные, бывают и сорняки, с трудом воспринимающие культуру.

32. Внимательно присматриваясь к тому, как организуется ребячье общество, я понял трудности первого сезона.

Положительные ребята еще только осматриваются на новом месте, робко и сдержанно знакомясь и сближаясь, а отрицательные силы уже успели сорганизоваться, задать тон и добиться послушания.

Ребенок, который понимает необходимость режима, ограничений и приспособления, помогает работе воспитателя пассивно, не мешая ему, подчиняясь имеющей в виду общее благо программе. Тот же, который хочет использовать, злоупотребив, добрую волю, щепетильность, некоторую неуверенность, доброжелательность или слабость воспитателя, действует сразу активно и наступательно.

Диву даешься, как может двенадцатилетний мальчишка, разлученный с семьей, в новых для него условиях, под присмотром воспитателей, среди незнакомых ребят не чувствовать ни стеснения, ни замешательства и уже в первый день требовать, оказывать сопротивление, составлять заговоры, выискивать друзей, перетягивать на свою сторону пассивных и безынициативных — объявить себя диктатором и бросить демагогический лозунг.

Нельзя терять ни минуты, ты обязан тотчас выявить его и вступить в переговоры. Ты заранее ему враг, как каждая власть, которая требует и запрещает; уеди его, что ты не такая власть, какую он до сих пор встречал.

33. Пример:

В вагоне я делаю мальчику замечание, что выходить на перрон нельзя. Выходит, зову — молчит. На мой выговор отвечает с презрением: «А что тут такого? Я пить хотел». Я спрашиваю фамилию.

— Господин воспитатель тебя записал.

— Подумаешь, важность...

Уже на него поглядывают с любопытством, уже у него сторонники — он уже импонирует. Чтобы узнать его, подчас довольно одного «ладно, ладно» или пожатия плечами. Если так в первый день, подумай, что будет завтра или через неделю?

Этим же вечером я поговорил с ним. Разговор был серьезный, деловой, равного с равным: мы выработали условия его пребывания в колонии.

В городе он продает газеты на улице, играет в карты, пьет

водку, знаком с полицейским участком.

— Хочешь здесь остаться?

— Так себе.

— Не нравится?

— Еще не знаю.

— А зачем приехал?

— Женщина тут одна меня уговорила...

Сказал ее имя, фамилию и на всякий случай дал неверный адрес.

— Слушай, парень, я хочу, чтобы ты мог тут пробыть весь месяц. Об одном прошу: надоест, скажи мне, я дам тебе на билет, и ты вернешься в Варшаву; только не убегай и не подстраивай так, чтобы я отсылал тебя якобы против твоей воли. Я позволю тебе делать все, что хочешь, но порядка не нарушать и к детям не лезть. Спокойной ночи.

И подал ему руку.

Не пытайся общаться с ним, как с ребенком, он тебе прыснет в лицо или изобразит раскаяние, а сам отвернется и бросит что-нибудь язвительное, метко схваченное, чтобы поднять тебя на смех. Все, только не приторная сентиментальность; почувствовав к тебе презрение, он использует ее, чтобы тебя осмеять.

34. Был и второй такой.

В задушевной беседе с глазу на глаз, когда не глядела на него глупая, покорная и трусливая ребятня, которую он презирал, он открылся мне, расчувствовался и обещал исправиться.

На такие беседы нельзя ссылаться и не надо требовать выполнения обещаний.

Когда несколько дней спустя он хватил по лбу плоской подтолкнувшего его во время еды мальчика и я бестактно, в резкой форме, напомнил о данном мне обещании, он ответил ненавидящим взглядом. Через несколько дней он выкрал одежду, переоделся в лесу и пошел на вокзал.

Я хотел бы обратить внимание молодых работников, которые не знают детей из беднейших слоев, на одно обстоятельство: среди этих детей есть и вполне воспитанные и совсем запущенные дети. Эти две категории детей не только взаимно избегают друг друга, не любят, не ценят. Но дети, воспитываемые в семьях, боятся детей уличных. Невдумчивый социолог не видит колоссальной разницы между нравственным и безнравственным ребенком: оба, дескать, бедные, живут в предместьях, в бедных районах, принадлежат к одной среде. А ведь поэтому первый и боится второго, поэтому он ему и опасен. И никто не вправе заставлять их дружить.

В последнюю неделю сезона часто слышишь, как силком навязанные незадачливые друзья грозят:

— Погоди, вернешься в Варшаву, уж я тебе отплачу.

35. Я был свидетелем отчаянных усилий определенной группы

лиц открыть детские клубы в Варшаве. Я читал и книжечку с отчетом о предпринимаемых в том же направлении попытках в Москве*. Одна и та же ошибка вызывала одни и те же трудности. Когда школьники потребовали исключения хулиганов, заведующая школой сказала с упреком:

«Мой сынишка играет с ними, а вы не желаете; нехорошо!»

Ее сынишка мог играть: его не избьют, когда он вечером будет возвращаться с работы домой, и ему никто не крикнет: «Эй, ты, что это за краля с тобой?», когда пойдет в воскресенье с двоюродной сестрой в костел; к нему не пристанут: «Одолжи гривенник на папиросы».

Если ее сынишка пойдет с мамой и тетей на прогулку и к нему подбежит маленький оборвыш, а тетя в ужасе спросит: «Откуда у твоего Антося такие знакомства?», мама тоном превосходства ответит: «Это его товарищ по клубу» — и посмеется над богобоязненной отсталостью старой тетки.

Но мать-работница совершенно справедливо испугается и станет остерегаться такой дружбы.

Если взрослый рабочий вправе не желать дружить с пьяницей или вором даже не потому, что опасно, а просто потому, что марает доброе имя, сын рабочего вправе, более того, обязан избегать дурной компании.

А если хулиган лишь прикидывается хорошим, чтобы благодаря случайной встрече проникнуть в среду таких ровесников, к каким он иначе не попал бы? Чтобы извлечь выгоду из знакомства?

Допускать товарищеские отношения между детьми, совершенно разными по своим нравственным качествам и жизненному опыту, кого лишь бедность объединяет в одну среду, — это значит вовлекать какую-то часть из них в дурную компанию, легкомысленно испытывать их моральную стойкость.

36. Я настаивал:

— Играйте вместе.

Подзадоривал:

— Вас тридцать, а он один. Значит, вы все не можете исправить одного, а он один испортит вас всех?

— А что мы должны делать, чтобы его исправить? Он не хочет с нами играть, а соглашается, так всю игру расстраивает.

Правы были дети, не я.

Лишь значительно позже я понял, что, если воспитатель хочет держать вместе с обычными детьми детей безнравственных, на нем лежит вся ответственность и обязанность за всем следить. Детям этот труд не под силу.

Даже самое, казалось бы, прекрасное теоретическое положение должно быть подтверждено. Даже самая очевидная истина, если она трудно применима на практике, должна быть добросовестно критически пересмотрена. Мы значительно опытнее детей, мы многое знаем, чего дети не знают, но что они думают и что

чувствуют, они знают лучше нас.

Если ребенку чего-либо хочется, а почему — он не говорит, он или скрывает истинную причину, или не вполне ее сознает. Искусство воспитателя в том и заключается, чтобы узнать, порой догадаться, часто доискаться этих полусознанных мотивов.

— Тут что-то кроется, — чем чаще воспитатель так думает, тем он быстрее будет совершенствоваться и тем вернее избежит ошибок, вытекающих из ложных теоретических положений.

37. Я навязывал детям общество разболтанных, физически неполноценных или несимпатичных ребят.

Это было бессмысленно.

Ребята играют в горелки. Слабосильный ребенок не умеет ни убегать, ни ловить. А нечестный нарочно будет так убегать, чтобы его быстрее поймали, он сам хочет гореть. Если ты заставишь ребят играть с ними, ребята будут их избегать, не станут ловить.

Да и вообще кто из взрослых сядет играть в карты с шулером или таким, который не умеет играть?!

Вы даете мячик, но с условием, что и тот будет играть. Надо ли удивляться, что ребята неохотно идут на это? И можно ли их винить за то, что чувствуют к нему неприязнь? И не побьют ли, если из-за него проиграют, и кто тогда будет виноват?

Забота о детях этого типа требует большого такта. Надо следить не только за тем, чтобы их не обижали, но чтобы и они никому не мешали.

«Вечно его дожидайся. Вечно он игру расстроит. Опять из-за него воспитатель на нас сердился: что-то запретил, отобрал, чем-нибудь пригрозил».

В первом сезоне я вел целые бои из-за какого-нибудь растяпы, во втором с умилением наблюдал, как величайший забияка взял добровольно под защиту самого тихонького мальчика.

38. Не пренебрегай!

Мальчишки играли в камушки. Игра эта была известна детям бедняков еще в древнем Риме. Играющий кидает на стол или пол пять камушков. Потом он подбрасывает один из камушков и, прежде чем его подхватить, должен быстро схватить со стола один из четырех остальных. Есть несколько степеней трудности. Для этой игры нужна ловкость и пять небольших камушков.

Жалобы, что кто-либо забрал один или все камушки, повторялись беспрестанно. Я в то время был противником жалоб.

— Мало тебе тут камней? Найди другие.

Три ошибки сразу.

Во-первых, у каждого есть право на собственность, хотя бы это был самый пустяковый, не имеющий никакой цены предмет. А что убыток легко возместить, ничего не значит. Пусть тот, кто забрал мои камушки, ищет себе другие.

Тот, кто взял их, поступил явно безнравственно, по меньшей мере, несправедливо: присвоил чужую собственность.

Я сам попробовал играть в камушки и убедился, что не все камушки одинаково удобны. Слишком круглые, когда их бросаешь на стол, чересчур разлетаются, а слишком угловатые ложатся чересчур кучно.

Для игрока пять подобранных по форме и цвету камушков все равно, что пять коней одной масти и роста, пять жемчужин в колье, пять натасканных охотничьих собак.

Всегда найдутся свидетели, которые видели, помнят, подтвердят, чьи это камушки. Справедливость была на стороне ребят.

39. «Он оскорбил мою мать». После длительного колебания: «Он назвал меня сукиным сыном». Как воспитатель я обязан знать, что не один отец награждает подобным эпитетом насолившего ему фабричного мастера или домовладельца, когда тот не хочет ему чинить печку.

— Вы ведь знаете, какой он злюка. Раньше он со всеми дрался, а теперь только ругается — исправился. Правда, сукиным сыном зовут, когда уж очень кого хотят обидеть; зовут еще и негодяем, и мерзавцем. Чаще всего зовут со зла, подчас вовсе того не думая. Не думает же кто-нибудь всерьез, что мальчишка мерзавец, раз не дал поиграть мячика или нечаянно подтолкнул за игрой в чиж-а? Просто бывают люди вспыльчивые и бывают спокойные...

Я видел, ребята удивились, что я так громко и четко произношу это зачумленное слово. А делал я это потому, что все, что говорится шепотом, бродит, загнивает и дразнит воображение, и нет ничего вреднее в воспитании, чем ложная скромность. Если есть слова, о которых ты боишься говорить, что ж тогда делать с поступками? Воспитатель не может бояться слов, мыслей и поступков ребят.

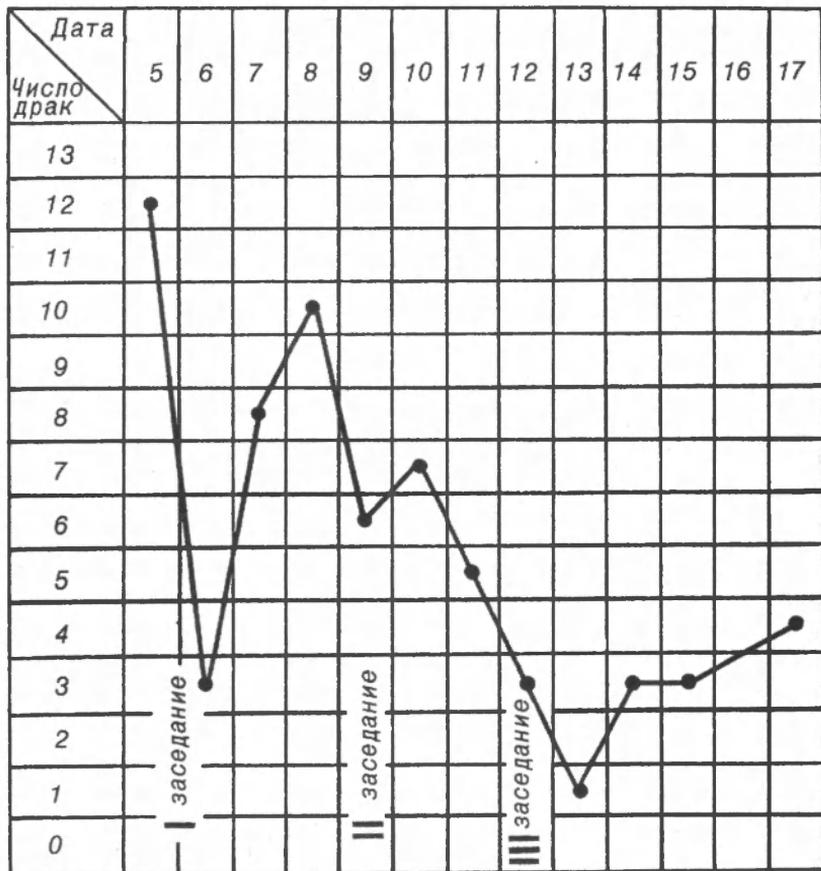
Тот, кто хочет быть воспитателем детей бедняков, пусть помнит, что медицина различает *graxis pauporum* и *graxis augea**, пусть помнит, что бывают развратники, говорящие изысканным языком, и герои добродетели — сквернословы. Ты должен знать среду, из которой вышли твои воспитанники.

40. Было бы слишком рискованно утверждать, что бедные дети морально устойчивее богатых. К нам поступают тревожные сигналы относительно тех и других. Мне кажется, верно лишь одно: наблюдения велись в этих человеческих клетках, в городских квартирах, где отсутствие свободного пространства, запрещение кричать и бегать, лень и скука заставляют детей обращаться к сильным, но не беспокоящим окружающих впечатлениям и эмоциям.

На основании наблюдений над детьми в летних колониях я категорически утверждаю, что нормальный ребенок всегда предпочтет играть в мяч, бегать наперегонки, купаться, лазать по деревьям, чем забиваться тайком в угол для неведомых мечтаний.

Можно спокойно позволить мальчикам и девочкам разбрестись

КРИВАЯ ДЕТСКИХ ДРАК В КОЛОНИИ

5 июля на 30 детей 12 драк; общее собрание: не драться; на завтра лишь 3 драки, и опять 8, 10, 6 драк. Второе общее собрание (в лесу) насчет необходимости жить дружно. И опять 7, 5, 3 драки. Третье общее собрание под лозунгом "Один день без потасовок". Как результат коллективного усилия на завтра лишь одна драка.

по лесу и не слишком присматривать за ними: они так увлекутся земляникой и грибами, что скорее надо ждать драки из-за трофея в виде гриба или ограбления сильнейшими, чем проявлений нежности.

Укромный закоулок городского двора в бедном районе и пространство между шкафами в богатой буржуазной квартире скрывают тайны, каким нет места на лужайке и в поле.

Только не держите детей ради своего удобства в постелях по одиннадцати часов в сутки — дети, особенно летом, не спят больше 8—9 часов.

41. Я с удивлением убедился в колонии, что дети не обижаются на приказы и запреты, цель которых — поддержание мира и порядка, и охотно подчиняются им. А если кто нарушит, то чистосердечно сознается и выразит сожаление или, самое большее, скажет:

— Сам знаю, что плохо, да что поделаешь, коли по-другому не могу.

Есть дети, которые ведут отчаянную борьбу с врожденными наклонностями как раз во имя этой общей гармонии. Не следует усложнять им чрезмерными требованиями эту борьбу, а то они к ней потеряют охоту или станут дичиться.

Воспитатель обязан давать себе отчет в том, какие запреты и приказы категорические и какие допускают известные отступления. Категорически запрещается купаться одному в речке, в определенных случаях — лазать на деревья. Категорически запрещается опаздывать к обеду, в известных случаях — опаздывать, когда становятся в пары: опоздал — догонит, хоть за версту, ведь подвижный ребенок не захочет стоять и ждать, пока все соберутся.

Детям исключительным с общего согласия исключительные законы — вот труднейшая и вместе с тем благороднейшая задача для воспитателя.

Если на сто пятьдесят ребят один плавает так, что ему ничто не грозит (живет у самой Вислы, по полдня в воде, без труда переплывает реку), то ему можно с согласия ребят разрешить купаться даже одному. Ты должен иметь известную смелость и взять на себя ответственность за его жизнь.

42. Детям свойствен социальный инстинкт. Дети могут отнестись к известному начинанию настороженно потому, что не доверяют взрослым или не поняли, но быстро одобряют его, если сами примут участие.

Что сделать, чтобы ребята не разбрасывали хлеб по лесу, не опаздывали к обеду, не дрались и не ругались? Если даже подобные обсуждения и не помогут искоренить зло, они наверняка повысят моральный уровень многих ребят, укрепят чувство солидарной ответственности и общественного долга.

Записывай, сколько ребят опаздывало и сколько зарегистрировалось драк в день до обсуждения. Регистрируй после обсуждения, вывеси график, и ты убедишься, что драки стали реже. Драки

опять участились — второе обсуждение.

Задача даже самой хорошей речи — вызвать энтузиазм, способствовать начинанию, не останавливаться на достигнутом.

Одни слову приписывают слишком большое значение, слишком много ждут от него, другие недооценивают, обманувшись. И те и другие заблуждаются. Одними словами ничего не сделаешь, но и без слов работа станет. Слово — всегда союзник, не заместитель.

Ты можешь ждать от слова только такого действия.

43. Общее собрание из-за беспорядка в уборной.

«Когда пожар или наводнение, лучшие бегут на помощь, рискуя жизнью. Когда надо сделать что-нибудь трудное или неприятное, всегда впереди лучшие из лучших. Вот и нам надо выполнить трудную, неприятную работу, и мы обращаемся к нашим лучшим... Так кто из вас берется добровольно дежурить в уборной по полдня каждый?»

Понятно, записываются многие. Но это лишь начало. На первые два дня ты выбираешь энергичных, легко вдохновляющихся, но неустойчивых: труднее всего придется в первые несколько дней, а раз дело новое, ребята выполняют его с большим запалом. Объясни им, почему они первые.

Предложение спорщика не принимаешь, боишься склок, ребята не любят его и станут делать назло.

Отстраняешь и слишком вспылчивого:

— Еще подерешься, не берись-ка ты лучше за это дело.

Серьезных назначаешь на следующие дни: знаешь, что не оступят.

Тихонького откладываешь еще на позже:

— Тогда уже будет легче, а завтра ты не справишься.

Предупреждаешь дежурного, что найдется такой, который назовет его «говночистом» или «сторожем в уборной»:

— Не обижайтесь на дураля.

Предупреждаешь, что должен делать дежурный, когда маленький недотепа загадит уборную нечаянно, и что — когда это будет сделано нарочно, назло, и как быть, если не удастся засечь виновного.

Ты должен снабдить дежурного метлой и тряпкой. Должен сам заходить туда в часы наибольшей посещаемости (утром или после обеда) и подежурить с четверть часика, а в сомнительном случае самому взять тряпку в руки и вытереть.

Ты напрасно сердисься, воспитатель: «Сколько раз говоришь им!» Это не помогает и не поможет. Так зачем говорить? Одни и сами поймут, что данное добровольно обещание обязывает, а недобросовестному я скажу: «А зачем обещал?» Это важный козырь. У ребенка нет цинизма взрослых, которые ответят тебе:

— Обещанного три года ждут.

44. Воспитателю не обойтись без помощи ребят, конечно, при условии неусыпного надзора и частой смены юных коллег (не то заважничают, ведь власть портит!). Надо мягко и осторожно

объяснить, что дежурство не дает никаких особых прав, что это должность почетная.

Дежурных по обслуживанию за столом я сменял ежедневно из-за существовавшего обычая накладывать им большие порции. Этим я усложнял работу экономки, но считал, что иначе нельзя.

В летних колониях у меня были дежурные по постелям (по одному на каждый ряд), по подаванию тазов для мытья, по укладыванию на место игрушек, дежурный, следивший, чтобы ребята аккуратно вешали полотенца на спинках кроватей.

Дежурные, задачей которых было подбирать битые стекла, чтобы ребята, бегая, не порезали себе ноги.

При исполнении этих несложных обязанностей детей проще узнать, чем на уроках в школе: там усложняют картину способности, подготовка, случай. Здесь ребенок виден сразу: азартный он, непостоянный, самолюбивый, забияка, добросовестный или нечестный.

45. Если присматриваться в первые дни, как дети знакомятся друг с другом, легко убеждаешься, что положительным элементам группы нужна помощь, поддержка и прежде всего неусыпная и осторожная защита от тех немногих, кому твоя система негодна.

Если власти обязаны охранять общество от насилия и злоупотреблений со стороны вредных элементов, то воспитатель обязан охранять ребят от кулака, угроз и оскорблений, а ребячью собственность (будь то камушек или палочка) от присвоения, а также охранять ребячью организацию (неважно, играют ли ребята в мяч или строят домики из песка).

Раз выполнив эту большую работу, потом достаточно лишь не допускать отклонений и искривлений.

Все сэкономленное с помощью ребят время мы можем посвятить воспитанию тех, кем мы желали бы особо заняться, потому что мы хотим или должны это делать, так как это ребята стоящие, опасные для коллектива или просто выходящие из нормы.

А ведь бывают не только исключительные дети, но и исключительные обстоятельства, которые берут у нас много времени. Вдруг ребенок заболел; стемнело, а четверо еще не вернулись из лесу; пожаловались, что ребята кидались камнями или шишками в нищего или воровали.

Чем больше ребят, тем больше и исключительных ребят и обстоятельств.

Гнев тут не поможет: так должно быть. Весь смысл хорошей организации в том и заключается, чтобы, несмотря на это, все шло своим чередом, мелкие дела делались сами собой и ты мог всегда сказать: «Хозяйничайте сами, я занят».

46. Уверенность в себе и разумное предвидение светлы и снисходительны, неопытность капризна и неуравновешенна.

На тридцать — сорок ребят у тебя всегда будет один ненормальный или аморальный, один очень запущенный, один злой,

антиобщественный, со всем несогласный и всеми нелюбимый, один вспльчивый, с необыкновенно яркой индивидуальностью и один болезненный или слабосильный.

Так должно быть!

Ты организуешь экскурсию: один заболел, другой надуется, еще один не хочет идти, раз все хотят идти:

— Подумаешь, экскурсия!..

Один будет искать шапку, другой от возбуждения подерется, третьему в последнюю минуту понадобится в уборную, четвертый куда-то делся.

Дорогой у кого-то заболят голова или ноги, кто-то порежется, кто-то разобидится, кому-то захочется пить.

Рассказываешь сказку. Один обязательно прервет тебя:

— Скажите, пожалуйста, а это какой червяк?

Другой:

— Он мне в ухо тычет соломинкой.

Третий:

— Ой, овцы идут!

Юная обида в тебе грозитя:

«Если кто-нибудь еще раз прервет...»

А опытная снисходительность с улыбкой переживает, когда пройдет стадо.

47. Небольшое, но ценное замечание. Если ты трудолюбив, добросовестен и более одарен как воспитатель, не суди товарищей строго. Не давай им почувствовать свое превосходство. Если ты желаешь детям добра, ты должен избегать всяких столкновений с коллегами.

Я был самым усердным воспитателем в колонии, да это и не могло быть иначе. Я стосковался по работе с детьми, другим воспитателям она приелась. Меня привлекала простота деревенской жизни, они не видели очарования ни в набитых соломой матрацах, ни в простокваше.

Как-то раз, когда с одним мальчиком случилась беда и из-за этого вышел спор с прачкой, я сам выстирал у колодца загаженную рубашку и простыню. Я видел (я на это и рассчитывал) смущение прачки, замешательство экономки, недоумение товарищей по работе. Но сделай это кто другой, он, возможно, услышал бы презрительное:

— И прекрасно. Пускай знает, чем это пахнет. Его мальчишка.

Надо избегать рассчитанных на эффект красивых жестов. Если во внешне очень положительных поступках скрыта фальшь, они раздражают больше, чем слова.

И уж никогда не следует считать своей особой заслугой, если ты в первые дни или недели работы на новом месте усердствуешь или вводишь мелкие улучшения. Будь это иначе, это свидетельствовало бы о тебе как нельзя хуже: новый работник и должен больше всех усердствовать и видеть недостатки, которые усталому и ко всему привыкшему глазу не заметны.

48. Я уже говорил об этом во вступлении, повторял и еще раз повторяю: воспитателю приходится быть и санитаром, он не может ни пренебрегать этой обязанностью, ни отказываться от нее; ребенка с ночным недержанием мочи — ребенка, которого рвет, — с нарывом в ухе — ребенка, который обмарался, — с сыпью на теле или на голове — воспитатель должен посадить на горшок, умыть и сделать перевязку. И он должен это делать без тени отращения.

Пусть воспитатель делает, что хочет, пусть практикуется в больнице, в приюте для раковых больных, в детских яслях, но он обязан закалиться.

Воспитатель детей бедняков должен приучить себя и к физической нечистоте. Педикулез* — постоянное заболевание убогой детворы всего мира, и воспитатель должен время от времени найти вошь и у себя на одежде. Об этой болезни ему не положено говорить с возмущением или отвращением — родители, братья и сестры ребенка относятся к этому явлению спокойно и объективно; так же спокойно и объективно следует и заботиться о чистоте ребят.

Воспитатель, которого от грязных ребячьих ног тошнит, который не выносит неприятных запахов и теряет на целый день душевный покой, если — о ужас! — найдет вошь на своем пальто, — пусть идет как можно скорее работать в лавку, контору, куда хочет, только пускай больше не остается в народной школе и интернате, потому что нет ничего унижительнее, чем зарабатывать на хлеб с отвращением.

— Я хороший воспитатель, а грязь ненавижу, — говоришь ты, пожимая плечами.

Лжешь: он у тебя во рту, в легких, в крови — воздух, который испортили дети.

Меня, к счастью, от этого смертного греха воспитателей избавила раз и навсегда моя врачебная практика. «Фи» для меня не существует. Быть может, именно потому мои воспитанники любят чистоту.

49. Гениальный французский энтомолог Фабр* гордится, что он произвел свои эпохальные наблюдения над насекомыми, не умертвив ни одного. Фабр наблюдал их полеты, обычаи, радости и заботы. Внимательно присматривался к насекомым, как они резвились в солнечных лучах, сражались и гибли в сраженье, искали еду, строили убежища, делали запасы. Он не возмущался, а мудрым взглядом проследивал могущественные законы природы в их еле заметных проявлениях. Фабр был учителем в народной школе. Он наблюдал невооруженным глазом.

Воспитатель, будь Фабром детского мира!

ДОМ СИРОТ

1. Техника организации жизни интерната в ее мельчайших и вместе с тем решающих деталях зависит от здания, в котором интернат размещен, и территории, где это здание построено.

Сколько жестоких попреков обрушивается на головы детей и персонала из-за ошибок строителя, сколько ненужных затруднений, хлопот, огорчений приносит малейший недосмотр в плане строительства! А если возможна переделка, как трудно определить это и убедить в ее необходимости! А ведь бывают ошибки, которые не исправишь.

Дом Сирот был сооружен под знаком недоверия к детям и к персоналу: «Все видеть, знать, все предотвратить». Громадный рекреационный зал — это открытая площадь, рынок. Человеку бдительному достаточно одного взгляда, чтобы охватить все. То же с большими, казарменного типа спальнями. У такого здания есть значительные преимущества, оно позволяет быстро изучить ребенка; характерное для летних колоний и сборных пунктов, откуда ребята переходят в другие, построенные иначе интернаты, оно утомляет тем, что в нем нет «спокойного угла». Шум, гам, беготня, толкотня — ребята жалуются, и жалуются справедливо.

Если можно было бы в будущем надстроить этаж, я высказался бы за гостиничную систему: коридор, а по обеим сторонам небольшие комнаты...

Кроме изолятора для больных необходимо выделить помещение для детей, которые временно недомогают. Ушиб ребенок ногу, голова болит, не спал ночью, перевозбужден ли — пускай у него будет укромный уголок, где он может некоторое время побыть один или с товарищем. Такой ребенок, слоняющийся между разыгравшейся ребятней и всем мешающий, обиженный и одинокий, вызывает сочувствие, а иногда и гнев у окружающих...

Уборная для ночного пользования и писсуар должны находиться в непосредственной близости от большой спальни, если даже не в самой спальне. Отделять их тамбурами, коридорчиками нет смысла. Чем дальше упрятана уборная, тем она грязнее.

Укромная квартира директора в стороне от ребят лишает его возможности участвовать в педагогическом процессе. Директор будет осуществлять контроль над канцелярией и бухгалтерией, переписываться с властями, представляя интересы своего учреждения, но так и останется чужаком-гостем, а не хозяином интерната. Ведь интернат — это «мельчайшие и вместе с тем решающие детали», об этом не следует забывать. Архитектор должен поместить руководителя учреждения так, чтобы он вынужден был стать воспитателем, чтобы он видел и слышал ребенка не только тогда, когда ребенок по вызову входит к нему в кабинет.

2. Я где-то читал, что филантропия, не излечивая общество ни от одного из социальных недугов и не удовлетворяя ни одну из его потребностей, выполняет две важные задачи.

Выявляет язвы, которые государство еще не заметило или недооценило. Филантропия изучает, начинает действовать и, видя свое бессилие, требует помощи, наконец, навязывает эту обязанность обществу или государству, которые могут оказать содействие во всей полноте.

Другая задача — это новаторство, поиски новых путей в том, что выполняется государством схематично, косо и по дешевке.

Кроме государственной повсюду существует и частная опека над сиротами. Эта опека лучше: внушительнее здания, обильнее еда, не столь стесненный бюджет, гибче педагогическая система. Однако тиранию бюрократизма здесь могут заменять бесчисленные и опасные капризы влиятельного благотворителя.

Если мы примем во внимание, что иногда вся инициатива и все усилия руководства сводятся к угождению вкусам неопытных попечителей, не знакомых ни с трудностями, ни с тайнами массового воспитания детей, мы поймем, почему более ценные личности еле снисходят до работы в благотворительных воспитательных учреждениях, а разные подонки и сухари так и льнут.

Знай богатые покровители, какой яд для учреждений неподходящий сотрудник, они, может быть, зареклись бы раз и навсегда навязывать и даже просто рекомендовать лиц, «правда, неподходящих, но заслуживающих поддержки». Система протекций — злодеяние, преступление.

Здесь следует сказать и о протезируемых детях.

— Этого ребенка нужно принять. Исключительное положение.

И вот ребенка приняли — во вред другим, без пользы для него самого. Всякое даже не принуждение, а легкий нажим на воспитателя, чтобы он взял ребенка вопреки своему убеждению, недопустимо.

Воспитатель должен иметь право сказать: «Это вредный ребенок». И мы обязаны ему верить. Воспитатель должен иметь много разных прав, ведь интернатская работа нелегка. В вопросах воспитания голос воспитателя — решающий.

Воспитатель должен иметь в своем распоряжении некоторую ежемесячно поступающую сумму: бывает, вещи, которые могут кому-либо показаться ненужными, крупные расходы, которые, казалось бы, можно отложить на потом, для воспитателя необходимы и безотлагательны.

Важный момент.

Если в интернате несколько попечителей, обязательно нужно завести книжку, в которую попечители вписывали бы свои замечания, требования и вопросы. Замечаний и требований станет меньше, попечители будут осмотрительнее, не будет противоречивых распоряжений.

Несколько слов о почетных сотрудниках. Они приносят значительную пользу, беря на себя ту заботу, на которую у поглощенного ежедневной будничной работой персонала не остается ни времени, ни сил. Один приходит и рассказывает сказку, другой забирает детей на прогулку, еще кто-нибудь дает дополнительные

уроки. Только нужно, чтобы эти люди не обременяли собой персонал, как можно точнее соблюдали режим, справлялись со всем сами, ни о чем не спрашивая и ничего не требуя.

3. Год строительства Дома Сирот* был знаменательным годом. Никогда я не понимал так хорошо красоты труда и реального действия. Сегодняшний квадратик на плане, то есть на бумаге, преобразался завтра в зал, комнату, коридор. Я, привыкший к спорам о взглядах, принципах, убеждениях, теперь присутствовал на стройке! Каждое принятое сходу решение подхватывалось рабочим и воплощалось навечно. Каждую идею нужно было оценить и рассчитать с точки зрения затрат, возможностей, целесообразности. И мне кажется, что воспитатель — недоучка, если он не знает, что из дерева, железа, картона, соломы, проволоки можно изготовить десятки предметов, которые облегчают, упрощают работу, экономят драгоценное время и мысль. Полочка, табличка, вбитый в соответствующем месте гвоздь разрешают многие острые проблемы.

Дом должен был быть готов в июле, но и в октябре он не был закончен. И вот в один пасмурный, дождливый полдень в дом, битком набитый рабочими, въехали шумные, прозябшие, возбужденные, дерзкие, вооруженные палками и дубинками ребята из деревенского детдома. Ребятам дали поужинать и уложили спать. Бывший приют помещался во взятом в аренду и не приспособленном для этой цели здании. Случайная мебель, изношенная донельзя одежда, неумелые заботы глупой экономки и шустрой кухарки...

Я рассчитывал: вместе с новым помещением, новыми условиями и разумной заботой о детях дети примут и новый режим. А они, и это прежде, чем я отдал себе отчет в создавшемся положении, объявили войну! Я полагаю, опыт работы в колониях застрахует меня от неприятных неожиданностей. Я ошибся. Во второй раз я столкнулся с детьми, как с опасной толпой, перед которой я был бессилён, во второй раз в муках опыта начали выковываться непреложные истины.

По отношению к новым требованиям ребята заняли позицию абсолютного сопротивления, ее не могли сломить никакие слова, принуждение же вызывало враждебность. Новый дом, о котором мы весь год мечтали, становился ненавистным. И только значительно позже я понял привязанность ребят к их старой жизни... Ее беспорядок, цыганская нищета быта и ничтожность средств давали широкий простор инициативе, взлету отдельных мощных, но кратких усилий, вдохновенности буйных дурачеств, удалству, потребности в самозабвении и беспечности. Порядок появлялся вдруг и ненадолго благодаря авторитету нескольких ребят. Здесь же должен был быть, в силу обезличенной необходимости, постоянный порядок. Вот почему растерялись и подвели меня те дети, на помощь которых я больше всего рассчитывал. И мне кажется, воспитатель, вынужденный работать в домах, где жизнь бедна и не налажена, не должен очень уж вздыхать по идеальному

порядку и комфорту — в них скрываются большие трудности, большая опасность.

4. В чем проявлялось сопротивление детей? В мелочах, понятия которые может только воспитатель. И незначительны они, и неуправляемы, а докучают, так как их много. Ты говоришь ребятам, что отходить с хлебом от стола нельзя; один тебя спрашивает: «Почему?», некоторые прячут хлеб, еще один демонстративно встает: «А я не успел съесть». Нельзя ничего прятать под подушку или матрац: «Да ведь из ящика у меня возьмут». Находишь под подушкой книжку — он, дескать, думал, «книжку можно». Запираешь умывалку: «Скорее». В ответ: «Я сейчас». — «А почему полотенце не на месте?» — «Вы ведь торопите». Один обиделся, трое ему подражают. За обедом пронесся слух, что в супе червяк — и вот заговор готов: не будут есть суп. Ты видишь двух-трех явных главарей сопротивления и упорства, угадываешь десяток тайных. Видишь, как тебе коварно портят то, что ты считал уже прочно вошедшим в быт, и встречаешь непредвиденные трудности в любом начинании. Наконец, перестаешь разбирать, где случайность, непонимание и где заведомо злая воля. Пропадает ключ. Через минуту он находится, и ты слышишь ироническое замечание.

— Вы, верно, думали, что это я спрятал?

Да, думал...

На вопрос: «Кто это сделал?» — получаешь постоянно в ответ: «Не знаем». «Кто пролил, разбил, сломал?» Объясняешь ребятам, что в том, что случилось, нет ничего страшного, просишь признаться. Молчат — не из страха, а как заговорщики...

Бывало, говоришь, а голос у тебя дрожит и на глазах беспомощные слезы.

Эти тяжелые минуты должен пережить каждый молодой воспитатель, каждый новый воспитатель. Пусть он не опускает руки, пусть не говорит прежде времени: «Не умею, нельзя работать». Слова его только с виду не оказывают действия, коллективная совесть пробуждается медленно: день ото дня будет расти число сторонников доброй воли воспитателя и его разумной системы — крепнуть лагерь приверженцев «нового курса».

ВОСПОМИНАНИЯ

Один из наших отъявленных сорванцов разбил во время уборки довольно дорогой фаянсовый писсуар. Я не сдержался. Несколько дней спустя этот же мальчуган разбил бутылку с пятью литрами рыбьего жира. И на этот раз я его только слегка пожурил.

Помогло: союзник...

Как легко работается, если воспитатель чувствует, что овладел оравой, и какой это ад, когда воспитатель мечется, бессильный, а ребята знают это, чувствуют и мстительно травят. Как велика угроза обратиться к системе грубейшего насилия в угоду собственной безопасности.

5. Полсотни ребят, переведенных из бывшего приюта в Дом Сирот, были для нас как-никак величиной известной; их роднили с нами общие переживания и надежды, а с панной Стефанией*, воспитательницей Дома Сирот, и взаимное большое чувство. Эти ребята, хотя и сопротивлялись попыткам организовать их, были способны к организации. Вскоре были приняты пятьдесят новеньких — новые трудности. В нашем детдоме устроили школу для приходящих, что позволило мне установить, какая пропасть лежит между аристократом-учителем и замарашкой-воспитателем.

Организационный год окончился для нас полной победой. На сто детей одна экономка, одна воспитательница, сторож и кухарка. Мы перестали зависеть от тирании случайных воспитателей и приютского техперсонала. Хозяевами, сотрудниками и руководителями дома стали дети. Все, что следует ниже, дело рук самих ребят.

ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

На стене на видном месте, не высоко и не низко, висит доска, на которую прикрепляются кнопками приказы, сообщения и объявления.

Без доски объявлений жизнь — сплошная мука. Говоришь четко и ясно:

— Такие-то дети, скажем А, Б, В, Г, пойдут, возьмут, сделают то-то, то-то и то-то.

Немедленно к тебе подбегают Д, Е, Ж.

— А я тоже? А я? А он?

Ты повторяешь, не помогает.

Ты говоришь им:

— Подите достаньте...

Опять вопросы, шум, неразбериха.

— А когда? А куда? Зачем?

Расспросы, просьбы, толкотня выматывают тебя и выводят из терпения. Но иначе и быть не могло. Ведь не все слышали, не все поняли, не все ребята вполне уверены, что они это точно знают, наконец, и сам воспитатель в такой суматохе мог что-нибудь проглядеть.

В хаосе текущих дел воспитателю приходится давать непродуманные, неразработанные, а значит, часто порочные распоряжения, ведь всегда в последнюю минуту что-нибудь выплывает. Доска объявлений сразу же заставляет (а потом и приучает) воспитателя заблаговременно обдумать план каждого мероприятия.

Воспитатели не умеют общаться с детьми при помощи письма. Большая ошибка!

Я повесил бы доску объявлений даже там, где большинство детей не умеют читать. Дети, не зная букв, научатся хотя бы узнавать свое имя, ощутят свою зависимость от тех детей, которые читают, почувствуют потребность читать.

Объявление

«Завтра в десять часов утра будет выдаваться новая одежда. Так как не вся одежда готова, не получат новую одежду А, Б, В, Г... Старую одежду будут принимать Е и Ж...»

Объявления

«Кто нашел или хотя бы видел ключик на черной тесемке?»
«Кто разбил окно в умывалке, признавайся!»

Сообщения

«Вчера в спальне мальчиков было грязно».
«Ребята рвут книжки и бросают ручки где попало».
«Говорят не «маморальная вода», а «минеральная вода».
«Через месяц будет пасха. Вносите предложения, как лучше провести праздники».
«Кто хочет переменить место в спальне (за столом), пусть придет завтра в классную комнату в 11 часов утра».

Сообщения, предостережения и пожелания вывешивают теперь не только воспитатели, но и дети. И чего там только нет! Доска точно живая. И ты диву даешься, как это ты без нее обходился?!

- Скажите, пожалуйста, а я тоже?..
- Посмотри на доску объявлений.
- Да я не умею читать.
- Попроси того, кто умеет...

Доска объявлений дает широкий простор для инициативы и воспитателей, и детей. Календарь, температура, важные газетные сообщения, картинка, шарада, кривая драк, список поломок и повреждений, список сбережений, вес, рост. Коли есть время и охота, ребенок останавливается перед ней, словно перед витриной магазина, и глазает. А можно вывешивать и сведения о столицах. Какие есть столицы, сколько в каждой жителей, какие цены на продукты питания. Всего сразу и не придумать...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Воспитатель, который уже признал пользу письменного общения с детьми, быстро убедится в необходимости почтового ящика.

Доска объявлений вооружает воспитателя привычным, а значит, не требующим особого труда ответом «прочти». Почтовый ящик дает ему возможность отложить любое решение, ответив «напиши».

Ведь часто легче написать, чем сказать. Нет воспитателя, который не получал бы писем с вопросами, просьбами, жалобами, извинениями и признаниями. Так всегда велось, почтовый ящик только закрепляет разумный обычай.

Ты вынимаешь вечером пригоршню исписанных неумелой рукой листочков и потому, что вокруг тебя тишина и покой, читаешь внимательнее, раздумывая над тем, чему не придал бы значения по недостатку времени днем.

«Я могу завтра пойти в город? Мамин брат приехал».

«Ко мне ребята пристают».

«Вы несправедливый: всем карандаши чините, а мне не хотели».

«Я больше не хочу спать около двери, потому что мне ночью кажется, что кто-то входит».

«Я на вас сержусь».

«А учительница мне в школе сказала, что я уже лучше себя веду».

«Я хотел бы с вами поговорить об одном очень важном деле».

Иногда найдешь стишок без подписи: вспомнилось — взял и написал, а потом не знал, что с ним делать, и бросил в почтовый ящик.

Вытащишь и анонимку с нецензурной руганью или угрозами.

Письма бывают обычные, изо дня в день одни и те же, и крайне редкие, необыкновенные. О том, что повторяется изо дня в день, ты успеешь еще подумать не сегодня, так завтра. Над содержанием необыкновенного письма думаешь дольше.

Почтовый ящик приучает детей:

1) Ждать ответа. Не сразу, не по первому требованию.

2) Отличать мелкие, мимолетные огорчения, заботы, желания, сомнения от серьезных огорчений, забот, желаний, сомнений. Чтобы написать, надо принять какое-то решение. Да и так дети часто хотят взять обратно уже опущенные в ящик письма.

3) Думать, мотивировать.

4) Хотеть и уметь.

— Напиши и опусти в почтовый ящик.

— Да я не умею писать.

— Попроси кого-нибудь, кто умеет.

В начале работы я сразу же совершил ошибку, от которой хочу предостеречь других: я отсылал (не без иронии) к почтовому ящику хронических надоед.

Раскусив каверзу, они совершенно справедливо обижались и на меня, и на ящик.

— Теперь с вами совсем нельзя говорить.

Подобный упрек я слышал и от воспитателей: не слишком ли это официально, письменно общаться с детьми?

Я лично утверждаю, что почтовый ящик не затрудняет, а, наоборот, облегчает словесное общение с детьми. Я выбираю детей, с которыми необходимо поговорить по-товарищески, по душам или со всей серьезностью, и могу выбрать подходящий для себя и для ребенка момент. Почтовый ящик экономит время, благодаря ему день у меня становится длиннее.

Бесспорно, бывают дети, которые не любят писать, но, пожалуй, это исключительно те, кто рассчитывает на свое обаяние — улыбку, поцелуй, кокетство — на особое расположение, удачный

момент. Эти дети желают заставлять, а не просить. Тот, кто уверен в своей правоте и полагается лишь на нее, подает заявление и спокойно ждет решения.

ПОЛКА

Полка может служить дополнением к доске объявлений. В Доме Сирот полки нет, но потребность в ней ощущается. Итак, на такой полке стоят: словарь, сборник пословиц, энциклопедия, план и описание города Варшавы, календарь, хрестоматии, руководства по играм: теннису, футболу и т. д. Несколько комплектов шашек для общего пользования. Библиотека ребятам необходима; выдача настольных игр в определенные дни и часы и надзор дежурного гарантируют их сохранность; а в сущности, должна же быть какая-то опытная станция для изучения свободно проявляемых социальных инстинктов ребенка? Ничего не поделаешь, ребята будут рвать, ломать и терять.

На полке есть место и для детских тетрадок. Один записывает полюбившиеся ему песенки, другой шутки и прибаутки, третий загадки, четвертый сны. Тетрадь учета драк и ссор, опозданий, потерь, поломок и повреждений. Издаваемые самими ребятами выпуски типа листовок и ежемесячники: естественнонаучные, туристские, литературные и общественные.

Сюда дежурные складывают рапорты и дневники. Сюда же можно класть и дневник воспитателя. Не каждый дневник обязательно держать под замком. Мне кажется, дневник, в котором воспитатель делится пережитыми им разочарованиями, трудностями, ошибками и впечатлениями, как приятными и радостными, так и тяжелыми, может иметь большое воспитательное значение.

Здесь место и книжке учета: кто, когда и зачем идет в город и когда возвращается — и нотариальной книжке. Дети охотно обменивают, продают и перепродают свою мелкую собственность. Мы не должны смотреть на это как-то недоброжелательно и тем более запрещать. Если перочинный нож или ремень является собственностью ребенка, почему ему нельзя обменять их на пенал, магнит или увеличительное стекло? Если мы боимся нечистых сделок, споров, ссор, давайте введем нотариальные книжки, которые предотвратят злоупотребления. Если дети легкомысленны и неопытны, дадим им возможность приобрести опыт!

(Так как я придаю дневнику воспитателя большое значение, приведу несколько отрывков из своего дневника:

— Сегодня я несправедливо рассердился на одного из ребят. Несправедливо! Но я не мог поступить иначе. Ну что делать, если моя обязанность — стоять на страже равноправия? Что сказали бы ребята, разреши я одному делать то, за что наказываю других?..

— Вечером у меня в комнате собрались ребята старшего возраста. Мы говорили о будущем. Почему им так хочется стать взрослыми? Дети наивны, они думают, что быть взрослым — это значит делать все, что хочешь. Они не видят оков на нашей зрелой воле.

— Снова кража. Я знаю, где сто детей, обязательно один из них вор (один ли?). А однако, я не могу с этим смириться. Я в обиде на всех, словно все в этом замешаны.

— А вот и исправился! Я было боялся поверить раньше времени, но вот уже несколько недель внимательно приглядываюсь. Может, нашел себе хорошего товарища? Ох, если бы так и осталось!

— Опять я узнал об одной некрасивой истории. Делаю вид, что ничего не знаю. Так это неприятно — то и знай ворчать, браниться, злиться, дознаваться.

— Странный мальчик. Все мы его уважаем. Он мог бы иметь большое влияние на товарищей, а сторонится всех наших начинаний. На удивление чуждый всем и замкнутый ребенок. И это в нем не эгоизм и не враждебное отношение, он просто не может по-другому, а жаль...

— Уж такой нынче приятный денек! Все ребята здоровые, веселые, деятельные. Все шло как-то хорошо, быстро и складно. Таких бы денечков побольше!

ШКАФ НАХОДОК

Воспитатель косо поглядывает на содержимое детских карманов и ящичков. И чего там только нет: картинки, открытки, шнурки, гвозди, камни, тряпочки, бусы, коробки, пузырьки, цветные стеклышки, марки, птичьи перья, шишки, каштаны, ленточки, засушенные листья и цветы, вырезанные из бумаги фигурки, трамвайные билеты, обломки чего-то, что уже было, завязи чего-то, что еще только чем-то станет. У каждой мелочи имеется своя, часто очень путаная история, свое особое происхождение, свое особое значение, иногда очень большое для ребячьей души.

Тут есть и воспоминания о прошлом, и порыв к будущему. Маленькая раковинка — это мечты о морском путешествии; винтик и несколько проволочек — аэроплан, гордое стремление к полетам; глаз давно разбитой куклы — память о любимом существе, которого уже нет и не будет. Найдешь и фотографию матери, и завернутые в розовую промокашку два гроша — подарок покойного дедушки.

Прибывают новые предметы, часть старых теряет прежнее значение. Ребенок меняет, дарит, а потом жалеет и отбирает.

Я боюсь, что невежда-воспитатель, не понимая, а значит, ни с чем не считаясь, в гневе на то, что заедают выдвижные ящики и рвутся карманы, обозленный из-за вечных споров и беспокойства, что у ребят то все пропадает, то опять находится — понакидано, понаброшено, понашвыряно, в приступе плохого настроения возьмет да и соберет все эти сокровища в кучу и выбросит весь мусор в печку. Он совершает неслыханное злоупотребление, варварское злодеяние. Как ты смеешь, дубина, распоряжаться чужой собственностью? Как ты смеешь потом требовать от детей, чтобы они что-нибудь уважали и кого-нибудь любили? Ты сжигаешь не бумажки, а любовь к традициям, мечты о красивой жизни.

Задача воспитателя — добиваться, чтобы у каждого ребенка было что-то, что являлось бы не безымянной собственностью учреждения, а его личной собственностью, и чтобы он мог эту свою собственность хранить в безопасном месте. Когда ребенок кладет что-нибудь в свой ящик, он должен быть уверен, что у него это никто не тронет; ведь две бусинки — это для него драгоценные

сережки, обертка от шоколада — акции рантье, дневник — сданный в архив секретный документ. Мало того, твой долг помочь ребенку найти потерянные им предметы.

Так значит, стеклянный шкаф для находок. Ведь у каждого, даже самого мелкого, предмета есть свой хозяин. Закатилось ли что-нибудь под стол, забыто ли на окне или наполовину засыпано песком во дворе — все это должно попасть в шкаф.

Чем меньше в данном интернате «ничьих» предметов, чем больше собственных мелочей, тем сильнее тебя допечет обязанность постоянно получать и выдавать находки и выслушивать жалобы на то, что «у меня пропало». А как ты поступаешь с тем, что тебе отдают как находку? Кладешь в карман: пример бесчестного отношения.

В Доме Сирот есть почтовый ящик находок. Дежурный из ящика перекладывает их в стеклянный шкаф и в определенные часы возвращает владельцам.

В период острой борьбы за порядок я передавал в «шкаф находок» каждую валявшуюся без призора шапку, не повешенный на место фартук, забытую на столе книжку.

ЛАРЕК

Законные, справедливые требования ребят: тетрадка, карандаш, перо, шнурок для ботинок, иголка, наперсток, пуговица, мыло — и так с утра до вечера. Сущее наказание! Вечно у них что-нибудь кончается, ломается, обрывается, вечно им что-то нужно — ни минуты покоя!

Значит, ларек — маленькая комнатка или, пожалуй, скорее даже шкаф, в конце концов, может быть, даже просто ящик. Но ты выдаешь раз в день, в определенное время. Кто опоздал или забыл, должен ждать до следующего дня. О чем тут спорить?!

Выдавая, ты записываешь, кто, что и когда получил. Если ты обвинишь ребенка в том, что он ломает перья, у тебя будет возможность подтвердить это фактами, цифрами, сравнить с другими. Некоторые предметы выдаются в ларьке бесплатно, другие продаются по низкой цене.

ВЕШАЛКА ДЛЯ ПОЛОВЫХ ЩЕТОК

Следовало бы озаглавить: дежурства. Я предпочел написать «вешалка для половых щеток», чтобы подчеркнуть, что дежурство ничего не даст, если мы одновременно не добьемся от ребят уважения к половой щетке, тряпке, помойному ведру, совку для мусора.

Рабочие инструменты уже завоевали некоторое уважение. И хотя книга по-прежнему продолжает занимать привилегированное положение, молоток, рубанок, клещи вышли уже из своего убежища в темном углу или из ящика под кроватью, а швейная машина даже допущена на господскую половину.

В Доме Сирот мы извлекли щетку и тряпку из чулана под лестницей и поместили их не только на видном, но и на почетном месте — рядом с парадным входом в спальню. И странное дело, на свету все это «простонародье» облагородилось, приобрело одухотворенность и стало ласкать взоры своей эстетической внешностью.

На две спальни у нас шесть половых щеток. Будь их меньше, сколько споров, ссор и драк прошло бы перед нашими глазами! Если мы придерживаемся взгляда, что хорошо вытертый стол равноценен старательно переписанной странице, если мы заботимся о том, чтобы труд воспитывал и формировал ребенка, а не просто хотим заменить детским трудом труд домашней прислуги, мы должны этот вопрос изучить, и не кое-как, а основательно, распределив работу между всеми, — и проверять, и наблюдать, и менять дежурных, и посвятить этому много времени и мыслей.

Сто ребят — это сто работников, поддерживающих порядок и ведущих хозяйство, сто разных уровней, сто разных степеней силы, знаний, темпераментов или характеров, безразличия или желания быть полезным.

Упорядочение дежурств — это не начало, а окончание организационной работы, не какая-нибудь одна беседа, а несколько месяцев напряженной работы рук и зоркой творческой мысли.

Прежде всего надо знать работу и знать детей. Я видел в интернатах такую невероятную небрежность при распределении обязанностей, что дежурства деморализовали, выматывали ребят, учили их ненавидеть всякую помощь интернату.

Бывают дежурства легкие, не требующие ни физической силы, ни умения, ни особых душевных качеств, легко контролируемые, выполняемые пассивно, без применения орудий труда, например: расставить стулья, подобрать бумажки.

Кто вытирает пыль, у того уже есть тряпочка, за которую он отвечает.

В классах, где четверо дежурных, требуется координация действий.

Дежурства бывают утренние и вечерние, ежедневные и еженедельные (раздача белья, купание, стрижка волос), разовые (выколачивание матрасов), летние (уборные во дворе) и зимние (уборка снега).

Каждый месяц составляется и вывешивается новый список дежурных. Этому предшествует подача ребятами заявлений.

Например:

«Я хочу быть дежурным по спальне». «Я хочу убирать класс и заведовать банными простынями». «Я хочу дежурить по умывалке, а если это нельзя, то в раздевалке». «А я хочу в уборной и еще хочу быть подавальщицей за восьмым столом».

На каждое дежурство есть свои кандидаты, которые подают заявки на вакантные должности, договариваются между собой, добиваются согласия, ведут многочисленные переговоры.

Плохому дежурному приходится изрядно набегаться, навол-

новаться и наобещать, чтобы закрепить за собой место.

«Я с тобой не хочу, ты дерешься, опаздываешь — ты ленивый».

К сожалению, мы не учитываем и десятой доли этой большой воспитательной работы. У каждой должности есть свои плохие и хорошие стороны, и каждая работа требует умения ладить с людьми. На новом дежурстве ребенок сталкивается с неожиданными радостями и трудностями. То, что он делает что-то новое, заставляет его стараться, а чуть работа приелась, появляется необходимость напрячь энергию, чтобы завоевать облюбованное место или удержаться на старом.

Здесь достигается полное равноправие возрастов и полов: младший, но старательный быстро продвигается по работе, мальчик слушает девочку.

Там, где на одном участке несколько дежурных, один из них старший. На каждом этаже есть свой ответственный дежурный. В этом делении нет ничего искусственного. Заведовать работой другого — тяжелая обязанность, ответственность — неприятная вещь. Люди, не посвященные во все детали нашей работы, предъявляли нам обвинения по поводу этой градации. Каждый должен сам себя контролировать; однако не все и не всегда в жизни получается так, как оно должно быть. Некоторый процент небрежных, недобросовестных и легкомысленных встречается и среди ребят; впрочем, надо ведь не только контролировать, кто-то должен и учить, и помогать. И тут воспитатель, если он желает иметь время на более длительные беседы с отдельными детьми, обязан прибегнуть к письменной форме общения с основной массой ребят. Позже и старшие дежурные по важнейшим видам хозяйства отчитываются каждый вечер в своем дежурстве, подавая дневники.

Хотя в Доме Сирот только часть дежурств платные, я лично придерживаюсь мнения, что оплачиваться должны все дежурства. Мы желаем воспитать хороших граждан, но у нас нет необходимости воспитывать идеалистов. Дом Сирот заботится о детях, у которых нет родителей, не из милости и, заменяя в материальном отношении умерших родителей, не имеет права не предъявлять к детям требований. Почему мы не должны, и как можно раньше, научить ребенка понимать, что такое деньги и плата за труд, чтобы ребенок знал цену независимости, которую дает заработок; чтобы ребенок знал плохие и хорошие стороны владения собственностью? Ни один воспитатель не вырастит из сотни детей сотню идеальных людей; а объявившись несколько самородков, горе им, если они не будут уметь считать. Ибо деньги дают все, кроме счастья; нет, дают даже и счастье, и разум, и здоровье, и нравственность. Но ты покажи ребенку, что деньги приносят и несчастье, и болезни, и лишают рассудка. Пусть ребенок на заработанные им деньги обещается мороженым, и пусть у него заболит живот; пусть он из-за гривенника поссорится с товарищем; пусть проиграет, потеряет, пусть у него их украдут; пусть и пожалеет, что купил, пусть польстится на доходное дежурство и убедится, что не стоило; пусть оплатит причиненный им ущерб.

ОПЕКУНСКАЯ КОМИССИЯ

Вместо объяснений привожу дневник одного из наших со-рвиголов, адресованный к девочке-опекунше, вместе с ее замечаниями.

16 апреля

«Я хотел бы быть столяром. Когда я поеду путешествовать, я смогу тогда сделать себе сундук и в этот сундук положу разные свои вещи и одежду и уеду, и куплю саблю и ружье. Если нападут дикие звери, я буду защищаться. Я очень люблю Гелю, но на девочке из Дома Сирот я не женюсь».

Замечание опекунши: «Геля тоже тебя любит, но не очень, потому что ты хулиган. А почему ты не хочешь жениться на девочке из нашего детдома?»

«Я не хочу брать жену из нашего детдома потому, что мне будет стыдно. Когда я поеду путешествовать, чтобы открыть часть света, я научусь хорошо плавать даже в океане. Я поеду в Америку, буду много работать, заработаю денег, куплю себе автомобиль и проживу там три недели. Спокойной ночи».

Замечание опекунши: «Спокойной ночи. А ты будешь мне писать?»

«Я и Р. разговаривали о том, как мы жили дома. Я сказал, что у меня отец был портным, а у Р. отец сапожник. А теперь мы словно в тюрьме, потому что мы не дома. И если у кого нет ни отца, ни матери, то жизнь у него пропащая. Я рассказал ему, как отец посылал меня за пуговицами, а Р. отец посылал за гвоздями и т. д. Я забыл».

Замечание опекунши: «Пиши разборчивее».

«Вот как будет. Когда я вернусь из путешествия, я женюсь. Посоветуй, на ком мне жениться: на Доре, на Геле или на Мане. Я не знаю, кого взять в жены. Спокойной ночи».

Замечание опекунши: «Дора сказала, что ты еще сопляк. Маня не соглашается, а Геля смеется».

«Ведь я не просил тебя их спрашивать, я только написал, кого я люблю. Теперь я ужасно расстроился, мне стыдно, я ведь только тебе одной написал, кого я люблю. И что теперь будет? Ведь мне стыдно к ним подойти. Пожалуйста, скажи мне, за какой стол мне сесть, чтобы хорошо себя вести, и напиши мне какую-нибудь длинную-предлинную сказку. И пожалуйста, никому не показывай, а то я теперь боюсь писать. И мне очень хочется знать, как выглядят австралийцы, какие они там».

Замечание опекунши: «Раз ни Доре, ни Мане, ни Геле не стыдно, так и тебе нечего стыдиться. В маленькой тетрадке сказки не пишут. Если ребята тебя примут, садись за третий стол. Австралийца я постараюсь тебе показать. А твой дневник я больше не стану показывать».

«Хоть бы мне уже исполнилось двенадцать лет! То-то было бы счастье! Когда я стану уезжать, я со всеми попрошаюсь. Я не знаю, что писать».

Замечание опекунши: «Ты сказал, что тебе столько всего хочется написать и что ты не знаешь, хватит ли тебе бумаги, а теперь не знаешь, что писать?»

«Пожалуйста, посоветуй мне что-нибудь, у меня страшное горе и нечистая совесть. Вот это какое горе: не знаю почему, но на уроках у меня из головы не идет один мой недостаток — и боюсь я его, — как бы я не украл. Я не хочу никого огорчать и стараюсь исправиться. И чтобы об этом моем недостатке не думать, я думаю о путешествиях. Спокойной ночи».

Замечание опекунши: «Ты очень хорошо сделал, что написал мне об этом. Я с тобой поговорю и что-нибудь посоветую. Но когда я говорю, чур, не обижаться».

«Я уже исправился. Я дружу с Г., и он меня уже исправил. И я очень стараюсь. А почему мне можно ходить в город раз в две недели? Ведь я такой же, как и все, чем они меня лучше? А они ходят каждую неделю, а я раз в две недели. Я хочу быть таким, как все. Бабушка просила меня приходить каждую неделю, а мне стыдно сказать, что меня не пускают».

Замечание опекунши: «Ты сам знаешь, почему тебе нельзя ходить в город, как всем. Я попрошу, но сомневаюсь, удастся ли».

«У меня и так были неприятности, потому что когда меня выгнали из школы, то должны были выгнать и из Дома Сирот, если меня не примут обратно в школу. А теперь я уже опять хожу в школу. Я уже знаю 35 народов. И у меня есть книжка о пу-

тешествиях. Правильная книжка. Мне очень хочется какую-нибудь коробку. Пожалуйста, ответь».

Замечание опекуниши: «Я дам тебе коробку, у себя поищу или где-нибудь достану. А ты можешь мне написать, зачем тебе эта коробка?»

«Мне эта коробка очень нужна, у меня много вещей: письма, книжки, очень много нужных вещей... Теперь я уже ни с кем не дружу, мне не с кем. А когда эта тетрадка кончится, мне дадут новую? Я некрасиво написал, на двух линейках. Я буду писать обо всем, буду записывать всякие огорчения, что я сделал плохого и о чем думаю. Мне надо написать очень много разных любопытных вещей».

Мальчику было девять лет, опекунше — двенадцать.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

Мыслей у детей не меньше, и они не беднее и не хуже, чем у взрослых, только они другие. В нашем мышлении образы лянляые, ветхие, чувства тусклые и словно покрытые пылью. А дети думают сердцем, не умом. Поэтому нам так трудно найти с детьми общий язык, поэтому нет более сложного искусства, чем умение с ними говорить. Долгое время мне казалось, что с детьми нужно говорить просто, понятно, занимательно, образно, убедительно. Теперь я думаю по-другому: мы должны говорить коротко и с чувством, не подыскивая слова и выражения, говорить искренне. Я предпочел бы теперь сказать ребятам: «Мое требование к вам несправедливо, оскорбительно, невыполнимо, но я обязан это от вас требовать», чем обосновать такое требование и ждать, чтобы ребята признали за мной правоту.

Собрать детей, разжалобить или, наоборот, отругать их и добиться нужного тебе постановления — это не собрание.

Собрать детей, произнести речь, разжечь их и выбрать нескольких, чтобы они взяли на себя обязательства и ответственность, — это не собрание.

Собрать детей, сказать, что я не могу справиться, и пускай они сами что-нибудь придумают, чтобы было лучше, — это не собрание.

Галдеж, бестолочь — голосуют, лишь бы отделаться, — это пародия на собрание.

Частые речи и частые собрания с целью поставить или разрешить какие-либо животрепещущие вопросы опошляют этот способ вызова коллективной реакции.

Собрание должно иметь деловой характер, замечания ребят вслушиваться внимательно и честно — никакой фальши или нажима, — решение откладывать до того момента, когда воспитатель выработает план действий. Если воспитатель может что-либо не знать, не уметь или не мочь, то и ребята имеют право не знать, не уметь или не мочь.

И никаких невыполнимых обещаний! Обещают глупые и бездумные, а умные и честные сердятся или вышучивают.

Чтобы найти общий язык с детьми, надо поработать. Само собой это не приходит! Ребенок должен знать, что он может взять слово, что это стоит делать, что это не вызовет гнева или неприяз-

ни, что его поймут. Мало того, он должен быть уверен, что товарищи его не высмеют и не заподозрят в желании подмазаться к воспитателю. Собрание требует чистой и достойной моральной атмосферы. Нет более бессмысленной комедии, чем нарочито подстроенные выборы и голосования с заранее известным результатом.

Кроме того, ребята должны научиться вести собрание. Ведь совещаться всем скопом нелегко.

И еще одно условие. Принуждать к участию в обсуждениях и голосованиях не надо. Есть дети, которые не хотят участвовать в обсуждениях. Надо ли их заставлять?

— Болтают и болтают, а толку чуть.

— К чему собираться, и так ведь по-своему сделаете.

— Что это за собрание, когда никто ничего сказать не может, сразу же все смеются или сердятся.

Пренебрегать этой критикой или объяснять вообще дурным отношением не следует. И правильно, что ребята, способные критиковать, жалуются...

Если я теперь отношусь к собраниям со всей строгостью, то в начале своей работы в Доме Сирот я переоценивал их значение, злоупотребляя словом.

Как бы то ни было, собрания пробуждают коллективную совесть, укрепляют чувство общей ответственности, словом, оставляют след. Однако будьте осторожны. В ребячьей толпе нет и не может быть абсолютного товарищества и солидарности. С одним у меня общего только крыша над головой и звонок на подъем, с другим — школа, с третьим — одни и те же склонности, с четвертым у меня — дружба, с пятым — любовь. Дети имеют право жить группами и отдельно, своим умом и трудом.

ГАЗЕТА

Воспитательное учреждение без газеты кажется мне беспорядочным и безнадёжным топтанием на месте и брюзжанием воспитателей, повторением одного и того же без определенной цели и без контроля над детьми, чем-то временным и случайным, без традиции, без воспоминаний, без перспектив.

Газета — это прочное звено, она связывает неделю с неделей и сплачивает детей, воспитателей и техперсонал в единое целое.

Газету читают вслух всем детям.

В газете находит свое выражение каждое изменение, улучшение или реформа, каждый недочет, каждое пожелание.

Можно писать о них в двух строках в хронике, в статье и в передовой. Можно только отметить:

«А подрался с Б». Или: «Все чаще и чаще происходят драки. Вот опять имела место драка между А и Б. Мы не знаем, из-за чего они подрались, но разве обязательно каждый спор должен кончаться дракой?» Или: «Долой кулачную расправу!» Или: «С этим надо раз и навсегда покончить». Под сенсационным за-

головком излагается вопрос о драках.

Для воспитателя, который обязан понять ребенка и себя, газета — прекрасный регулятор его слов и поступков. Газета — это живая хроника его работы, усилий, ошибок, трудностей, с которыми он боролся. Газета — это подтверждение его способностей, свидетельство о его деятельности, защита перед возможными упреками. Газета — это научный документ, которому нет цены.

Может быть, вскоре в учительских семинариях будут введены лекции по педагогической журналистике.

ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД

Если я посвящаю суду непропорционально много места, то это делается в убеждении, что детский товарищеский суд может положить начало детскому равноправию, привести к конституции, заставить взрослых провозгласить декларацию прав ребенка. У ребенка есть право на серьезное отношение к его делам и на справедливое их рассмотрение. До сих пор все зависело от доброй воли и хорошего или плохого настроения воспитателя. Ребенок не имел права протестовать. Деспотизму надо положить конец!

КОДЕКС ТОВАРИЩЕСКОГО СУДА

Если кто-нибудь совершил проступок, лучше всего его простить. Если он совершил проступок потому, что не знал, теперь он уже знает. Если он совершил проступок нечаянно, он станет осмотрительнее. Если он совершил проступок потому, что ему трудно привыкнуть поступать по-другому, он постарается привыкнуть. Если он совершил проступок потому, что его уговорили ребята, он больше уже не станет их слушать.

Если кто-нибудь совершил проступок, лучше всего его простить в надежде, что он исправится.

Но суд обязан защищать тихих ребят, чтобы их не обижали сильные, суд обязан защищать добросовестных и трудолюбивых, чтобы им не мешали разболтанные и лентяи, суд обязан заботиться, чтобы был порядок, потому что от беспорядка больше всего страдают добрые, тихие и добросовестные люди.

Суд — это еще не сама справедливость, но он обязан стремиться к справедливости; суд — это еще не сама истина, но он жаждет истины.

Судьи могут ошибаться. Судьи могут наказывать за поступки, которые и им самим случается совершать, и называть плохим то, что и им самим доводится делать.

Но позор тому судье, который сознательно вынесет несправедливый приговор.

КАК ПОДАВАТЬ В СУД?

На видном месте висит доска. На этой доске каждый может записать свое дело: свою фамилию и фамилию того, на кого он подает в суд. Можно подать в суд на себя самого, на любого ребенка, на любого воспитателя, на любого взрослого.

Каждый вечер секретарь вписывает дела в книгу, а на следующий день собирает показания. Показания могут даваться устно или письменно.

СУДЬИ

Суд собирается раз в неделю. Судьи выбираются жеребьевкой из тех ребят, на которых за всю неделю ни разу не подавали в суд. На каждые пятьдесят дел выбирается по пяти судей.

Может получиться так, что имеется, например, сто двадцать дел. Значит, надо пятнадцать судей. А такого количества ребят, у которых не было бы на неделе ни одного дела, нет. Тогда тянут жребий все, а на группы разбиваются так, чтобы никому не пришлось вести своего дела.

Решения принимаются согласно кодексу, причем секретарь имеет право с согласия судей передавать некоторые дела на рассмотрение судебного совета или на расширенное судебное заседание, чтобы их разбирали при всех и все всё слышали и точно знали. Секретарем суда является воспитатель. Приговоры заносятся в книгу и зачитываются перед всеми. Недовольные приговором могут подавать свои дела на повторное рассмотрение, однако не раньше, чем по истечении месяца.

СУДЕБНЫЙ СОВЕТ

Судебный совет должен состоять из воспитателя и двух судей, избираемых на три месяца тайным голосованием.

Кроме вынесения приговоров судебный совет занимается разработкой обязательных для всех законов.

Поскольку у судей из совета тоже могут быть свои судебные дела, в судебный совет выбираются пять судей, судят же каждое дело только трое.

СЕКРЕТАРЬ

Секретарь не судит, а только собирает показания и зачитывает их на заседаниях суда. Секретарь ведет судебную доску, книгу показаний и приговоров, стенную доску поломок и повреждений, заведует фондом материальных потерь, ведет кривую приговоров и редактирует газету.

ЗАБОТА СУДА О ПОРЯДКЕ

Если кто-нибудь опаздывает, шумит, мешает, не кладет вещи на место, не соблюдает очередь, сорит, разводит грязь в доме, входит туда, куда вход запрещен, пристаёт, ссорится и дерется, он нарушает порядок. И надо подумать, как с ним быть.

Суд может или простить, или сказать, что обвиняемый поступает плохо, или просить совет позволить нарушителю уклониться от соблюдения режима. Совет может дать ему время подумать о своем поведении.

Совет может позволить кому-нибудь одному делать то, что никому не разрешается. Пускай этот один будет исключением.

ЗАБОТА О ВЫПОЛНЕНИИ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Кто не хочет учиться или работать и делает все небрежно, тот причиняет себе вред и никому не приносит пользы.

Если суд не помогает, надо обратиться в совет — может быть, этот мальчик болен, может быть, ему надо дать время привыкнуть, а может быть, совсем освободить от работы?

ЗАБОТА О ЛЮДЯХ

Разные ребята живут у нас вместе. Этот маленький, а тот большой; один сильный, а другой слабый; этот умный, а тот не такой умный; один веселый, другой печальный; один здоровый, а у другого что-нибудь болит. Суд смотрит за тем, чтобы большой не обижал маленького, маленький не мешал старшему. Чтобы умный не эксплуатировал и не высмеивал тех, кто поглупее. Чтобы забияка не лез сам, но чтобы и его не задевали. Чтобы веселый не подстраивал глупых шуток над невеселыми.

Суд должен следить, чтобы каждый имел то, что ему нужно, тогда не будет несчастных и озлобленных.

Суд может простить, а может и сказать, что кто-нибудь поступил неправильно, плохо, очень плохо.

ЗАБОТА О СОБСТВЕННОСТИ

Сад, двор, дом, стены, двери, окна, лестницы, печи, стекла, столы, лавки, шкафы, стулья, постели — если обо всем этом не заботиться, все будет поломано, попорчено, станет грязным и некрасивым. То же самое и с пальто, костюмами, шапками, носовыми платками, тарелками, кружками, ложками — если их потеряют, порвут, сломают, разобьют, жалко ведь, да? То же и с книжками, ручками, игрушками — портить их не надо, их надо беречь.

Иногда убыток невелик, а иногда и велик; иногда огорчение маленькое, а иногда и большое.

Тот, кто принес убыток, подает на себя в суд, который решает, должен ли подававший покрыть убыток сам, или это будет сделано из судебного фонда.

Все вышесказанное относится и к личной собственности.

ЗАБОТА О ЗДОРОВЬЕ

Болезнь, увечье и смерть — все это большие несчастья. Стекло можно вставить, мячик купить; ну а что сделаешь, если кому-нибудь глаз выбили?

Если даже несчастья и не случилось, все равно надо помнить, что следует быть осторожным.

Судебный совет решает, сколько висеть на судебной доске объявлению о несчастном случае или о болезни по своей вине.

НЕИЗВЕСТНО КТО...

Кто это сделал, неизвестно. Никто не хочет признаться. Если очень стараться, узнать всегда можно. Но так неприятно искать, следить, подозревать. Если что-нибудь случилось и неизвестно, кто это сделал, то подадут в суд на неизвестного. На неизвестного заводят дело, судьи судят и вывешивают приговор на судебной доске. Если этот поступок позорит все учреждение, совет постановляет пришить на знамени учреждения черный траурный лоскут.

ВСЕ ТАК ДЕЛАЮТ

Если что-нибудь часто повторяется, а всех ведь под суд не отдашь, следует хорошенько подумать, как быть.

— Все опаздывают. Никто не вешает шапку.

Неправда, не все опаздывают, а многие. И один делает это два раза в неделю, а другой раз в месяц. Но что налицо беспорядок — да, верно.

Совет решил вывесить график поведения и, если это понадобится, предпримет и еще что-нибудь, чтобы не было nepopядка.

ИСКЛЮЧЕНИЯ

Кто-нибудь один не может привыкнуть, кто-нибудь один нарушает режим. Перепробовали всё — не помогает. Как быть?

— Если мы позволим одному то, что всем запрещается, или освободим от того, что обязаны делать все, выйдет что-нибудь плохое или не выйдет?

Судебный совет может сделать для кого-нибудь исключение до тех пор, пока тот сам не заявит, что больше не хочет. Совет постановляет, помещать этих «исключительных» на судебную доску объявлений или не помещать.

Ст. 1—99

Существует девяносто девять статей оправдывающих или таких, где говорится: суд дела не разбирал. После такого суда все остается так, словно суда и вовсе не было, или — и это единственное следствие проступка — нарушителя обязуют стараться больше так не делать.

Ст. 100

Суд не говорит, что он виновен, не объявляет ему порицания, не сердится на него. Но, рассматривая статью сотую как самое маленькое наказание, суд включает это наказание в кривую судебных приговоров.

Ст. 200

Статья двухсотая гласит: «Он поступил неправильно». Ничего не поделаешь. С каждым может случиться. Мы просим его больше так не делать.

Ст. 300

В статье трехсотой говорится: «Он поступил плохо».

Суд осуждает.

Если при статьях сотой и двухсотой суд просит, чтобы этого больше не было, при трехсотой суд требует, чтобы это больше не повторялось.

Ст. 400

Статья четырехсотая — большая провинность.

В статье четырехсотой говорится: «Ты поступил очень плохо» или: «Ты поступаешь очень плохо».

Статья четырехсотая — это последняя попытка, последнее желание избавить виновного от стыда, последнее предостережение.

Ст. 500

В статье пятисотой говорится: «Кто совершил такой поступок, кому до такой степени нет дела до наших просьб и требований, тот или не уважает себя, или не думает о нас. Поэтому и мы его больше не можем щадить».

Приговор с именем и фамилией публикуется в газете на первой странице».

Ст. 600

Суд вывешивает сроком на неделю приговор на судебной доске объявлений и публикует его в газете.

Если кто-нибудь получил шестисотую статью за то, что поступает так постоянно, можно вывесить кривую его поведения и на более долгий срок, тогда вместо полных имени и фамилии ставятся инициалы.

Ст. 700

Кроме того, что несет за собой статья шестисотая, по статье семисотой о содержании приговора оповещают семью.

Может быть, виновного придется исключить. Значит, надо предупредить семью. Если сразу скажешь: «Забирайте его домой» — родные могут обидеться, что, мол, не предупредили, скрыли.

Ст. 800

Статья восьмисотая как бы говорит: «Суд не помогает. Может быть, наказания, какие раньше применялись в воспитательных учреждениях, и помогли бы, но у нас таких наказаний нет».

Даем виновному неделю на размышление. За эту неделю ни он не может подавать на кого-нибудь в суд, ни на него никто не будет подавать в суд. Посмотрим, исправится ли он и надолго ли».

Приговор публикуется в газете, вывешивается на доске объявлений, оповещается семья.

Ст. 900

Статья девятисотая гласит:

«Мы потеряли надежду, что он может исправиться сам, без посторонней помощи».

Приговор этот как бы говорит:

«Мы ему не верим».

Или:

«Мы его боимся».

И наконец:

«Мы не хотим иметь с ним никакого дела».

Другими словами, по статье девятисотой виновный исключается из интерната. Однако он может и остаться, если кто-нибудь возьмет на поруки. И, уже исключенный, может вернуться, если найдет себе опекуна.

Опекун отвечает перед судом за все его провинности.

Опекуном может быть воспитатель или кто-нибудь из ребят.

Ст. 1000

Тысячная статья гласит:

«Исключаем».

Каждому исключенному предоставляется право по истечении трех месяцев ходатайствовать об обратном принятии в интернат.

КРИВАЯ ПРИГОВОРОВ

Как в больнице у каждого больного есть своя кривая температуры, так и на судебной доске объявлений висит график морального здоровья интерната, и по нему можно узнать, как идут дела — плохо или хорошо.

Если на заседании суда вынесено четыре приговора по статье сотой ($100 \times 4 = 400$), шесть приговоров по статье двухсотой ($200 \times 6 = 1200$) и один по статье четырехсотой, то всего будет: $400 + 1200 + 400 = 2000$, и мы отмечаем в графике, что за эту неделю обвинительные приговоры дали цифру две тысячи.

КОДЕКС

Суд не рассматривает дела

Ст. 1. Суд заявляет, что А взял свою жалобу обратно.

Ст. 2. Суд считает обвинение вздорным.

Ст. 3. Суд не знает, как было на самом деле, и потому отказывается от разбирательства.

Ст. 4. Суд выражает уверенность, что ничего подобного не повторится, и поэтому не рассматривает дела.

Примечание. На эту статью должно быть получено согласие обвиняемого.

Ст. 5. Суд отказывается от рассмотрения дела, предвидя, что эти проступки скоро сами по себе прекратятся.

Ст. 6. Суд откладывает рассмотрение дела на одну неделю.

Ст. 7. Суд принял к сведению сообщение о проступке.

Ст. 8. ...

Ст. 9. ...

Суд хвалит, благодарит, выражает сожаление

Ст. 10. Суд усматривает в поступке А не провинность, а пример гражданского мужества (энергию, справедливость, честность, благородный порыв, искренность, душевную доброту).

Ст. 12. Суд благодарит А, что сообщил ему о своем проступке.

Ст. 12. Суд извиняется, что обеспокоил вызовом в суд.

Ст. 13. Суд выражает сожаление о происшедшем, однако не обвиняет А.

- Ст. 14. ...
- Ст. 15. ...
- Ст. 16. ...
- Ст. 17. ...
- Ст. 18. ...
- Ст. 19. ...

Суд не видит вины

- Ст. 20. Суд признает, что А выполнил свой долг, поступил так, как и следовало поступить.
- Ст. 21. Суд считает, что А имел право так поступить (сказать).
- Ст. 22. Суд считает, что А был прав.
- Ст. 23. Суд считает, что А не оскорбил Б.
- Ст. 24. Суд считает, что А сказал правду.
- Ст. 25. Суд считает, что А не сделал ничего плохого.
- Ст. 26. ...
- Ст. 27. ...
- Ст. 28. ...
- Ст. 29. ...

*Суд относит происшедшее за счет условий — случая,
возлагает ответственность на многих — на одного*

- Ст. 30. Суд считает, что А не мог поступить по-другому.
- Ст. 31. Суд относит происшедшее за счет условий — случая, не обвиняя А в том, что произошло.
- Ст. 32. Было бы несправедливо осуждать одного, раз так поступали многие.
- Ст. 33. Суд возлагает ответственность за то, что сделал А, на Б.
- Ст. 34. ...
- Ст. 35. ...
- Ст. 36. ...
- Ст. 37. ...
- Ст. 38. ...
- Ст. 39. ...

Суд просит простить

- Ст. 40. Суд считает, что Б не должен сердиться на А.
- Ст. 41. Суд просит простить обидчика.
- Ст. 42. ...
- Ст. 43. ...
- Ст. 44. ...
- Ст. 45. ...
- Ст. 46. ...
- Ст. 47. ...
- Ст. 48. ...
- Ст. 49. ...

Суд прощает, потому что не видит злого умысла

- Ст. 50. Суд прощает А, который мог не знать или не понимать, что он делает, и выражает надежду, что это больше не повторится.
- Ст. 51. Суд прощает А, который не вполне понимал, что он делает, и выражает надежду, что это больше не повторится.
- Ст. 52. Суд прощает А, который не знал, что так получится (сделал это не нарочно, по неосторожности, по ошибке, по рассеянности).
- Ст. 53. Суд прощает А, потому что А не имел намерения оскорбить Б (огорчить).
- Ст. 54. Суд прощает А, потому что это была шутка (глупая шутка).
- Ст. 55. ...
- Ст. 56. ...
- Ст. 57. ...
- Ст. 58. ...
- Ст. 59. ...

Суд прощает, принимая во внимание смягчающие вину обстоятельства

Ст. 60. Суд прощает А, потому что он сделал это (сказал) в гневе, он ведь вспыльчивый, он исправится.

Ст. 61. Суд прощает А, потому что он это сделал из упрямства, он исправится.

Ст. 62. Суд прощает А, потому что он это сделал из ложного самолюбия, он исправится.

Ст. 63. Суд прощает А, потому что он легко ссорится, он исправится.

Ст. 64. Суд прощает А, потому что он это сделал из страха, он будет храбрее.

Ст. 65. Суд прощает А, потому что он слабый.

Ст. 66. Суд прощает А, он поступил так потому, что к нему приставали.

Ст. 67. Суд прощает А, потому что он поступил так не подумав.

Ст. 68. ...

Ст. 69. ...

Суд прощает, потому что виновный уже достаточно наказан и раскаивается

Ст. 70. Суд прощает, потому что А уже понес наказание.

Ст. 71. Суд прощает, потому что А жалеет, что он так поступил.

Ст. 72. ...

Ст. 73. ...

Ст. 74. ...

Ст. 75. ...

Ст. 76. ...

Ст. 77. ...

Ст. 78. ...

Ст. 79. ...

Суд делает попытку простить

Ст. 80. Суд прощает А, потому что полагает, что на него можно действовать только лаской.

Ст. 81. Суд пробует вынести оправдательный приговор.

Ст. 82. Суд прощает, не теряя надежды, что А исправится.

Ст. 83. ...

Ст. 84. ...

Ст. 85. ...

Ст. 86. ...

Ст. 87. ...

Ст. 88. ...

Ст. 89. ...

Оправдания в порядке исключения

Ст. 90. Суд прощает, принимая во внимание, что А этого так страшно хотелось, что у него не было сил удержаться.

Ст. 91. Суд прощает, потому что А у нас недавно и не может понять порядка без наказания.

Ст. 92. Суд прощает, потому что А скоро от нас уйдет, и суд не хочет, чтобы он уходил обиженный.

Ст. 93. Суд прощает А, потому что считает, что все его портили чрезмерной доброжелательностью и поблажками. Суд предостерегает А, что перед законом все равны.

Ст. 94. Суд прощает А, принимая во внимание горячие просьбы товарища (брата, сестры).

Ст. 95. Суд прощает А, потому что один из судей этого упорно добивался.

Ст. 96. Суд прощает А, потому что А не хочет сказать того, что могло бы ему служить в оправдание.

Ст. 97. ...

Ст. 98. ...

Ст. 99. ...

Ст. 100. Суд, не прощая, устанавливает, что А сделал то, в чем его обвиняют.

Ст. 200. Суд считает, что А поступил неправильно.

Ст. 300. Суд считает, что А поступил плохо.

Ст. 400. Суд считает, что А поступил очень плохо.

Ст. 500. Суд считает, что А поступил очень плохо. Приговор публикуется в газете.

Ст. 600. Суд считает, что А поступил очень плохо. Приговор публикуется в газете и вывешивается на доске объявлений.

Ст. 700. Суд считает, что А поступил очень плохо. Приговор публикуется в газете, вывешивается на доске объявлений и сообщается семье А.

Ст. 800. Суд лишает А сроком на одну неделю всяких прав и вызывает семью на беседу. Приговор публикуется в газете и вывешивается на доске.

Ст. 900. Суд ищет для А опекуна. Если в течение двух дней опекун не будет найден, А исключается. Приговор публикуется в газете.

Ст. 1000. Суд исключает А из интерната. Приговор публикуется в газете.

ДОПОЛНЕНИЯ К ПРИГОВОРУ

- а) Суд благодарит за правдивое показание.
- б) Суд выражает удивление, что А не сообщил об этом сам.
- в) Суд просит, чтобы это больше не повторялось.
- г) Суд обращается к совету с просьбой пресечь возможность повторения подобных дел.
- д) Суд просит совет позволить ему не приводить приговора в исполнение.
- е) Суд выражает опасение, что А вырастет плохим человеком.
- ж) Суд выражает надежду, что А вырастет хорошим человеком.

СУДЕБНАЯ ГАЗЕТА № 1

О товарищеском суде

У взрослых есть суды. Эти суды взрослых нехорошие. Каждые несколько лет их понемногу переделывают. Суды для взрослых назначают разные наказания: штрафы, аресты, заключение, каторжные работы, даже присуждают к смертной казни. Эти суды не всегда справедливые. Иногда они слишком мягкие, иногда слишком суровые, а иногда просто ошибаются: кто-нибудь говорит правду, что он не виноват, а ему не верят, а иногда и виноват, да вывернулся. И все время люди думают, как бы так сделать, чтобы суды были справедливые. А есть и такие люди, которые думают, как бы так сделать, чтобы совсем не нужно было судов, чтобы люди и без судов не делали ничего плохого.

В школах судит учитель; это он назначает в школах наказания, ставит в угол, выгоняет вон из класса, сажает в карцер, частенько кричит, а подчас и ударит. Бывают и такие наказания, когда оставляют без обеда, не позволяют видиться с семьей.

И здесь не всегда справедливо сердятся и справедливо наказывают.

И здесь думают, как бы так сделать, чтобы все изменить к лучшему. Такие попытки были и будут. Одна из таких попыток — наш товарищеский суд.

Товарищеский суд говорит, что человек не виноват или виноват, но суд его прощает; или суд не прощает — сердится и назначает статью сотую, то есть что только слегка сердится, или статьи двухсотую, трехсотую, четырехсотую.

Суд не злится, не кричит, не ругается, не оскорбляет; он спокойно говорит: — Ты поступил неправильно, плохо, очень плохо.

Иногда суд пробует пристыдить; может быть, устыдившись, нарушитель будет больше следить за собой?

Наш суд судил уже пять раз. Собирается он раз в неделю и рассмотрел двести шестьдесят одно дело. И хотя трудно еще сказать, удалось ли это начинание, кое о чем уже говорить можно.

Первая неделя дала тридцать четыре дела. Все обвиняемые сами подали на себя в суд.

Трижды мы вывешивали лист бумаги.

На первом листе было сверху написано:

«Кто вчера опоздал, прошу записаться на суд».

Записалось тринадцать человек.

На втором листке несколько дней спустя было написано:

«Кто ходил в город без спросу, прошу подать на себя в суд».

Записалось шесть человек.

На третьем листке несколько дней спустя было написано:
«Кто вчера шумел в спальне, прошу подать на себя в суд».

Записалось пятнадцать человек.

Таким образом набрались те тридцать четыре дела, которые суд рассматривал на первом заседании.

Суд всех простил.

Во вступлении к кодексу товарищеского суда написано:

«Если кто-нибудь сделает что-нибудь плохое, лучше всего его простить».

И суд прощал.

Только девятнадцать раз суд сказал:

— Виновен.

Только десять раз суд сказал:

— Статья сотая.

Только шесть раз:

— Статья двухсотая.

Только два раза:

— Статья трехсотая.

Только раз:

— Статья четырехсотая.

Мы знаем: среди нас есть и такие ребята, которым не нравится, что суд слишком многое прощает.

В нашем кодексе есть статья первая.

Статья первая гласит:

«Жалоба взята обратно».

Это значит, что тот, кто подал в суд, простил.

Из всех статей больше всего в ходу эта первая статья.

В ста двадцати делах подавали не сами на себя, а один на другого.

И здесь в шестидесяти двух случаях тот, кто подавал в суд, потом простил сам.

Есть такие ребята, которые говорят:

«Разве это наказание, статья сотая или двухсотая?»

Для одних это наказание, для других нет.

Когда суд порицает, сердится, для них это тоже не наказание:

«Ну и что? Отругали меня, сердятся, а мне хоть бы хны!»

Да, есть такие, которые так говорят.

Бывает, кого-нибудь выгнали из класса, оставили без обеда или даже побили, а он все свое:

— Ну и что? Постою в коридоре — просидел час в карцере — а вовсе мне не было больно.

Кто говорит, что статья сотая не наказание, пусть ответит, только искренне: хочет он быть под судом и получить статью сотую или двухсотую или не хочет?

Если статья сотая не такая уж большая неприятность, так ведь мы как раз этого и хотим, чтобы все хорошо себя вели, не желая даже небольшого наказания, небольшой неприятности.

Мы хотим даже, чтобы все хорошо себя вели просто так, а не из страха перед судом или перед тем, что на них рассердятся. В будущем, может быть, так и будет.

Статья сотая — это наказание, каждый это понимает. А кто говорит по-другому, тот не вник как следует или не хочет сказать правду.

Чем больше будет работать суд и чем больше мы станем отвыкать от злобных чувств, взбучек и наказаний, тем большее будет иметь значение не только сотая статья, но и те статьи, которые прощают.

Есть такие ребята, которые говорят:

«Из-за каждой глупости сейчас же в суд подавать».

И это не совсем так. Мы не всегда знаем, подал он на себя или на другого в шутку или всерьез.

Есть статья вторая, в которой говорится:

«Суд считает, что не стоит терять времени на рассмотрение такого дела».

На двести шестьдесят одно дело суд только четыре раза отказался от разби-

рательства. Только четыре раза! И даже тут мы не можем утверждать: да, это была шутка, глупая шутка.

Подчас от пустяка бывает очень больно. Люди разные. Один плачет о том, над чем другой смеется.

Судебное дело из-за прозвища — глупость или не глупость? Как будто и глупость, а сколько из-за таких глупостей пролито слез!

Мы имели сорок четыре дела о прозвищах. И были такие ребята, которые очень страдали из-за прозвищ — ведь трудно сказать, когда это невинная шутка, а когда приставание или даже еще хуже — преследование.

Разве это пустяк, когда кого-нибудь окатят в шутку водой или отнимут что-нибудь, и дразнят, и не хотят отдавать? В хорошем настроении я и сам посмеюсь, а если у меня горе, то шутка меня злит, причиняет боль — ведь имею я право сегодня не желать шутить или хотя бы не со всеми?

Только месяц, как у нас работает суд. Не все еще разобрались. Но мы уверены, что «так себе», пустяковых дел будет все меньше, что суд завоеует уважение.

Есть такие ребята, которые говорят:

— Будет там меня какой-то мальш судить!

Во-первых, судей пять и среди них всегда найдется кто-нибудь постарше. Во-вторых, не каждый маленький — глупый. В-третьих, чтобы судить, нужна честность, а честным может быть и маленький.

Старшему, может быть, и неприятно, что его судит маленький. Но ведь суд существует не для удовольствия.

Раздаются голоса: «Судить неприятно».

Верим: да, неприятно. Поэтому судей и выбирают жеребьевкой. Такой способ лучше голосования.

Если кто-нибудь часто и подолгу судит, он может легко испортиться и привыкнуть смотреть на чужие поступки так, словно сам без греха. Но и судья может многому научиться: он видит, как трудно быть справедливым и какое это важное дело — справедливость.

Только пять недель у нас суд. Немного еще можно сказать о суде, но, как нам кажется, суд уже многим ребятам принес пользу.

Если кому-нибудь скажешь: «Перестань, а то подам на тебя в суд» — и он перестает, значит, хотя суд о том даже и не знает, суд принес пользу, защитил.

Мы знаем, часто ребята смеются: «Я подам на тебя в суд». Кто так глуп, что не отличит шутки от правды?! А бывает, кто-нибудь, наоборот, со смехом говорит: «Поддай на меня в суд».

Иногда это шутка, а иногда сказано со зла на суд, который серьезно, спокойно и честно вникнет в каждое слово, никогда и никому не откажет в помощи и, когда к нему обратятся, всегда находит время не спеша расспросить и выслушать обе стороны и не отделяется шуткой даже от самого, казалось бы, пустячного дела, за которым всегда скрывается чья-то печаль или гнев.

Да, суд неприятен тем, кого ребята зовут подлизями, тем, про которых говорят «в тихом омуте» (черти водятся), а также ловкачам, которые делают много дурного, да только осторожно. Подлиза знает, что его любят, и может многое себе позволить, кроме разве уже самого ужасного. Тихоня досадит подчас больше того, кто орет и дерется. А ловкач и из некрасивой истории выпутается. Этим выгоднее без суда, вот они и хотят его осмеять и уничтожить. Но суд никогда не обижается, и он и дальше будет продолжать искать изменений и улучшений, служа тем временем детям как знает и как умеет.

Так уже на свете заведено, что у одного за месяц десяток судебных дел, а у другого одно за весь год. С этим ничего не поделаешь, да и делать ничего не нужно. Пусть каждый сам решает, как ему быть с судом.

Существовало большое опасение: справится ли суд, если окажется слишком много дел? Теперь это опасение отпало. Суд может за час, самое большее за два, рассмотреть все дела за целую неделю, хотя бы их было сто и даже больше. Известно ведь — лиха беда начало.

Вот если бы суд мог установить такой порядок, чтобы совсем не надо было сердиться и следить, а только раз в неделю засесть на часок и вымести все это накопившееся за неделю зло, как подметаешь по вечерам или по утрам комнату, — то-то было бы удобно и хорошо!

Рассмотрим теперь несколько дел за прошедшие недели: может быть, они убедят нас, что суд тем и полезен, что он спокоен, не бывает ни в плохом, ни в хорошем настроении, ни любит, ни не любит никого и всегда спокойно выслушивает объяснения.

Дело 21. В спальне шуметь нельзя. Но ребята ему разворосили постель, и он рассердился и закричал на них. Ст. 5.

Дело 42. Мальчишку ради шутки облили водой. Как быть? Тоже облить водой, ударить, выругать? А можно и простить. Наверное, он и простит, сам простит, только не теперь и не сразу. Простит, только пускай с ним больше так не поступают.

Дело 52. Девочка ходит на ходулях. Подходит мальчик: «Дай ходули». Девочка не дает. Мальчишка начинает драться, вырывает ходули, толкает, ударяет по лицу. Девочка плачет, вместо веселой забавы — слезы, горе. За что? Почему? Она подает на него в суд, а потом прощает. Ст. 1.

Дело 63. Все его дразнят. Сначала было очень неприятно. Потом привык. Ничего не поделаешь — не будешь же со всеми драться. Вдруг появляется суд — предвестник новых, лучших порядков. Мальчишка выбирает одного, самого неотвязного, который чаще других его дразнил, и подает на него в суд. Мы вызываем жалобщика через месяц: «Меньше теперь тебя дразнят?» — «Меньше». Парнишка благодарно улыбается суду, который его защитил.

Дело 67. Возвращаясь от родных, девочка опоздала. Почему? Из родных у нее была одна тетка, больше никого. Прежде она к тетке не ходила, не любила ее. Почему — это не наше дело. Наконец пошла, помирилась, и они с двоюродной сестрой вышли погулять. Девочки уселись на траве и разговорились. Наша девочка забыла, что пора возвращаться в детдом. Суд простил.

Дело 82. Дежурная хотела остричь ему ногти, а он сказал, что они ему нужны, чтобы рыть землю (он работает у садовника). Вот кончится через четыре дня работа с землей — тогда пожалуйста. Прав он или не прав? Ст. 61.

Дело 96. Старый список дежурных по проветриванию постелей кончился, новый еще не составлен. Дежурная спрашивает: «Кто хочет проветривать»? Никто не хочет. Дежурная обращается к двум мальчикам: «Ну тогда вы проветривайте». Они не хотят — недавно проветривали. Ст. 1.

Дело 107. Девочка взяла в читальне книжку и унесла с собой во двор, где она чистила картошку. Потом про книжку забыла и оставила ее на скамейке. Подошел двухлетний ребенок и порвал книжку. Ст. 70.

Дело 120. Обруч от серсо улетел на соседний двор. Ребята пошли искать. Обруч поднял соседский маленький мальчик и не хотел отдавать. Вышла ссора. Нам пожаловались, что наши ребята плохо себя вели. Ст. 3.

Дело 127. Мальчик по ошибке надел чужой пиджак. Из-за таких ошибок чесотку можно схватить. Ст. 31.

Дело 144. Взял пояс и не отдает. Взял в шутку и не отдает в шутку. Убегает, хохочет. «Отдай сейчас же!» — «На!» — а сам убегает, дразнится. Верно, не такое уж большое дело. Но это и подобные ему дела учат нас, что не каждый любит шутить, да и те, кто любит, не всегда желают шутить и не со всеми.

Дело 153. Мальчик громко хлопнул дверью и сам себя записал. Что из того, что не каждый, кто хлопнет дверью, запишется на доске? И что из того, что кто-нибудь другой поступит действительно скверно и скроет это от остальных? Мелкие дела тем и любопытны, что в них сказывается чуткая совесть. Таких дел довольно много. Мы полагаем, будет и еще больше. Есть люди, которым неприятно поступить плохо и не понести за это наказание. Ст. 31.

Дело 160. На передний двор разрешается выходить только в определенные часы. Одна из старших девочек выходит на передний двор, когда нельзя. Дежурный, мальчик поменьше, запрещает. Девочке это не нравится, не желает она слушаться младшего. Что ему оставалось? Подает в суд. Не оторвет же ей суд голову! Суд простит, но выразит надежду, что это больше не повторится. А такое пожелание объявляет.

Дело 165. Дело о несправедливом подозрении. У нас было несколько таких дел. Часто боль от несправедливого подозрения сильнее, чем от удара. Девочка пересчитывает монетки. Подходит мальчик: «Покажи». Девочка говорит: «Не покажу». — «Не хочешь показывать, — значит, украла». Мальчик ходил, искал грош, который потерял накануне. Девочка об этом не знала, но даже если бы и знала — как он узнает свой грошик и какое у него право оскорблять? Ст. 1.

Дело 167. У девочки рассыпались бусы. Она их подбирает и нанизывает на нитку. У нее неприятность. Она наклонилась, и тут ей за ворот суют вишневые косточки. «Перестань», — говорит она сердито. «А не перестану, что ты мне сделаешь?» — «Подам на тебя в суд». — «Ну и подавай». Наступает день суда: жалоба взята обратно. Ст. 1.

Мы уже упоминали, что таких дел было свыше пятидесяти. Может быть, мы и ошибаемся, но нам кажется, что такие процессы приучают одних уважать своих близких, а других — быть снисходительными.

Дело 172. Влез на дерево, чтобы показать товарищу, что умеет лазать, а записал себя, потому что знает, что нельзя. Ст. 90.

Дело 206. Вымыл свою мисочку в раздевалке, потому что не знал, что нельзя. А когда узнал — подал на себя в суд. Ст. 51.

Дело 218. Ребята его уговорили подать в суд. Он подал, а теперь видит, что сделал глупость: кто сердился, тот и подавал бы.

Дело 223. У четырех мальчиков шли занятия. После урока на столе обнаружись чернильные пятна. Суд выслушал, оказывается, один из мальчиков написал на столе «36:3», а другой капнул чернилами. Если бы не суд, сердились бы на всех. Ст. 4.

Дело 237. Дурачились, пока один не ударил другого палкой. Рука сильно болела, он подал в суд, а перестала болеть — дал статью первую.

Дело 238. Может быть, кому-нибудь это дело покажется смешным. Оба мальчика сидели в уборной, и один невзначай, нечаянно обмочил другого, а тот уже сделал на него нарочно. Ст. 200.

Дело 252. Вечно с ним у дежурной по этажу масса хлопот. То его надо искать, то он что-нибудь забудет, то плохо уберет помещение. Дежурная несколько раз грозилась подать в суд. Не помогло. Наконец потеряла терпение и подала в суд. И простила: может быть, исправится?

Дело 254. Дежурные вечером подметают двор. Одному из них надо еще прибрать в уборной, обоим перед сном вымыть ноги. А тут ради шутки ребята заперли ворота и не хотят отворить. Ст. 100.

Дело 258. Всегда она опаздывает! Дежурная говорит, что уже пора уходить из умывалки, а она злится, не слушается, перечит: «А раз мне хочется», — говорит. — «Ты мне это назло!»

И тут через несколько дней последует прощение. Пока же вместо ссоры дело передается в суд.

Дело 260. Мальчик шумел утром до звонка. Подал на себя в суд. Суд прощает, но просит, чтобы это больше не повторялось. Ст. 32.

СУДЕБНАЯ ГАЗЕТА № 9

«А я не боюсь».

Часто слышатся голоса: «Суд не помогает. Никто суда не боится».

Одни ребята не хотят подавать в суд, скрывают. Другие ребята дают статью первую: все равно, мол, суд ничего не сделает. Наконец, третьи говорят: «Ну и подавай, очень я твоего суда боюсь».

И все больше и больше вполне подсудных дел стало не доводиться до сведения суда. И вот наконец, когда Г. выгнали с дежурства, ни сам он, ни другие из тех, кто знал про это, не сочили нужным подать в суд. И не только Г., а даже старшие девочки, а потом и мальчики перестали подавать на себя в суд.

Тем более любопытно, что ведь были же ребята, которые до последней минуты подавали на себя в суд. Это доказывает, что всюду находятся честные люди, которые поступают не «как все», а как велит разум и совесть.

Суд не помогает.

Всегда легче сказать, что что-нибудь никуда не годится, чем подумать и исправить. Болтать языки всегда найдутся, вот только голову, которая захотела бы подумать, трудно сыскать. Кто-нибудь один сказал: «Суд не помогает», а остальные, как бараны, хором повторяют: «Суд не помогает».

А больше всех кричали те, кому суд не выгоден, потому что стеснял их и был даже опасен. Ведь суд давал ребятам право жаловаться и решать, справедлива жалоба или нет.

— Такой-то получит статью четвертую или пятьдесят четвертую.

Для одного хватит и статьи первой, и четвертой, и пятьдесят четвертой, а на другого не действует и статья восьмисотая.

Задача суда — навести порядок, но суд не может и не собирается творить чудеса.

А ведь это было бы чудо, если лентяй, получив статью сотую, сразу стал бы примерным учеником или забияка, крикун, скандалист — спокойным, милым ребенком. Как в школе: никто от двойки или кола не превращается в тот же миг из невежды в первого ученика.

Но суд дает каждому право сказать:

«С завтрашнего дня я буду за собой следить. Я решил больше так не делать. Я буду осторожнее».

А если кто-нибудь ему станет в этом мешать, то он может подать на него в суд.

Например:

Какой-нибудь драчун решил больше не драться. Наверное, его будут нарочно злить, ведь есть такие ребята, которые не любят, когда кто-нибудь старается исправиться; тогда он подаст на тех, кто его задирает, в суд. Что из того, что и на него подадут за «несправедливую жалобу»? Суд знает, что ему об этом думать.

Суд не творит чудес, но не творят их ни просьбы, ни угрозы, ни гнев, ни палка. Ведь и там, где есть телесные наказания, некоторые ребята говорят:

«Ну и что? Мне совсем не было больно».

И не исправляются, а, наоборот, портятся, огрубляются.

— Не помогает. Что мне делать? Так все время и подавать в суд?

Разве это так трудно?

Сначала Х. все задирали, он подавал в суд, над ним смеялись, его дразнили, а он подавал и подавал. Наконец Х. перестали задирает, и Х. перестал подавать в суд.

Я уверен, что, если на плохого дежурного в течение двух недель подавать по три раза на дню в суд, он в конце концов исправится. Только дежурные по этажу слишком ленивы, чтобы подавать в суд, ведь проще злиться, ссориться, воздевать к небу руки, что, мол, сладу с ним нет. Ведь подавая в суд, дежурные по этажу рискуют — суд может не признать за ними правоты. Известно, что дежурные по этажу считают себя непогрешимыми и часто вместо того, чтобы спокойно сделать замечание, поднимают крик: не хватает терпения подождать несколько дней.

Слишком много у ребят злости, и суд служит им орудием мести. Чтобы утлить эту злость, надо было бы ответчика, по крайней мере, повесить. Статья четвертая или сотая никого не удовлетворяла.

Когда мы проводили беседу о злоде, один мальчик написал:

«Когда я злюсь, я так и убил бы».

Суд никого не убивал, вот ребята и были им недовольны.

Были и другие жалобы:

«Суд выслушивает только одну сторону, а другую уже и не слушает».

Если маленький подавал на старшего, старший не приходил, хотя его и вызывали. С этим ничего нельзя было поделать.

И вообще старшие дети не заходили в классную комнату, когда там шел суд, хотя их и приглашали.

То, что ребята презирали суд, лучше всего доказывало, что они его совершенно не понимали. Хуже: не понимая, презирали и высмеивали.

Участие в работе суда одни рассматривали как игру, другие — как неприятную обязанность, от которой старались всячески отделаться.

— Я нарочно сам подаю в суд, а то выберут в судьи.

Вот они, неправда или гадкий обман!

Вместо того чтобы учить говорить правду, суд учил лгать; вместо того чтобы приучать к искренности, приучал к притворству; вместо того чтобы воспитывать мужество, поощрял трусость; вместо того чтобы заставлять думать, растил лентяев.

Неизвестных нарушителей становилось все больше и больше — никто не признавался. Почему? Если они не боялись суда, почему они тогда скрывались? Лазать по чужим ящикам лазают, а сказать «это я сделал» храбрости не хватает? Взять чужую ручку могут, не бояться, а что взяли, ничем не скажут?

Хуже было: ребята злились на тех, кто говорил, что у них что-либо пропало.

Дело дошло до того, что, когда что-либо пропадало, владелец боялся в этом признаться, знал, что найти не найдут, а неприятности наживешь.

Поэтому одни, вместо того чтобы подумать, кто мог это сделать, подают на неиз-

вестного, а другие — порядочные — совсем не подают, боятся.

А статья первая? Подал в суд и забыл, из-за чего подавал. Человек, который умеет думать, говорит себе:

— Если я даже не помню, из-за чего я подавал, я должен дать статью первую. К чему у суда время отнимать, к чему утруждать?

Жалобщики не приходят на суд и не дают статью первую. Почему? Потому что они не понимают, что все равно так надо делать, даже если никто и не велел, и не следил, и не грозил.

А показания подсудимых?

Часто просто стыд брал слушать и записывать. А ведь так легко сказать:

— Я поступил неправильно.

Только три таких ответа, только три на тысячу девятьсот пятьдесят дел!

Казалось бы, благодаря суду взрослые начнут испытывать к детям уважение: нет, наоборот, даже у кого и было, его теряли.

И еще хуже: судьи уговаривались или вовсе не осуждать, или давать легкие наказания. Так удобнее! Наконец дошло до того, что один судья ударил другого судью за то, что тот судил по совести.

Больше нельзя было терпеть: суд не только не приносил пользы, наоборот, причинял вред; суд не только не способствовал порядку, наоборот, вносил беспорядок; суд не только никого не исправлял, наоборот, портил наиболее стоящих ребят. Такой суд не должен был больше существовать ни одного дня.

Пропало полгода работы. Если кому-нибудь из вас в будущем придется всерьез работать, он увидит, как это бывает больно и грустно.

К сожалению, ребята суда не боятся, а раз не боятся, то и не уважают, а раз не уважают, то и лгут, но уже не суду, а самим себе. Они не хотят ни подумать и дать себе правильную оценку, ни заставить себя исправиться.

Я знаю, суд необходим, и лет через пять — десять суд будет в каждой школе и детдоме. Но для Дома Сирот суд вреден, потому что ребята из Дома Сирот не хотят быть свободными, а хотят быть рабами.

Г. Я выбираю только некоторые из его дел.

Двадцать дел о прозвищах: девять раз он получил ст. 1 — девять раз его прощали, не помогло; два раза ст. 60, два раза ст. 4, потом ст. 63 и 82, три раза ст. 100, один раз ст. 200, один раз ст. 300.

Одиннадцать дел о приставании, поддразнивании, высмеивании: два раза ст. 1, четыре раза ст. 54, два раза ст. 82, раз ст. 41, 100 и 200.

Одно дело — мешал другим работать, ст. 300.

Двенадцать дел о драках: три раза ст. 1, два раза ст. 54, по одному разу ст. 32, 60, 80, 81, два раза ст. 100, один раз ст. 200.

Десять дел о дежурствах: два раза ст. 1, один раз ст. 4, 32, 82, два раза по ст. 100, по одному разу ст. 400, 500, 700.

Три раза о плохом поведении на уроках: ст. 80, 82 и 200.

Три раза о пачканье головы: ст. 1, 54, 200.

Не мыл рук: ст. 100.

Разбил чернильницу: ст. 81.

Разбил мисочку: ст. 31.

Отдал еду: ст. 4.

Нечестно играл: ст. 100.

Оговаривал: ст. 60 и 200.

Опаздывал: ст. 70, 82.

Лез куда не следует: ст. 100.

Неисправим, однако не нашлось храбреца, который осмелился бы ему дать статью восьмисотую и тем самым лишить его права пользоваться судом.

СУДЕБНАЯ ГАЗЕТА № 19

Судебный совет

Полгода у нас был суд без совета. Сначала надо было испытать суд, а потом уже расширять и усовершенствовать.

Одного суда на всю спальню было мало. Имея по сто дел в неделю, суд за недостатком времени относился небрежно ко многим серьезным вопросам.

Судебный совет работает у нас уже десять недель, за это время он рассмотрел семьдесят дел, то есть по семи дел в неделю.

В судебный совет передаются следующие дела:

1. Все дела об опозданиях при возвращении от родных.
2. Дела, где помимо определения соответствующей статьи приходится издать новый обязательный для всех закон.
3. Дела о денежных возмещениях: разбитое стекло, поломка.
4. Дела, по которым следует статья выше статьи пятисотой.
5. Когда у кого-нибудь за одну неделю набирается столько дел, что их надо разобрать все вместе.
6. Наиболее трудные дела, где для определения, кто прав, кто виноват, приходится долго и тщательно расспрашивать обе стороны.

Секретарь суда говорит:

— Передадим это дело в совет.

Чаще всего судьи соглашаются. В нескольких случаях судьи дали заключение, что могут вынести приговор сами.

Бывает, те, чьи дела разбираются, сами просят, чтобы разбирал совет. Секретарь соглашается на это, но не всегда.

Все это покамест еще недостаточно отрегулировано, но над этим думают.

Дело первое

У Г., совсем маленького мальчика, уже очень много было судебных дел. Не помogli никакие приговоры, Г. явно смеялся над судом и распоясывался неимоверно, являясь ярким доказательством того, что один суд, и только суд, отнюдь не помогает. Оставалось два пути: или прийти к заключению, что суд ничего не стоит, и спустить его, или изъять Г. из-под действия суда.

Вновь привлеченный к суду, Г. грубо оскорбил суд и за оскорбление суда был передан в совет.

Г. показал на совете, что суд его злит, что постоянное подавание в суд его просто выводит из себя, что ему вечно угрожают и, что ни сделай и ни скажи, он тотчас слышит:

«А вот я подам на тебя в суд».

Наконец выведенный из терпения Г. нагрубил А. и суду:

«Не хочу суда, пусть уж лучше меня дерут за уши и бьют по рукам».

Вполне понятно: Г. предпочитает безнаказанно ходить на голове и один раз из ста получить по рукам, чем исправиться и выполнять все предписания.

Судьи в совете поделились на два лагеря. Одни хотели Г. еще раз простить. Другие требовали статью девятисотую. В конце концов Г. дали статью восьмисотую: Г. на одну неделю изъяли из-под действия суда, и за эту неделю он получил то, что хотел:

1. В субботу он остался без чулок, потому что опоздал к раздаче.
 2. В воскресенье его побили по рукам, потому что не хотел участвовать в уборке.
 3. Во вторник его выдрали за уши за скандал во время чистки картофеля. Зато, как изъятый из-под действия суда, он не имел ни одного процесса.
- Кроме этого дела у Г. было еще одно: Г. при гостях громко и упорно называл одну уже большую девочку нехорошим словом. Так как Г. уже получил статью восьмисотую, то суд счел возможным дать статью шестидесятую.

Дело второе

Недисциплинированный, драчун, лентяй. Всегда прав, на любое замечание обижается. Плохой дежурный, недобросовестный работник.

Из-за него суп вышел жидкий, не хватало двадцати фунтов картофеля. Ст. 90. (Г. уже работает.)

Уже была жалоба, что ленив.)

Дело третье

Девочка старшего возраста.

Взяла без разрешения личные ножницы воспитательницы и куда-то их задела. За четыре недели она ни разу не попыталась оправдаться, даже не поискала ножниц. Ст. 400.

Совет на первом заседании рассмотрел еще три дела.

1. Дежурный И. не хотел убрать мусор. Ст. 55.

2. Ребята пекли картошку в котельной. Ст. 41.

3. Опаздывает на дежурство. Ст. 30.

Вторая неделя

На второй неделе совет имел только одно дело.

Мальчик за обедом и за ужином читает книжки, на сделанные ему замечания не отвечает.

Спрошенный судебным советом, хочет ли он быть исключенным, то есть чтобы совет позволил ему читать за едой, отвечает, что категорически этого не хочет. Ст. 4.

Третья неделя

В связи с процессами о беспорядке в личных ящиках секретарь вносит проект:

I. Совершенно ликвидировать ключи, поскольку они не обеспечивают тайны содержимого ящиков,

или:

II. Назначить ответственных дежурных, которые сидели бы с утра до вечера за отдельным столиком у шкафа,

или:

III. Запереть шкаф на ключ и открывать его несколько раз в день на час,

или:

IV. Выследить обнаглевшего вредителя.

Совет проект отверг. Неизвестный получил статью третью (неизвестно, как это происходило), так как:

1. Многие ребята сами позволяют лазать в свои ящики во время своего отсутствия.

2. Ребята держат книги сообща и часто вынимают их без ведома владельца.

3. Иногда ребята попадают в чужие ящики по ошибке.

Если бы не судебный совет, то, может быть, шкаф и в самом деле заперли бы и вышло бы большое неудобство.

У одного Б. восемь дел.

Восемь дел за одну неделю!

1. Стоит девочка. Б. начинает приставать, драться: «Я подам на тебя в суд...» — «Ну и подавай». Б. продолжает приставать и драться. Ст. 63.

2. Девочка держит письмо. Б. вырывает у нее письмо, носит с ним по залу, грозит порвать. Ст. 63.

3. Сидит мальчик. Б. начинает его тормошить, дергать, толкать. Ст. 63.

4. Около девочки стоит корзинка. Б. надевает девочке на голову корзинку. Ст. 63.

5. Один мальчик утром играл с Б., а вечером не хочет. Б. ходит за ним по пятам, пристаёт, не дает ни минуты покоя. «Я ничего не мог с ним поделать». Ст. 63.

6. Б. подходит к девочке:

— Хочешь, побую?

— Уйди.

Б. не отстает, колотит ее, stalkивает со стула. Ст. 63.

7. Б. подходит к девочке:

— У тебя была чесотка.

Ходит за ней и повторяет, что у нее была чесотка. Ст. 63.

И еще на него подали в суд за то, что он плохо себя ведет на работе. «Из-за работы торгуется, на каждое замечание у него сто ответов, во все сует нос, не слушается». Ст. 93.

Б. выбрался из своих дел так благополучно потому, что за него вступились жалобщики.

«Б. неплохой, только он надоеда и приставала и у него нет никакого самолюбия. Ему скажешь «уйди» или «отвяжись», а он и не подумает, хохочет и дальше лезет. Вообще-то он не глупый, иногда с ним даже приятно бывает побеседовать. Б. говорит, что ему тоскливо, ведь у него нет никого, кто бы к нему по-настоящему хорошо относился, кто бы ему хотел помочь стать другим. В ларьке, где он работает, ему слишком много прощают, вот он и распустился, но теперь уж он исправится».

Другие процессы

Дело двух малышей о плохом поведении за столом. Ст. 81.

Дело двух ребят среднего школьного возраста о самовольном уходе с занятий. Ст. 41—50.

Дело о неправильной характеристике, которую дала дежурному ответственная по этажу. Совет вынес заключение: реабилитировать дежурного.

Четвертая неделя

Четвертая неделя принесла нам только три процесса, из них один о затеряншемся то ли в прачечной, то ли в швейной носовом платке.

Сожженные сапоги

Два мальчика сожгли в котельной две пары башмаков на деревянном ходу и пару сапог. Велела их сжечь экономка.

— Неправильно это. Их можно было еще починить.

— Да ну, они никуда не годились.

— Даже самые плохие сапоги чинят.

Ст. 33: ребята выполнили данное им поручение, — значит, не виноваты.

Швейная мастерская

В воскресенье ребята заходят в швейную мастерскую пришить пуговицы и т. д. Один взял штопку, а ее брать нельзя, а другой хотел починить карман, хотя у него был один целый, чего вполне достаточно.

Ему говорят: «Уходи», а он: «Глянь-ка, она еще мне запрещает, распоряжаться тут будет! Вот возьми и зашью — что ты мне сделаешь?»

— Она меня хотела выгнать, как собаку. Вон, у других по два кармана, и ничего, а на моем была только малюсенькая дырочка.

В результате первый получил статью четырехсотую, второй — статью двухсотую. Совет постановил, что отныне починка будет производиться не в швейной, а в рекреационном зале. Старшая дежурная по швейной мастерской должна записывать все в тетрадку, как это делают ответственные по этажам. Следует проверить, не лучше ли действительно шить штопкой, чем гнилыми нитками.

Пятая неделя

Пять процессов.

Нашелся и второй мальчуган, который ненавидит суд.

У Г. пять дел.

Г. шумит в спальне. Не хочет раздеваться, подходит к чужим кроватям, громко разговаривает; сделаешь ему замечание, а он хоть бы что. В умывалке поет, насвистывает; ему говорят «перестань», а он в ответ: «Поддай на меня в суд».

Когда Г. дежурит, он делает только то, что хочется, обижается и совсем не убирает или убирает кое-как, — словом, поступает как ему в голову взбредет. И врет: недавно сказал, что вымел под полками, а это неправда.

Вызванный в суд дать показания, не идет: «Когда захочу, тогда и пойду».

Лежит в постели больной мальчик.

— Чего лежишь? Что с тобой?

Не получив ответа, поколотил.

А вот как Г. объясняет свое поведение:

— Терпеть не могу суда, просто ненавижу суд, не хочу иметь с судом никакого дела. Не желаю объяснять свое поведение ни устно, ни письменно, я сам знаю, что часто бываю не прав. А что меня больше всего злит, так это то, что все меня пугают судом. Ну и пусть подадут, а пугать нечего. Ст. 700.

Попасть под суд не такое уж большое удовольствие — это правда. Но суд ввели не ради удовольствия. Задача суда — стоять на страже закона и порядка. Цель суда — сделать так, чтобы воспитатель не был вынужден приводить детей к послушанию грубо, палкой, окриком, словно грубо или конюх, а спокойно и умно обсуждал все с детьми (которые часто лучше воспитателя знают, кто и в какой степени не прав), оценивал и советовал. Задача суда — заменить драку работой мысли, взрывы злости — педагогическим влиянием.

Дело Б.

Опять в судебном совете.

Когда Б. дежурил по кухне, он был ленив, непослушен и халатен. К своему новому дежурству он относился точно так же. Там Б. не чистил картошку, тут он не подметает лестницу. Ему и горя нет, что все будут есть жидкий суп, и горя нет, что задерживает мытье лестницы, ведь невыветенную лестницу мыть нельзя.

— Не пойду, не хочу.

Три раза к нему обращались, и все напрасно.

— Ведь если на него в суд подавать, так пришлось бы каждый день это делать. Совок он не приносит, сор или выбрасывает в окно, или заметает под печку. А принесет совок, так уж на место не отнесет. И щетку на место не поставит, и тряпку не положит. А сделаешь замечание — нет, он прав.

«Он добрый, только вспыльчивый. Обидится — и понес. Потом-то он одумается, только все ему надо разжевать и в рот положить. Неаккуратный». Ст. 82.

(Это те будущие работники, которые портят репутацию Дома Сирот.

Все труднее подыскать место нашим парнишкам.

Как известно, на работе уже на Б. жалуются. Б. недавно пошел работать.)

Драка

Кухня. Входит М. и говорит:

— Слушай, я встретил твою сестру, она велела тебе кланяться.

— А ну тебя!

— Хороша! Даже не хочешь знать, что тебе сестра кланяется.

— Я уже это слышала.

Все смеются.

М. обращается к другой девочке, Д.:

— Повстречай я твою сестру, ты тоже так скажешь?

Смех.

Д. хватая гирию и бросает ее в одну из девочек. Д., когда злится, часто затевает драку. Ст. 200.

За игрой в домино

Когда раньше про кого-нибудь говорили «плут», не знали, что это такое. Теперь, когда разрешено играть на конфеты и на деньги, все больше и больше поступает дел о нечестной игре. То, что раньше делалось украдкой, теперь делается открыто и находится под надзором суда. К чему запрещать всем, когда плутуют только трое или четверо? И чем поможет запрещение, если нельзя проверить, играют ребята в домино или шашки просто так или на конфеты? И не все ли равно, что проиграть: краски, ириски, которые стоят денег, или сами деньги? Умные ребята расходуют деньги с пользой для себя, они играют редко, причаются к осторожности; легкомысленные же и дурачки по-глупому расходуют и по-глупому проигрывают. Может, кто-нибудь, после того как проиграет плуту марку, станет осторожнее и, когда вырастет, не проиграет всего имущества или чужих денег — ведь и так бывает.

Первый процесс о нечестной игре закончился тем, что одному малышу запретили играть в течение целого месяца, но это было слишком долго и по его просьбе срок сократили до двух недель.

Неизвестно, как это было. Эти дела всегда очень трудно решать.

Шестая неделя

Отрегулированы два важных вопроса: ношение белья на чердак и раздача настольных игр. Сделаны первые шаги по упорядочению молитв.

Неотзывчивость

— Вечно у меня с ним неприятности, когда надо белье нести. Мальчишки не хотят носить белье, а и несут, так неохотно. Один устал, у другого времени нет, третий говорит, что придет попозже. Жаль только, получилось так, что я подала в суд на того, кто носит чаще, чем другие. Это вышло потому, что к тем, кто всегда отказывается, я уж совсем не подхожу. Меня рассердило, что он сказал, что устал, а я знала, что он не устал, он уже полчаса как из школы пришел.

— Что мне объяснить? Все равно скажут, что виноват, всегда ведь девочкам верят. А не люблю я ходить с бельем на чердак потому, что ты читаешь или играешь, а тебя отрывают, и потом она так кривляется, что зло берет. Я берусь организовать

мальчишек белье носить, мы сами станем это делать. Только пусть она не думает, что я это делаю из-за того, что она на меня подала в суд. Ст. 5.

— Ребята играли в домино. Я им говорю: «Идемте выколачивать безрукавки», а они ответили, что уже выколачивали, а он сказал, что хоть и не выколачивал, а все равно устал. Через десять минут он пришел, да уже было поздно.

— Да, устал, потому что ходил с письмом на Маршалковскую, дом № 99, а потом я играл в домино и хотел окончить партию. А теперь я уже буду выколачивать, чтобы меня не звали лентяем. Ст. 4.

Настольные игры

— Я подал на них в суд, потому что сладу с ними нет. Берут настольные игры и не возвращают, оставляют на столе, теряют фишки и шашки. А у меня из-за этого неприятности.

— Хочешь что-либо взять — всегда кто-нибудь да перебьет. Я пошел только прибрать в классе, ну и дал ему на время поиграть. Я ведь не знал, что он потеряет.

— Только я взял лото — зовут мыться. И я спрятал к себе в ящик, потому что не было кому отдать. Ст. 40 и 50.

Кружок полезных развлечений выработал по просьбе судебного совета следующие правила:

I. Играть в лото и домино на конфеты, открытки и деньги разрешается только по субботам и пятницам с 16 ч 30 мин.

II. Проигравший 30 грошей может выйти из игры.

III. Разрешается проигрывать самое большее 50 грошей.

IV. Задолжавшие обязаны расплачиваться в течение одной недели.

V. Меченые косточки домино должны уничтожаться.

VI. Тот, кто берет лото, обязан следить за порядком:

а) чтобы под столом не валялись бумажки,

б) чтобы лото вовремя возвращали,

в) уговариваться наперед, как играть,

г) взявший лото несет ответственность за потерянные фишки.

П р и м е ч а н и е. Шашки выдаются после 6 ч вечера.

Врать настольные игры за 15 мин до конца не разрешается. Игры следует возвращать за 5 мин до еды.

Молитва

— Он всегда за столом дурачится, а во время молитвы корчит такие рожи, что все животики надрывают. Он хороший и веселый, но во время молитвы надо вести себя приличней.

Секретарь предложил совету принять закон об удалении из зала на время молитвы тех, кто не умеет себя вести как следует, сроком на одну неделю.

Совет постановил отложить этот вопрос до того времени, когда начнет читать молитву новый мальчик. Обвиняемый получил ст. 4.

Судья перед судом

На него пал жребий, и он должен был судить. А он не явился — не захотел. Почему?

1. Ребята бывают недовольны: наказывают, мол, слишком строго и несправедливо.

2. Потому что он вообще не любит суд и не хочет иметь с ним никакого дела.

3. Секретарь предлагает статью пятидесятью и изъятие из-под жеребьевки сроком от одного до трех месяцев.

Не понимает!

Этот мальчик не понимает, что участие в работе суда не удовольствие, а общественный долг (который может быть и неприятным).

Не понимает, что суд может существовать только в том случае, если будут судьи.

Не понимает, что «я не люблю» и «я не хочу» еще не значит «я не буду». Каждому человеку часто приходится делать то, чего он не хочет и чего он не любит.

Если суд ничего не значил бы, к нему бы не обращались, а если к нему обращаются, значит, он приносит пользу, а раз так, то обязанность каждого облегчать суду работу, а не усложнять ее.

Говорят, что судят слишком сурово, что судят несправедливо — так ведь можно обратиться в суд вторично, подавать на кассацию. На три тысячи прошедших перед судом дел было только четыре кассации. Кто не просто треплется, а кому действительно важна справедливость, тот может по истечении четырех недель отдать свое дело на повторное рассмотрение. Неумные и относящиеся ко всему халатно ребята этого не делают, предпочитая злиться.

ПЕРВЫЙ ПРОБНЫЙ ГОД

Значение суда и пользу кодекса я оценил в течение первого года. Всего было три тысячи дел. Наименьшее количество дел за неделю — пятьдесят, наибольшее — сто тридцать.

За этот год было выпущено двадцать пять тетрадей «Судебной газеты». Тетрадь № 1, приведенная здесь полностью, вышла после первого месяца работы суда.

Тетрадь № 9 вышла шестью месяцами позже, когда суд был временно распущен на четыре недели. После этого перерыва был основан судебный совет, о деятельности которого говорится в девятнадцатом номере «Судебной газеты».

Мне кажется, самое правильное, рассказать все как было.

Сразу же в первые недели я убедился, что много мелких, надоедливых для детей дел, мешающих им и нарушающих порядок, не доходит и не может дойти до сведения воспитателя. Воспитатель, который утверждает, что он знает все, заведомо лжет. Я убедился, что воспитатель не является экспертом по вопросам ребячьей жизни, что власть воспитателя превышает его компетентность, что среди детей существует целая иерархия, где каждый старший имеет право помыкать ребенком моложе его на 2 года (или хотя бы только не считаться с ним), что самоуправство точно дозировано в зависимости от возраста воспитанника. А на страже этого беззакония стоит воспитатель. Sic volo, sic jubeo*.

Что из того, что воспитатель не колотит или хотя бы не шлепнет мальчишку, который, обнаглев в результате полной безнаказанности, ударяет по лицу девочку моложе или слабее себя и отбирает у нее ходули?

В интернате было в обычае, что тринадцатилетние одалживали у малышей перья или промокашку, а когда малыш просил вернуть, ему вежливо отвечали: «Отвяжись».

Таких мелких дел набиралось много десятков. Надо было учиться, усиленно учиться понимать их значение.

Много вопросов по-прежнему решалось помимо суда.

Убеждение: «Лучше поговорить, чем по любому пустяку судиться» — так укоренилось, что бороться с ним было невозможно. Это снижало авторитет суда. Если дети старшего возраста не признают суд и ряд важнейших дел в него не поступает, значит, суд является чем-то средним между игрой и рассмотрением дел, с которыми не знаешь, что делать, «лишь бы с рук сбить». Вместо «оставь меня в покое» появилась новая формула «подай на него в суд».

Обвинение в том, что суд не помогает, потому что суда не боятся и с судом не считаются, звучало неустанно и уничтожающе. Следует подчеркнуть, что все это происходило в интернате, где официально никаких наказаний не существовало.

Говоря о наказаниях, мы всегда имеем в виду розги, карцер, оставление без обеда и т. д., игнорируя тот факт, что крик, гнев, «взбучка», угроза, перемена отношения к ребенку с дружелюбного на враждебное являются чувствительным наказанием.

Сутяжничество малышей оказалось для суда просто фатальным. Подавали по любому поводу. Хорошая половина дел — это мелкие распри небольшой кучки самых младших воспитанников. Смеясь над тем, что маленький Х или маленькая У постоянные клиенты суда, мы укрепляли несерьезное отношение к суду. «Поддай на меня в суд» стало стереотипным ответом на справедливую жалобу. Надвигалась кажущаяся необходимостью «любимым путем ограничить количество процессов».

Но как?

Сказать, что со всякой глупостью нельзя лезть в суд? Категорически заявляю: так говорить нельзя. И странное дело: сначала судьи были склонны относиться к судебным процессам малышей с презрением, даже когда речь шла о том, что кого-то ударили, обругали, кому-то не дали работать. Вскоре, однако, судьи признали правильность того, что критерием важности процесса является испытанное жалобщиком огорчение, сознание нанесенной ему обиды.

Почему дело о разбитом окне важное, а уничтожение личной собственности ребенка «глупость»? И разве плутовство за игрой в каштаны не достойная наказания бесчестность только потому, что это каштаны, а не деньги?

Игра в каштаны давала большое количество дел, являясь источником бесконечных споров. Как поступает в таких случаях воспитатель? Запрещает играть! Запрещая, он, во-первых, совершает насилие над детьми, а во-вторых, лишает себя возможности изучить детей в моменты сильного возбуждения, когда легче всего проявляются черты характера, имеющие огромное значение в жизни человека, такие, как легкомыслие, жадность, горячность, нечестность и т. п. Запретить играть было бы, по-моему, одинаково несправедливо и по отношению к воспитателю, и к детям. Игра в каштаны была для малышей первой школой законности. Вначале происходили просто невероятные вещи: мальчик проиграл сто каштанов и цинично заявляет, что не отдаст. «Почему?» — «Не хочу».

Ребята объединяются, каштаны у них общие, а потом ссорятся и: «Я тебе не дам каштанов». От некоторых показаний я просто приходил в ошарашенное состояние. Среди бела дня при многочисленных свидетелях мальчик отнимает у девочки каштаны и еще нагло смеется: «А мне так хочется. Ну и что ты мне сделаешь?» Единственное спасение в таких случаях для ребенка — это обратиться к старшему товарищу, который окажет ему помощь — только в

какой форме? Даст обидчику тумака, оттаскает, повалит на пол. Нравы сингалезцев в благоустроенном интернате в столице цивилизованного государства. А ведь недавно я не только мирился с подобным положением вещей, но, поддаваясь детскому обаянию, не придавал всему этому серьезного значения; маленький веселый хулиган был ближе мне недотепы-девчонки. То, что этот симпатичный хулиган тиранит определенную группу ребят (одновременно заигрывая со мной), что вырастает маленький хищник, убежденный в своем праве на беззаконие, мной не замечалось, не доходило до моего педагогического сознания.

Часто одно судебное дело больше говорило мне о ребенке, чем двухмесячное с ним общение. Порой одно судебное дело больше говорило мне о среде, чем разрозненные наблюдения в течение ряда месяцев.

В качестве секретаря суда я познавал азбуку, совершенствовался и наконец становился экспертом по ребячьим делам.

Кучка надоедливого мусора — сморщенных, поцарапанных каштанов — ожила. Были там каштаны и ерундовские, и в которые ужасно удобно игралось, каштаны дорогие как память и особенно счастливые: «Я этим каштаном всегда выигрываю. — Я заранее предупредил, что на этот каштан не играю».

Я спрашиваю, у какого воспитателя найдется время входить во все эти вопросы и желание посмотреть на них с точки зрения справедливости, законности, а не со снисходительной улыбкой?

Благодаря этим мелким судебным делам я был вынужден обдумать все сложнейшие проблемы общежития ребячьей группы. Передо мной вырисовывался асоциальный, антисоциальный тип, личность, не желавшая поступиться своими привычками и склонностями, с небывалой силой требовавшая ответа на вопрос: что делать?

«Я суд ненавижу: пусть уж лучше меня бьют по рукам и дерут за уши, все лучше, только не суд. — Я суд ненавижу, терпеть его не могу. — Сам не хочу ни на кого подавать, и на меня пускай не подадут».

Таких ребят было несколько. Суд захватил их врасплох, как неожиданный и грозный враг — враг-регистратор, враг — дневной свет, враг-гласность.

Парень не желает объяснять, ему и дела нет, что он не прав, он и не думает себя принудить. Удастся или не удастся, он находит вкус в этом азарте; случай — вот что его волнует, и он живет от приключения к приключению, руководствуясь минутным настроением. Вспышки чувств — его стихия.

Если когда-нибудь найдется счастливый человек, у которого будет возможность научно разработать вопрос о воспитательном значении судов, я горячо рекомендую ему как объект наблюдений именно этих детей.

Знаменательно, что эта немногочисленная кучка и свергла суд. Когда я распустил суд, я не сомневался, что делаю это на какие-нибудь несколько недель, только чтобы ввести некоторые измене-

ния и дополнения. И все-таки я воспринимал перерыв в работе суда как значительное поражение. Я понял, с каким трудом придется суду прокладывать себе дорогу в других воспитательных учреждениях, с другими людьми во главе.

Я знаю, что все лучшие воспитатели стремятся сбросить со своих плеч эту необходимость постоянно ворчать, вышучивать и ругать, поскольку они не желают, по примеру немецких школ, невозмутимо и с достоинством лупцевать специально предусмотренным инструментом по установленному уставом месту. Но я знаю также, что суд должен обмануть их надежды на то, что можно легко, основательно и, самое главное, быстро справиться со всеми этими сотнями мелких проступков, вин, упущений, отклонений, трений, которые наблюдаются в жизни ребячьей толпы, преобразуемой в правовое общество... Суд не заменит воспитателя, даже не выручит временно, а, расширив сферу его деятельности, усложнит ему работу, углубит ее и приведет в систему.

Можно выдавать детям тетради, карандаши и перья в разное время и отмечать это только в памяти — тогда выйдет беспорядок. А можно выдавать в определенные часы и дни, записывая дату выдачи, — тогда будет порядок и даже некоторая справедливость. Сохранились, может быть, и такие интернаты, где не установлены часы приема пищи, и дети едят когда им заблагорассудится, причем шустрые больше и чаще тихих и смирных. Можно назначать и приводить в исполнение наказания, отчитывать, делать нахлобучки и выговоры и без суда. Это беспорядок, но не слишком отклоняющийся от того, что общепринято. Воспитатель как-то справляется, ну и ребята как-то справляются.

Поразительно, как на суде обнаруживается и мстит за себя любая не решенная воспитателем проблема, любое халтурное распоряжение или запрещение, любой недосмотр. Вечерние волнения в спальне, шум в спальне — целый ряд мелких надоедливых вопросов весь год с математической точностью бил тревогу, говоря, что вопрос о необходимом количестве сна для детей не решен и требует урегулирования. Суд оказался здесь действительно беспомощен, тут необходимо было или явное насилие, то есть палка, или решение этого труднейшего вопроса, исходя из психофизических потребностей ребенка.

Каждый невыполнимый, а значит, педагогически халтурный приказ неутомимо «стучится, дабы ему отворили», домогаясь уступок и отклонений от системы. Каждый ребенок, которого не удастся подвести под общий закон, должен так же законно стать исключением.

И здесь необходима сведущая творческая и беззаветная мысль воспитателя. Неумелый учитель не справляется с классом. Появляется суд — и вот ученики прилежно учатся, хорошо себя ведут. Да ведь это было бы чудом, и притом чрезвычайно милостивым по отношению к воспитателю, но убийственным для детей.

Прежде чем решить распустить суд, я пережил много тяжелых минут. Ребята, правда, не все, а только некоторая небольшо-

численная, но очень беспокойная группа, использовали суд в своих интересах. Когда им было выгодно, они уважали суд, а когда суд стеснял, потешались над ним. Беспорядок вкрадывался сначала в мелочах, но что будет, если чувство безнаказанности укоренится? Не со всеми делами можно ждать целую неделю. «Не буду чистить картошку, не буду делать уборку». Ну и отдали под суд, что не чистит картошку. А что было делать? А бывало и хуже. «Раз меня отдали под суд, значит, делать уборку уже не нужно, я не буду убирать, ведь вы уже на меня подали в суд».

А приговоры были легкие. Ни один состав судей не отважился дать выше четырехсотой статьи. Бдительная оппозиция всегда поддерживала это сопротивление применению высших статей. Основная разница между судом присяжных и товарищеским судом в том, что судьи и обвиняемые в товарищеском суде знакомы между собой и тысячью нитей связаны друг с другом. Дать тут большую статью — значит идти на неприятность. Все мы знаем, как иногда неприятны и хлопотны суды чести. А главное, зачем давать против воли большую статью и подвергать себя нареканиям, раз все равно это ничему не поможет?

Мнения о суде разделились. Наряду с небольшим числом прямых врагов и сторонников суда существовало значительное большинство, которое считало, что, хотя суд и приносит пользу, он нуждается в реорганизации.

«Вообще нам суд нужен, но от такого суда, как у нас, мало пользы». «Для одних ребят он хорош, а другим не помогает». «Со временем наш суд будет очень даже полезен». «Вот если бы наш суд был другой, он был бы нам очень нужен».

Эти несколько анкетных ответов хорошо иллюстрируют отношение ребят к новому институту.

Рассматривая суд как попытку, которая может провалиться, я первым делом старался собрать возможно больше фактического материала. Не располагая временем, я давал только общий набросок процесса. Любопытно было все: статистика и казуистика, рядовые дела и дела необычные, отношения между обвиняющими, обвиняемыми и судьями. У меня складывалось убеждение, что в будущем секретарем суда должен быть руководитель-воспитатель, а не воспитатель и администратор в одном лице.

Суд нужен, необходим, его ничем не удастся заменить.

Суд должен иметь колоссальное воспитательное значение. К сожалению, мы еще до суда не доросли. Мы еще не доросли или у нас еще не доросли.

Суд не вошел величаво в нашу жизнь как важный законодательный акт, а проскользнул пугливо и смиренно. Однако, распуская суд, я ясно чувствовал, что совершаю государственный переворот, и, возможно, я и обманываюсь, так восприняли это и дети. «И что теперь будет?»

Некоторые ребята «спокойно вздохнули», избавившись от зоркого контролера. Некоторые, желая доказать, что суд был не нужен, вели себя лучше. Определенная группа допытывалась, от-

кроется ли суд опять и когда. Кроме того, изрядная группа ребят мало интересовалась как судом, так и вообще всеми вопросами общежития.

Среди теоретических обвинений, предъявляемых суду со стороны, чаще всего повторялось одно:

«Суд приучает детей к сутяжничеству».

Для меня, а наверное, и для каждого воспитателя, нет «детей» вообще, а есть отдельные дети, настолько разные, настолько диаметрально противоположные, настолько своеобразно и по-разному реагирующие на окружающее, что это огульное обвинение должно вызывать снисходительную улыбку. За весь год не было ни одного факта, который позволял бы утверждать, что суд приучает детей к сутяжничеству, наоборот, многие факты, как мне кажется, говорят о том, что суд учит детей, что сутяжничать невыгодно, вредно и бессмысленно. Под влиянием и на фоне суда совершалась, по-моему, колоссальная работа осознания условий и законов общежития. Кто не относится с пренебрежением к ребячьему обществу, кто понимает, что это «мир», а не «мирок», того цифра три тысячи пятьдесят дел должна убедить, что судьи не могут вдаваться в подробности. Иначе потребовалось бы несколько толстенных томов. Я хочу подчеркнуть лишь одно: у нас из ребят не вычелся от сутяжничества только один. Многие же вычелись и, вероятно, надолго.

После перерыва в судопроизводство внесены три важных дополнения:

1. Недовольные решением суда имеют право по истечении месяца подавать на кассацию.

2. Некоторые дела изымаются из-под ведения суда и передаются судебному совету.

3. Дети имеют право подавать в суд на воспитателей и вообще на взрослых.

Я не могу позволить себе вдаваться в подробности.

За полгода я подал на себя в суд пять раз. В первый раз, когда я выдрал мальчишку за уши, во второй, когда выставил одного мальчугана из спальни, в третий, когда поставил в угол, в четвертый, когда я оскорбил судью, в пятый, когда несправедливо заподозрил девочку в краже. По первым трем делам я получил двадцать первую статью, за четвертое — семьдесят первую статью, за последнее — седьмую статью.

Каждый раз я подавал пространное показание в письменном виде.

Я категорически утверждаю, что эти несколько судебных дел были краеугольным камнем моего перевоспитания как нового, «конституционного» воспитателя, который не обижает детей не потому, что хорошо к ним относится, а потому, что существует институт, который защищает детей от произвола, своевластия и деспотизма воспитателей.

СЕЙМ ДОМА СИРОТ

Дежурства в Доме Сирот имеют семилетнюю давность и получили боевое крещение уже во многих интернатах. Кухня, прачечная, инструменты, забота о здании и надзор за младшими детьми отданы в ведение воспитанников, из десятилетних дежурных преобразующихся в четырнадцати-, пятнадцатилетних воспитателей. Продолжает издаваться газета, два года работает без перебоев суд. «Мы достаточно зрелы, чтобы попытаться осуществить самоуправление». Так возник сейм, о котором покамест нельзя сказать ничего определенного. Сейм насчитывает двадцать депутатов. Пятеро ребят составляют избирательный округ; тот, у кого четыре голоса, становится депутатом. Голосуют все, депутатом же может быть только тот, у кого нет ни одной судимости. За нечестными ребятами (воровство, мошенничество) признается право на реабилитацию. Сейм утверждает изданные судебным советом законы или отклоняет их. Сейм устанавливает юбилейные дни и присуждает памятные открытки. Если суд правомочен принимать решения об исключении воспитанников, то сейм обязан добиваться, чтобы от него зависело принятие новых ребят и удаление старших и даже воспитателей. Рекомендуется осторожность, границы компетенции сейма надо расширять постепенно, ограничения и предупреждения, пусть и многочисленные, должны быть ясные и недвусмысленные. В противном случае лучше не организовывать выборов, не инсценировать игры в самоуправление, не вводить в заблуждение себя и детей. Такая игра неэтична и вредна.

КАЛЕНДАРЬ

Привожу некоторые параграфы проекта.

§ 6. По предложению депутата или по случаю присуждения памятной открытки сейм устанавливает праздничные дни (нерелигиозного характера).

§ 9. 22 декабря. Девиз: «Не стоит вставать», потому что короткий день. Кто хочет, может не вставать, а спать. Кто хочет, может не стелить постели. Детали разработает и представит законодательная комиссия сейма.

§ 10. 22 июня. Девиз: «Не стоит ложиться спать». Кто хочет, может бодрствовать всю ночь. В случае хорошей погоды ночной поход через город.

§ 12. День первого снега. Девиз: «День санного пути». Днем первого снега будет считаться тот день, когда выпал снег при температуре ниже 1°. Игра в снежки, экскурсия, катание на санях (кататься ребят выбирают голосованием).

§ 18. День умерших. За утренней молитвой поминают умерших воспитателей.

§ 19. День триста шестьдесят пятого обеда. Экономка за свою работу получает конфеты. Дежурные по кухне тоже. Девиз: «Именины кухни».

Примечание. Предлагайте, как организовать чествование прачечной.

§ 22. День грязнули. Девиз: «Умываться не разрешается». Тот, кто хочет в этот день умыться, вносит определенную плату, которая будет установлена сеймом.

§ [24] День часов. Непунктуальный сапожник после данного им обещания исправиться исправился и целый год приносил работу в назначенный день и час. Сейм присудил ему открытку пунктуальности. Чтобы отметить это событие, в этот день ребятам разрешается оставаться в городе на час дольше обычного.

§ 27. День неряхи. Тот, кто, как покажет голосование, меньше всех следит за своей одеждой, получает что-нибудь из одежды, чтобы не выглядеть в праздничные дни неряхой.

§ 28. День котла. Когда испортился лифт из кухни в столовую, один из старших мальчиков проявил неотзывчивость, отказавшись помочь нести котел. Отныне в этот день завтрак приносят, хотя бы лифт и работал, два мальчика, из самых старших, избираемых жеребьевкой.

§ 32. День поощрения. Тот, кто получил за год наибольшее количество обвинительных приговоров, получает оправдательные приговоры за всю неделю. Если он пожелает, он может выступить в качестве судьи. День поощрения вводится, чтобы отметить тот случай, когда один из величайших сорвиголов за всю неделю ни разу не попал под суд.

§ 40. Сейм решает, в течение скольких зим значиться данному дню в календаре.

ПАМЯТНЫЙ ОТКРЫТКИ

Во временном, еще не утвержденном сеймом статуте о памятных открытках имеются в числе прочих следующие параграфы:

§ 3. Надпись на оборотной стороне открытки гласит: «Постановлением сейма от... (число) ... (имя и фамилия) присуждается памятная открытка за ...»

День присуждения открытки может быть признан праздником и включен в календарь.

§ 4. Соискатель открытки обязан подать заявление на непомятом листке бумаги, где он собственноручно четким, разборчивым почерком перечисляет поступки и факты, которые он хочет помнить. Поступки могут быть как хорошие, так и плохие, как полезные, так и вредные, достойные как похвалы, так и порицания. Открытка может быть приятным или неприятным воспоминанием, поощрением или предупреждением.

§ 5. Если сейм захочет сильнее подчеркнуть памятный факт, он включает его в календарь побед и поражений, похвальных усилий и халатности, доказательства сильной или слабой воли.

§ 7. Содержание картинки на открытке должно соответствовать тому, за что ее дали:

1. За немедленное вставание по утреннему звонку выдается: в зимнем сезоне — зимний пейзаж, за вставание в весеннее время — весенний и т. д.

2. За очистку двух с половиной тысяч фунтов картошки — открытку с цветами.

3. За драки, ссоры, несоблюдение законов и постановлений — открытку с тигром.

4. За заботу о маленьких и новичках — открытку с соответствующим изображением и т. п.

§ 10. Тот, кто добросовестно выполнял в течение более чем одного года одно и то же дежурство, имеет право на открытку с видом Варшавы.

Сейм считает Дом Сирот частью Варшавы и желает оставить памятку, особенно дорогую для тех, кто, может быть, в будущем покинет родной город.

§ 12. Кроме памятных открыток сейм может выдавать и юбилейные. Например, тот, кто всегда рано встает и, значит, у кого есть памятные открытки за все четыре сезона, получает открытку «сильной воли» и т. д.

§ 14. Постепенно должны быть введены «открытки здоровья» (кто ни разу не болел, быстро растет, занимается спортом), памятные открытки за участие в спектаклях, играх, за работу в газете и в суде.

§ 17. Последняя открытка — это прощальная открытка с незабудками. На ней ставят подписи все ребята и персонал.

Эта открытка не награда, а память, воспоминание. Одни дети потеряют ее где-нибудь на дороге жизни, другие сохранят надолго.

ПРАВО РЕБЕНКА НА УВАЖЕНИЕ

ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ — НЕДОВЕРИЕ

С ранних лет мы растем в сознании, что большое — важнее, чем малое.

— Я большой, — радуется ребенок, когда его ставят на стол.

— Я выше тебя, — отмечает он с чувством гордости, меряясь с ровесником.

Неприятно вставать на цыпочки и не дотянуться, трудно мелкими шажками поспевать за взрослым, из крохотной ручонки выскальзывает стакан. Неловко и с трудом влезает ребенок на стул, в коляску, на лестницу; не может достать дверную ручку, посмотреть в окно, что-либо снять или повесить, потому что высоко. В толпе заслоняют его, не заметят и толкнут. Неудобно, неприятно быть маленьким.

Уважение и восхищение вызывает большое, то, что занимает много места. Маленький же повседневен, неинтересен. Маленькие люди — маленькие и потребности, радости и печали.

Производят впечатление — большой город, высокие горы, большие деревья. Мы говорим:

— Великий подвиг, великий человек.

А ребенок мал, легок, не чувствуешь его в руках. Мы должны наклониться к нему, нагнуться.

А что еще хуже, ребенок слаб.

Мы можем его поднять, подбросить вверх, посадить против воли, можем насильно остановить на бегу, свести на нет его усилия.

Всякий раз, когда он не слушается, у меня про запас есть сила. Я говорю: «Не уходи, не тронь, подвинься, отдай». И он знает, что обязан уступить; а ведь сколько раз пытается послушаться, прежде чем поймет, сдастся, покорится!

Кто и когда, в каких исключительных условиях осмелится толкнуть, тряхнуть, ударить взрослого? А какими обычными и невинными кажутся нам наши шлепки, волочения ребенка за руку, грубые «ласковые» объятия!

Чувство слабости вызывает почтение к силе; каждый, уже не только взрослый, но и ребенок постарше, сильнее, может выразить в грубой форме неудовольствие, подкрепить требование силой и заставить слушаться: может безнаказанно обидеть.

Мы учим на собственном примере пренебрежительно относиться к тому, что слабее. Плохая наука, мрачное предзнаменование.

Облик мира изменился. Уже не сила мускулов выполняет работы и обороняет от врага, не сила мускулов вырывает из земли, у моря и лесов владичество, благосостояние и безопасность. Закабаленный раб — машина! Мускулы утратили свои исключительные права и цену. Тем больший почет уму и знаниям.

Подозрительный чулан, скромная келья мыслителя разрослись в залы исследовательских институтов. Нарастают этажи библиотек, полки гнутся под тяжестью книг. Святыни гордого разума заполнились людьми. Человек науки творит и повелевает. Иероглифы цифр и знаков опять и опять обрушивают на толпы новые достижения, свидетельствуя о мощи человечества. Все это надо охватить памятью и постичь.

Продлеваются годы упорной учебы, все больше школ, экзаменов, печатного слова. А ребенок маленький, слабенький, живет еще недолго — не читал, не знает...

Грозная проблема — как делить завоеванные пространства, какие и кому давать задания и вознаграждения, как освоить покоренный земной шар. Сколько и как разбросать мастерских, чтобы насытить алчущие труда руки и мозг, как удержать человечесий муравейник в повиновении и порядке, как застраховать себя от злой воли и сумасбродства личности, как наполнить часы жизни действием, отдыхом, развлечениями, уберечь от апатии, пресыщения, скуки. Как спланировать людей в дисциплинированные союзы, облегчать взаимопонимание; когда разъединять и делить. Здесь подгонять, ободрять, там сдерживать, здесь разжигать пыл, там гасить.

Осторожно действуют политики и законодатели, да и то часто ошибаются.

И о ребенке взрослые совещаются и решают; но кто станет у наивного спрашивать его мнения, его согласия: что он может сказать?

Кроме ума и знаний в борьбе за существование и за вес в обществе помогает смекалка. Человек расторопный чует поживу и срывает куш; вопреки всем расчетам, сразу и легко зашибает деньги; поражает и вызывает зависть. Досконально приходится знать человека, и уже не алтари, а хлева жизни.

А ребенок семенит беспомощно с учебником, мячом и куклой, смутно чувствуя, что без его участия где-то над ним совершается что-то важное и большое, что решает, доля ему или недоля, карает и награждает и сокрушает.

Цветок — предвестник будущего плода, цыпленок станет курицей-несушкой, телка будет давать молоко. А до тех пор — старания, траты и забота — убережешь ли, не подведет ли?

Все растущее вызывает тревогу, долго ведь приходится ждать; может быть, и будет опорой старости, и воздаст сторицею. Но жизнь знает засухи, заморозки и град, которые побивают и губят жатву.

Мы ждем предзнаменований, хотим предугадать, оградить; тревожное ожидание того, что будет, усиливает пренебрежение к тому, что есть.

Мала рыночная стоимость несозревшего. Лишь перед законом и богом цвет яблони стоит столько же, что и плод, и зеленые всходы — сколько спелые нивы.

Мы пестуем, заслоняем от бед, кормим и обучаем. Ребенок получает все без забот; чем он был бы без нас, которым всем обязан?

Исключительно, единственно и все — мы.

Зная путь к успеху, мы указываем и советуем. Развиваем достоинства, подавляем недостатки. Направляем, поправляем, приучаем. Он — ничто, мы — все.

Мы распоряжаемся и требуем послушания.

Морально и юридически ответственные, знающие и предвидящие, мы единственные судьи поступков, душевных движений, мыслей и намерений ребенка.

Мы поручаем и проверяем выполнение по нашему хотению и разумению — наши дети, наша собственность — руки прочь!

(Правда, кое-что изменилось. Уже не только воля и исключительный авторитет семьи — еще осторожный, но уже общественный контроль. Слегка, незаметно.)

Нищий распоряжается милостыней как ему заблагорассудится, а у ребенка нет ничего своего, он должен отчитываться за каждый даром полученный в личное пользование предмет.

Нельзя порвать, сломать, запачкать, нельзя подарить, нельзя с пренебрежением отвергнуть. Ребенок должен принять и быть довольным. Все в назначенное время и в назначенном месте, благоразумно и согласно предназначению.

Может быть, поэтому он так ценит ничего не стоящие пустячки, которые вызывают у нас удивление и жалость: разный хлам — единственная по-настоящему собственность и богатство — шнурок, коробок, бусинки.

Взамен за эти блага ребенок должен уступать, заслуживать хорошим поведением — выпроси или вымани, но только не требуй! Ничто ему не причитается, мы даем добровольно. (Возникает печальная аналогия: подруга богача.)

Из-за нищеты ребенка и милости материальной зависимости отношение взрослых к детям аморально.

Мы пренебрегаем ребенком, ибо он не знает, не догадывается, не предчувствует. Не знает трудностей и сложности жизни взрослых, не знает, откуда наши подъемы и упадок сил, усталость, что нас лишает покоя и портит нам настроение: не знает зрелых поражений и банкротств. Легко отвлечь внимание наивного ребенка, обмануть, утаить от него.

Он думает, что жизнь проста и легка. Есть папа, есть мама;

отец зарабатывает, мама покупает. Ребенок не знает ни измены долгу, ни приемов борьбы взрослых за свое и не свое.

Свободный от материальных забот, от соблазнов и от сильных потрясений, он не может о них и судить. Мы его разгадываем ментально, пронзаем насквозь небрежным взглядом, без предварительного следствия раскрываем неуклюжие хитрости.

А быть может, он прячется от нас, быть может, тайне страдает?

Мы опустошаем горы, вырубает деревья, истребляем диких зверей. Все многочисленнее селения — там, где раньше были дебри и топи. — Мы насаждаем человека на новых землях.

Нами покорен мир, нам служат и зверь, и железо; порабощены цветные расы, определены в общих чертах взаимоотношения наций и задобрены массы. Далеко еще до справедливых порядков, больше на свете обид и мытарств.

Несерьезными кажутся ребячьи сомнения и протесты.

Светлый ребячий демократизм не знает иерархии. Прежде времени печалит ребенка пот батрака и голодный ровесник, злая доля Савраски и зарезанной курицы. Близки ему собака и птица, ровня — бабочка и цветок, в камушке и ракушке он видит брата. Чуждый высокомерию выскочки, ребенок не знает, что душа только у человека.

Мы пренебрегаем ребенком, ведь впереди у него много часов жизни.

Чувствуем тяжесть наших шагов, неповоротливость корыстных движений, скупость восприятий и переживаний. А ребенок бегает и прыгает, смотрит на что попало, удивляется и расспрашивает; легкомысленно лет слезы и щедро радуется.

Ценен погожий день осенью, когда солнце редкость, а весной и так зелено. Хватит и кое-как, мало ему для счастья надо, стараться не к чему. Мы поспешно и небрежно отделяемся от ребенка. Презираем многообразие его жизни и радость, которую ему легко дать.

Это у нас убегают важные минуты и годы; у него время терпит, успеет еще, подождет.

Ребенок не солдат, не обороняет родину, хотя вместе с ней и страдает.

С его мнением нет нужды считаться, не избиратель: не заявляет, не требует, не грозит.

Слабый, маленький, бедный, зависящий — ему еще только быть гражданином.

Снисходительное ли, резкое ли, грубое ли, а все — пренебрежение.

Сопляк, еще ребенок — будущий человек, не сегодняшний. По-настоящему он еще только будет.

Присматривать, ни на минуту не сводить глаз. Присматривать, не оставлять одного. Присматривать, не отходить ни на шаг.

Упадет, ударится, порежется, испачкается, прольет, подожжет, впустит в дом вора. Повредит себе, нам, покалечит себя, нас, товарища по игре.

Надзирать — никаких самостоятельных начинаний — полное право контроля и критики.

Не знает, сколько и чего ему есть, сколько и когда ему пить, не знает границ своих сил. Стало быть, стоять на страже диеты, сна, отдыха.

Как долго? С какого времени? Всегда. С возрастом недоверие к ребенку принимает иной характер, но не уменьшается, а даже возрастает.

Ребенок не различает, что важно, а что неважно. Чужд ему порядок, систематический труд. Рассеянный, он забудет, пренебрежет, упустит. Не знает, что своим будущим за все ответит.

Мы должны наставлять, направлять, приучать, подавлять, сдерживать, исправлять, предостерегать, предотвращать, прививать, преодолевать.

Преодолевать капризы, прихоти, упрямство.

Прививать осторожность, осмотрительность, обеспокоенность и страх, умение предвидеть и даже предчувствовать.

Мы, опытные, знаем, сколько вокруг опасностей, засад, ловушек, роковых случайностей и катастроф.

Знаем, что и величайшая осторожность не дает полной гарантии — и тем более мы подозрительны: чтобы иметь чистую совесть, и случись беда, так хотя бы не в чем было себя упрекнуть.

Мил ему азарт шалостей, удивительно, как он льнет именно к дурному. Охотно слушает дурные нашептывания, следует самым плохим примерам.

Портится легко, а исправить трудно.

Мы ему желаем добра, хотим облегчить; весь свой опыт отдаем без остатка: протяни только руку — готовое! Знаем, что вредно детям, помним, что повредило нам самим, пусть хоть он избежит этого, не узнает, не испытает.

«Помни, знай, пойми».

«Сам убедишься, сам увидишь».

Не слушает! Словно нарочно, словно назло.

Приходится следить, чтобы послушался, приходится следить, чтобы выполнил. Сам он явно стремится ко всему дурному, выбирает худший, опасный путь.

Как же терпеть бессмысленные проказы, нелепые выходки, необъяснимые вспышки?

Подозрительно выглядит первичное существо. Кажется покорным и невинным, а по существу хитро и коварно.

Умеет ускользнуть от контроля, усыпить бдительность, обма-

нуть. Всегда у него готова отговорка, увертка, утаит, а то и вовсе солжет.

Ненадежный, вызывает разного рода сомнения.

Презрение и недоверие, подозрения и желание обвинить.

Печальная аналогия: дебошир, человек пьяный, взбунтовавшийся, сумасшедший. Как же — вместе, под одной крышей?

НЕПРИЯЗНЬ

Это ничего. Мы любим детей. Несмотря ни на что, они наша улада, бодрость, надежда, радость, отдых, светоч жизни. Не спугиваем, не обременяем, не терзаем; дети свободны и счастливы...

Но отчего они как бы бремя, помеха, неудобный привесок? Откуда неприязнь к любимому ребенку?

Прежде чем он мог приветствовать этот негостеприимный мир, в жизнь семьи уже вкралась растерянность и ограничения. Канули безвозвратно краткие месяцы долгожданной законной радости.

Длительный период неповоротливого недомогания завершают болезнь и боли, беспокойные ночи и дополнительные расходы. Утрачен покой, исчез порядок, нарушено равновесие бюджета.

Вместе с кислым запахом пеленок и пронзительным криком новорожденного забряцала цепь супружеской неволи.

Тяжело, когда нельзя договориться и надо додумывать и догадываться.

Но мы ждем, быть может, даже и терпеливо.

А когда наконец он начнет ходить и говорить, — путается под ногами, все хватается, лезет во все щели, основательно-таки мешает и вносит непорядок — маленький неряха и деспот.

Причиняет ущерб, противопоставляет себя нашей разумной воле. Требует и понимает лишь то, что его душеньке угодно.

Не следует пренебрегать мелочами: обида на детей складывается и из раннего вставания, и смятой газеты, пятен на платьях и обоях, обмоченного ковра, разбитых очков и сувенирной вазочки, пролитого молока и духов и гонорара врачу.

Спит не тогда, когда нам желательно, ест не так, как нам хочется; мы-то думали — засмеется, а он испугался и плачет. А хрупок как! Любой недосмотр грозит болезнью, суля новые трудности.

Если один из родителей прощает, другой — в пику тому — не спускает и придирается; кроме матери имеют свое мнение о ребенке отец, няня, прислуга и соседка; и наперекор матери или тайком наказывают ребенка.

Маленький интриган бывает причиной трений и неладов между взрослыми; всегда кто-нибудь недоволен и обижен. За поблаж-

ку одного ребенок отвечает перед другим. Часто за мнимой добротой скрывается простая небрежность, ребенок делается ответчиком за чужие вины.

(Девочки и мальчики постарше не любят, когда их называют: дети. Общее с самыми маленькими название заставляет отвечать за давнее прошлое, разделять дурную репутацию малышей, выслушивать многочисленные попреки, к ним уже не относящиеся.)

Как редко ребенок бывает таким, как нам хочется, как часто рост его сопровождается чувством разочарования!

— Кажется, ведь уже должен бы...

Взамен того, что мы даем ему добровольно, он обязан стараться и вознаграждать, обязан понимать, соглашаться и уметь отказываться; и прежде всего — испытывать благодарность. И обязанности, и требования с годами растут, а выполняются чаще всего меньше и иначе, чем мы хотели бы.

Часть идущего на воспитание времени, прав, пожеланий мы передаем школе. Удваивается бдительность, повышается ответственность, возникают столкновения противоречивых полномочий. Обнаруживаются недостатки.

Родители благосклонно простят ребенка: потворство их вытекает из ясного сознания вины, что дали ему жизнь, нанесли вред, искали чужим. Порой мать ищет во мнимой болезни ребенка оружие против чужих обвинений и собственных сомнений.

Вообще голос матери не вызывает доверия. Он пристрастен, некомпетентен. Обратимся лучше к мнению опытных воспитателей-специалистов: заслуживает ли ребенок нашего расположения?

Воспитатель в частном доме редко находит благоприятные условия для работы с детьми.

Скованный недоверчивым контролем, он вынужден лавировать между чужими указаниями и своими убеждениями, извне идущим требованием и своим покоем и удобством. Отвечая за вверенного ему ребенка, он терпит последствия сомнительных решений законных опекунов и работодателей.

Вынужденный утаивать и обходить трудности, воспитатель легко может деморализоваться, привыкнуть к двуличию, — озлобиться и облениться.

С годами расстояние между тем, что хочет взрослый и к чему стремится ребенок, увеличивается: растет знание нечистых способов порабощения.

Появляются жалобы на неблагодарную работу: если Бог хочет кого покарать, то делает его воспитателем.

Дети, живые, шумные, интересующиеся жизнью и ее загадками, нас утомляют; их вопросы и удивление, открытия и попытки — часто с неудачным результатом — терзают.

Реже мы — советчики, утешители, чаще — суровые судьи. Немедленный приговор и кара дают один результат:

проявления скуки и бунта будут реже, зато сильнее и упорнее. Стало быть, усилить надзор, преодолеть сопротивление, застраховать себя от неожиданностей.

Так катится воспитатель по наклонной плоскости:

пренебрегает, не доверяет, подозревает, следит, ловит, журит, обвиняет и наказывает, ищет приемлемых способов, чтобы не допустить повторения;

все чаще запрещает и беспощаднее принуждает, не хочет видеть старания ребенка по-лучше написать страницу или заполнить час жизни; сухо констатирует: плохо.

Редка лазурь прощений, часты багрянцы гнева и возмущения.

Насколько большего понимания требует воспитание группы детей, насколько легче впасть здесь в ошибку обвинений и обид!

Один маленький, слабенький и то утомляет, единичные проступки и то сердят; а как надоедлива, навязчива и неисповедима в своих реакциях толпа!

Поймите же наконец: не дети, а толпа. Масса, банда, свора — не дети.

Ты сжился с мыслью, что ты сильный, и вдруг чувствуешь себя маленьким и слабым. Толпа, этот великан с большим общим весом и суммой громадного опыта, то сплачивается в солидарном отпоре, то распадается на десятки пар ног и рук — голов, каждая из которых таит иные мысли и сокровенные желания.

Как трудно бывает новому воспитателю в классе или в интернате, где дети, содержащиеся в строгом повиновении, — обнаглевшие и опустошенные — организовались на основах бандитского насилия! Как сильны они и грозны, когда общими усилиями ударят в твою волю, желая прорвать плотину, — не дети, стихия!

Сколько их, скрытых революций, о которых воспитатель умалчивает; ему стыдно признаться, что он слабее ребенка.

Раз проученный, воспитатель ухватится за любое средство, чтобы подавить, покорить. Никаких фамильярностей, невинных шуток; никаких бурчаний в ответ, передергиваний плечами, жестов досады, упрямого молчания, гневных взглядов! Вырвать с корнем, мстительно выжечь пренебрежение и злобную строптивость! Вожаков он подкупит особыми правами, подберет себе приспешников, не позаботится о справедливости наказаний, были бы суровы, — в назидание, чтобы вовремя погасить первую искру бунта, чтобы толпа-богатырь даже мысленно не отваживалась разгуляться или ставить требования.

Слабость ребенка может пробуждать нежность, сила ребячьей массы возмущает и оскорбляет.

Существует ложное обвинение, что от дружеского обращения ребята наглеют, и ответом на доброту будут недисциплинированность и беспорядки.

Но не станем называть добротой беспечность, неумение и беспомощную глупость. Кроме продувных хапуг и мизантропов, среди воспитателей встречаются люди никчемные, не удержавшиеся ни на одной работе, не способные ни к какому ответственному посту.

Бывает, учитель заигрывает с детьми, хочет быстро, дешево, без труда вкратце в доверие. Хочет порезвиться, если в хорошем настроении, а не кропотливо организовывать жизнь коллектива. Подчас эти барские побрякушки перемежаются с приступами дурного настроения. Такой учитель делает себя посмешищем в глазах детей.

Бывает, честолюбцу кажется, что легко переделать человека, убеждая и ласково наставляя: стоит лишь растрогать и выманить обещание исправиться. Такой учитель раздражает и надоедает.

Бывает, напоказ — друзья, на словах — союзники, на деле — коварнейшие враги и обидчики. Такие учителя вызывают отвращение.

Ответом на третирование будет пренебрежение, на дружелюбие — неприязнь, бунт, на недоверие — конспирация.

Годы работы все очевиднее подтверждали, что дети заслуживают уважения, доверия и дружеского отношения, что нам приятно быть с ними в этой ясной атмосфере ласковых ощущений, веселого смеха, первых бодрых усилий и удивлений, чистых, светлых и милых радостей, что работа эта живая, плодотворная и красивая.

Одно лишь вызывало сомнение и беспокойство.

Отчего подчас самый надеждый — и подведет? Отчего — правда, редко, но бывают — внезапные взрывы массовой недисциплинированности всей группы? Может, и взрослые не лучше, только более солидные, надежные, спокойней можно на них положиться?

Я упорно искал и постепенно находил ответ.

1. Если воспитатель ищет в детях черты характера и достоинства, которые кажутся ему особо ценными, если хочет сделать всех на один лад, увлечь всех в одном направлении, его введут в заблуждение: одни подделаются под его требования, другие искренне поддадутся внушению — до поры до времени. А когда выявится действительный облик ребенка, не только воспитатель, но и ребенок болезненно ощутит свое поражение. Чем больше старание замаскироваться или повлиять — тем более бурная реакция; ребенку, раскрытому в самых своих доподлинных тенденциях, уже нечего терять. Какая важная отсюда вытекает мораль!

2. Одна мера оценки у воспитателя, другая у ребят: и он, и они видят душевное богатство; он ждет, чтобы это душевное богатство развилось а они ждут, какой им будет прок от этих бо-

гатств уже теперь: поделится ли ребенок, чем владеет, или сочтет себя вправе не дать — гордый, завистливый эгоист, скряга! Не расскажет сказки, не сыграет, не нарисует, не поможет и не услужит — «будто одолжение делает», «упрашивать надо». Попав в изоляцию, ребенок широким жестом хочет купить благосклонность у своего ребячьего общества, которое радостно встречает перемену. Не вдруг испортился, а, наоборот, понял и исправился.

3. Все подвели, всем скопом обидели.

Я нашел объяснение в книжке о дрессировке зверей — и не скрываю источника. Лев не тогда опасен, когда сердится, а когда разыграется, хочет пошалить; а толпа сильна, как лев...

Решение надо искать не столько в психологии, сколько — и это чаще — в медицине, социологии, этнологии, истории, поэзии, криминалистике, в молитвеннике и в учебнике по дрессировке. *Arg longa**.

4. Настал черед самого солнечного (о, хоть бы не последнего!) обьяснения. Ребенка может опьянить кислород воздуха, как взрослого водка. Возбуждение, торможение центров контроля, азарт, затмение; как реакция — смущение, неприятный осадок — изжога, сознание вины. Наблюдение мое клинически точно. И у самых почтенных граждан может быть слабая голова.

Не порицать: это ясное опьянение детей вызывает чувство расстроганности и уважения, не отделяет и разделяет, а сближает и делает союзниками.

Мы скрываем свои недостатки и заслуживающие наказания поступки. Критиковать и замечать наши забавные особенности, дурные привычки, смешные стороны детям не разрешается. Мы строим из себя совершенства. Под угрозой высочайшей обиды оберегаем тайны господствующего класса, касты избранных — приобщенных к высшим таинствам. Обнажать бесстыдно и ставить к позорному столбу можно лишь ребенка.

Мы играем с детьми краплеными картами; слабости детского возраста бьем тузами достоинств взрослых. Шулеры, мы так подтасовываем карты, чтобы самому плохому в детях противопоставить то, что в нас хорошо и ценно.

Где наши лежебоки и легкомысленные лакомки-гурманы, дураки, лентяи, лодыри, авантюристы, люди недобросовестные, плуты, пьяницы и воры? Где наши насилия и явные и тайные преступления? Сколько дрызг, хитростей, зависти, наговоров, шантажей, слов, что калечат, дел, что позорят! Сколько тихих семейных трагедий, от которых страдают дети, первые мученики — жертвы!

И смеем мы обвинять и считать их виновными?!

А ведь взрослое общество тщательно просеяно и процежено. Сколько человеческих подонков и отбросов унесено водосточными канавами, вобрано могилами, тюрьмами и сумасшедшими домами!

Мы велим уважать старших, опытных, не рассуждая; а у ре-

бят есть и более близкое им начальство — подростки, с их навязчивым подговариванием и давлением.

Преступные и неуравновешенные ребята бродят без призора и пихаются, расталкивают и обижают, заражают. И все дети несут за них солидарную ответственность (ведь и нам, взрослым, подчас от них чуть-чуть достаётся). Эти немногочисленные возмущают общественное мнение, выделяясь яркими пятнами на поверхности детской жизни; это они диктуют рутине ее методы: держать детей в повиновении, хотя это и угнетает, в ежовых рукавицах, хотя это и ранит, обращаться сурово, что значит грубо.

Мы не позволяем детям организоваться; пренебрегая, не доверяя, недолюбливая, не заботимся о них; без участия знатоков нам не справиться; а знатоки — это сами дети.

Неужели мы столь не критичны, что ласки, которыми мы преследуем детей, выражают у нас расположение? Неужели мы не понимаем, что, лаская ребенка, это мы принимаем его ласку, беспомощно прячемся в его объятия, ищем защиты и прибежища в часы бездомной боли, бесхозной покинутости — слагаем на него тяжесть страданий и печалей?

Всякая иная ласка — не бегства к ребенку и не мольбы о надежде — это преступные поиски и пробуждение в нем чувственных ощущений.

«Обнимаю, потому что мне грустно. Поцелуй, тогда дам».

Эгоизм, а не расположение.

ПРАВО НА УВАЖЕНИЕ

Есть как бы две жизни: одна важная и почтенная, а другая — снисходительно нами допускаемая, менее ценная. Мы говорим: будущий человек, будущий работник, будущий гражданин. Что они еще только будут, что потом начнут по-настоящему, что всерьез это лишь в будущем. А пока милостиво позволяем им путаться под ногами, но удобнее нам без них.

Нет! Дети были, и дети будут. Дети не захватили нас врасплох и ненадолго. Дети — не мимоходом встреченный знакомый, которого можно наспех обойти, отделавшись улыбкой и поклоном.

Дети составляют большой процент человечества, населения, нации, жителей, сограждан — они наши верные друзья. Есть, были и будут.

Существует ли жизнь в шутку? Нет, детский возраст — долгие, важные годы в жизни человека.

Жестокие законы Древней Греции и Рима позволяют убить ребенка. В средние века рыбаки вылавливают из рек неводом тела утопленных младенцев. В XVII веке в Париже детей постарше продают нищим, а малышей у собора Парижской богородицы раздают даром. Это еще очень недавно! И по сей день ребенка бросают, когда он помеха.

Растет число внебрачных, подкинутых, беспризорных, эксплуатируемых, развращаемых, истязуемых детей. Закон защищает их, но в достаточной ли мере? Многое изменилось на свете; старые законы требуют пересмотра.

Мы разбогатели. Мы пользуемся уже плодами не только своего труда. Мы наследники, акционеры, совладельцы громадного состояния. Сколько у нас городов, зданий, фабрик, копей, гостиниц, театров! Сколько на рынках товаров, сколько кораблей их перевозит. Налетают потребители и просят продать.

Подведем баланс, сколько из общей суммы причитается ребенку, сколько падает на его долю не из милости, не как подавание. Проверим на совесть, сколько мы выделяем в пользовании ребячьему народу, малорослой нации, закрепощенному классу. Чему равно наследство и каким обязан быть дележ; не лишили ли мы, нечестные опекуны, детей их законной доли — не экспроприровали ли?

Тесно детям, душно, скучно, бедная у них, суровая жизнь.

Мы ввели всеобщее обучение, принудительную умственную работу; существует запись и школьная рекрутчина. Мы взвалили на ребенка труд согласования противоположных интересов двух параллельных авторитетов.

Школа требует, а родители дают неохотно. Конфликты между семьей и школой ложатся всей тяжестью на ребенка. Родители солидаризируются с не всегда справедливыми обвинениями ребенка школой, чтобы избавить себя от навязываемой ею над ним опеки.

Солдатская учеба тоже лишь подготовка ко дню, когда призывают солдата к подвигу; но ведь государство солдата обеспечивает всем. Государство дает ему крышу над головой и пищу; мундир, карабин и денежное довольствие являются правом его, не милостыней.

А ребенок, подлежа обязательному всеобщему обучению, должен просить подавания у родителей или общины.

Женевские законодатели спутали обязанности и права; тон декларации* не требование, а увещание: воззвание к доброй воле, просьба о благосклонности.

Школа создает ритм часов, дней и лет. Школьные работники должны удовлетворять сегодняшние нужды юных граждан. Ребенок — существо разумное, он хорошо знает потребности, трудности и помехи своей жизни. Не деспотичные распоряжения, не навязанная дисциплина, не недоверчивый контроль, а тактичная договоренность, вера в опыт, сотрудничество и совместная жизнь!

Ребенок не глуп; дураков среди них не больше, чем среди взрослых. Облаченные в пурпурную мантию лет, как часто мы навязываем бессмысленные, некритичные, невыполнимые предписания! В изумлении останавливается подчас разумный ребенок

перед агрессивной язвительной седовласой глупости.

У ребенка есть будущее, но есть и прошлое: памятные события, воспоминания и много часов самых доподлинных одиноких размышлений. Так же как и мы — не иначе, — он помнит и забывает, ценит и недооценивает, логично рассуждает и ошибается, если не знает. Осмотрительно верит и сомневается.

Ребенок — иностранец, он не понимает языка, не знает направления улиц, не знает законов и обычаев. Порой предпочитает осмотреться сам; трудно — попросит указания и совета. Необходим гид, который вежливо ответит на вопросы.

Уважайте его незнание!

Человек злой, аферист, негодяй воспользуется незнанием иностранца и ответит невразумительно, умышленно вводя в заблуждение. Грубиян буркнет себе под нос. Нет, мы не доброжелательно осведомляем, а грыземся и лаем с детьми — отчитываем, выговариваем, наказываем.

Как плачевно убоги были бы знания ребенка, не приобрети он их от ровесников, не подслушай, не выкради из слов и разговоров взрослых.

Уважайте труд познания!

Уважайте неудачи и слезы!

Не только порванный чулок, но и поцарапанное колено, не только разбитый стакан, но и порезанный палец, синяк, шишку — а значит, боль.

Клякса в тетрадке — это несчастный случай, неприятность, неудача.

«Когда папа прольет чай, мамочка говорит: «Ничего», а мне всегда попадает».

Непривычные к боли, обиде, несправедливости, дети глубоко страдают и потому чаще плачут, но даже слезы ребенка вызывают шуточные замечания, кажутся менее важными, сердят.

«Ишь, распищался, ревет, скулит, нюни распустил».

(Букет слов из словаря взрослых, изобретенный для детского пользования.)

Слезы упрямства и каприза — это слезы бессилия и бунта, отчаянная попытка протеста, призыв на помощь, жалоба на халатность опеки, свидетельство того, что детей неразумно стесняют и принуждают, проявление плохого самочувствия и всегда — страдание.

Уважайте собственность ребенка и его бюджет. Ребенок делит со взрослыми материальные заботы семьи, болезненно чувствует нехватки, сравнивает свою бедность с обеспеченностью соученика, беспокоится из-за несчастных грошей, на которые разоряет семью. Он не желает быть обузой.

А что делать, когда нужно и шапку, и книжку, и на кино; тетрадку, если она исписалась, и карандаш, если его взяли или потерялся; а ведь хотелось бы и дать что-либо на память близкому другу, и купить пирожное, и одолжить соученику. Столько существ-

венных нужд, желаний и искушений — и нет!

Не вопиет ли факт, что в судах для малолетних преобладают именно дела о кражах? Недооценка бюджета ребенка мстит за себя — и наказания не помогут. Собственность ребенка — это не хлам, а нищенски убогие материал и орудие труда, надежды и воспоминания.

Не мнимые, а подлинные сегодняшние заботы и беспокойства, горечь и разочарования юных лет.

Ребенок растет. Интенсивнее жизнь, чаще дыхание, живее пульс, ребенок строит себя — его все больше и больше; глубже вырастает в жизнь. Растет днем и ночью, и когда спит и когда бодрствует, и когда весел и когда печален, когда шалит и когда стоит перед тобой и кается.

Бывают весны удвоенного труда развития и затишья осени. Вот разрастается костяк, и сердце не поспевает; то недостаток, то избыток; иной химизм угасающих и развивающихся желез, иные неожиданности и беспокойство.

То ему надо бегать — так, как дышать, — бороться, поднимать тяжести, добывать; то затаиться, грезить, предаться грустным воспоминаниям. Попеременно то закалка, то жажда покоя, тепла и удобства. То сильное стремление действовать, то апатия.

Усталость, недомогание (боль, простуда), жарко, холодно, сонливость, голод, жажда, недостаток чего-либо или избыток, плохое самочувствие — все это не каприз и не школьная отговорка.

Уважайте тайны и отклонения тяжелой работы роста!

Уважайте текущий час и сегодняшний день! Как ребенок сумеет жить завтра, если мы не даем ему жить сегодня сознательной ответственной жизнью?

Не топтать, не помыкать, не отдавать в рабство завтрашнему дню, не остужать, не спешить и не гнать.

Уважайте каждую отдельную минуту, ибо умрет она и никогда не повторится, и это всегда всерьез; раненая — станет кровоточить, убитая — тревожить призраком дурных воспоминаний.

Позволим детям упиваться радостью утра и верить. Именно так хочет ребенок. Ему не жаль времени на сказку, на беседу с собакой, на игру в мяч, на подробное рассматривание картинки, на перерисовку буквы, и все это любовно. Он прав.

Мы наивно боимся смерти, не сознавая, что жизнь — это хоро- вод умирающих и вновь рождающихся мгновений. Год — это лишь попытка понять вечность по-будничному. Мир длится столько, сколько улыбка или вздох. Мать хочет воспитать ребенка. Не дож- дется! Снова и снова иная женщина иного встречает и провожает человека.

Мы неумело делим годы на более зрелые и менее зрелые; а ведь нет незрелого сегодня, нет никакой возрастной иерархии, никаких низших и высших рангов боли и радости, надежды и разочарований.

Играю ли я или говорю с ребенком — переплелись две одинаково зрелые минуты моей и его жизни; и в толпе детей я всегда на миг встречаю и провожаю взглядом и улыбкой какого-нибудь ребенка. Сержусь ли, мы опять вместе — только моя злая мстительная минута насилует его важную и зрелую минуту жизни.

Отречься во имя завтра? А чем оно так заманчиво? Мы всегда расписываем его слишком яркими красками. Сбывается предсказание: валится крыша, ибо не уделено должного внимания фундаменту здания.

ПРАВО РЕБЕНКА БЫТЬ ТЕМ, ЧТО ОН ЕСТЬ

— Что из него будет, кем вырастет? — спрашиваем мы себя с беспокойством.

Хотим, чтобы дети были лучше нас. Грезится нам совершенный человек будущего.

Надо бдительно ловить себя на лжи, клеймя одетый в красивые слова эгоизм. Будто самоотречение, а по существу — грубое мошенничество.

Мы объяснились с собой и примирились, простили себя и освободили от обязанности исправляться. Плохо нас воспитали. Но поздно! Пороки и недостатки уже укоренились. Не позволяем критиковать нас детям и не контролируем себя сами.

Отпустили себе грехи и отказались от борьбы с собой, взвалив эту тяжесть на детей.

Воспитатель поспешно осваивает особые права взрослых: смотреть не за собой, а за детьми, регистрировать не свои, а детские вины.

А вина ребенка — это все, что метит в наш покой, в самолюбие и удобство, восстанавливает против себя и сердит, бьет по привычкам, поглощает время и мысли. Мы не признаем упущений без злой воли.

Ребенок не знает, не расслышал, не понял, прослушал, ошибся, не сумел, не может — все это его вина. Невезение или плохое самочувствие, каждая трудность — это вина и злая воля.

Недостаточно быстро или слишком быстро и потому недостаточно исправно выполненная работа — вина: небрежность, лень, рассеянность, нежелание работать.

Невыполнение оскорбительного и невыполнимого требования — вина. И наше поспешное злое подозрение — тоже его вина. Вина ребенка — наши страхи и подозрения и даже его старание исправиться.

«Вот видишь, когда ты хочешь, ты можешь».

Мы всегда найдем, в чем упрекнуть, и алчно требуем все больше и больше.

Уступаем ли мы тактично, избегаем ли ненужных трений, облегчаем ли совместную жизнь? Не мы ли сами упрямы, привередливы, задиристы и капризны?

Ребенок привлекает наше внимание, когда мешает и вносит смуту; мы замечаем и помним только эти моменты. И не видим, когда он спокоен, серьезен, сосредоточен. Недооцениваем безгрешные минуты беседы с собой, миром, Богом. Ребенок вынужден скрывать свою тоску и внутренние порывы от насмешек и резких замечаний; утаивает желание объясниться, не выскажет и решения исправиться.

Не бросит пронизательного взгляда, затаит в себе удивление, тревогу, скорбь, гнев, бунт. Мы хотим, чтобы он подпрыгивал и хлопал в ладоши — он и показывает ухмыляющееся лицо шута.

Громко говорят о себе плохие поступки и плохие дети, заглушая шепот добра, но добра в тысячу раз больше, чем зла. Добро сильно и несокрушимо. Неправда, что легче испортить, чем исправить.

Мы тренируем свое внимание и изобретательность в высматривании зла, в расследовании, в вынюхивании, в выслеживании, в преследовании, в ловле с поличным, в дурных предвидениях и в оскорбительных подозрениях.

(Разве мы приглядываем за стариками, чтобы не играли в футбол? Какая мерзость — упорное выслеживание у детей она-низма.)

Один из мальчиков хлопнул дверью, одна постель плохо постлана, одно пальто запропало, одна клякса в тетрадке. Если мы и не отчитываем, то уж, во всяком случае, ворчим, вместо того чтобы радоваться, что лишь один, одна, одно.

Мы слышим жалобы и споры, но насколько больше прощений, уступок, помощи, заботы, услуг, уроков, глубоких и красивых влияний! Даже задиры и злюки не только заставляют лить слезы, но и расцветать улыбки.

Ленивые, мы хотим, чтобы никто и никогда, чтобы из десяти тысяч секунд школьного дня (сосчитай) не было ни одной трудной.

Почему ребенок для одного воспитателя плох, а для другого хорош? Мы требуем стандарта добродетелей и поведения и, сверх того, по нашему усмотрению и образцу.

Найдешь ли в истории пример подобной тирании? Поколение Неронов расплодилось.

Кроме здоровья, бывают и недомогания, кроме достоинств и положительных качеств — недостатки и пороки.

Кроме небольшого числа детей, растущих в обстановке веселья и празднеств, для кого жизнь — сказка и величавая легенда, доверчивых и добродушных, существует основная масса детей, кому с юных лет мир жестко и без прикрас гласит суровые истины.

Испорченные презрительным помыканием некультурности и бедности или чувственно ласковым пренебрежением пресыщенности и лоска...

Испачканные, недоверчивые, восстановленные против людей, не плохие.

Для ребенка пример не только дом, но и коридор, двор, улица.

Ребенок говорит языком окружающих — высказывает их взгляды, повторяет их жесты, подражает их поступкам. Мы не знаем чистого ребенка — каждый в той или иной степени загрязнен.

О, как он быстро высвобождается и очищается! От этого не лечат, это смывают; ребенок рад, что нашел себя, и охотно помогает. Стосковался по бане и улыбается тебе и себе.

Такие наивные триумфы из повести о сиротках одерживает каждый воспитатель; случаи эти сбивают с толку не критически мыслящих моралистов, что, мол, легко. Халтурщик рад-радешенек, честолюбивый приписывает заслугу себе, а деспота сердит, что так выходит не всегда; одни хотят всюду добиться подобных результатов, увеличивая дозу убеждения, другие — нажима.

Кроме детей лишь загрязненных встречаются и с ушибами и ранами; колотые раны не оставляют шрамов и сами затягиваются под чистой повязкой; чтобы зажили рваные раны, приходится дольше ждать, остаются болезненные рубцы; их нельзя задевать. Коросты и язвы требуют большего старания и терпения.

Говорят: тело заживает; хотелось бы добавить: и душа.

Сколько мелких ссадин и инфекций в школе и интернате, сколько соблазнов и неотвязных нашествияваний; а как мимолетно и невинно их действие! Не будем опасаться грозных эпидемий там, где атмосфера интерната здоровая, где много кислорода и света.

Как мудр, постепенен и чудесен процесс выздоровления! Сколько в крови, соках, тканях важных тайн! Как каждая нарушенная функция и затронутый орган стараются восстановить равновесие и справиться со своим заданием! Сколько чудес в росте растения и человека — в сердце, в мозгу, в дыхании! Самое маленькое волнение или напряжение — и уже сильнее трепыхается сердце, уже чаще пульс.

Так же силен и стоек дух ребенка. Существует моральная устойчивость и чуткая совесть. Неправда, что дети легко заражаются.

И верно, поздно, к сожалению, попала педология в школьные программы. Нельзя проникнуть уважением к таинству исправления, не поняв гармонии тела.

Халтурный диагноз валит в одну кучу детей подвижных, самолюбивых, с критическим направлением ума, всех «неудобных», но здоровых и чистых — вместе с обиженными, надутыми, недоверчивыми — загрязненными, искушенными, легкомысленными, послушно следующими дурным примерам. Незрелый, небрежный, поверхностный взгляд смешивает, путает их с редко встречающимися преступными, отягощенными дурными задатками детьми.

(Мы, взрослые, не только сумели обезвредить сынков судьбы, но и умело пользуемся трудом отверженных.)

Вынужденные жить вместе с ними, здоровые дети вдвойне страдают: их обижают и втягивают в преступления.

Ну, а мы? Не обвиняем ли легкомысленно всех ребят огулом, не навязываем ли солидарную ответственность?

«Вот они какие, вот на что они способны».

Наитягчайшая, пожалуй, несправедливость.

Потомство пьянства, насилия и иступления. Проступки — это не внешнего, а внутреннего наказания. Черные минуты, когда ребенок понял, что он иной, что ничего не поделаешь, он — калека и его предадут анафеме и затравят. Первое решение — бороться с силой, которая диктует ему дурные поступки. Что другим далось даром, так легко, что в других пустяк и повседневность — погожие дни душевного равновесия, — он получает в награду за кровавый поединок с самим собой. Он ищет помощи и, если доверится — льнет к тебе, просит, требует: «Спасите!» Проведал о тайне и жаждет исправиться раз и навсегда, сразу, одним усилием.

Вместо того чтобы благоразумно сдерживать легкомысленный порыв, отдалять решение исправиться, мы неуклюже поощряем и ускоряем. Ребенок хочет высвободиться, а мы стараемся уловить в сети; он хочет вырваться, а мы готовим коварные силки. Дети жаждут явно и прямо, а мы учим только скрывать. Дети дарят нам день, целый, долгий и без изъяна, а мы отвергаем его за одно дурное мгновение. Стоит ли это делать?

Ребенок мочился под себя ежедневно, теперь реже, было лучше, опять ухудшение — не беда! Дольше перерывы между приступами у эпилептика. Реже кашляет, спала температура у больного туберкулезом. Еще и не лучше, но нет ухудшения. И это врач ставит в плюс лечению. Здесь ничего не выманишь и не заставишь.

Отчаявшиеся, полные бунта и презрения к покорному, льстивому братству добродетели, стоят ребята перед воспитателем, сохранив, быть может, единственную и последнюю святыню — нелюбовь к лицемерию. И эту святыню мы хотим повалить и исполосовать! Мы совершаем кровавое преступление, обрушивая на ребят голод и пытки, и зверски подавляем не сам бунт, а его неприкрытость, легкомысленно раскаляя добела ненависть к коварству и ханжеству.

Дети не отказываются от плана мести, а откладывают, поджидая удобного случая. И если они верят в добро — затаят в глубине души эту тоску по добру.

— Зачем вы родили меня? Кто просил у вас эту собачью жизнь?

Переходу к раскрытию сокровеннейших тайн, к труднейшему разъяснению. Для нарушений и упущений достаточно терпеливой и дружеской снисходительности; преступным детям необходима любовь. Их гневный бунт справедлив. Надо понять сердцем их обиду на гладкую добродетель и заключить союз с одиноким заклеянным проступком. Когда же, как не сейчас, одарить его цветком улыбки?

В исправительных домах — еще инквизиция, пытки средневековых наказаний, солидарная жесточенность и мстительность узаконенных гонений. Разве вы не видите, что самым хорошим ребятам жаль этих самых плохих: чем они виноваты?

Недавно смиренный врач послушно подавал больным сладкие сиропы и горькие микстуры; связывал горячечных больных, пускал кровь и морил голодом в мрачных преддвериях кладбища. Безучастный к бедноте, угождал имущим.

Но вот он стал требовать — и получил.

Врач* завоевал детям пространство и солнце, как, к нашему стыду, генерал* дал ребенку движение, веселое приключение, радость товарищеской услуги, наказ честно жить в беседах у лагерного костра под усеянным звездами небом.

А какова роль наших воспитателей? Каков их участок работы?

Страж стен и мебели, тишины во дворе, чистоты ушей и пола; пастух, который следит, чтобы скот не лез в потраву, не мешал работе и веселому отдыху взрослых; хранитель рваных штанов и башмаков и скупой раздатчик каши. Страж льгот взрослых и ленивый исполнитель их дилетантских капризов.

Ларек со страхами и предостережениями, лоток с моральным бараклом, продажа на вынос денатурированного знания, которое лишает смелости, запутывает и усыпляет, вместо того чтобы пробуждать, оживлять и радовать. Агенты дешевой добродетели, мы должны навязывать детям почитание и покорность и помогать взрослым расчувствоваться и приятно поволноваться. За жалкие гроши созидать солидное будущее, обманывать и утаивать, что дети — это масса, воля, сила и право.

Врач вырвал ребенка из пасти у смерти, задача воспитателей дать ему жить, завоевать для него право быть ребенком.

Исследователи решили, что человек зрелый руководствуется серьезными побуждениями, ребенок — импульсивен; взрослый — логичен, ребенок во власти прихоти воображения; у взрослого есть характер и определенный моральный облик, ребенок запутался в хаосе инстинктов и желаний. Ребенка изучают не как отличающуюся, а как низшую, более слабую и бедную психическую организацию. Будто все взрослые — ученые-профессора.

А взрослый — это сплошной винегрет, захоластье взглядов и убеждений, психология стада, суеверие и привычки, легкомысленные поступки отцов и матерей, взрослая жизнь сплошь, от начала и до конца, безответственна! Беспечность, лень, тупое упрямство, недомыслие, нелепости, безумство и пьяные выходки взрослых...

...И детская серьезность, рассудительность и уравновешенность, солидные обязательства, опыт в своей области, капитал верных суждений и оценок, полная такта умеренность требований, тонкость чувств, безошибочное чувство справедливости.

Каждый ли из нас обыгрывает ребенка в шахматы?

Давайте требовать уважения к ясным глазам, гладкой коже, оному усилию и доверчивости. Чем же почтеннее угасший взор, покрытый морщинами лоб, жесткие седины и согбенная покорность судьбе?

Восход и закат солнца. Утренняя и вечерняя молитва. И вдох, и выдох, и сокращение, и расслабление сердца.

Солдат все солдат — и когда идет в бой, и когда возвращается, покрытый пылью.

Растет новое поколение, вздымается новая волна. Идут и с недостатками и с достоинствами; дайте условия, чтобы дети вырастали более хорошими! Нам не выиграть тяжбы с гробом нездоровой наследственности, ведь не скажем мы василькам, чтобы стали хлебами.

Мы не волшебники — и не хотим быть шарлатанами. Отрекаемся от лицемерной тоски по совершенным детям.

Требуем: устраним голод, холод, сырость, духоту, тесноту, перенаселение!

Это вы плодите больных и калек, вы создаете условия для бунта и инфекции: ваше легкомыслие и отсутствие согласия.

Внимание: современную жизнь формирует грубый хищник, homo гарах: это он диктует методы действий. Ложь — его уступки слабым, фальшь — почет старцу, равноправие женщины и любовь к ребенку. Скитается по белу свету бездомная Золушка — чувство. А ведь именно дети — князя чувств, поэты и мыслители.

Уважайте, если не почитайте, чистое, ясное, непорочное, святое детство!

ПРАВИЛА ЖИЗНИ

*Педагогика
для детей и для взрослых*

ВСТУПЛЕНИЕ

Я боялся, что на меня станут сердиться.

Скажут: «Голову ребятишкам морочит».

Или: «Подростут, будет еще у них время обо всем этом подумать».

Или: «И так не очень-то слушаются, ну а теперь пойдут критиковать взрослых...»

«...Покажется им, что все знают, и заважничают».

Давно, очень давно я хотел написать такую книжку, да все откладывал.

Ведь это — первый опыт.

Опыт может и не удался.

А если даже и удастся, промахи неизбежны. У того, кто делает что-либо новое, должны быть ошибки.

Я буду начеку. Постараюсь, чтобы книжка вышла занимательная, хотя это и не описание путешествия, и не историческая повесть, и не рассказ о природе.

Я долго думал и все не знал, как назвать книжку.

Пока один мальчик не сказал:

— Много у нас, у ребят, огорчений оттого, что мы не знаем, как правильно жить. Иногда взрослые объяснят спокойно, а больше сердятся. А ведь неприятно, когда сердятся. Понять трудно, а спросить нельзя. И в голову лезут разные поперечные мысли.

Так и сказал: «поперечные мысли».

Я взял лист бумаги и написал:

«Правила жизни».

Вижу: правду мальчик сказал — хорошо получилось.

И я составил план.

Я напишу о доме, о родителях, о братьях и сестрах, о домашних развлечениях и огорчениях.

Потом — об улице.

Потом — о школе.

Потом я напишу о ребятах, которые думают про то, что они видят дома, на улице и в школе.

Каждый из вас ведь не только играет, но и смотрит, и слушает, что говорят другие, и сам размышляет.

Это не повесть и не школьный учебник, а научная книга.

Одни предпочитают авантюрные романы, сказки, необыкновенные приключения, печальные или смешные. А другие говорят, что самые занятные книжки — это как раз научные.

По школьному учебнику учатся, повесть — та читается легко,

а научная книга заставляет человека самого много думать. Немного прочтет, а потом вспоминает разные вещи, а иной раз и удивляется, и размышляет, так ли это на самом деле.

Ведь бывает, что один говорит одно, а другой другое.

У ребят свои дела, свои огорчения, свои слезы и улыбки, свои взгляды — молодые, молодая поэзия.

Часто ребята прячутся от взрослых, стыдятся, не доверяют, боятся, что станут высмеивать.

Ребята любят слушать разговоры взрослых — и очень хотят знать.

Хотят знать правила жизни.

ШКОЛА

Много книжек печатают про школу, да только для взрослых и совсем не пишут про школу для учеников. Просто удивительно! А ведь ученик столько в ней проводит часов, так много о ней думает, столько видит в ней радостей и горестей!

Я часто говорю с учениками младших классов про школу; одни любят и хвалят, другие жалуются, но знать по-настоящему школу, ее историю никто не знает: все думают, что все всегда было так и так и останется.

Я знаю: маленький ребенок думает, что мама всегда была мамой, а бабушка бабушкой и что всегда была именно такая квартира и так же тикали на стенке часы. Ему кажется, что и город, и улица, и магазины были всегда такие же, как теперь.

И ученику кажется, что парты, доска, губка, мел везде такие же, как у него в школе, так же выглядят учителя и так же выглядят книжки, тетрадки, ручки, чернила.

Конечно, родители вспоминают, что в их времена было по-другому, но столько слышишь всякой всячины, что не всегда знаешь, правда это или сказка.

Один мальчик после экскурсии в королевский замок сказал: — Вот теперь я верю, что короли были на самом деле.

Пожалуй, в каждом большом городе должен быть музей истории школы, и в этом музее должны быть такие классы, какие были сто и пятьдесят лет назад, старые парты, древние карты и старинные книги, одежда учеников, игрушки и даже розга, которой тогда еще секли ребят.

Во время японской войны я был в Китае, видел китайские школы и купил у одного учителя линейку, которой бьют учеников. На одной стороне линейки было написано красной краской: «Тот, кто учится, станет умным, полезным человеком»; надпись на другой стороне была черная*. Эту линейку я потом показывал, и все разглядывали ее с большим интересом.

Мне кажется, знай ученик, какие школы были раньше и какие они в других местах еще и теперь, он меньше жаловался бы и больше любил свою школу, легче мирился бы с тем, что в школе подчас

бывают неприятности, устаешь и скучаешь.

Если поговоришь с учеником по душам, всегда услышишь жалобу на трудный предмет, на приставалу соседа, на строгого учителя, на то, что много задают и что много разных забот, а развлечений мало.

А спросишь, не хочет ли он лучше сидеть дома, скажет:

— Хочу ходить в школу.

Школьник рад, что учитель не пришел, что раньше отпустили домой, любит праздники, но он хочет оставаться учеником.

Случалось, мне надо было убедить мальчика, что дома учиться лучше.

— Сам видишь, ты слабенький, тебе трудно рано вставать. Ты сможешь дольше лежать в постели. Ты простуживаешься, кашляешь, а в школу надо ходить и в дождь, и в стужу. В школе ты должен пять часов сидеть спокойно, а дома можно и поиграть подольше, и пойти в сад. Если у тебя болит голова, можно не сделать уроков и на тебя не рассердятся. Учение дается тебе с трудом... Товарищи задирают, дразнят...

Мальчик слушает-слушает и говорит:

— Это ничего, я хочу в школу.

Почему? Почему школа приятна и нужна?

Дома думают обо всех и занимаются разными делами; комнаты и обстановка дома для всех; школа думает только об ученике; каждый зал, каждая парта, каждый уголок именно для ученика. Все свое время в школе учитель отдает ученику. Здесь не слышишь неприятного: «У меня нет времени. Не знаю. Оставь меня в покое. Не морочь мне голову. Мал еще».

Во-вторых, школа упорядочивает день; знаешь, что будет впереди, куда идти и что делать. У тебя есть план, каждый час на что-нибудь предназначен. Тебе не скучно, даже приходится торопиться.

Правда, иногда не хочется вылезать из теплой постели или выходить в дождик на улицу. Но часы призывают спешить, и тебе некогда размышлять, что приятно, а что неприятно, что ты чувствуешь и чего хочешь.

Один одевается быстро и вообще любит все делать быстро; другой наденет чулок и отдыхает, зашнурует башмак и задумается. Один готов слоняться полдня неодетый, другой сразу вскакивает с постели:

— Ну а дальше что делать?

Хватает книжки и вылетает на улицу, часто даже не узнав, какая погода. Дождик? Шагает быстрее: в школе тепло, сухо! Приятно вытереть ноги, сбросить мокрое пальто и шапку... И сразу друзья. Еще на улице повстречался товарищ. И улица какая-то своя, взрослых на ней не больше, чем школьников, да и те словно знакомые.

Как и с кем познакомишься без школы? Разве только зайдет двоюродная сестра или сосед, да и то не часто, и, может быть, не твоего возраста, и, может быть, даже не очень симпатичные. Вот

в школе можно выбрать настоящего товарища!

Одни долго выбирают, а другие меньше знают класс и сходятся с теми, с кем сидят на одной парте или живут поблизости и чаще встречаются. Одни часто меняют товарищей, другие дружат очень подолгу. Одни любят, чтобы был кто-нибудь один, другие со всеми живут хорошо, ни любят как-нибудь особенно, ни не любят. А девочки даже влюбляются в старшекласниц.

Когда идешь в школу, никогда не знаешь, что расскажут тебе интересного товарищи и кто именно. Каждый со вчерашнего дня что-нибудь видел или слышал. А разговор, может быть, оттого еще такой интересный, что вот-вот прервет его звонок. Всякому хочется успеть рассказать до учителя, и мысли текут как-то быстрее и легче.

Иногда и не успеешь, — значит, доскажешь на перемене. А пока, на уроке, можно подумать о том, о чем говорилось.

Входит учитель. Как будто и знаешь, какой первый урок, но всегда бывают неожиданности, никогда точно не известно, что именно будет сегодня. Иногда и не очень интересный предмет, а как раз сегодня было приятно слушать.

Вызовет ли учитель к доске, и в каком он будет настроении — в хорошем или в плохом, — похвалит или побранит, рассердится на всех или на одного и на кого именно? Кто будет отвечать, и знает он или не знает? Приятно слушать, когда отвечает хороший ученик, а иногда даже интереснее, когда вызывают лентяя или озорника: может, скажет что-нибудь смешное. Сразу в классе шум: всем делается весело.

Раз слушаешь более внимательно, раз менее. Но никто не мешает думать, и в голове у тебя возникает воспоминание, рождается вопрос, появляется какая-нибудь идея. Иногда приятно даже просто посидеть спокойно, ни о чем не думая.

И звонок — и так каждый час. Раз занятия кончаются раньше, раз позже.

Сегодня был трудный день, зато завтра задано меньше, или будет другой предмет, или учитель, которого любишь.

Важно, что ты знаешь, что будет завтра, но не совсем: может выйти и немножко не так.

Еще один рабочий день кончился, близится день отдыха.

Раздумываешь, что тебе делать, куда пойти в праздник, чтобы не было скучно. Считаешь, сколько недель осталось до двухнедельных зимних каникул, до пасхи, до двухмесячных летних каникул, — в чем надо подтянуться.

Всегда что-нибудь повторяется, а что-нибудь — новое; одно уходит, другое наступает. Одно ждешь со страхом, другое с радостью. Неприятную неожиданность уравнивает другая — приятная. Надежды и победы, разочарования и поражения.

Школа — дом. Дом — школа. То бежишь, торопишься домой к обеду, то идешь дальней дорогой, провожая товарища, или видишь что-нибудь интересное и заходишь купить.

А вот и конец года:

— Еще только месяц остался, три недели.

Напишут ли внизу табеля красными чернилами «переводится», или, может — на второй год?

Предпоследняя контрольная работа, последний ответ — переэкзаменовка! Есть еще время подтянуться. У каждого есть предмет, в котором он уверен, и такой, которого он боится.

А развлечения? Экскурсия, кино, театр, выставка; а библиотека, спектакль, клуб?

Я заметил, что на школу жалуются те, кому дома хорошо, у кого дома много разных развлечений, или те, от кого родители требуют, чтобы они хорошо учились, хотя они неспособные и учение дается им с трудом.

Не всегда виноват отец в том, что он мало зарабатывает, не всегда виноват ученик, что у него нет хороших отметок. Часто взрослые говорят:

«Если бы ты хотел».

Да бедняга и хочет, да не может одолеть.

«Способный, но ленивый».

Может быть, к одному и способен, а к другому нет. Один хорошо пишет сочинения, а не может решать задачи. Один робеет и всегда хуже отвечает, другой не умеет быстро думать, у третьего плохая память. У одного легко пропадает охота, у другого сильная воля.

Если слышишь, что школа трудная, скучная, суровая, несправедливая, то это значит, что ничто не может быть совершенным. Бывает и так и эдак, и то и это. Радость, веселье, добро; но и скорбь, и гнев, и бунт.

Приятно получить часы или велосипед, нохватишь горя, когда их испортишь. Приятно иметь хорошего товарища, но будут и ссоры, и тоска возьмет, когда заболит.

Может быть, и школьные хлопоты интересны, а неуспехи и трудности будят мысль? Дуралей тот, кто хочет, чтобы все всегда было легко.

Один неспособный мальчик придумал себе такую игру.

— Когда я решаю задачу, цифры — это солдаты. А я полководец. Ответ — крепость, которую я должен взять. Если мне пришлось туго, я вновь собираю разбитую армию, составляю новый план битвы и веду в атаку.

Стихи, которые я должен выучить наизусть, это аэропланы. Каждое выученное слово — сто метров вверх. Если я выучу стихотворение без ошибки, я беру высоту в три километра. Так приятно ни разу не сбиться.

Когда я пишу, я шофер. Переписанные буквы и слова — проделанный путь. Если удастся написать всю строчку красиво — это лес, а плохо написал — пески или болото. Когда я кончу писать и чернила высохнут, веду по бумаге палочкой и ворчу, как мотор.

Разное выдумываю, чтобы не было скучно.

Каждый ищет свой способ облегчить работу. Иногда поможет товарищ, часто что-нибудь поначалу кажется трудным и неинтересным, а потом вдруг поймешь — и пошло хорошо.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

«Легкие» мысли были такие:

«Работа нужна, учение нужно, а развлечения — это как бы награда, придача».

И точно так же:

«Хлеб, суп, молоко — это пища, а конфеты и фрукты только вкусные и, значит, ненужные».

Раньше люди думали именно так.

И только позже поняли, что все это по-другому. Теперь уже есть много книжек об играх и развлечениях, и в газетах пишут о спорте и состязаниях как о важных делах. Уроки гимнастики в современной школе — это уроки подвижных игр и развлечений. Люди уважают и труд, и отдых, и учебу, и развлечения. Впрочем, сказать, что — работа, а что — развлечение, не так просто.

Один читает книжку и думает, что работает, а для другого чтение — лучший отдых. Приятно ведь копать землю, резать картон, пилить фанеру, рисовать, лепить, вырезать, играть на гармонике и на скрипке — так что же это, развлечение или работа?

Пешеходные экскурсии, плавание, гребля, велосипед, коньки, бег, прыжки. Болят руки, ноги, спина, человек устал, но доволен.

Правда ведь: каждый работает по-своему и по-своему отдыхает. Один любит одиночество, другой — общество, один — тишину, другой — шум. Игры девочек и мальчиков, младших и старших несколько отличаются. Бывает даже одному скучно от того, от чего другому весело; одного раздражает и даже сердит то, что другой как раз любит. Люди бывают и спокойные, и подвижные, все любят что-нибудь свое и по-своему, и потому не мешайте друг другу!

Я заметил, что больше всего ребята сердятся, если им мешать играть. Раньше я считал, что это пустяки. И очень сердился, когда кто-либо мешал другому делать уроки: хватал тетрадь, ручку, поддразнивал, что не отдаст. Если то же самое проделывалось во время игры с мячом, я считал, что это шутка и не стоит сердиться. Если ребята играли в догонялки и кто-нибудь останавливал догнавшего или убежавшего — тоже, мол, несерьезное дело. Играли в прятки и выдали место укрытия — тоже, мол, невинная шутка. Даже на обман во время игры, казалось мне, не стоит сердиться. Например, не попал, а говорит, что попал, или была не его очередь, и он сделал то, что ему не полагалось.

— Ерунда, стоит ли злиться?

Наконец однажды в колонии я понял. Дело было так.

На веранде было мало народу: двое мальчиков играли в шашки, еще один строил домик из кубиков, один читал, один играл в мяч. Остальные бегали в лесу и перед домом. Вдруг входит на веранду этакий всеми нелюбимый надоеда. Сперва он разозлил игравших в шашки — стал вмешиваться и давать советы. Потом стал хватать кубики и дразнить того, кто делал домик. Затем полез к тому, кто читал:

— Покажи, что читаешь, покажи, есть ли картинки.

Наконец принялся мешать игравшему в мяч.

Иногда девочки танцуют, а какой-нибудь мальчишка начинает толкаться, дурачиться, паясничать. Или вся группа поет хором, а один нарочно фальшивит и визжит. Или кто-нибудь рассказывает сказку, а такой вот не хочет слушать.

— Уйди, — говорят ему.

— А что, и посидеть с вами нельзя?

Назло перебивает, мутит всех и выводит из себя.

Я составил следующие правила игры:

1. Нельзя, нельзя и еще раз нельзя мешать в игре, ничуть не меньше, чем в учебе.

2. Нельзя брать без разрешения чужой мяч, коробочку, палочку, камушек, так же как нельзя брать без разрешения чужую ручку, тетрадь, книжку.

3. Если тебе одному не хочется, если тебе одному не нравится, отойди и не играй, а не говори: «Раз вы со мной не хотите или не хотите играть так, как я хочу, я буду вам мешать».

Раньше меня удивляло, почему ребята так быстро узнают нового товарища, так сразу знают, кто будет хорошим товарищем, а кто нет. Потом я понял: легче всего узнать во время игры. Ребята сразу говорят:

«Задавала, командир, ломака, недотрога, подлиза, псих, злюка, ябеда, плакса».

Неправда, что дети легко ссорятся. (Взрослые больше злятся, если им мешать.) Сколько раз случилось мне слышать, как ребята говорили: «Ну ладно, скажи, как ты хочешь?»

Или: «Мы хотим так, а если кому не нравится, может не играть».

Я видел, как охотно ребята принимают в игру и маленьких, и слабых, и неловких, лишь бы они не ссорились и не требовали, чтобы им дали делать то, чего не умеют.

Неправда, что в играх ребята готовы слушаться только взрослых. Наоборот, в массовых играх ребята сами хотят, чтобы нашелся кто-нибудь из них самих умный, справедливый и всеми любимый, кто указывал бы, как должна проходить игра и кому что надо делать; кто уступал бы, если ребята хотели играть по-другому или хотя бы один заупрямился; умел бы мирить спорящих и следил бы за тем, чтобы ребята не слишком расходились, не разбились чего, не рвали и не было драк и слез.

— Хороший товарищ, с ним приятно играть, — говорят ребята.

Я заметил любопытное явление, но долго не мог его объяснить.

Когда в игре приходится бегать, долго все идет хорошо. Вдруг ребята ссорятся, и, что меня удивляло, ведь из-за пустяка! И что как легко ссорятся, так легко тотчас и мирятся. Сперва все сразу бросают игру, обе партии сходятся и поднимают спор. И также вдруг кто-нибудь один скажет:

— Ну, баста. Кончай. Все равно. Начали.

И все дружно возвращаются к прерванной игре. Иногда лишь немножко что-нибудь изменят или один выйдет из игры и его место займет другой.

Наконец я догадался.

Когда игра удалась на славу, жалко прерывать, а все очень устали. Но сознаться, что ты устал и хочешь отдохнуть, никому не хочется. Поэтому не нравится, мол, в игре то-то и то-то. Это даже не ссора, а просто разговаривают. Если поблизости есть скамейка, некоторые сядут и ждут, пока те не кончат.

Взрослые отдыхают не так, как ребята. Уставший взрослый отдыхает час, полчаса; ребенок же, весь в поту, валится, запылавшись, на лавку, а через три минуты уже вскакивает.

Мать говорит:

— Посиди немножко, отдохни. Смотри, как ты выглядишь, как у тебя бьется сердце.

Да нет, он уже отдохнул.

Однажды я долго сидел в поле и слушал, как пели жаворонки. И я подумал, что сердце жаворонка должно походить на сердце здорового, веселого мальчишки: любит доводить себя до изнеможения и быстро отдыхает.

Человек любит усилие, любит, чтобы удавалось, хочет знать, сумеет ли и на что он способен, хочет, несмотря на трудности, закончить, победить, доказать себе и другим, что он сильный и ловкий.

Да и устаешь от сидения. Если в человеке накопится сила и он не может ее израсходовать, он сидит как отравленный, изголодавшись, соскучившись по движению.

Именно потому так хаотичны и неприятны школьные перемены, особенно если нет просторного рекреационного зала. Ребята больше толкаются и пихаются, чем играют; несколько человек безобразничают, остальные забились в угол: все равно из игры ничего не выйдет.

Это печально: тихие ребята не учатся отстаивать свои права, а хулиганье командует и наглет.

Много было у меня архитруднейших мыслей на тему: что делать, чтобы дерзкий кулак заменить справедливостью. Я пробовал по-разному.

Двадцать мальчишек. Я хочу дать им мяч. Кто, проталкиваясь вперед, первым крикнет:

— Мне!

Кто поймает и что будет делать?

Теперь все чаще вместо настырного эгоистического «мне» слышишь благородное «нам» и вместо своеволия встречаешь предписания и законы игры. Бывают и судьбы, к сожалению, не всегда справедливые.

Часто эгоизм отдельных личностей сменяется одинаково неприятным и низменным эгоизмом партии, группы, лагеря. Надо уметь проигрывать с достоинством и честно оценивать положительные качества противника.

Помню, ребята играли в «двойной бой». С одной стороны оставалось трое, с другой — только один. И тут случилась необыкновенная вещь: он сразу выбил всю тройку. Мячик сам как-то к нему

отскакивал, а те опешили и совсем не защищались.

Раздались рукоплескания. Кричали «браво» и поздравляли и победители и побежденные, и свои и противники, радовались все. На глаза мои навернулись слезы умиления, и я не стыжусь этих слез.

Да, так и должно быть! Не ревность, не недовольство и жалобы, не хвастовство и унижение противника, а рыцарское сознание своего и его достоинства, гордая вера, несмотря на неуспех, в свои силы, убеждение, что равный тягается с равным, уважение к человеку.

Многое стало лучше. Помню злые проклятые времена бандитских драк и бросания камнями. Много драк перевидал я на своем веку. Под влиянием спортивных игр даже драки облагородились.

Когда я вижу, что дерутся двое мальчишек одинаковой силы, я не прерываю, а смотрю вместе со всеми.

Лучше обождать, ведь если сразу вмешаться, ожесточение возрастает.

Драка редко возникает случайно, часто взрыву предшествует долгая взаимная обида. Конечно, водятся еще такие ребята, которые охотно пихнули бы или ударили младшего или более слабого, но это я строго запрещаю, да и товарищи не допустят. Я знаю, даже буяну и злоке драка не по вкусу, если он знает, что получит на орехи.

Так вот, раньше дрались так, чтобы причинить как можно больше боли, а теперь, только чтобы обезвредить противника. Это уже похоже на спортивные состязания.

Кончая эту коротенькую главку, я дам вам важное правило:

«Не надо стыдиться играть. Детских игр нет».

Зря взрослые говорят, а зазнайки за ними повторяют:

«Такой большой, а играет, как маленький. Такая большая, а играет еще в куклы».

Важно не то, во что играть, а как и что при этом думать и чувствовать. Можно умно играть в куклы и глупо и по-детски играть в шахматы. Можно интересно и с большой фантазией играть в пожар или в поезд, в охоту или в индейцев и бессмысленно читать книжки.

Я знал мальчика, которые не только читал, но и сам писал хорошие стихи и рассказы, а любимой игрушкой у него были солдатики: у него были целые полки разного рода войск разных стран, и он расставлял их на столе, окне, на полу, стульях и рисовал карты и планы.

Не зазорно играть с девочками и с младшими.

Я заметил, что ребята не всегда охотно говорят о своих играх и стесняются, если взрослый их слышит: боятся, как бы не высмеял, потому что не умеют защищать свои юные мечты.

Я не говорю: «Играйте в то-то и то-то. Играйте с теми, а не с этими».

Для игры нужен хороший товарищ и вдохновение, а значит, свобода.

МЫСЛИ — ЧУВСТВА

Удивителен этот мир! Удивительные деревья, как удивительно они живут! Удивительные маленькие червяки — живут так недолго! Удивительные рыбы — живут в воде, а человек задыхается в ней и умирает. Удивительно все, что прыгает и порхает: кузнечики, птицы, бабочки. И звери удивительные — кошка, собака, лев, слон. И на редкость удивителен сам человек.

Каждый человек как бы заключает в себе весь мир.

Если я смотрю на дерево, получается как бы два дерева: одно на самом деле, а другое у меня на глазах, в голове, в мыслях. Я ухажу и забываю о нем, а потом опять увидел — узнал, вспомнил. Значит, дерево как бы пряталось где-то в моих мыслях.

Все существует как бы два раза: раз само по себе, а другой раз у меня в глазах, в голове, в мыслях.

И всегда мне что-нибудь нравится, а что-нибудь не нравится.

Или стою я на берегу реки и знаю, что это такая-то река. Но в этой реке все время другая вода, вода в ней ни минуты не бывает одна и та же, все капли одной и той же реки постоянно меняются, постоянно другие.

То же самое, когда я иду по улице, мимо домов и людей. Каждый дом другой, и каждый человек другой и все это в течение одной минуты. Из минут складываются часы, а из часов — дни и ночи, из дней — недели. Зима, лето — и опять долгие вечера, затем опять весна, почки, зеленые листья. Солнце, ночная тьма, месяц, звезды — тучи, дождь, белый снег.

Все постоянно другое и по-другому.

То же самое и со мной.

Словно бы и все тот же, но ведь я расту, делаюсь старше. Я смотрю на часы: стрелка движется, прошла минута.

Словно бы и все тот же, но то я весел, то грустен и все время вижу что-то другое и о чем-то другом думаю. И даже не знаю, что будет дальше: буду ли я играть, или товарищ рассердит меня и я подерусь.

Или думаю, что сделаю так, а выйдет как раз наоборот. Раз мне кажется так, а раз — эдак. Вот и получается, что я сам себя не знаю.

Если спросить: «Ты хороший мальчик?»

Он ответит: «Сам не знаю... Кажется, хороший».

Или: «Стараюсь».

Как будто странно, что человек не знает, какой он на самом деле, даже себя хорошо не знает.

Мудрец сказал по-гречески: «Гноти сеаутон».

Это значит: «Познай самого себя».

Значит, даже взрослым трудно познать самих себя, даже мудрецам. Ведь детям кажется, что взрослые знают все и могут ответить на любой вопрос. А мы не знаем, мы на самом деле не знаем.

Если я разговариваю и играю с кем-нибудь и знаю, как его зовут, я уже говорю:

— Я его знаю.

Так ли это? Часто мне кажется, что он такой, а потом вижу, что он другой, что я ошибся.

Даже сам я: весело мне — я один, грустно или сержусь — другой.

Когда мне весело, мне все кажется хорошими, милыми; я охотно уступаю, легко прощаю; я даже не чувствую, что меня толкнули или что я ушибся. И мне кажется, что и всем должно быть весело.

А когда человек сердит, все ему не так; он и сам потом удивляется, что такие дурные мысли лезли в голову. Даже выглядишь ты, когда злишься, по-другому. Лицо перекошено, бледное или красное, и глаза совсем другие.

Когда я смотрю, как двое мальчишек дерутся, я думаю:

«Что за вихрь, что за буря мыслей и чувств?»

А когда расходятся, запыхавшись, я прикладываю ухо к груди: бедное сердце колотится так часто и сильно, что останавливается в изнеможении. А потом еще и еще и никак не успокоится.

Один вспыльчивый, легко впадает в гнев, другой редко злится; один умеет хоть и немного, да владеть собой и сдерживается, другой сразу приходит в неистовство, словно убить хочет. Про таких говорят: «Раб своих страстей».

Правильно говорят: тот, кто не умеет сам себе приказать — «Перестань!», у кого нет сильной воли — тот раб: всякий доведет его до белого каления. Мудрец сказал, что приказывать другим легко, а вот научись-ка быть господином своих собственных мыслей и чувств...

Бывает, злость сразу проходит, сменяясь чувством раскаяния. Я заметил, что, если очень сердиться на кого-нибудь и кричать, тот стоит злой, взбунтовавшийся: опустит голову, насупит брови, молчит. Тогда я перестаю сердиться и ласково говорю:

— Вот видишь, и самому тяжело, и всем с тобой тяжело. Больше так не поступай.

После этого он начинает, хотя и стыдно ему, плакать и каяться.

Мне кажется, взрослые не должны сердиться на детей, потому что это не исправляет, а портит. Часто взрослым кажется, что ребенок назло им упрямится — не желает что-либо сделать, сказать. Нет, ему стыдно.

А если кому-нибудь стыдно, он не может говорить, язык словно присох, не поворачивается. В голове пустота, мысли словно улетучились. И ты говоришь и делаешь не то, что хочешь. Стараешься быть смелее, а выходит еще хуже. Сразу можно понять, что человек притворяется: говорит слишком смело и громко, движения чересчур развязные. Или губы прыгают, тербит платье и не может ответить. Как парализованный.

Удивительно это чувство страха. Все кажется опасным. Словно кто на мысли набросил черную шаль и душит. Даже дышать трудно.

Конечно, страх страху — рознь. По-одному боишься днем, в школе, по-другому — ночью, по-третьему — если тебя кто-нибудь

напугает внезапно, по-четвертому — если всегда кого-нибудь бояться. Бывает, знаешь, чего боишься, а то и не знаешь.

Взрослые думают: «Озорной, ничего он не боится, ничего он не стыдится».

Вовсе это не так.

Врачи, те хоть скажут:

— Нервный, боится.

Да и то не всегда.

А уж хуже всего высмеивать.

Я много раз беседовал с такими, которые боятся по ночам: они очень несчастны. А родители думают, что все это пустяки.

Стукнет что-нибудь ночью, или сон приснится, а часто даже не знаешь, во сне это или наяву.

Смеяться над детскими страхами или нарочно пугать — жестоко.

Я часто думал о том, что значит «быть добрым»? Мне кажется, добрый человек — это такой человек, который обладает воображением и понимает, каково другому, умеет почувствовать, что другой чувствует. Если кто-нибудь мучит лягушку или муху, такой сразу скажет:

— А если тебе так сделать?

Или, например, бабушка: то старушка как старушка, а то кажется такой бедной, слабой, что хочется помочь, проявить внимание, развеселить.

Я уже давно заметил, что, если я на какого-нибудь мальчишку очень рассержусь, его сразу обступят ребята и принимаются утешать, объяснять.

Признаюсь со стыдом, это меня даже злило. Что такое?! Ругаю, — значит, заслужил. А если вокруг него толпа, выглядит так, словно виноват я, а не он.

Теперь я отношусь к этому иначе: и хорошо, так и должно быть, каждый, попав в беду, должен найти у людей поддержку. Не нравится мне это школьное наказание, чтобы с кем-нибудь не разговаривать.

Надо уметь сочувствовать добрым, злым, людям, зверям, даже сломанному деревцу и камушку.

Я знаю мальчика (теперь он уже большой), который собирал на дороге камушки и относил в лес: там их уже никто не потопчет.

Чувства бывают сильные и острые или мягкие и нежные, бывают яркие, бывают спокойные.

Что такое любовь? Любишь ли всегда или за что-нибудь, и всегда ли ты любишь тех, кого ты должен любить, и так, как должен? Одинаково или то больше, то меньше? И что такое благодарность и уважение? Какая разница между: любить и очень нравиться? Как узнать, кого больше любишь?

Я заметил, что ребята не любят говорить о своих чувствах. Может быть, им просто трудно? Даже маленькие не любят. А взрослые часто задают детям вопрос:

— Любишь? А кого ты больше любишь?

Я спросил у одного мальчика, как он узнал, что любит эту де-

вочку больше, чем других? Он ответил:

— Раньше я говорил с ней, как со всеми, а тут вдруг я ее стал стыдиться.

Порой даже и не знаешь, что кого-нибудь любишь, но, когда ее или его нет, тобой овладевает чувство беспокойства и какой-то пустоты, сиротливости и одиночества. И хочется, чтобы она или он вернулись. Это называется тоской.

Тосковать можно по родителям, по товарищу, по дому. А самая сильная тоска — это тоска по родине.

Сколько разных чувств, что всех не сочтешь. Можно попробовать выписывать их из словаря в тетрадку. Потому что тут, в этой книжке, я могу вкратце упомянуть лишь о некоторых наиболее важных чувствах (о которых ребята говорили со мной по душам, а не потому, что их подучили). И об обычных чувствах, повседневных.

Упомяну еще о трех чувствах: разочаровании, обиде и оскорблении.

«Я разочаровался. Думал, будет хорошо. И ошибся. Вышло не так, как хотелось».

Люди говорят:

— Мучительное разочарование, горькое разочарование.

Да, подчас чувствуешь как бы боль, а подчас только неприятный горький, терпкий привкус.

Часто к чувству разочарования примешивается и другое — обида. Мы обижаемся, что нас ввели в заблуждение, обманули наше доверие. Если товарищ выдаст тайну, наговорит на тебя, обманет, тебе неприятно, ты обижен.

Упомяну, наконец, и об оскорблении. Если хотят меня унижить, или осмеют, или оскорбят кого-нибудь, кого я люблю и уважаю, мне грустно, больно, я сержусь.

— От удара не так больно, как от слова, — сказал один мальчик.

— Чем смеяться, лучше бы уж побили, — сказал другой.

Когда взрослые хотят унижить и оскорбить детей, дети чаще всего делают вид, что им все равно. А не делают, значит, уже утратили стыд. Чувства ведь, если не уметь обращаться с ними, ослабевают, как говорят, притупляются.

Разные бывают люди. Один часто бывает веселым и редко грустным, а другой как раз наоборот. Один любит почти всех, ни к кому не питает неприязни; а другой словно сердит на всех, трудно на него угодить. Некоторые легко привыкают к новым людям, а другие, недоверчивые, долго приглядываются, прежде чем скажут:

— Люблю.

Один долго помнит, другой быстро забывает.

Разные бывают люди.

Раньше я думал, как и все: ребята легко сердятся и легко прощают.

Час назад подрались и опять вместе играют. Только что играли и уже поссорились. Конечно, кто-нибудь скажет в сердцах: «Никогда больше не буду с ним разговаривать. Никогда уже больше не буду с ним играть».

Или наоборот: «Мы всегда будем дружить».

Но так говорится только в исключительные минуты, да и у взрослых то же самое. Иногда нарастает исподволь неприязнь, а иногда дружба длится годами.

ЗДОРОВЬЕ

Взрослым кажется, что дети не заботятся о своем здоровье: если за ними не смотреть, они выпалили бы все из окон, поутонули бы, попали бы под машины, повыбили бы себе глаза, поломали бы ноги и позаболели бы воспалением мозга и воспалением легких — и уж сам не знаю, какими еще болезнями.

Нет. Детям совершенно так же, как и взрослым, хочется быть здоровыми и сильными, только дети не знают, что для этого надо делать. Объясни им, и они будут беречься. Нельзя только чересчур запугивать и слишком много запрещать. Если запугивать, они перестанут верить, а если очень уж стеснять, потеряют терпение и назо станут делать тайком как раз то, что запрещено.

Люди бывают благоразумные и легкомысленные — как дети, так и взрослые. Ничего с этим не поделаешь. Дети любят больше бегать и все пробовать. И опять ничего не поделаешь. Нужна книга, которая объяснила бы все это ребятам спокойно и без запугивания.

Итак, надо знать, что у одного здоровые зубы и он не знает, что такое зубная боль и зубные врачи, а другой не одну ночь проплакал напролет: болели зубы. У одного болит голова или живот, а другой посмеивается: «Животик у него болит, головка; у меня вон никогда ничего не болит».

Один порежется, и ничего. Я знал одного очень подвижного мальчика, который проходил лето босым. По возвращении из деревни у него было на обеих ногах восемнадцать порезов, ссадин и синяков.

— Ну и что? Ерунда, заживет.

А у другого малюсенькая ранка болела неделями.

Значит, один должен беречь себя, а другой может больше себе позволить.

Я лучше знаю как раз этих слабых, но никогда не говорю: «У тебя будет воспаление легких». А лишь: «Схватишь насморк». Не говорю: «Сломаешь руку». А лишь: «У тебя заболят руки», когда уж чересчур рьяно борются. Небольшая мышечная боль для здорового человека даже приятна, например: после катка, после гребли, после дальней экскурсии.

Не следует слишком часто говорить, что будет потом. Надо помнить, что может много раз сойти безнаказанно, и предсказание не исполнится.

Однажды потный мальчик ел очень быстро мороженое. Я сказал:

— Увидишь, горло заболит.

На другой день осматриваю горло: красное, но не больно. Я дал мальчику зеркало, чтобы убедился.

Другой после крутых яиц наелся слив, а потом стал пить сырую воду. Я сказал:

— У тебя заболит живот.

Спрашиваю его вечером.

— Немножко только поболел, но это ничего.

Я долго предупреждал одного мальчика, чтобы он, играя, так не расхотелся, он все не слушался. И наконец, в школе во время борьбы действительно сломал себе руку. А ведь не все переломы одинаковы. Иногда наложат гипс, потом через несколько недель снимут, и опять так, как было. А вот этому мальчику, о котором я говорю, кость пробила кожу, он пролежал три месяца в больнице и теперь совсем не может сгибать руку. Хуже всего, если кость сломается в суставе.

Иногда ты тотчас расплачиваешься за неосторожность и добываешь опыт сразу. Но бывает и по-другому:

Летом ребята жалуются, что чешутся уши или пухнут и горят пальцы.

— Правильно, ведь ты их зимой отморозил.

Не всегда болезнь проявляется сразу. Заразился сегодня, а болезнь разовьется по-настоящему только через неделю. Это называется: инкубационный период.

И не всегда болезнь, иногда просто легкое недомогание. Нехорошо преувеличивать.

Говорят: «Солнечный удар... Не бегай без шапки... Воспаление мозга...»

Нет: кружится и болит голова, тошнит и вообще как-то нехорошо.

«Плохо себя чувствует. Нездоров. Сам не свой. Недомогает».

Ребенок сам не знает, что с ним, но он подавлен, раздражен, недоволен. А сколько бывает из-за этого ссор, драк, неприятностей дома и в школе?!

«Живот да головка — лентяйская уловка». Не совсем верная пословица. Не следует недооценивать легких недомоганий.

«Неженка. Ничего с тобой не сделается. Не умрешь».

Один преувеличивает, другой недооценивает.

Верно, от насморка не умирают, но он неприятный.

Несчастливые дети, у которых часто бывает насморк! И дышать трудно, и нос больно, и вообще ни к чему душа не лежит. Да еще пристают.

«Сопливый. Сопли распустил. Утри нос».

Иногда и вытирание не помогает, а вытирать очень больно, не у всех ведь натура одинаковая.

Чтобы быть веселым, нужно хорошее самочувствие; здоровые сердце, нос, голова; здоровая радость свободна от боли и забот.

И старику неприятно бояться и беречься, а каково это маленькому.

Я долго не мог понять, почему некоторых ребят товарищи не любят — и что эти ребята действительно неприятные.

Стоял прелестный весенний день. Все выбежали во двор и

весело играли. Один мальчуган продолжал сидеть у меня в комнате, тихий, грустный и бледный. Сначала читал — надоело, потом лег на диван, потом принялся глядеть в окно. Мне стало жаль его. И я говорю:

— Иди поиграй немножко.

А он:

— Ой, не хочется.

Посидел, посидел, а потом говорит:

— Пойти, что ли.

Ладно. Смотрю в окно — что будет дальше?

Мальчик сошел во двор, постоял немножко и присоединился к играющим. Бегаёт и бегаёт, но я ясно вижу, что ему трудно, он запыхался и уже устал. Потом как-то сразу поссорился, и поднялась свалка.

Я думал, он вернется ко мне, но нет: верно, стыдился.

Когда у кого-либо болит голова, ему труднее сдерживаться. Даже если играет, он в себе не уверен: а может быть, опять эта дикая боль?

Я знал одного мальчика, который часто ходил злой, недовольный. У него часто болел живот. Наконец мальчуган расхворался по-настоящему: поднялась температура, он слег. Его положили в больницу и сделали операцию. Эта болезнь называется воспалением червеобразного отростка слепой кишки или иначе аппендицитом. Врач в больнице сказал, что он уже давно был болен. Мальчик вышел из больницы здоровым. И теперь он стал веселым, как все.

Часто кто-нибудь ходит несколько дней грустный, злой и уже только потом заболевает. Если за это время он наделает со зла глупостей и возникнут неприятности, про него говорят, что заболел от огорчения.

Я заметил, что слабых часто преследуют. Говорят: «Размазня, растяпа, увалень, мямля, пижон, маменькин сынок».

В своих суждениях о человеке надо быть снисходительным и осторожным. Не следует думать, что все должны быть одинаково здоровыми и сильными. А смеются даже не со зла, а по легкомыслию.

Дают прозвища: «Горбун, Хромоножка, Слепой, Заика».

Один привыкает и лишь держится от ребят подальше, все больше читает и, грустный, затаив обиду, живет в одиночестве, а другой, выведенный из себя несправедливостью, действительно становится неприятным и злым.

Ребята преследуют и высмеивают толстых. Говорят: «Обжора, жирный, жирняк».

Неверно. Ведь это тоже болезнь.

— Болезнь? Что толстый-то?

Худых опять злючки зовут: «Чахоточный. Скелетик».

В медицинских книжках пишут, что и очень худые и очень полные люди — нездоровые, а такой ничего не знает, да еще спорит.

— Такой большой парень и делает под себя! Грязнуля! Вонючка!

Опять преследования.

— У него слабый мочевой пузырь, слабые нервы.

— Какой там пузырь и нервы...

— Молчать, осел! — закричал я.

И я поступил плохо, оскорблять нельзя, но не всегда хватает терпения.

Раз я торопился, сказал что-то, а мальчик не понял. Я обозлился и спрашиваю:

— Не слышишь, что тебе говорят? Глухой?

И тут вдруг вспоминаю, что он действительно плохо слышит, после скарлатины у него болели уши.

Мне было очень неприятно: я дал себе слово никогда больше так не поступать.

Один известный писатель написал книжку, в которой высмеивает веснушчатого мальчика*. Очевидно, писатель просто не подумал. Ничего не поделаешь: и опытному писателю случается ошибиться.

Я сам долго делал такую ошибку.

Если был какой-нибудь слабый, или не очень умный, или некрасивый, или несимпатичный ребенок, я всегда просил:

— Будьте с ним добрее, отнеситесь поласковее, уступайте ему.

И вот попался мне глупый и нахальный мальчишка. У него были больные глаза, больные уши и больной нос. Дома его били. Мне и захотелось показать, что уж тут-то о нем позаботятся.

Славные ребяташки делали так, как я просил: позволяли ему брать мячик, втираться без очереди и вообще все. И этот глупец решил, что теперь он самая важная персона, и принялся командовать и скандалить.

Наконец, смотрю я, а он подмял под себя и колотит спокойного, умного и доброго мальчика. Тут уж я схватил нахала, оторвал от жертвы и втолкнул к себе в комнату.

— Хватит доброты! Привык к палке, а здесь не бьют, так и ты не бей! Не умеешь играть, так пошел вон, живо! Не твой черед, так не хватай мяч, ясно?

И настал покой. Потом над этим мальчишкой взял шефство хороший мальчуган, но уже по собственному желанию.

Нелепо ведь, чтобы один, хотя бы и в невинной форме, отравлял жизнь всем. Нельзя требовать от группы слишком многого. Здоров ребенок или болен, умен или глуп — каждый должен приспособливаться к общим законам, не может он быть каким-то исключением. Но и такому не следует докучать.

Знаю, есть дети, страдающие от отсутствия заботы, но есть и такие, кому чрезмерная забота приносит вред, утомляет и сердит. Мне жалко детей, которым нечего есть и которые недосыпают, но жалко и тех, кого насильно заставляют есть и лежать в постели.

Я знаю девочку, которую даже рвало за обедом, а отец бил ее за то, что не хотела есть. От любви бил. Но ведь это ужасно и совершенно бессмысленно!

А в некоторых колониях детям — летом — велят вылеживать в постели по пятнадцать часов. Хотя это и делается по указанию врачей. Я заявляю, что это глупо. И говорю так не потому, что не уважаю здоровье, а, наоборот, именно потому, что знаю ему цену.

СПОСОБНОСТИ

Люди стараются изобрести приборы, которые показывают, здоров человек или нет. Термометр для измерения температуры, силомер, весы, ростомер; есть рентгеновский аппарат, с помощью которого можно видеть кости человека, и легкие, и сердце, не разрезая. Исследуются кровь и моча. Есть специальные зеркала для уха и горла. Очень много инструментов и приборов, и все новые и новые лекарства.

И, несмотря на это, доктор не всегда может помочь больному, не все знает.

Еще труднее определить способности человека. И здесь есть разные способы испытания памяти, внимания, умственного развития и способностей к труду и учению.

Один услышит раз и уже поймет, раз прочтет стишок и повторит без ошибки. Один легко заучивает, но быстро забывает, другой помнит долго.

Один предпочитает отвечать устно, другой письменно. Одному легко начать говорить, другому трудно. У одного охота и терпение пропадают скоро, а другой любит, чтобы было трудно, легкое ему наскучивает.

Наконец, один отвечает смело, подсажи ему словечко, и он уже знает, что дальше, и так вывернется, что выйдет хорошо. А другой, робкий и неуверенный, даже если и знает и умеет, все равно отвечает, словно наугад, запинаясь.

Одному учитель говорит:

— Не спеши.

Другому повторяет.

— Ну дальше. Ну скорее.

И бывает, что у одного отметки лучше, чем он заслуживает, и он переходит из класса в класс как бы играючи, а другой из кожи лезет, старается, но переползает в следующий класс с трудом, в вечном страхе, через силу.

Был у меня ученик. Дома все хорошо. Когда мы одни — подумает и решит задачку. Переспросит, если не понял, и умно и весело ответит. А в школе плохо и плохо.

«Мешают... Не дают подумать... Я и сам не знаю: ну не могу!»

Мне это было очень неприятно, родители его за плохие отметки били, а он действительно не был виноват. Мне очень хотелось, чтобы его перевели без переэкзаменовки, чтобы хотя бы каникулы у него были спокойные.

Я пошел в школу посоветоваться, что делать.

Учитель сказал:

— Да, верю, что он знает. Но что будешь делать? Я должен ставить отметки за ответы, а не за то, что у него в голове. Сам понимаю, что это нехорошо, да ведь класс слушает и знает, как он ответил.

Иногда учитель говорит: «Ставлю тебе для поощрения выше отметку». Или: «Снижаю оценку. Для другого это было бы хорошо, но ты, если бы постарался, мог лучше ответить».

А ведь неприятно, когда беспечному все легко, а добросовестный и старательный обижен. Каждый ведь встречал умных, но невезучих учеников и не очень даже умных, но вот именно способных для школьного учения.

Люди думают об этом и пробуют учить разными способами, потому что школе стыдно, если хороший ученик окажется потом недобросовестным и нечестным работником или, наоборот, плохой ученик — великим человеком. Раньше в школе часто бывало так, вот мы и хотим, чтобы по крайней мере сейчас было иначе.

Не так важно, чтобы человек много знал, а чтобы хорошо знал, не чтобы знал наизусть, а чтобы понимал, не чтобы ему до всего понемножку было дело, а чтобы его что-нибудь особенно сильно интересовало, как говорят:

— Чтобы любил предмет.

Ведь историк — не инженер, поэт — не математик, врач — не астроном.

Но каждый человек обязан знать, что творится на свете и что делают другие люди. Это может показаться сначала трудным и скучным, и только потом, когда хорошенько во всем разберешься, видишь, как это интересно. Да и вообще, чего стоит человек, который делает только то, что с самого начала легко и приятно?

Очень обижают в школе учеников застенчивых и гордых. Ведь такой лучше совсем не ответит, чем ответит плохо. Боится насмешек! Иной раз довольно одного язвительного замечания или улыбки, и он уже замолчал, смешался, оробел, потерял желание отвечать.

— Я не знаю.

Не знать, ошибиться, забыть не зазорно, и самый умный человек может не понять вопроса или сказать глупость. А тут сразу смех, суровая критика, издевка. Поэтому каждый старается только повторить то, что сказано в книжке, и стыдится собственных мыслей. Оттого, может быть, и бывают такие книжные ответы, и так важна хорошая память.

Очень обижают в школе и тех ребят, у которых столько собственных вопросов и недоумений, — и гудят они у них в голове, словно пчелы в улье, мешая слушать и понимать, что происходит вокруг. Иногда напишет такой ученик хорошее сочинение и слышит недоверчивый вопрос:

— Это ты сам писал, тебе никто не помогал?

Когда наконец он мог показать, что он не дурак и не с неба свалился, опять его оскорбляют. Поэтому он старается не писать слишком хорошо, а то опять заподозрят. Я знаю такой случай: нарочно хуже пишет.

— Теперь поверят, что не списал.

В школе пишут на определенную тему, а это не каждый сумеет. Начнет, а тут в голову пришла другая важная мысль, и он забыл даже, какая была задана тема. И получает плохую отметку.

У меня хранится сочинение ученика четвертого класса. Очень трудная тема: «Обязанности гражданина». Сам он был харцером и написал о харцерстве искренне, так как чувствовал и верил. А учитель:

— Слишком по-детски. Не на тему.

— А я не знаю, что надо было написать, — сказал он робко, со слезами на глазах...

Я знаю случай, когда ученица совсем не готовила урока по истории. Было задано о Столетней войне. И несла чепуху, немножко из кино, немножко по подсказкам. Говорила смело, уверенно, вдохновенно. И получила пятерку. Весь класс смеялся и поздравлял.

Часто кто-нибудь нарочно делает вид, что мало занимается, а знает. Ведь выглядит так, что только способные люди стоящие, а неспособный — Золушка Золушкой.

А между тем способный не закаляется в борьбе с трудностями, зазнается от легких побед и губит свои способности. Заважничает и думает, что ему все сразу дается, и недооценивает усидчивость и медленное, шаг за шагом, упорное стремление к цели. Он признает только свой тип способностей и презирует другие.

Я заметил, иногда класс любит своих первых учеников, чаще же не любит, и вовсе не из зависти.

Разве красивое пение, рисунок, вышивка, рамка не стоят правильного решения задачки?

И чего стоят способности, если человек не хочет и не старается?

Я видел способных, но ленивых и недобросовестных людей. Что из того, что медсестра знает, как обращаться с больными, или воспитательница сдала экзамены на пятерки и помнит, что пишут о детях ученые, если первая не любит больных, а вторая — детей?

Характер человека и его призвание важны, но, быть может, доброта и честность даже важнее.

Когда думаешь об этом, возникает много трудных мыслей. Но ведь я пишу о правилах жизни. А правила эти такие:

«Не завидовать».

«Не досадовать на себя».

«Не падать духом, упорно стремиться к цели».

«Быть дисциплинированным, всегда выполнять свои обязанности».

Если здоровье, материальные условия, отсутствие школьных способностей или, наконец, семейные обстоятельства не позво-

ляют сделать много, можно и меньше, только хорошо и с ясной душой.

Я знаю жалких, несчастных профессоров и спокойных, очень полезных и всеми любимых учителей скромной средней школы.

Знание — это не только книга, даже не только голова, но и рука.

Уважай руку с ее орудием труда и уважай знание, которое дают тебе жизнь и собственная мысль. Задача книги облегчить, ускорить познание жизни, а не заменить его.

Теперь уж такая мода — всех сажать за книжку, а я помню времена, когда мстительный захватчик запрещал читать и книги были редкостью.

Помню, в небольшой комнате детского сада стояли два старых шкафа. В этих шкафах совсем не было книг — все они были на руках у читателей: толстые и тонкие, с картинками и без картинок, немножко новых и много старых, потрепанных, грязных, без начала и без конца; веселые книги и грустные, легкие и трудные — научные книги, повести и стихи.

Таких бесплатных читален было несколько. Мы выдавали книги по субботам (вечером) и по воскресеньям (после обеда).

Но уже задолго до открытия читальни в сенях, на лестнице и на улице толпились ребята. Больше всего было мальчиков; девочки не решались, разве что самые храбрые.

Так и стояли ребята и в летний зной, и в зимнюю стужу. Но не унывали и совсем не скучали: подбирали для себя друг у друга книжки.

— Помни, моя очередь. Смотри, другому не отдай.

— Нет, постой, на прошлой неделе ее уже один мальчик просил.

— Ну тогда, если он не придет.

Подбирали книги для себя, родителей, братьев, сестер. Я всегда удивлялся, что при такой толчее не было ни драк, ни ссор. Часто только слышалось:

— погоди, пожалеешь!

А что за счастье, когда наконец кто-нибудь находил и получал то, чего ждал многие месяцы! Как пробирался сквозь толпу и бежал домой, прижимая книгу к груди!

Взрослые считают одни книги полезными, другие — вредными, те — умными, эти — глупыми. Я позволяю читать всякие книжки, не хочу, чтобы читали украдкой. И я заметил, что одни книги пробуждают желание читать, а другие, наоборот, отбивают охоту к чтению и что вовсе не книга портит ребенка: хороший ребенок и ищет хорошую книжку, как и друзей.

И пусть ищет, и пусть ошибается и заблуждается, пока не нападет на общество доступных ему хороших книжек, потому что трудная книжка только выводит из терпения и злит.

Воспитатель обязан уметь терпеливо ждать, когда разовьются способности, а с ними — любовь к хорошей книге.

СИМПАТИЧНЫЙ — НЕСИМПАТИЧНЫЙ

Кто красив, тому легче быть симпатичным.

Да, здоровому, красивому, веселому, способному легко быть и симпатичным. И сам он дружески улыбается людям, и люди ему отвечают улыбкой.

А слабого, некрасивого, угрюмого, неспособного частенько доймут, допекут. С недоверием сближается он с людьми, с неприязнью думает о более счастливых товарищах.

Но очень редко кто-нибудь нравится всем одинаково. Один говорит «красив», другой: «так себе».

— Хорошенький.

— А по мне так некрасивый. Как кукла!

Тому нравятся черные глаза, этому — голубые, один любит темные волосы, другой — светлые. У одного красивые глаза и некрасивый нос, у другого красивый рот и некрасивые зубы.

Иногда говорят про кого-нибудь, что он не то чтобы очень красив, но обладает обаянием. Не знаю, что это значит.

Милая улыбка. Прелесть взгляда. Ловок, грациозен. Не высок и не низок, не толст и не тонок. Обаяние внешности.

Иногда кто-нибудь нравится потому, что он такой, как все, иногда именно потому что не похож на других.

Одно ли то же: красив и симпатичен?

О, нет!

Бывает так, что смотришь издали — кажется симпатичным, а стоит с минуту поговорить, и уже перестал нравиться. Иногда с кем-нибудь часто встречаешься, а нет желания сблизиться, даже несколько раз разговаривал, и все ничего. И только потом видишь, что он очень и очень симпатичный. С одним ты сразу хороший знакомый, а с другим сначала тяжело как-то и неприятно.

Надо знать очень много маленьких и больших, тихих и веселых девочек и мальчиков — бледных и румяных, красивых и некрасивых, хорошо и бедно одетых, — чтобы понимать, будет ли тебе кто-нибудь симпатичен сразу или лишь со временем, на короткий срок или навсегда.

Надо много раз ошибиться, чтобы не очень верить тому, что говорят другие, и самому знать, что тебе нравится и кто тебе симпатичен.

Раньше мне казалось, что веселый любит веселого, маленький — маленького, слабый — слабого, что, мол, сам порядочный и ищет порядочных друзей. Да, и так бывает, только не всегда. Раньше я даже советовал, кому с кем дружить; теперь я не люблю вмешиваться, не знаю.

Подружились два мальчика — я старался угадать:

«Наверное, поссорятся... через месяц? или через полгода?»

Теперь мне чаще удается отгадать, но не всегда. Так все это удивительно, так трудно понять, столько тут тайн.

Я только спрашиваю:

— Любишь его?

Отвечает:

— Мне он нравится.

И даже знает, какие у товарища недостатки.

— Вообще-то он не очень симпатичный, но я его люблю: он ко мне хорошо относится.

Иногда несносный для всех, добр и деликатен с товарищем. Иногда доставляет много хлопот взрослым, а со всеми приветлив и весел.

Иногда довольно чем-нибудь одним походить друг на дружку, и ребята уже вместе. На короткий срок, а то и на долгий. Не каждый любит менять друзей.

Я перевидал на своем веку много странных дружб.

Например, спрашиваю:

— За что ты его любишь?

— А его никто не любит, ему одному тяжело.

Спрашиваю:

— О чем вы с ним разговариваете?

— По-разному бывает. Иногда я советую ему, как исправиться.

Взрослые зря боятся, что плохой испортит хорошего, или (тоже неправильно) требуют, чтобы хороший исправлял плохого. Мне кажется, здесь нельзя ни запрещать, ни заставлять. Нельзя даже часто спрашивать — назойливые вопросы отпугивают, вызывают недоверие, неприязнь.

По мне лучше знать мало, да правду.

Один умеет делать то, что может пригодиться другому; ребята вместе строят или покупают, одалживают, меняют, держат пари, дарят и получают подарки. У одного есть как раз то, что сейчас нужно другому, у этого больше, у того меньше. Непонятно даже, дружба это, шефство или торговая сделка? Часто ребята и не любят друг друга, да должны быть вместе, потому что одному что-либо сделать трудно.

— Хороший он?

— Так себе, не очень.

— А все время вдвоем?

— Ну и что из того?

Когда я говорю с мальчуганом, он спокойный, отвечает серьезно, а другой такой же мальчуган знает его и веселого, и сердитого, и печального, и когда он закапризничает, надуется и обидится, и когда дает и берет. Удивительно ли, что они лучше знают друг друга?

Каждый сам постепенно учится быть осторожным. Чужие правила жизни меньше всего помогают.

Раньше меня сердило, когда один из друзей только давал, а другой только брал. Вместе покупают мороженое, фотографируются, ходят в кино, а платить, угощать — один. Теперь я уже не вмешиваюсь; бывают такие, кому это доставляет удовольствие, кто желает «купить» хорошее отношение.

Я даю одно только правило жизни:

«Не будь трусом, имей мужество прямо заявить, что не хочешь. Не стесняйся и проси помощи, если сам не справляешься».

Потому что ложный товарищ пригрозит:

— Я знаю про тебя то-то и то-то. Знаю все твои секреты. Поссорись со мной — расскажу.

Или просто начнет мстить — лезть и бить.

Славная мордочка, умильные глазки, вежливые словечки могут обмануть не только маленького мальчика. Я удивлялся раньше, когда ребята не любили кого-нибудь, кто мне казался симпатичным: даже подозревал зависть. Теперь у меня зорче глаз и я признаю, что правы товарищи: им лучше знать.

Как-то в летней колонии был большой мальчик, серьезный и спокойный, которого, как мне казалось, все очень любили. Одно меня поражало: сам он делал то, что другим запрещал. Выглядело это так, словно он следит за порядком, а самому ему соблюдать режим не надо. Несколько раз он солгал; пойманный на вранье, изворачивался и посмеивался, наконец не выдержал и наругал.

И тотчас целая группа ребят, словно по тайной команде, перестала слушаться и стала делать назло.

Лишь тогда я понял, что он как бы главарь шайки, что ребята его не любят, но слушаются, потому что он запугивает, а тайком и бьет. Я был изумлен. Как это столько ребят могут бояться одного нечестного грубияна? Но он был не один: у него было несколько подручных, которые доносили, когда кто-нибудь бунтовал, — и он мстил.

Именно тогда я впервые понял, а потом еще и еще в этом убеждался, как необходимо самоуправление, когда каждый имеет право мужественно сказать, кого он на самом деле любит.

Теперь уже, кажется, я знаю, кого почти все ребята больше всего любят. Не самого красивого, не самого веселого, не самого спокойного, а того, кто справедлив, отзывчив и тактичен.

Нелегко объяснить, что такое такт. Пожалуй, тактичный человек это такой, который умеет подойти к людям. Сердцем или умом, но он понимает, кому что надо, и охотно предлагает свою помощь. Осторожный, он не настаивает на своем, имея дело со вздорным; не хвастает и не насмехается, не задевает веселой шуткой печального; не лезет, когда не просят, с советами и не болтает лишнего, не злится сам и каждого старается оправдать и защитить. Не нужен — нет его, может принести пользу — тут как тут.

Не навязывается с заступничеством, но и не отказывается заступиться. Непрошенный, не защищает, но и не побоится, видя несправедливость и обиду, выступить в защиту. Не побоится ни товарища, ни воспитателя, и потому подчас у него бывают и неприятности, и недоброжелатели.

Вот уже десять лет как я провожу плебисциты, то есть голосования. Голосования бывают тайные. Каждый бросает в урну

листок. На листке ставится плюс (то есть люблю), минус (не люблю) или нуль (безразличен). Потом подсчитываются голоса. Я делал и по-другому: каждый диктовал пять фамилий ребят, которых он больше всего любит, и пять таких, которых не любит. И еще иначе: каждый выставляет всем ребятам оценки; пятерка — значит очень люблю, четверка — люблю, тройка — безразличен, двойка — не люблю, кол — очень не люблю.

Благодаря этим голосованиям я понял многое.

Очень важна для меня уверенность, что ребята не знают зависти. Если он симпатичный — радуются, что он отличник. Готовы любить за то, что хорошо поет, танцует, рисует, играет в мяч, высоко прыгнул, победил. Благодарны, что они вместе. Больше позволяют ему и больше прощают. Но при одном условии: чтобы на зазнавался, считался с группой и не был подлизой или задавалой. И не слишком командовал.

Любят и больших, и маленьких, но не любят, когда малыш распускает нюни и ябедничает, а подросток корчит из себя взрослого. Малыша тогда дразнят, а подростка высмеивают.

У кого больше всего минусов, кого не любят ребята, даже брезгают ими?

Надоед, пролаз, ко всякой бочке затычек. Простят эгоиста, злюку, даже задиру: у них будут и доброжелатели, и недоброжелатели. Но тех ненавидят и зовут по-разному:

«Смола, самолюбия нет, подлипала».

Если сказать такому: «Перестань, уйди», он начнет приставать, цепляться. Пристал — и ну надоедать. Говоришь с кем-нибудь — он сразу хочет знать о чем. Не знает толком или вообще не разбирается и не понимает, а туда же, объясняет и поучает. Пишешь что-либо — тотчас просит: «Покажи». Делаешь что-либо — он уже тут как тут: «Дай, я быстрее... я лучше...»

Многие не знают, как трудно шутить. Неудачная шутка причиняет боль, доставляет неприятность, вызывает слезы вместо смеха. Шутка не ко времени мешает. Докучать и высмеивать — уже не шутка. Шутка тогда хороша, когда все смеются и никому не неприятно. Про горе-шутников говорят:

— Шут.

И тоже не любят.

Какие отсюда следуют правила жизни, каждый сам догадается. Одно лишь скажу:

Каждый человек должен ценить дружеское отношение и стараться его заслужить. Нельзя говорить: «Очень мне надо!»

Каждый должен дорожить товарищем. Но не надо и заискивать, стараться подольститься. И не следует огорчаться, если кроме доброжелателей найдется недоброжелатель: не все всегда обязаны тебя лишь любить.

ДОСТОИНСТВА — НЕДОСТАТКИ

— Скажи мне искренне: ты хороший, добрый мальчик?

Ответы:

- Не знаю.
- То хороший, то так себе.
- Кажется, хороший.
- Иногда и не устоишь.
- Пожалуй, не очень.
- Мне часто всякие сумасбродства лезут в голову.
- Сам я не делаю ничего плохого, разве что ребята подго-

ворят.

Ясно, я спрашиваю не первого встречного и тогда только, когда уверен, что скажет правду.

У каждого человека есть и достоинства, и недостатки, и у каждого они разные. У одного больше достоинств, у другого больше недостатков. Недостатки бывают более и менее досадные, явные или скрытые. Иногда недостаток особенно неприятен для окружающих, иногда для самого себя. С одними недостатками легко справиться, с другими трудно. А иногда неизвестно даже, недостаток это или достоинство.

Поэтому-то и нелегко знать правила, как надо вести себя и как исправляться, поэтому на вопрос: «А ты хороший?» — трудно сразу ответить.

Подвижность, живость — достоинства на уроке гимнастики и недостаток во время урока арифметики, недостаток в тесной городской квартире и достоинство в деревне.

Бережливость — достоинство, скупость — недостаток, а ведь скупость — это только слишком большая бережливость.

Скромность — достоинство, но чрезмерная застенчивость может походить на упрямство и скрытность, тут даже взрослые часто ошибаются. Иногда доброта просто легкомыслие и вместо пользы приносит вред. Надо уметь и умно отказать, когда просят. А сколько неприятностей у тех, кто одалживает кому-нибудь нужные ему самому вещи или даже не свои.

- Зачем ты ему дал?
- А он попросил.
- А разве ты не знал, что он забывает, теряет, не отдает?
- Знал.
- Так зачем же ты дал ему чужую книжку?
- А он попросил. Я думал, он вернет.

Эгоист называет доброту глупостью и зло твердит, что не стоит быть добрым. Нет, стоит, и следует и помочь, и услужить, только надо наперед думать.

Плохо, когда мало думают, но нехорошо и когда слишком долго думают, колеблются, не знают, как поступить. Доверчивость может быть и достоинством, и недостатком.

Любопытство и пронырливость — недостатки, но нехорошо, когда кому-нибудь ни до чего нет дела и ничто не интересно.

— Да ну, не стоит, а мне-то что?!

Один переоценивает себя, другой недооценивает. Бывает хищное самолюбие и достойная гордость.

Я долго мог бы перечислять и всего не сказал бы.

Вот почему в этой путанице трудно разобраться. И должен добавить, иногда мешают понять сами взрослые.

Один говорит:

— Я хочу, чтобы мальчик был такой, как я.

Во-первых, маленький не может быть таким, как взрослый. Во-вторых, и у меня, взрослого, есть свои недостатки, и я вот, например, совсем не хочу, чтобы у ребят были такие же недостатки, как у меня.

Другой говорит:

— Дети должны слушаться; мальчуган должен быть таким, каким я хочу и велю.

Во-первых, уверен ли я, взрослый, что я всегда прав, а во-вторых, может ли мальчуган, хотя и хотел бы, быть таким, каким мне нравится? Всегда таким?

Раньше меня больше всего огорчало и сердило, когда что-нибудь плохое делал не хулиган, а как раз хороший мальчик. И я говорил с упреком:

— А я тебе доверял. Не ожидал! Понять не могу... Сам не знаю, что с тобой делать.

Теперь я уже понимаю, что все не ангелы, и знаю, что надо сказать лишь:

— Старайся больше так не поступать.

Не надо ждать и требовать слишком многого, потому что это отбивает охоту и у хороших, и у плохих.

Один говорит, полный горечи:

— Мне уже никогда ничего нельзя.

А другой:

— Не стоит стараться, все равно все пропало.

Каждый должен верить, что он может исправиться, что у него есть не только недостатки, но и достоинства.

Я убедился — у ребенка потому лишь столько столкновений с окружающими и страданий, что он думает: «Я плохой». Ребенок не знает четко своих недостатков и, значит, не знает, в чем ему надо исправляться.

Говорит:

— Никогда уже больше не буду так делать.

И думает, что это ему удастся сразу, совсем и раз и навсегда. А ведь это не всегда так бывает. И он ожесточается.

— Ничего не поделаешь, я такой и таким и останусь.

Или еще хуже:

— Если я стараюсь и это не помогает, я назло буду еще хуже. Пускай что хотят, то и делают.

Иногда он замечает, что он не такой уж плохой, и спрашивает себя:

— И чего в самом деле они от меня хотят? Почему всё только сердятся?

Часто спокойным ребятам легко прикинуться хорошими, и это возбуждает гнев и зависть:

«Размазня... Кукла... Маменькин сынок... Неженка... Тихоня... Рева...»

И чувствительный ребенок страдает, а его товарищи-исподтишники орудуют безнаказанно. Постоянное же приставание портит и тех и других.

Однажды — это было очень давно — привела ко мне мать сына.

— Сил моих нет! Неуч, бродяга, уличный мальчишка. Раньше хоть порка помогала, а теперь и это не помогает.

Мальчика отправили за границу. Теперь он судья.

Другой, с которым не могли сладить родители, преподает гимнастику. Третий моряк.

И сами они натерпелись, и родители с ними исстрадались.

Теперь все хорошо.

Надо уметь найти общий язык, уметь мириться. И надо уметь прощать. А часто достаточно лишь переждать.

Даже у самых хороших бывают черные дни и недели. Одно не удалось, а потом все из рук валится: и в школе, и дома, и человек сам не знает отчего.

Я заметил, что мальчишки больше всего бесчинствуют в сентябре и в мае. В сентябре они еще помнят о каникулах, о свободе, а приходится сидеть в комнате. А весной, когда наступают первые теплые дни, ребятам уже невтерпеж, и они словно хмелеют. Даже в газетах тогда читаешь, что такой-то и такой-то убежал из дому.

Действительно, временами трудно, но я говорю себе:

— Что ж, бывает.

Иногда кто-нибудь очень следит за собой; обещал исправиться — и удалось! Ничего не сделал плохого, никто на него не сердился. А ведь первые дни самые трудные. И он уже думает, что так и останется, что он, как все. Он уже устал от этого старания. Ведь когда пытаешься исправиться, стараешься не играть, больше сидишь над книжкой, избегаешь всего, только чтобы что-нибудь не вышло. И вдруг катастрофа: опять! Вот тогда-то и наступает эта самая плохая неделя.

Я знал мальчика, который дрался иногда по два и по три раза в день. Никак не мог справиться с этим недостатком. Я посоветовал:

— Дерись раз в день.

Согласился. У него была сильная воля.

Мы поспорили на две конфеты в неделю:

— Если за неделю у тебя будет не больше семи драк, я даю тебе две конфеты, проиграешь — ты мне.

Так прошло четыре месяца.

Сначала мы спорили только насчет драк дома, а потом и дома и в школе. Сначала о семи драках, потом о шести, о пяти, о четырех, трех, двух и одной драке в неделю. Наконец о нуле — ни об одной. Потом начали спорить о ссорах.

Помню его последнюю победу.

Он стоял на лестнице. Другой мальчишка мчался по лестнице вниз, пихнул его, этот того. Но тот вспетушился и дал сдачи. А мой покраснел, насупил брови, закусил губы, сжал кулаки... Это длилось какое-то мгновение. И вдруг ринулся вниз прямо во двор. Там он долго стоял и ждал, когда успокоится.

Когда пришел срок нашему пари, он сказал улыбаясь:

— Чуть не проиграл, на волосок был от драки!

Мальчик этот теперь уже взрослый и говорит, что благодаря пари он отучился драться.

Таких записанных у меня в тетрадках пари, пожалуй, уже тысяч с пятьдесят. Я заключаю каждую неделю таких пари с разными мальчишками и девчушками по пятидесяти и более. Дело тут не в конфетках, а в победе.

Спорят о том, что будут вставать сразу как проснутся, умываться как следует, не опаздывать к столу, читать по пятнадцати минут в день; что не будут выскакивать с ответами в школе, стоять в углу, забывать, терять, лезть, приставать, надоедать, давать прозвища, болтать; что будут переписывать старательно по пяти строчек в день и чистить зубы. Что будут или не будут что-либо делать.

От вранья трудно отвыкнуть. Тот, кто часто врет, начинает с четырнадцати раз в неделю (по два раза в день).

Да, но кто проверяет, что без обмана? Никто, ведь чтобы выиграть, можно оговорить любое число.

— На прошлой неделе ты оставлял за собой право соврать четырнадцать раз, а на этой семь. Не мало ли?

— Хватит.

— А трудно тебе не врать?

— Сначала было очень трудно.

А вот мои проверенные на опыте правила:

1. «Если трудно, исправляйся не сразу, а постепенно».
2. «Выбирай для начала лишь один, самый легкий недостаток и прежде всего кончай с ним».
3. «Не падай духом, если долго нет улучшения или даже есть ухудшение».

4. «Не ставь слишком легких условий, но такие, чтобы ты мог выиграть».

5. «Не слишком радуйся, если сразу отучишься; избавляться от приобретенных недостатков легко, а от врожденных трудно».

Делая то, что ты не любишь, и не делая того, к чему ты привык, ты закаляешь волю. А это самое главное. Стать хозяином своих рук, ног, языка, мыслей...

Есть люди, которые относятся к себе слишком строго, и это нехорошо; есть и такие, которые слишком легко и слишком много себе прощают, — это тоже плохо. А бывают люди, которые не знают своих достоинств и недостатков. Эти люди должны стремиться узнать их.

— Гноти сеаутон, — сказал греческий мудрец: познай самого себя!

МАЛЬЧИКИ — ДЕВОЧКИ

— Мальчики — люди, и девочки — люди. Значит, между ними нет разницы.

Так говорят одни.

— Неправда. Девочки спокойнее, послушнее, порядочнее, прилежнее, деликатнее.

Так говорят другие.

— А я предпочитаю мальчиков. Мальчики веселые, не наскучат, они не обижаются, искреннее, больше их все занимает, легче убедить.

— У девочек сердце мягче.

— Вовсе нет, мальчик охотнее поможет, услужит.

— Неправда.

И они спорят и никак не могут согласиться.

Иные говорят так:

— Между мальчиками и девочками не должно быть никакой разницы. Если бы они вместе учились, вместе ходили в школу, они были бы совсем одинаковые.

И, в конце концов, так и неясно, кто прав.

Нет, ясно.

Правы и те, кто говорит, что отличаются, и те, кто говорит, что похожи.

Даже между деревом и человеком есть сходство: дерево возникает из семени, питается, растет, ощущает жажду, дышит, радуется солнцу, старится и умирает, даже спит и отдыхает, его можно даже обидеть, довести до болезни и увечья.

А птица не любит ли, как человек? Не печалится, не сердится, не тоскует? Хуже чем человек поет?

А собака — верный товарищ?

Похожи и взрослые на ребят...

И не отличаются ли друг от друга? Найдешь ли хотя бы двух совершенно похожих мальчиков? Разве все девочки одинаковы?

Ну а будь в школах совместное обучение?

А оно и было и есть. Ведь различия могут быть и большими, и малыми.

Одно дело говорить, как хочется чтобы было и как должно быть, а другое дело, как оно есть.

Так кто же лучше, мальчики или девочки?

У каждого человека есть достоинства и недостатки, кто этого не знает? Недостатки и достоинства есть и у девочек и у мальчиков.

Нужно понимать друг друга, уважать, прощать и любить.

Очень долго и мне казалось, что потому у них разный характер, что раньше у мужчин и женщин были неодинаковые права, что юноша ходил на войну и охоту, а девушки ухаживали за больными, пряли и готовили пищу. Поэтому мальчики ловчее, и сильнее, и любят другие игры. Так уж привыкли.

Может быть, теперь это и реже бывает, но, когда я был маленький, взрослые часто говорили:

— Ничего, что мальчишка проказничает. Мальчишка и должен быть озорным. А девочке не пристало.

Будто мальчик должен быть смелым, девочка робкой, мальчик подвижным, девочка спокойной, мальчик легкомысленным, девочка благоразумной.

Девочки завидовали мальчишкам, и между ними не было согласия.

Но его и теперь нет. Почему?

Смотрю я и думаю, и вот что мне кажется.

Мальчишек сердит, что девочки быстрее растут и раньше созревают.

Приятно расти. А тут вдруг мальчик замечает, что девочка его обгоняет. Одного с ним возраста или моложе, а выглядит старше.

— И что она воображает? Ишь ты: барышню из себя корчит. (Это значит: делает вид, что взрослая.)

Мальчик или горюет про себя, или всячески пристаёт и докучает.

— Мамзель-стрекозель, — говорит сердито и с презрением.

Иногда девочка и сама огорчена, не хочет расти; я знаю случаи, когда девочки мало едят, чтобы не полнеть и не расти.

Или, выведенная из себя, ответит:

— Сопляк.

И война готова.

Если мальчик ловчее и сильнее, он силится доказать, что он больше значит, а если слабее, начинает делать наперекор, назло. Поссорился с одной девочкой, а в обиде на всех.

Хуже всего, если люди делают друг другу назло, нарочно, чтобы рассердить.

Так уж повелось на белом свете, что одному легче, другому труднее, один здоровый и сильный, другой слабый, одному больше дано, другому меньше, — так пусть хоть по крайней мере не будет того, чтобы один радовался, что сумел принести горе другому, один плакал, а другой над этим смеялся.

Однажды мальчик приставил девочке к голове пробочный пистолет и пугал, что выстрелит. Девочка плачет, а он смеется.

— Экая глупая: боится.

Хватает мячик и убегает. Знает, что не прав, а еще дразнится:

— А что ты мне сделаешь?

Может быть, я слишком строг, но я думаю, что низко, подло, мерзко:

Издеваться над беззащитным.

Досаждать слабому.

Шутить, доводя до слез.

Это никому не нужная злобность так сердит, так возмущает, такое вызывает отвращение к человеку и жизни!

Часто взрослые думают, что это просто глупость, шутка, невинная правда. О, нет, проклятое стремление досадить — это, может быть, самый большой недостаток у мальчишек в отношении девочек.

Знаете что? Я встречал добрых, мягких, веселых, справедливых учительниц, которые потом становились злыми, суровыми, нервными и недоброжелательными оттого лишь, что дети делали им назло. В том и состояла забава: вывести из себя.

Девочки меньше дерутся: и не пристало, и платье мешает, и волосы; нет сноровки, не знают приемов борьбы. Девочки шиплются или царапаются — руками или словами. Высмеивания, секреты, сплетни, ссоры...

Мальчишек это очень раздражает. Выходит, мальчишки действуют искренне и явно, а девчонки исподтишка.

И здесь взрослые допускают большую ошибку. Думают, что удар рукой больнее, чем обида, колкое слово.

Ошибался и я: я долго думал, что начал тот, кто первый ударил. Вообще нет, виноват тот, кто задирает.

«Ангелочки, воображалы, недотроги, нюни, плаксы, ябеды».

Правда, девочки часто стараются показать, что они лучше, чем есть. Но и мальчики неискренние, мальчики стараются показать, что они хуже, чем есть.

Не могу понять, почему это так, но мальчику кажется, что ему не пристало, стыдно быть спокойным, благоразумным, благовоспитанным. Мальчишка лучше порвет с товарищами, чем признается, что он не хулиган.

Да, справедливо осуждают мальчиков. Но они сами виноваты.

Мальчику так же, как и девочке, хочется быть красивым, только он в этом не признается. Я знаю, как мальчишки неохотно стригутся; но говорят, что у них мерзнет голова и шапка будет велика. Хочется им хорошо одеваться, хочется быть милыми и деликатными, да не пристало признаваться.

Мальчишке труднее быть чистеньким, он любит подвижные игры. У мальчиков больше синяков и шишек, порезанных пальцев, ссадин на коленках; мальчики больше дерут башмаки, чаще бьют стекла. Да потому, что они больше мастерят и более дотошные. Но они не грязнули.

Просто мальчики любят все побыстрее, менее терпеливы, и потому тетради у них не в таком порядке. Но стараются мальчишки не меньше.

Как и девочки, они страдают, жалеют, им неприятно видеть чужое горе, только они не хотят показать этого, боятся насмешек. Знай они, что бояться приставаний и прозвищ — это тоже трусить!

И наконец, мальчишки стыдливы не менее девочек. Только мальчишки говорят нехорошие слова громче. А делают чего-нибудь неприличное из озорства или чтобы «себя показать».

Как и девочки, мальчишки брезгают «свиньями». Если девчонки «ангелочки», то мальчишки «задавалы» и, значит, тоже «воображалы».

Мальчишки задирают иначе, более шумно, только и всего.

Взрослые должны знать, что мальчишки больше всего сердятся

и сильнее всего мстят, когда затронута их стыдливость.

— Не хочу, чтобы она смотрела, — говорит мальчик. — Если ей можно, так и мне.

Теперь мода другая. Ребятам говорят, что не надо стыдиться ходить в купальниках и спортивных костюмах. Это лучше, чем когда считали, что девочка должна быть стыдливой, а мальчишка бесстыжим. Спорт и харцерство принесли большую пользу.

Я пишу об этом потому, что неправда вредна, а здесь было много лжи. Не зная, как со всем этим быть, мальчишки злятся и живут с девочками на ножах.

— Не выношу девчонок, — говорит мальчик.

— Не выношу мальчишек, — говорит девочка.

Неправда.

Один раз приятнее играть и говорить с мальчиками, другой раз — с девочками. Есть игры, в которых девочки мешают, а есть и общие. Может же девочка бегать, лучше, чем мальчик, почему тогда мальчику нельзя играть в куклы?

— Ой, он с девчонками играет!

— Ой, она с мальчишками играет!

А начни мальчик с девочкой чаще разговаривать, сразу:

— Жених и невеста, парочка.

А я знаю целых четыре случая, когда мальчик с девочкой любили друг друга еще когда ходили в школу, а выросли — стали мужем и женой.

И знаю случай, когда мальчик играл в куклы. Девочки шили платьица и одеяльца, а он делал для кукол кровати и шкафики. И никто не смеялся, не над чем тут смеяться.

Мое правило жизни такое:

«Быть искренним. Не обращать внимания на разные подковерки. Если я что люблю, говорю: «люблю», и баста».

И второе правило:

«Меня не касается, маленький кто-либо или большой и что говорят про него другие: красив, некрасив, умен, глуп; меня не касается даже, хорошо ли учится, хуже меня или лучше; девочка это или мальчик. Для меня человек хорош, если хорошо относится к людям, если не желает и не делает зла, если он добрый».

Иногда учителя говорят:

— Он хорошо учится, много читает, развитый.

А кому от этого польза? Если он эгоист, сухарь и вдобавок задавала? Совсем как богатый скряга — вызывает только злость и зависть.

Не знаю, что больше объединяет людей — сходство или именно различие? Одного я люблю за то, что он похож на меня, а другого за то, что не похож. Раз веселый дружит с веселым, раз — со спокойным и грустным. А иногда один из друзей как бы опекает другого. Могут полюбить друг друга старший с младшим, богатый с бедным, мальчик с девочкой.

Я заметил, что только глупые люди хотят, чтобы все были одинаковые. Кто умен, тот рад, что на свете есть день и ночь, лето и

зима, молодые и старые, что есть и бабочки и птицы, и разного цвета цветы и глаза и что есть и девочки и мальчики. А кто не любит думать, того разнообразие, которое заставляет работать мысль, раздражает.

ПРОШЛОЕ — БУДУЩЕЕ

С грустью я заканчиваю эту небольшую книжку. С беспокойной душой кончаю этот свой опыт.

Я писал эту книжку очень быстро, боялся, что если хотя бы на один день прервусь, то остыну и не закончу, а начало порву и выброшу.

А мне кажется, что эта книжка очень нужная. Может быть, не всем, а тем, кто любит вдумываться.

Когда собираешься писать книгу, всегда кажется, что она нужная и будет легко писаться и читаться.

Нужно ведь, чтобы старший рассказал о том, что он знает, и облегчил младшему понимание жизни и ее правил.

А мне это легко сделать, я уже много лет работаю с ребятами — вижу, что они делают, беседую с ними, выслушиваю их вопросы, жалобы, знаю, что им мешает, докучает, понимаю их трудности.

И такую книгу будет приятно читать, потому что наряду с ошибками и проступками, ссорами и обидами я вижу столько прекрасных дел и добрых намерений, столько взаимных услуг, уступок, помощи, заботы и доброжелательности.

Я с радостью сажусь писать. Но стоит взять в руки перо, как сразу все выходит не так, как хочется. Тяжело, трудно. И только когда глава окончена, вспоминаешь, что то-то и то-то упущено, что об одном написано слишком кратко и непонятно, а о другом, менее важном, слишком много и растянуто.

Начинаешь исправлять и переписывать, но это не помогает. Совсем так, словно задумывал один, а писал другой.

Одно в мыслях и в мечтах, другое на бумаге, буквами и словами.

И уже даже не хочется писать.

К чему? Мало ли и без того интересных, хороших, нужных книг?

Да и так ли это, как я думаю? Быть может, желая облегчить понимание, я затрудняю и путаю?

Легко ошибиться старому человеку, когда он пишет детям о детях! А ошибешься, вместо того чтобы завоевать доверие, можно вконец его потерять.

А чем сидеть и писать, приятнее взять книжку и сесть под дерево почитать или пойти прогуляться.

К чему писать: быть может, так и должно быть, что ребята — отдельно и взрослые — отдельно? Каждый сам по себе. Те свое, эти свое.

Надо признать, что мы не встречаем в ребятах ни искренности, ни доверия. Ребята неохотно говорят нам о том, что думают и чувствуют на самом деле. Неохотно делятся трудностями и сомне-

ниями, мечтами и планами на будущее, опытом своего прошлого.

Один не хочет говорить, потому что не знает наверняка: то ему кажется так, то эдак. И ему стыдно. Он не знает, что и взрослые немного знают наверняка, и у них мысли разные, и они колеблются и заблуждаются.

Другой не хочет говорить, боится, что его высмеют, станут шутить над тем, что для него всерьез.

А третий и хотел бы сказать, да не знает, как начать.

Это-то и трудно, говорить о том, что больше всего занимает.

— Как удивительно!

— Что удивительно?

Все. Все, что ты помнишь и о чем забываешь. И как человек засыпает, и что ему снится, и как просыпается, и что было и не вернется, и что будет. И воспоминания, и память, и мечты, и намерения, и решения.

Ошибаются взрослые.

Им кажется, что у детей только будущее, а прошлого нет.

Им кажется, что дети не хотят думать о будущем и об этом будущем с ними надо часто говорить.

— Когда я был маленький, — говорит ребенок.

— А теперь ты большой? — и взрослые смеются.

Это же неприятно!

Мне кажется, старик охотнее рассказывает о своем детстве, чем самолюбивый ребенок. Слово это что-то постыдное.

Быть может, это потому так, что взрослые чаще напоминают ребенку о том, что у него в прошлом было неудачей, ошибкой, заблуждением. И с гордостью говорят:

— Теперь ты уже старше.

Часто взрослые удивляются:

— Как он помнит! И откуда он это помнит?

Удивляются, что помнит людей, события и разговоры, о которых сами они, взрослые, забыли.

А меня это совсем не удивляет.

Лучше всего помнишь то, что видишь, слышишь или делаешь в первый раз. В первый раз живешь в городе или в деревне — едешь по железной дороге — плывешь на лодке — твоя первая фотография — впервые в горах или на море — в цирке, в театре — первый день в школе — первый твой товарищ.

Но если в первый раз ты что-нибудь делал давно, а потом делал это еще много раз, все смешается, перепутается, но кое-что от каждого раза останется — и вот воспоминание готово.

Что значит: помнить и забывать? Почему иногда важное забываешь, а какую-нибудь мелочь помнишь, часто забываешь, что было недавно, а помнишь, что было давно? Одно воспоминание ясное, а другое смазанное, как бы в тумане. Почему что-нибудь вспомнилось именно сейчас?

Никто не помнит, когда он впервые увидел собаку. Да, но он ее уже знает. Он видел больших собак, маленьких собак, белых и черных, легавых и борзых, пуделей и мопсов, старых собак и

слепых щенят, собак, которые стояли или гонялись друг за дружкой, и тех, с которыми он играл. Поймавшая муху собака — веселая и злая — собака, которая полизала, залаяла, хотела укусить, укусила. Голодная собака — больная — озябшая — с перебитой лапой. Встреча собаки с кошкой — собака на цепи — собака, повпавшая под машину.

«Теперь я уже представляю, теперь я уже понимаю, теперь я уже знаю, уже не боюсь, это уже для меня не тайна».

Воспоминания — это наш опыт. Они учат человека, что делать, чего избегать. И каждый присматривается, приглядывается, потом встречает что-нибудь новое, другое. Помнишь, забываешь, опять вспоминаешь.

Сколько я в детстве падал, сколько пережил горьких неожиданностей, стыда и страха, прежде чем узнал, что режет, обжигает, что такое ножик, стекло, молоток, листовое железо.

Сведения, почерпнутые от родителей и товарищей, в школе и из книжек, то, что я видел, слышал, прочел, — все это, вместе взятое, составляет прошлое, веселые и печальные воспоминания; все это диктует мне правила жизни на теперь, на сегодня.

И только потом уже будущее.

Некоторые ребята пишут дневники: ежедневно отмечают, что случилось. Многие остывают, ведь писать трудно, а каждый день приносит столько нового. Другие делают иначе: записывают в тетрадку названия городов и улиц, которые они узнают, заглавия прочитанных книг, имена знакомых и друзей. Это как бы счет прошлого, итог приобретенного опыта.

Правильно ли поступают взрослые, постоянно пугая тем, что будет?

«Будет тяжело, будет плохо... Ты должен привыкать... должен научиться... через десять — двенадцать лет...»

Может быть, дети не очень даже этому верят. Ведь странно подумать, что ты будешь таким, как отец. Дети представляют себе это как-то иначе.

Ах, мечтания юности!

Приятно в уютной комнате или в постели думать о том, что когда-то будет. Мечтать о путешествиях и приключениях, что ты знаменитый полководец, или что раздаешь деньги бедным, или что ты ученый, поэт, певец или скромный, но всеми уважаемый и любимый учитель.

Воображаешь, что не все удавалось сразу, а что были и препятствия, и трудности, даже борьба и опасности. Но в мечтах препятствия только приятны, благодаря им сказка, которую рассказываешь себе, длиннее, а победить можно каждую минуту, и все кончится хорошо.

Как-то я спросил в классе, кем кто хочет быть. Один мальчик сказал:

— Волшебником.

Все засмеялись. Мальчик смутился и прибавил:

— Я буду, наверное, судьей, как мой папа, но ведь вы спра-

шивали, кем я хочу быть?

Именно такой вот смех, а затем и прозвища приучают к неискренности и скрытности. Ведь каждая мечта словно волшебная сказка.

А мечты полезны и важны. Человек не сразу знает, к чему себя готовить. По-разному прикидывает, из десяти разных выдумок составляя одну программу жизни.

Какова разница между мечтой и программой?

Мечта — это отдых, удовольствие, она не налагает никаких обязательств. Люди говорят:

«Витают в облаках, строит воздушные замки, желает достать звезду с неба».

Да, да! Летит на самолете фантазии, думает ради забавы о том, чего нет, подняв взор к звездам. Томится, жаждет. Именно так. И дорастает до программы, которая серьезна, строга, сурова, которая требует и обязывает.

Программа — это как бы клятва, присяга у знамени жизни.

Человек решил, приступил и идет к цели медленно, но верно.

— По географии у меня пятерка, я учу иностранные языки, рассматриваю карты, атласы, знакомлюсь с городом и его окрестностями, читаю приключенческую литературу и про разных людей и про зверей. Я буду путешественником.

— Я охотно разговариваю и играю с маленькими. Терпеливо отвечаю им на вопросы, объясняю, растолковываю, помогаю и выслушиваю их жалобы. Я люблю свою маленькую сестричку (или брата). Расскажу сестренке сказку, покажу картинки, дам почитать свою книжку — ласково и спокойно. Я буду учителем.

— Я стараюсь познать свои недостатки и достоинства. Человек строптивый не может быть ни полководцем, ни пилотом, ни воспитателем. Я хочу быть справедливым, точным, благо-разумным, отважным, дисциплинированным, правдивым.

— Я хочу иметь сильную волю.

Кто умеет только мечтать и ждет, что все само придет и само собой сделается, тот, может быть, и будет кукситься, когда увидит на деле, что все это не так и более трудно.

— А я люблю то, что трудно. Хочу добиваться и выходить победителем. Я знаю себя. Я умею смолчать и приказать. Я мужествен и терпелив. Мягок с другими, суров к себе. И я веселый — не капризничаю и не жалуясь.

— Мне столько лет, сколько есть. Я не стыжусь ни своего возраста, ни своих мыслей, ни своих чувств. Я заставлю уважать себя и ту цель, которую себе поставил.

ТРИ ДОПОЛНЕНИЯ К ЭТОЙ КНИЖКЕ

Дополнение первое

Я думал об этой книжке много лет; сочинял в голове. Это было очень трудно.

Бывают менее важные правила жизни и очень важные. Самых

важных правил жизни я решил в конце концов совсем не затрагивать.

И теперь я не знаю, хорошо написана эта книга или плохо.

Здесь могут быть разные ошибки, но нет ни одного слова лжи.

Потому что я уважаю и пожилых, и молодых, и маленьких. Я хочу быть искренним. Правда всегда выйдет наружу.

Дополнение второе

Поэт — это такой человек, который сильно радуется и сильно горюет, легко сердится и крепко любит, который глубоко чувствует, волнуется и сочувствует. И дети такие.

А философ — это такой человек, который глубоко вдумывается и обязательно желает знать, как все есть на самом деле. И опять дети такие.

Детям трудно самим сказать, что они чувствуют и о чем думают, ведь приходится говорить словами. А еще труднее написать. Но дети — поэты и философы.

Дополнение третье

Это рассказ пятилетнего Виктора. Я его уже два раза печатал, да только в книгах для взрослых. Рассказ этот трудно понять потому, что Виктор спешил и, когда он говорил о том, как солдат убивал собаку Фокса, у него даже слезы выступили на глазах.

Рассказ Виктора был такой:

«Яблоки — я вижу яблоки — маленькие такие — а деревья такие большие — можно лечь и качаться — и был такой песик — и как одно яблоко упадет! — а он лежит и спит — мама пошла — а я хочу сам — и там стул — а песик — какой-то другой песик — и так его укусил — зубы у него острые-преострые — значит, спит он, а он его укусил — песика надо побить за то, что его укусил — а там хозяйка — а у него такие зубы — я забыл, как его звали — Фоксом его звали — и он укусил — кр-р-ровь! — он грыз кость — Фокс, пшол, пшол вон — а он вытаращил глаза и укусил — я бросил ему яблоко — сорвал с дерева и далеко бросил — жесткое такое, а сладкое, как не знай что — а он только понюхал — а потом пришел солдат — бух в песика — бух, такой славный — славный — славный».

А это рассказ девятилетней Стефы:

«Когда мы пришли домой, то там, за забором, где решетка, лежала птичка. Потом Рома хотела ее взять, а я это увидела и сама захотела взять, и взяла с той решетки. А когда мы взяли, все девочки собрались и смотрели. Потом мы принесли ее сюда. Перышки у нее были такие серенькие и беленькие, клювик в крови и глазки открыты. Мы сделали на дворе такую ямку, завернули птичку в газету и засыпали землей. Может, ее какой мальчишка нарочно убил? Клювик перебитый был, и головка качалась. Рутковская чуть не заплакала. Она, как что увидит, так сразу гладит рукой, и уже совсем было заплакала, да не заплакала, только слезы на глазах выступили».

Такова поэзия юных.

РОКОВАЯ НЕДЕЛЯ

Угольщик подвел.

Папа очень сердился, что мама все откладывает до последней минуты. Мама сказала, что если папа не знает, пусть не говорит, уголь еще в четверг был заказан. Папа сказал, что в городе, слава богу, угольщик не один. Мама сказала, что она об этом знает лучше папы, только как раз этот не обвешивает. Папа сказал, что ему грошовая экономия мамы костью в горле встала. Мама очень обиделась. Пускай папа сам ведет хозяйство; папа жестокий человек; мама тоже многое могла бы сказать. А папа сказал: «Завела. Старая песенка» — и вышел.

Все это происходило в воскресенье, а в понедельник утром в квартире стоял собачий холод.

Стасика уже два раза будили, раз — мама, а во второй раз — Людвика. Стасик делает вид, что спит. Под одеялом тепло, а в комнате холодно и темно, на улице холодно и грязно, а в школе...

— Мать велела спросить, ты встаешь? Вставай, а то уже поздно... Опоздаешь в школу.

Людвик тянет одеяло.

— Сейчас...

— Сейчас — это сейчас. Вставай же!

— Уйди!

Ах, как он ненавидит эту противную кухарицу, которая во все суется.

— Ладно, я вот скажу матери! Лежи, давай, лежи.

Стасик ненавидит Людвика. Ненавидит за то, что должен вставать, что сегодня понедельник, а на неделе нет праздника; за то, что учитель сегодня отдаст диктант, где Стасик сделал две грубые ошибки, о которых он знает; и наконец, за то, что сегодня первая география и его наверно вызовут, потому что остались только шестеро, кто отвечал по одному разу.

— Ну что, встает? — доносится из столовой мамин голос.

Стасик садится в кровати и начинает под одеялом лениво одеваться.

— Ага, — говорит Людвика с торжествующей улыбкой.

— Если Людвика не уйдет, я не стану одеваться.

— Ой-ой-ой, какой скромненький, если бы кто знал!

«Чтоб ты сохла», — думает Стасик в сердцах.

*

Серое, тусклое, стылое утро понедельника.

Серое, тусклое, постылое, как жизнь этой стократ миллионной толпы, которую она влачит в поисках пищи и одежды, по кругу, от воскресенья до воскресенья, по кругу, лениво и бессмысленно, по кругу, без ясной улыбки, без яркого стремления, без свободного воздуха впалой грудью, без этого лесного «ау» в зеленой пушке, подхватываемого громким эхом.

Воскресенье принесло скуку и разочарование, за утром понедельника последуют шесть долгих мутных дней, прежде чем наступит новое воскресенье с его скукой и апатией. Эх, господи, господи — миллионы школьной детворы вы впрягли, заставили тянуть лямку, вот и тянут ее бедные ребятки всё по кругу, по кругу, от воскресенья до воскресенья, и тупеют после многих лет мук и молчаливого, бессильного протеста!

Идет Стасик с ранцем на спине и с камнем забот на душе, стараясь делать большие шаги, чтобы каждый равнялся плитке тротуара, а по дороге ударяет рукой по жестяным вывескам лавчонок.

— Здравствуй.

Равнодушно подают друг другу руки.

— Знаешь, я вчера был в цирке.

Висьницкий всегда должен чем-то похвастаться.

— Велика важность! Наверно, на утреннике.

И Стасик сворачивает, чтобы влезть в лужу.

Задетый, Висьницкий умолкает.

— А вот именно вечером. Да это все равно.

— Все бы ты знал, да не все бы врал. В полдень дают для детей.

— Вовсе нет, только можно взять с собой одного ребенка бесплатно, а все остальное такое же.

— Но львов на дневном не показывают.

— А вот и показывали.

— И входил в клетку?

— И входил.

— Кем клянешься?

— Клянусь отцом, — и смотрит Стасику прямо в глаза.

— Ну и попался, ты был на утреннике.

— Вовсе я не попался.

— А откуда ты знаешь, что входил в клетку?

— Знаю и знаю.

Идут рядом, сердитые, молча.

— Здравствуйте.

Червиньского Стасик тоже не любит, зубрилка и глупый.

— Знаете, я в этом диктанте не сделал ни одной ошибки.

— А как написал «последнее»? — спрашивает Висьницкий.

— Фу, тоже мне!

Это как раз одна из двух грубых ошибок Стасика.

Стасик отделяется от них, идет по краю канавы, по самому краешку, руки в стороны, удерживая равновесие. Поглядывает искоса на одноклассников и думает неприязненно:

«Щенки».

— Садись. Довольно.

Теперь очередь Стасика.

Стасик быстро прячет часы. До звонка три минуты.

Еще остались только двое, кто отвечал по одному разу, а из семи, опрошенных сегодня, у четырех двойки.

Последним отвечал на «М»; на «Н» нет никого, на «О» один, а затем «П». Стась быстро представил себе весь ужас своего положения. «Скорей, звонок, скорей, — кричит он мысленно в страшном, знакомом только детям и душевнобольным ужасе. — Боже, спаси и помилуй!»

Учитель поставил отметку, сначала в блокноте, потом в журнале; пробегая взглядом список, перевертывает страницу — Стасик там на самом верху.

— Прехнер.

Стасик перевел дыхание. «Боже милосердный, благодарю тебя!» Сердце его, колотившееся беспокойно после испытанного потрясения, преклонило колени в покорной молитве.

Значит, он будет отвечать в субботу: выучит на пятерку — всю большую перемену будет повторять!

А Прехнер медленно одергивает блузу, очень медленно закрывает книжку, откашливается.

— К доске, — торопит учитель.

Прехнер медленно вылезает из парты. И звонок.

В самом начале один тихий, приглушенный звук; это сторож берет колокольчик в руки, а потом целая волна громких, сочных спасительных ударов.

Учитель махнул рукой, отложил ручку, закрыл журнал и вышел.

Класс оглашает десяток голосов. Стасик присоединяется к группе, где Прехнер рассказывает, что он книги в руках не держал и не ответил бы ни слова. Видно, что не хвалится, а на самом деле не знал. И ничего удивительного: он уже три раза отвечал. Учитель хотел его поймать, это ясно.

Первая перемена короткая.

На уроке закона Божьего сосед дает Стасику обещанную книжку. Стасик смотрит оглавление, держа книжку в руке, потом вначале как бы нехотя, а затем уже внимательнее пробегает содержание первой главы; наконец кладет книгу на парту, прикрывая наполовину законом Божьим, — интересно.

— Что ты читаешь? — спрашивает его ученик с задней парты.

Стасик тревожно взглядывает на ксендза.

— Не твое дело; не суй свой нос.

Урок проходит быстро.

В душу Стасика закрадывается беспокойство. Уже послы донесли, что Спаржа принес тетрадки, уже дежурный зовет, чтобы сядились по местам, уже педель два раза стучал ключом в застекленную дверь, чтобы вели себя тише. Стучать ключом по стеклу он научился у инспектора: обезьянничает.

Урок начинается.

— Кого нет в классе?

Спаржа переписывает оценки из блокнота в журнал. Ученики на первой парте привстают, чтобы по движению ручки отгадать,

кто сколько получил, — показывают на пальцах.

— Дежурный!

Выскакивают оба: один еврей, другой католик; Спаржа еврею тетрадей не дает: как-никак это работа ответственная.

— Ой, это моя тетрадка, дай!

— Подождешь, по очереди!

— Пшемьский.

— Давай!

Стасик не отваживается взглянуть. Листает страницу за страницей: два, три, три, два, три, два, три, три — а теперь?

На щеках у него выступил румянец. Сердце колотится, как на географии. На первой странице две маленькие ошибки, подчеркнутые один раз, третья — подчеркнута волнистой линией — и одна из тех двух грубых ошибок. Нечего и смотреть: двойка.

— Сколько?

— Отстань!

Стасик прикрывает глаза, переворачивает страницу и закрывает ее промокашкой. Промокашку понемножку отодвигает. Нет красных чернил, нет, нет; может, хотя бы с двумя минусами? И вот эта фатальная фраза. Но во сне это или наяву? Нет! Стасик готов от радости закричать: ошибка есть — тут она, бестия, а Спаржа ее не заметил. Смелым движением Стасик открывает отметку: тройка с минусом. Если бы Спаржа заметил, была бы двойка. И Стасик испытывает очень сложное чувство: благодарен Спарже, что тот не заметил ошибку и зол на него, что за одну грубую ошибку и две маленькие поставил только тройку с минусом: ведь мог поставить и чистенькую.

— Видишь? — показывает соседу.

Сосед доброжелательно улыбается.

— А у тебя сколько?

— Три с плюсом.

Они стали сравнивать ошибки.

— Тише, — делает замечание учитель.

И начинается исправление ошибок, десятки правил, повторяемых десятки, мало — сотни раз. Стасик смотрит на тройку с минусом и ни о чем не думает: его нервная система целиком исчерпана. Сидит бессмысленно и даже не радуется.

— Пшемьский!

Стасик встает.

— Почему? — спрашивает учитель.

Стасик умоляюще смотрит на товарищей.

— *Превосходная степень**, — жужжат со всех сторон.

— *Превосходная степень*, — повторяет Стасик.

— Что: «превосходная степень»? — спрашивает учитель, беря ручку.

— *Ять*, — подсказывают слишком громко.

— *Ять*, — повторяет Стасик.

— Надо быть внимательнее, — говорит учитель.

Ученик с первой парты выставляет за спиной два пальца. Ста-

сик и сам видит: стоя, ему видно, как учитель отыскивает его клеточку в журнале и, помедлив, выводит явную двойку.

Гром среди ясного неба...

*

Юзик ожидает Стасика с нетерпением — сам ему открыл дверь — и, не дав снять ранец, крикнул:

— Иди, что я тебе покажу!

— Подожди, я только сниму калоши.

— Ну, скорее! Знаешь: в этой новой лавке к каждой тетрадке дают в придачу один большущий брелок или шесть маленьких — на выбор. А к общей тетради — цепочку.

— Какую цепочку?

— Настоящую.

— Врешь.

Юзик страшно доволен, что ему удалось заинтересовать старшего брата своим великим открытием.

— Вот, видишь, наклейка на обложку, промокательная бумага, шесть брелочков и перо.

— Этому перу грош цена.

— Ну и что? А брелочки красивые?

— Так себе.

Юзик на Стасика в обиде: ожидал, что его ослепит, ошеломит, а тот... Не знает, бедняжка, что у Стасика двойка по русскому языку.

— Обедать! Людвика, позови детей.

Влетает в комнату Зося. Опоздала: была на кухне, а ей так хотелось знать, что скажет Стасик, когда увидит промокательную бумагу, шесть брелочков, наклейку и перышко в придачу к одной простой тетрадке.

— Ну, что? — спрашивает с любопытством.

— Стасик, Юзик, Зося, обедать! Сколько раз надо вас звать?

Мама в плохом настроении. Эта идиотка Людвика опять отдала ключ от чердака, а ведь прекрасно знала, что в среду должна быть стирка. Маму это не интересует: пускай Людвика хоть на носу себе белье вешает, раз такая умная. Мама уже с ней больше не может. Бегать где-то — ума хватает, а коснись работы — теленок теленком, и вдобавок ленива. Может с первого числа искать себе место. И папа опять опоздал, а потом будет кривиться. И пускай кривится, маму это не интересует.

Зося наслушалась всего этого в кухне. Дурное настроение мамы передалось и ей.

— Стасик, не пинайся!

Стасик задел ее ногой случайно. Но если так, он уже нарочно пнет.

— Мама, Стасик пинается!

— Постыдился бы: такой большой, а за столом сидеть не умеешь.

И Стасику приходит в голову — что сказала бы мама, знай она

о двойке? Вместо «Постыдился» было бы: «Стасик, если ты еще раз ее тронешь, выгоню из-за стола!» И каким голосом!

*

Такая полученная в понедельник двойка похожа на большую назойливую муху и на кляксу на промокательной бумаге. Как муха, жужжит она и забирается, улучив момент, в каждую мысль; как клякса на промокашке, расплывается, разрастается, становясь все больше и больше — и так всю неделю. Если бы можно было сразу сказать маме: «Я получил двойку» — и отделаться. Так было бы лучше, но Стасик ведь так не поступит. Он и в субботу ничего не скажет и спрячет дневник, чтобы не портить себе воскресенья. Не дал сейчас, отдаст в понедельник. Но воскресенье и без того испорчено. Стасик притихнет, не осмелится ни попросить чего-либо, ни ударить Юзика или Зосю; знает, что провинился, и если бы родители внимательно к нему пригляделись, сами бы это заметили; запрется в комнате и будто занимается — не смеет читать открыто взятую у приятеля книжку.

С такой полученной в понедельник двойкой не повеселишься, смелым не будешь; пропала вера в себя и желание работать. К чему учиться, коли и так у тебя двойка и ничего тебя не спасет от родительского гнева. Даже если бы удалось получить четверку, двойка всегда ее перевесит.

Стасик хорошо знает, что, если в понедельник получишь двойку, на одной не остановишься; в такую неделю всегда не везет.

И когда во вторник учитель вызвал его к доске, Стасик был почти уверен, что получит двойку, наперед знал, что учитель задаст такую задачу, где будет деление и умножение дроби, и он ошибется.

Вчера репетитор опять ему объяснял, что если четыре умножить на одну вторую, то получится два, а если разделить — то восемь. Был момент, когда он напряг внимание и ему показалось, что начинает понимать... Но ему пришло в голову, что в таком случае вместо всей этой галиматши можно не делить, а умножать, и наоборот, и он сказал это репетитору... Репетитор начал кричать, что арифметику выдумали люди поумнее его и что Стасик лентяй — вместо того, чтобы немного подумать, он, видите ли, изобретает способы, чтобы вовсе не надо было думать; что арифметика — это пустяки по сравнению с алгеброй, и если он не может понять простого умножения дроби, то лучше ему распрощаться с гимназией.

Стасик сам это знает. Как-то раз во время перемены он стоял в дверях пятого класса и слушал, как один объяснял другому геометрию и рисовал круги на доске. Стасик вернулся в свой класс и попробовал нарисовать круг; вышла какая-то кривая загогулина. И не удивительно: как можно не по клеточкам нарисовать правильный круг, и чтобы был он ровный-ровный, а то ничего не выйдет, и в кругу еще надо провести с десяток разных линий, и чтобы все это точно сходилось. Стась уже тогда понял, что он не окончит гимназию. При одном виде толстых книг и набитых ранцев его

покидало мужество. А экзамены: в четвертом классе за все четыре года одних стихов сколько наберется! А помнит он хотя бы одно из тех стихотворений, которые учил наизусть два года назад?

Или эти дробы. Вчера уже была такая минута, когда он начал понимать. Да и теперь, если бы ему дали подумать, он, может, и решил бы. Потому что если у него осталось пять седьмых денег, и это было тридцать пять рублей, то он понимает, что раньше у него было больше. Его сбило с толку только то, что хотел-то он получить больше — и вдруг надо делить. Сам репетитор сразу же напугал его этими иксами. Иксов Стасик совершенно не понимает.

Эта двойка его даже не огорчает. До звонка почти три четверти часа, можно, по крайней мере, сидеть спокойно, не вызовут. Одна или две двойки, все равно: так или этак, мама станет кричать, а папа читать нравоучения:

«Я работаю, надрываюсь, ты плохой сын».

Стасику все равно.

Станкевич решает задачу, пишет, стирает, запутался в ответах, хочет как-то увильнуть от двойки. Стасик смотрит на него равнодушно, даже с некоторым интересом, даже с некоторым удовлетворением. Стасик уже пережил то, что того только еще ждет.

*

Пять часов. Урок музыки.

Стасик ненавидит музыку. Географии, дробям и грамматике учатся все, кого он знает; без этого не переведут. А он несчастнее других на целую музыку.

Папа говорит, что музыка — чепуха, а мама — что напрасная трата денег. И все-таки велют три раза в неделю брэнчать по часу с учительницей и ежедневно — самому. Когда он вечером освобождается после уроков, сразу слышит:

— Стасик, поиграй.

Иногда Стасику жалко учительницу: она ведь не виновата, что приходит, она должна приходиться; а иногда делает ей назло и пять раз подряд берет диез вместо бекара. Потому что зачем постоянно на него жалуются? А у него ведь еще гимназия!

И к чему это, раз ему музыка совсем не нужна?

Сиди и играй тут, когда у тебя уже две двойки на этой неделе, а завтра контрольная; весело, нечего сказать.

— Стасик, будь внимательнее.

— Но я внимательный.

— Стасик, почему ты меня так мучаешь?

Голос учительницы печальный, мягкий. Стасик растроган. Бедная. Стасик с трудом сдерживает слезы.

— Теперь сыграй без ошибки. Хорошо?

И сыграл без ошибки.

*

«Прошло только два дня», — думает Стасик, лежа в постели. Только два дня, а сколько он уже пережил на этой неделе. Еще среда, четверг, пятница, суббота. Что его еще ждет? Завтра конт-

рольная; если он не сделает задачу, то эта двойка перейдет на следующую неделю, после недели с двумя двойками опять будет неделя с двойкой.

Боже, как тяжело, как страшно.

Стасик смотрит на лампадку перед иконой и вздыхает.

Почему Бог, который всемогущ, не поможет ему в его тяжелой доле? Если бы он, Стасик, был Богом... Но грешно так думать, а накануне контрольной грешить нельзя... Если бы можно было знать, что будет завтра или хотя бы через час. Так можно было бы легко стать первым учеником. Стасик не хочет быть первым учеником. Первый ученик зазнается, и никто его не любит. Но хотелось бы иметь тройки, чтобы не бояться постоянно.

Стасик решил сегодня с репетитором пять задач; хоть бы попалась одна из этих. Была бы уже четверка на следующую неделю — сегодняшняя двойка была бы перекрыта.

Двойки делятся на опасные и неопасные. Дело в том, чтобы не получить двойку за четверть. По русскому языку у него уже пять троек и две двойки. Значит, учитель вызовет его на передачу; не такой уж он страшный, только на него иногда находит. С арифметикой хуже, но тоже дело поправимое.

Какие счастливые ученики, которым не надо показывать родителям дневник! Стасик знает двух таких. Никто ими не интересуется, никто на них не кричит. Или те, кто живет на селе и домой ездит только на праздники. Рогальский второгодник, а у него дома собственный пони — и ни до чего ему нет дела.

Только ему, Стасику, отравляют жизнь.

Стасик в такой обиде на всех, кто его мучает.

Почему, когда ему везет, родители добрые? Мама разрешает ему читать и заирать Юзика, и утром так не кричит, чтобы вставал, и не гонит играть, а папа ведет его в цирк или катает на извозчике. А как ему не посчастливится, то сразу все на него. Ведь он знает то же самое, что и остальные; кроме первых пяти или шести учеников, все живут так, как он. Если спросят его из того, что он знает, — получает хороший балл, или если учитель в хорошем настроении, или удастся списать, или еще что-нибудь. Например, если завтра будет одна из тех задач, которые он решал сегодня с репетитором, то он получит четверку — а его ли это заслуга? Так выпало!

Стасик уговорился с Гольдштерном так: если тот схватится за правое ухо, надо умножить, а за левое — разделить. Стасик уже вроде бы понимает, но боится рисковать, можно в последнюю минуту ошибиться со страху и в спешке.

Один раз Стасик получил четверку по географии: он знал только до одного места, а дальше ровно ничего. И когда рассказывал все, что знал, учитель велел ему сесть и поставил четверку, а так за то же самое получил бы двойку.

Так будет лучше всего: за правое ухо — умножить, за левое — разделить. А если тот быстро решит, то якобы пойдет с бумагой к корзинке, а сам бросит записку. Потом Стасик сделает вид,

что уронил ручку, нагнется и поднимет записку. Хотя это опасно.

Чудак этот учитель арифметики: иногда так следит, что пошевеливаться не дает, а иногда совсем не смотрит и можно делать что угодно. И каждый из них — если захочет — всегда может поставить двойку, всем, кроме первого ученика. Есть такие в классе, которых любят, хоть не знай как он плохо отвечал, двойку ему не поставят. А о подлизах и тех, чьи родители дают взятки, и говорить нечего. Павелкевич тоже не мог решить задачу, отвечал уже минут десять, как раздался звонок. А он что: «Ну, спрошу тебя еще в другой раз». И отметки не поставил.

А будь это Стасик...

Стасик вздыхает.

— Боже, добрый Боже, дай, чтобы завтра я решил задачу! Потому что я хочу, по крайней мере, на будущей неделе не иметь двойки. А он приносит тетрадки через неделю, в среду, — объясняет Стасик Богу школьные порядки.

На душе у Стася становится удивительно спокойно. Глаза слипаются, мысли путаются, молитва перемешивается с последними исполненными забот размышлениями, и Стасик засыпает, повторяя:

— Правое ухо — умножение, левое — деление.

Стасик остановился перед новой лавкой. Завтра или даже еще сегодня он купит новую тетрадку и взглянет на цепочки, которые дают в придачу к общим тетрадам. Может быть, вместо цепочки дадут точилку для карандашей, или доплатить и взять перочинный ножик? Да, сегодня Стасик купит новую тетрадку, и все ему станет ясно.

Стасик осматривается: идут еще только малыши, значит, рано.

И вдруг вспоминает о контрольной работе на первом уроке. Нужно спешить — уговориться, объясниться, связаться с товарищами, на это уйдет минут пятнадцать. Решу задачу или не решу?

«Если я встречу эту девочку в трауре, все будет хорошо».

Девочка в трауре ходит в пансион, он встречается с ней почти ежедневно. Стасик чувствует к ней большую симпатию и сострадание, некоторое уважение и чуточку завидует. Такая маленькая, наверное в подготовительном классе, и уже в трауре.

Как-то раз вечером Стасик, лежа в постели, представлял себе, что он чуть постарше, например, в пятом классе; что у него нет родителей, а девочка в трауре сирота и он ее воспитывает. Он где-то что-то похожее читал. Признайся он в этом кому-нибудь в школе, сразу бы сказали, что он влюблен и что она его девочка. Стасик даже другу ничего никогда не говорит, потому что поссорятся или еще что — и тот выболтает, — и все потом станут смеяться.

Настоящего друга у Стасика нет.

«Если ее встречу, то решу задачу», — думает он и очень хочет встретить, оглядывается и всё замедляет шаг.

С дурным предчувствием Стась переступил порог школы.

Уже на лестнице приятель крикнул ему, ликуя:

— Иди скорей! Мы знаем, какая будет задача!

В классе настроение праздничное.

— На, переписывай побыстрее!

Стасик вырывает страницу из тетрадки.

— Скорей!

Ко второму звонку работа окончена.

— А откуда вы знаете, что будет как раз эта задача?

Дело в том, что учитель проработывал с классом задачи на четыре действия и решали все по порядку, с триста семидесятой до четырехста пятой, опустив только одну. Конечно, именно эту задачу он оставил на сегодняшнюю контрольную.

Каждый класс и каждый отдельный ученик склонны думать, что учитель занят только ими.

У учителя на уме только как бы их обмануть, провести, поймав, повредить им. Ученики не остаются в долгу. Класс и учитель — это два враждебных лагеря, ведущих борьбу не на жизнь, а на смерть. Если ты приготовил урок и хочешь отвечать, то прячься, часто смотри на часы, делай вид, что боишься; а если не знаешь, сделай вид, что хочешь отвечать, — и наверно не вызовет.

Но надо это делать умело. Стасик не умеет...

Учитель арифметики вошел в класс. Минута безмолвного ожидания. Сорок сердец сжимаются от неуверенности. Учитель отметил отсутствующих, осматривается, видит открытые тетрадки, торжественные детские лица — и говорит будто невзначай:

— Ах да, контрольная работа.

Поглядел на кафедру. Дежурный привстал, чтобы по первому знаку подать *задачник*. Но, о ужас, учитель вынимает из кармана жилетки какой-то клочок бумаги, что-то записал, отметил и начал диктовать задачу по памяти.

Обманул. Все было заранее запланировано, за много дней до контрольной. Нарочно тогда пропустил одну задачу. Что это было именно так, никто ни на минуту не сомневается; Стасик пишет как во сне. Он забыл попросить Гольдштерна схватиться за ухо, девочку в трауре не встретил — погиб бесповоротно...

Задача трудная, а может и нет, только класс, обманутый в своих надеждах, покорно складывает оружие.

Поражение вместо ожидаемой победы, разгром вместо триумфа.

Стасик видит вокруг озабоченные лица. Кроме троих или четверых неустрашимых — все остальные грызут беспомощно ручки, хмурят брови, боязливо перешептываются.

— Не разговаривать!

У Стасика не хватает храбрости прочитать задачу; он не может собраться с мыслями, над которыми берет верх одна:

«Обманул».

Воздух в классе становится тяжелым от влажной обуви. Минуты тянутся с убийственной медлительностью.

— Осталось двадцать минут, — говорит учитель.

Некоторые водят по бумаге сухими перьями, чтобы не привлечь к себе внимания учителя, в надежде, что в последний момент удастся у кого-нибудь списать; другие беспорядочно черкают, перечеркивают и начинают заново, бездумно и во все большей спешке; еще одни создают какие-то фантастичные комбинации, со странным упорством покрывая бумагу рядами цифр, не обращая внимания на явные ошибки — лишь бы добраться до последнего действия.

Стасик не принадлежит ни к одной из этих групп. Он сделал три действия, а в четвертом вышло, что вождь потерял во второй битве семьдесят и пять девярых солдата, поэтому он перечеркнул последнее действие и — ждал. Смотрит Стасик на неподвижную ручку соседа и мрачное лицо Гольдштерна — и покорно ждет звонка.

— Ну, довольно! Хватит уже!

Некоторые медлят с подачей тетрадки. Стасик прикладывает промокашку, хотя страница уже давно высохла.

Трое сделали задачу, двое списали до половины. Стасик решает сказать дома, что не сделал задачу, чтобы заранее предупредить о двойке на будущей неделе.

*

— Наш Стасик, господин репетитор, не решил задачу.

У репетитора смущенный вид. Стасик страшно не любит, когда мама делает репетитору замечания. Чем тот виноват?

— Только трое сделали, — вставляет Стасик несмело.

— Ты всегда берешь за образец неучей и лентяев, — говорит мама. — Если трое сделали, ты мог бы быть четвертым.

— Раз она была такая трудная, — начинает Стасик, но вспоминает про две двойки и умолкает.

— Мы вчера работали над задачами, — говорит репетитор, пощипывая верхнюю губу.

— Вчера это мало, надо каждый день.

И мама уходит, рассерженная.

Минута неприятного молчания.

— И что это была за задача? — спрашивает репетитор.

Стасик не помнит. Некоторые ученики сразу же на перемене стали препираться, кто решил правильно и как надо было решать, разбирали задачу на доске, переписывали на отдельные листочки. И что им это могло дать, раз и так все пропало?

«Поймали старого индейца и убили или ему удалось убежать?» — Стасик перед приходом учителя читал. Если бы это видела мама!

— Как, час сидел над задачей и ничего не помнишь?

«Хоть бы он уже убрался», — думает Стасик и вспоминает, что сегодня среда и придет немка.

— Дай *задачник*.

— Завтра нет арифметики, — упрямится Стасик.

— Я тебя не спрашиваю. Давай *задачник*!

И Стасика вдруг охватил страшный гнев.

— Объясните мне, когда множат и когда делят; только без иксов.

И по истечении нескольких минут он все понимает, быстро решает четыре задачи, вспоминает сегодняшнюю контрольную и, к своему удивлению, убеждается, что была легкой.

— И не лучше ли было вчера слушать внимательнее? — спрашивает с упреком учитель.

Стасик сам знает, что лучше; но почему решили только трое?

После урока Стасик берет дневник и записывает задание на целую неделю.

Четверг: немецкий, перевод § 23. Чистописание — в классе. Русский язык, пересказ § 49. Закон Божий, § 58. Пение — в классе. И чего тут учить?

Он хотел сегодня не читать, а учиться; а учить нечего. И вынул своего «индейца» из ящика.

На немецком Стасик был несносный. Учительница хотела было идти жаловаться. Боже, что бы это было!

*

Старшеклассники задаются вопросом, откуда в гимназии всегда знают, когда должны прибыть с проверкой школьный инспектор, помощник куратора или сам куратор.

А однако, знают.

Необычный вид принимает тогда школа.

Дежурным в младших классах предоставляется неограниченная власть. Не дай Бог, дежурный пожалуется, что кто-то не захотел поднять бумажку, что-то нарисовал на доске или вообще ш у м и т. Педели с парадными минами ходят по коридорам: нечто вроде усиленной охраны — атмосфера напряженная, словно в ожидании атаки, или осады, или военно-полевого суда.

Малыши сдержанно радуются: для них это разнообразие в монотонной, невыносимо скучной жизни, что-то среднее между праздником и переездом. Два враждебных лагеря, ученики и учителя старших классов, объединяются на некоторое время, чтобы сразить общего более сильного врага. Вся школа живет теперь одной мыслью, одним чувством, которые сводятся к слову: Начальство!

Даже те, кто мог бы не волноваться, испытывают известный трепет: а вдруг... а вдруг немилость, что тогда?

«Все при галстуках? У всех ремни? У кого нет пуговицы? Если у кого-нибудь есть п о с т о р о н н я я книжка, пусть отдаст. Кто выучил урок? Повторить хронологию!»

Стук колес о мостовую. Едет — не едет — едет. Нет. Головы поворачиваются к окну.

— Будьте внимательнее. Не оглядывайтесь, — делает замечание учитель необычайно мягким голосом.

Едет. Теперь уже едет.

Теперь, наверное, сторож, наряженный в новую ливрею с блестящими пуговицами, — старый николаевский ветеран — открывает ему дверь. Теперь, наверное, его встречает директор — подает ему руку. Шорох.

Идет по коридору. Вошел в пятый класс.

Учитель чистописания попересаживал учеников.

Зачем он это сделал, и самому было бы трудно ответить. На первых партах он посадил тех, у кого новые блузы и чистые воротнички. Поддался общему настроению, пусть даже и тут все будет образцово.

И Стасик оказался на первой парте.

Идет! Был в пятом классе на уроке русского языка, в восьмом на истории, в третьем на арифметике, а теперь вошел в класс Стасика во время урока чистописания.

— Чистописание?

Ответом был низкий поклон.

— Садитесь, — обратился он к мальчикам. — Занимайтесь своим делом. — Учителю подал руку.

«Бог мой, сколько орденов», — подумал Стасик.

— Рааз, дваа — рааз, дваа, — считает первый ученик, а класс в такт пишет.

— Вы открываете окна во время перемены?

С этого вопроса куратор всегда начинает посещение каждого класса, согласно правилу: *mens sana in corpore sano**.

— Рааз, дваа, — считает, может быть, слишком громко первый ученик.

Положено было, чтобы считал первый или второй ученик.

Куратор склонился к тетрадке Стасика.

— Встань, — приказал учитель.

Стасик встал.

— Ты неправильно держишь ручку. Ручку, когда пишешь, надо держать так. А вы, — продолжал он, обращаясь к учителю, — должны строго следить за тем, чтобы ученики держали ручку так, как следует.

Сделав это, последнее, замечание, сановник хотел было покинуть здание школы, чтобы к часу успеть домой на завтрак.

— Я именно потому и сажаю его на первую парту, что он неправильно держит ручку, — сказал учитель чистописания.

Робкую попытку оправдаться школьные власти сочли за дерзость. Ответ учителя мог означать: «Я добросовестно тружусь на благо вверенной мне детворы», как и: «Знаю, как надо держать ручку и без ваших замечаний». Слушать и не рассуждать — учитель отступил от этого правила и был заслуженно наказан.

Куратор слегка покраснел и, показывая пальцем на вторую и третью парты, сказал жестко:

— Эти не сидят на первой парте, а пальцы держат о т в р а т и т е л ь н о.

И взглянув на часы, вышел, не простившись.

«Строго, отвратительно» — Стасик чувствовал, что над ним нависла грозная туча.

Стук колес означал, что начальство уехало.

— Осел! — заорал учитель. — Болван! И еще лезет на первую парту!

— Вы меня сами посадили, господин учитель, — говорит Стасик.

— Молчать! На последней лавке будешь на моих уроках сидеть. Попомнишь ты меня. Марш! Лапы вам поотобью, — обратился он уже ко всему классу. — Скоты!

Стасик взял тетрадку и ручку и пошел на последнюю парту.

Стасик, как все в классе, учителя чистописания презирал. Преподает только до третьего класса, оставить на второй год не может; но это «Попомнишь ты меня...». А если скажет директору, что тогда? А учитель в графе «Пшемьский» поставил четыре жирных кола: по предмету и за внимание, прилежание и поведение.

Ученики смотрят на Стася с сочувствием: то, что случилось с ним, могло случиться с каждым из них. Бедный Пшемьский. Во время перемены о нем будут говорить в *учительской*, вся гимназия, все узнают и станут мстить.

«Что за страшная, страшная, страшная неделя», — думает Стасик.

— Пойдем вместе, ладно? — предлагает Ковальский.

— А, мне все равно, — отвечает Стасик.

Резкий ответ Стасика Ковальского не задевает. Знает, что Пшемьский его любит, а злится, потому что у него горе.

— Дай застегну тебе *ранец*, — говорит мягко Ковальский.

Стасика его доброта обезоруживает. Они выходят вместе на улицу. Ковальский станет его утешать, и Стасик отвлечется, забудет. Экая важность — чистописание!

Прицепился к ним Малиновский. Дали ему отповедь, но у Малиновского нет самолюбия, и он нахально не отстает.

— Иди себе, иди.

— Запретишь мне ходить по улице?

— Ладно, тащись за нами. Хвост. Собака. Поди сюда — на, на!

Малиновский знает, что они таким манером хотят от него отделаться, и решает их еще пуще разозлить.

— Перейдем на другую сторону, — предлагает Ковальский.

— Вот погодите, я завтра дежурю, так вам отплачу! — кричит Малиновский им вслед.

— Ладно, отплатишь.

С минуту идут молча. Как бы начать так, чтобы не обидеть друга.

— Слушай, Пшемьский, ведь он тебе ничего не может сделать — чего ты его боишься?

— Вообще я не боюсь, только он постоянно будет придирааться.

— А я тебе говорю, что через неделю он обо всем позабудет.

— Да, как же, забудет он, если я буду сидеть на последней парте.

— Так ты не садись. Если тебе что скажет, ты ответишь, что ты *близорукий*, — вот и все.

— А он, наверно, уже на меня наговорил.

— А я тебе говорю, что нет. Он сам боится дира.

— Так зачем поставил мне четыре кола?

— Вот ты его и попроси, чтобы вычеркнул.

Стасик не отвечает. Потому что навстречу идет девочка в трауре. Всегда ходит по той стороне улицы, а сегодня как раз по этой. Она что-то рассказывает подруге, и обе смеются. Может, у нее умерла всего-навсего бабушка, а то как бы она могла смеяться? Посмотрит на Стася или не посмотрит? Посмотрела. Потом что-то сказала подруге, наверно, про Стася, потому что они оглянулись и рассмеялись. Может, заметила, что он плакал? Хотя он, собственно, и не плакал, только в глазах у него стояли слезы, а от этого глаза не опухают.

— Что? — переспрашивает Стасик.

— Попроси его, чтобы вычеркнул.

— Не стану я просить.

— Чем тебе это помешает?

— Не хочу. Смотри, какая свинья! Сам ведь меня посадил, ему сказал, что нарочно, а потом орет. Словно я его просил.

Под влиянием разговора Стасик успокаивается.

— А это большая звезда, которая у него вместе с орденами, тоже орден? — спрашивает он приятеля.

— Орден, пожалуй.

— Когда он приходит в гимназию, он обязательно должен быть при орденах?

— Пожалуй, нет — только так, чтобы похвастать.

— А может, он-таки должен?

— А кто ему может приказать?

Правда, кто ему может приказать — ему, кого боится даже директор?

— Почему он вошел к нам один, а не с директором?

— Дир хотел с ним пойти, а он не захотел.

— У дира был как раз урок в пятом классе.

— А откуда ты знаешь?

— В раздевалке один ученик говорил... А знаешь, это лучше, что дира не было!

— Ясно, лучше. Еще и ему бы что-нибудь сказал.

На углу они прощаются и расходятся.

Стасик заходит в новую лавочку за тетрадкой.

— Пожалуйста, покажите мне те цепочки, которые дают в придачу к общей тетради.

— Ах, пожалуйста. Правда, красивая? Тяните ее как хотите: не порвется, такая она крепкая.

Стасик не любит, когда с ним говорят на «вы», — ему кажется, что над ним смеются.

Стасик берет простую тетрадку и выходит.

И зачем ему, собственно, цепочка? Ведь не станет же он носить часы на двух цепочках...

*

Мама надела новое платье, которое портниха испортила, и понадобились две переделки. Портниха вдобавок маме нагрубилa. Мама не станет больше ей давать и никому ее не порекомендует.

Мама отправляется с папой на концерт, на который уже не было билетов, и папа еле достал два билета у перекупщика. Тетя хотела, чтобы купили и для нее, но уже не было. У тети дикие претензии, папа не обязан покупать билеты для всех на свете.

Людвигино дело проследить, чтобы Стасик играл на фортепьяно и чтобы дети легли спать самое позднее в десять часов. Если учительница скажет, что Стасик опять не выучил новую пьеску, то мама с ним расправится всерьез. Дети не должны шуметь, и пол не царапать! Лампа чтобы не коптила, Стасик не задирает Юзика, а Зося, если возьмет что-либо с туалетного столика, получит трепку. Никому не открывать даже через цепочку, и чтобы Людвика ни на шаг не смела отлучаться из дома. Стасик выучил уроки?

Мама и папа уходят на целый вечер, это для детей большой праздник. Никто им не мешает играть, иной раз и Людвика принимает участие в игре или рассказывает сказки. Юзик и Зося слушают с волнением, благоговейно, а Стась с виду равнодушно, но и он любит слушать сказки. Самое же главное то, что они одни и могут делать, что хотят.

Мама надела перчатки, а папы все нет. Дети кончают ужинать.

Зося воткнутой в хлебную корочку вилкой подбирает с тарелки остатки масла и крошки котлеты.

— Гляди, я из хлеба сделала щетку.

«Ослица», — думает Стасик.

Юзик тоже сделал щетку из вилки и хлеба.

— Уже обезьянничаешь, — говорит Зося.

Мама и дети проявляют нетерпение.

«Хоть бы уже они пошли», — думает Стасик.

Скрежет ключа. Папа пришел.

— Только никому не открывать. Лампа чтобы не коптила. Пусть Людвика никуда не выходит. Ведите себя хорошо.

Дети остались одни. Сами не знают почему, но сегодня они как-то меньше рады, чем обычно. Стасик-то знает, да не скажет. Сегодняшний скандал с учителем чистописания и две двойки. Несделанная задача не в счет, он уже сказал маме, что не сделал.

Юзик срисовывает картинку из «Пшиячеля»*, Стасик читает о кражах в «Курьере» — это хорошо для обычного вечера, но не когда мамы нет. Зося хотела бы начать игру.

— Знаете, если залезть в колодец, то можно днем видеть звезды.

— А как же, — иронизирует Юзик.

— Не «а как же» — учительница говорила.

— Твоя учительница знала бы да ведала, где нынче обедала...

— Если бы ты знал столько, сколько она!

— Все бабы ничего не знают, — говорит Юзик, которому передалось настроение Стасика.

— Мамочка тоже баба, значит, она тоже ничего не знает? Ладно... ладно...

Разговор не клеится. Зося не сдается.

— А если смотреть на молнию, то ослепнешь.

— Это тоже тебе учительница сказала? — спрашивает Стасик,

который уже прочитал мелкие сообщения в «Курьере».

— Нет, я сама знаю.

В комнату входит Людвика.

— Стасик, мать сказала, чтобы ты играл... Брось «Курьер», ничего умного там для тебя нет.

— Раз ты не умеешь читать, ты не знаешь, умное это или глупое.

— Не умею, потому что меня не учили, — говорит Людвика.

Стасик пожалел, что он так сказал. Людвика рассказывала однажды, когда мамы не было, как ее била мачеха, как ее потом хотела выдать за старого и как она убежала из дома, и Стасик дал себе слово, что будет для нее добрым; даже начал учить ее буквам.

Но зачем она всегда начинает?

И теперь он хотел ей сказать, чтобы она села, и он прочитает ей про преступление на Воле*, потом Людвика тоже рассказала бы про преступление — и так начался бы приятный вечер. Но две двойки, куратор...

— Стасик, отдай «Курьер».

— Пусти, Людвика, а то порвется.

— Так сам пусти. Ну, ладно, я с тобой драться не буду.

У Людвики есть задняя мысль: Людвика хочет, чтобы каждый из детей что-нибудь натворил, тогда она может заставить их потом молчать, так как сама намерена улизнуть на полчаса в прачечную, где вечерами бывает так весело.

— А Зося пусть ничего не трогает.

— А вот и трону!

— А я говорю, не тронешь.

Зося храбро входит в темную спальню и выносит оттуда флакон одеколона.

— Ну, про это уж хозяйка узнает.

— Ну и пусть.

Юзик же золото, не ребенок. Теперь Людвика спокойна. Ни один из ребят и не пикнет.

Она свободно может на часок отлучиться.

Стасик отложил газету, облокотился поудобнее, смотрит на Юзика.

«Мамыны сын, — думает о нем ревниво. — Брата надо любить. Люблю я его?»

— Может, поиграем во что-нибудь? — решается наконец Зося. Юзик вопросительно смотрит на Стасика.

Стасик вынимает из шкафа том Словацкого, Сенкевича мама уже давно заперла на ключ. Стасик стихов не любит. «Отец зачумленных», — может, это интересно.

Зося смотрит на часы. Уже полчаса прошло — и ничего.

— Я скажу маме, что ты вынул книжку.

— А я скажу маме, что ты брала духи.

Юзик ложится на диван.

Стасик читает, читает со все возрастающим интересом.

И вдруг ему приходит в голову странная мысль: этот отец за-

чумленных похож на него, Стасика. И на отца зачумленных, и на Стасика сваливаются одно за другим несчастья, которым и конца не видать. Несчастливая неделя еще не кончилась, еще два дня. Кто знает, что будет дальше? Может, его выгонят или еще что? У того умирали дети, а он получает двойку за двойкой. И за что это, за что? Что сделал этот отец плохого, что у него так умирали дети? Бедный! У Стасика на глазах слезы. Юзик сидит на стуле, уставившись на лампу. Зося сердито смотрит на Стасика: из-за него целый вечер испорчен, какая муха его сегодня укусила, вылитый папа...

Из взрослых нет никого, и в квартире так тихо. Почему сегодня так грустно, хотя и нет мамы?

Плохо не только Стасику, но и Юзику, и Зосе. Мрачный сон наяву видит история: злой дух, злая сила стоит у ворот школы; злая, ибо не переносит детского смеха, злая, ибо, когда она слышит веселый и беззаботный детский смех, глаза у нее наливаются кровью — лениво повернет голову и огрызнется, и вспугнет смех.

Бедные вы, бессильные, где же молитва за ваше льняное счастье, где помощь? Удивленные глаза ваши печальны. Может, явится чудо-рыцарь о ста головах, сотнях сотен черных рук в шишках и узлах и в рубцах от тяжелых орудий труда и для всех — и для вас — купит лучшее завтра?

Мрачный сон наяву видит история.

— Погоди, уж я тебе отплачу за вчерашнее! — грозитя Малиновский.

Малиновский сегодня дежурный. Стасик вспоминает вчерашнюю ссору, и в душу его закрадывается беспокойство. Малиновский и так свинья и подлиза, а тут еще...

После второго звонка кто-то свистнул.

— Пшемьский, чего свистишь? — орет во весь голос Малиновский, зная, что по коридору ходит педель.

— Врешь, это не я свистел, — защищается Стасик, хотя знает, что если дежурный скажет педелю, так тот поверит дежурному, а не ему. Стасик чувствует безвыходность положения, и в нем закипает бессильный гнев.

Во второй раз кто-то свистнул в классе.

— Опять Пшемьский? — вопит Малиновский и записывает Стасика на листочке.

Но педель не слышал, Стасик спасен! Стасик покажет этому безобразнику, что не боится его.

— На, записывай, — и засвистел теперь уже сам.

И в дверях появился инспектор.

— Кто свистел?

— Пшемьский, — и подает листок.

— Останешься на два часа после уроков.

Инспектор берет у Малиновского листок и уходит на урок в пятый класс.

— И надо было тебе с ним связываться?

— Не суй нос.

— Ну, везет же этому Пшемьскому!

У Стасика час на размышления. Инспектор запишет в штрафной журнал только после большой перемены. Просить или не просить?

— Иди, попроси, — уговаривают одноклассники, — скажи, что весь класс видел.

— Пусть я только буду дежурным, — говорит один. — Малиновскому за тебя достанется.

— Свинья, подлиза, скотина.

Стасик ждет под дверью пятого класса: инспектор никогда не выходит сразу после звонка, а только минут через пять. Рядом со Стасиком его сторонники, наготове, это свидетели; немного дальше — остальные.

— Что это опять за сборище? — спрашивает, выходя, инспектор.

— Ну, иди, — подталкивают Стасика приятели.

— Пожалуйста, господин инспектор, — начинает Стасик.

Скажет ему всё, с самого-самого начала, всё, как на духу, всё, с понедельника. Инспектор простит его, должен его простить, должен его простить!

— Разойтись!

У инспектора в руках листочек Малиновского.

— Прошу вас, — начинает Стасик, — я...

Инспектор не слышит, идет по коридору. На лестнице толпа их разделяет. Стасик продирается с каким-то отчаянным упорством. Расскажет ему всё-всё, с самого начала всё расскажет, расскажет с самого понедельника. Инспектор простит, наверно простит и не запишет в штрафной журнал. На пороге учительской Стасик застывает ему дорогу.

— Пожалуйста, господин инспектор...

— Знаю, знаю...

— Пожалуйста...

— Ты уже больше не будешь, правда?

— Я больше уже не буду.

— Если больше не будешь, это очень хорошо, а сегодня посидишь два часа. Понял?

И исчез.

— Ну и что?

— Пошли вы к черту!

Стасик возвращается в класс и судорожно плачет.

— Пшемьский, выйди из класса, — кричит издали Малиновский.

Стасик не отвечает. Малиновский не смеет повторить приказ.

В класс входит классный наставник: все ли вышли, открыты ли окна?

— А ты что? Ааа, Пшемьский. Плохо, плохо: вчера четыре кола, сегодня карцер.

И за несколько этих ничего не значащих слов Стасик ему благодарен, как за величайшее благодеяние; нет уже на него обиды за

понедельниковую двойку. Позволил ему остаться в классе, не накричал, не выгнал.

Немец, ставя Стасику отметку, покачал головой, причмокнул, взглянул на его заплаканные глаза и поставил четверку с плюсом. Стасик заслуживал только тройку, да и то, может, с минусом.

— Ставлю тебе четыре.

— Хорошо.

Стасика уже ничто не может утешить, и так все пропало.

Школа опустела. Так глухо, пусто и страшно. Столько парт, на стенах карты и — он, Стасик, один. А там за окном, на улице, все по-старому, словно ничего не случилось. Люди идут себе как ни в чем не бывало. Трамвай идет, мальчик продает газеты, нянька с двумя детьми идет, мужчина с поднятым воротником, два студента, женщина с ребенком. Какие они все счастливые! Только он одинешенек на белом свете!

Инспектор теперь, наверное, обедает и о нем и не вспомнит. Какое ему дело до Стасика, ему или кому другому? Одно слово: «Прощаю» — или: «Помни, чтобы это было в последний раз» — и не сказал, почему?

И зачем только он связался с Малиновским? Правда, Малиновский побожился, что не простит, но ведь божба по злости не в счет, это, пожалуй, малый грех? Людвика очень набожная, а сколько раз божилась, что скажет маме, а потом не говорит.

Ах, как опротивела жизнь, как страшно хотелось бы умереть! Не болеть, не мучиться, только так, сразу умереть.

Стасик облокотился, смотрит неподвижно в угол класса и думает о том, как он бы хотел умереть.

Например, эта малышка в трауре попадает под лошадей. Стасик бросается ее спасать. Хватает лошадь за узду, лошадь встает на дыбы, но Стасик узду не отпускает. Тогда лошадь кидается в сторону — Стасик ударяется головой о столб уличного фонаря, — а потом добивает копытом. Труп несут в гимназию. О нем пишут во всех газетах, называют юным героем. На похоронах вся гимназия: и директор, и инспектор, и все ученики, мама и папа, и — та, которой он спас жизнь.

Но Стасику жалко своей молодой жизни.

Нет, лошадь его не убивает, а только тяжело ранит. Стасик очень долго хворает, почти до рождества. За два дня до праздника он приходит в школу бледный, с повязкой на голове, чтобы его могли вызвать для исправления отметки. И во второй четверти у него ни одной двойки, потому что его легко спрашивают. Малиновский приходит просить прощения, и Стасик его прощает.

Рождество, праздник, елка. Как все это далеко! Четыре недели. Когда все это кончится?

Что скажет мама, когда увидит дневник?

«Пойдешь в сапожники. С тобой нельзя обращаться как с человеком. Посмей мне взять какую-нибудь книжку, руки пообломаю. Учись!» — просвистит, словно удар кнута.

Наконец через несколько дней Стасик пойдет просить прощения; ему ответят холодно, резко:

— Хорошо, хорошо, увидим.

А несделанная задача, а если на будущей неделе ему еще в чем-то не повезет, так опять две двойки.

Нет, только смерть может его спасти, больше ничто...

Стасик вернулся домой голодный и уставший от бесцельной внутренней борьбы — двухчасовой лихорадочной работы мысли в одиночестве.

— День ото дня лучше, Стасечка: вчера задачка, сегодня карцер.

— Не вчера задачка, а позавчера.

Стасику хочется, чтобы мама его избила, пускай бьет, пускай все его мучают, до конца. Нарочно так станет отвечать...

— Задача позавчера, ну, а карцер тоже позавчера?

— Он меня посадил несправедливо.

— Я знаю: у тебя на все сто отговорок.

— Это не отговорки. А если вы, мама, не знаете, то лучше не говорите.

Стасик отложил ложку, бросился на свою кровать и вплоть до прихода репетитора лежал и плакал. Это уже не был спазматический плач уязвленной гордости, бессильного гнева и бунта, плач, которым он вызвал сочувствие классного наставника и тот не выгнал его во время большой перемены из класса; теперь это был плач капитуляции и обиды, горький плач человека, который обманулся даже в самых близких ему, в последних уже.

И мать поняла, добрые мысли на этот раз подсказало ей сердце: «Может, и правда несправедливо? Стасик не лжет ведь. Доктор сказал, что у Стасика малокровие. Стасик к обеду не прикоснулся и завтрак принес обратно. Еще расхворается, хуже будет. Стасик не сидел еще ни в одном классе два года».

После занятий с репетитором Стасик пообедал, немки не было, а вечером, уже в постели, получил длинную шоколадку с начинкой.

*

Бедная мама, какая она добрая! Стасик отвечал ей невежливо, а она отменила занятия с немкой и дала шоколадку с начинкой. Бедная мама, мама тоже несчастная, она ничего в жизни не видит: целый день сидит дома, как проклятая, папа не знает снисхождения, он жестокий, а если мама купит красивый материал на платье, то портниха ей его испакостит.

Счастлив ли папа? Тоже нет: работает, надрывается, теперь с деньгами туго, а как выберется в театр или еще куда, то мама ему делает сцену и портит настроение.

А Стасик вместо того, чтобы стараться хорошо учиться, отправляет им жизнь и вгоняет в гроб.

Да, да. Во всем виноват Стасик, потому что он лентяй, не хочет учиться.

Завтра суббота, завтра наверно он будет отвечать по географии,

он еще в понедельник должен был отвечать, а вот знает ли? Правда, он может выучить во время большой перемены, потому что задано мало и легкое, но не лучше было бы выучить сегодня, а завтра только повторить? Два часа сидел в карцере; мог бы научиться показывать главные города в Азии, о них ведь спрашивают, и почему он этого не сделал, карты же висели на стене? Воспользовался и этим карцером, и слезами, лишь бы не учиться.

Но теперь кончено: Стасик за себя возьмется.

— Ей-богу, я буду учиться, — принимает решение Стасик.

Он побожится, так что хочешь не хочешь, а придется учиться, потому что иначе это будет тяжкий грех.

Стасик становится в кровати на колени и торжественно повторяет:

— Клянусь Богом, клянусь Пресвятой Троицей, с завтрашнего дня я буду учиться, а читать только по воскресеньям... и тогда, когда совсем мало уроков, — предусмотрительно добавляет он, — и я уже повторю все, что нужно, но чего еще хорошо не знаю.

Стасику сделалось немного страшно, что он вот так, одним махом сжег за собой все мосты, но тем крепче верит он в силу своей клятвы.

Каждый день по шесть страниц географии, по три параграфа немецкого языка и все слова — и так, чтобы знать, где *der*, где *die* и где *das*, — по одной части речи и по десять задачек.

Триста задачек за один месяц!

Стасик чувствует себя богачом — только один этот месяц выдержать! И он выдержит, теперь он уже обязан, потому что связал себя клятвой.

Если бы уже было завтра, если бы можно было сейчас, ночью, встать с постели и сделать первые десять задач или сразу двадцать — на два дня вперед!

И Стасик так расчудесно, безмятежно, спокойно засыпает. И на другой день так быстро и бодро вскакивает с кровати, на десять минут раньше, чем обычно, выходит из дома, так весело проходят первые три урока, так беззаботно играет на перемене в догонялки.

И даже на географии он ничуть не боится.

Сегодня он сделает с репетитором десять задач, первые параграфы по немецкому языку легкие, *существительное* он знает почти наизусть, на понедельник задано мало, все это он провернет за два часа, и вечер у него будет свободный.

То же самое завтра, послезавтра.

Даже дзвзник его не пугает. Пообещает торжественно, что исправится, скажет, что дал клятву, и мама должна ему поверить.

До звонка осталось пять минут. Стасик укладывает книжки, застегивает ранец и уже его даже немножко выдвинул.

— Пшемыский!

Стасик не верит. Как это? С понедельника он должен был начать в школе новую жизнь, полную похвал и побед, — новую и совсем непохожую на прежнюю, уже... уже через пять минут кон-

чилась бы эта проклятая неделя, он даже книжку спрятал — и вдруг...

— Пшемьский.

Стасик не помнит, какой главный город в Тибете. Наверное, учитель ему велит назвать главные города в китайских провинциях. Стасик ошеломлен, оцепенел.

— Главный город в Персии, — бросает учитель, глядя на часы.

Про Персию Стасик знает, но потом спросят его про Китай, а он забыл, как называется этот город, где живет далай-лама.

— Я жду, — говорит учитель.

И Стасик ждет. Им овладела странная леньость мысли. Может, звонок? И почему он его вызвал?

— Тегеран, — подсказывает первая парта.

Здравый рассудок велит говорить что попало.

Учитель уже даже блокнот спрятал, он и так отметку не поставит.

— Тегеран! — кричат в классе.

— Ну? — спрашивает учитель, делая вид, что не слышит под-сказки.

Стасик молчит.

— Какой главный город в Персии?

— Тегеран, — громко гудит класс.

Стасик равнодушно пожимает плечами. Учитель лениво тянется за ручкой.

В разговорной речи это называется, что Стасик — уперся.

ДЕТИ И ВОСПИТАНИЕ

[1]

Храм знаний и заботы учебного года. — Возникновение и развитие школы. —
Прежние идеалы и новые течения. — Мы знаем не все.

[...]

*

В течение многих веков человечество работало над построением храма знаний. Кирпич к кирпичу, этаж к этажу рос он, все более блестящий, совершенный и необъятный. Рост его — дело тысяч жизней, тысяч самых одаренных умов. И человечество не прекращает своих усилий. Каждый новый год приносит достижения, каждое новое поколение дает новых зодчих духа, накапливая новые материалы для работы будущих поколений.

И вот ребенок в школьные годы должен воссоздать этот храм в своей душе, должен впитать в себя его образ, усвоить его, охватить и наполнить собственным «Я».

Ребенок начинает с основ, и неподготовленному уму его предстоит преодолеть столько трудностей — так болезненно рождается мысль, пробуждается жажда света и восторг познания. Ребенок и не догадывается, какую страшную борьбу вела человеческая душа, как металась мысль слабого человека прежде, чем он взглянул в лучезарный лик хотя бы одной истины.

Он знает только, что путь на площадь, где возвышается храм, тернист.

*

Беспощадно суровые требования предъявляют к ребенку те, кто вводит его в этот неизвестный ему, чуждый, навязанный историей и окружением мир знаний. Требуют внимания, сосредоточенности и систематичности.

Как же это чуждо душе ребенка, где живая наблюдательность, подвижность мотылька — закон, принцип, необходимость. От ребенка требуют работы над книгой — а ребенок рвется к природе и жизни; ему велят думать и размышлять — а он хочет смотреть и спрашивать; приговорают ум его к одному предмету — а ребенок стремится прикоснуться к десяткам.

Разве нельзя воспользоваться особенностями чувств ребенка, разве обучение ребенка, развитие его души должны быть разительным исключением из правила «Все согласно с природой»; разве нельзя из школьного периода убрать горечь, нельзя повернуть ребенка к жизни, позволив ему спрашивать, и постепенно развивать его ум так, чтобы он сам захотел познать корень знаний?

Так поступать можно и должно.

Почему же до сегодняшнего дня этого не делали?

Потому что трудно высечь из прошлого будущее, поступь прогресса неспешная, разумная мысль сто раз должна быть повторена, прежде чем расцветет делом.

Чтобы понять современное состояние школы, надо рассмотреть ее возникновение и развитие.

*

Школьная программа была создана в эпоху Возрождения.

Два направления боролись в XVI веке за школьную программу. Открытие Америки обратило умы к изучению земного шара, к познанию материального мира; встреча с литературой Древней Греции и Рима побудила ученых исследовать далекое прошлое.

Если бы эти два направления сбратались, образуя единое целое, пищей молодых умов стали бы и мир духа, и мир материи. Что ж, победили те, кто находился во власти чар совершенной литературной формы, утонченного выражения мысли.

Победили стилисты. Задачей школы стало обучение латинскому и греческому языкам, а неумелое преподавание, не подкрепленное знанием детской натуры, привело к тому, что изолированная от природы и жизни молодежь проводила свои лучшие годы за грамматикой и словарем.

Печальным примером приверженца этого направления является Иоганн Штурм*, известный своим влиянием. Его идеалом было воскрешение языка Цицерона и Овидия, и на совершенствование в искусстве красноречия он предназначил четырнадцать лет.

*

В пяти ошибках обвиняет Квик* идеал Возрождения: ученый становился выше человека действия; литературе приписывалось более сильное, чем она вообще может иметь, прямое влияние на жизнь; образовательная роль приписывалась исключительно книгам — игнорировалось непосредственное восприятие, наблюдение; не дух, не содержание классиков импонировали стилистам Возрождения, а форма; педагог этой эпохи пренебрегал душой ребенка, считая ее чистой доской, которая приобретает ценность только тогда, когда ее украсят знанием древних языков.

Однако эпоха Возрождения внесла в педагогику много полезных мыслей. Монтень*, современник Штурма, заслужил благодарность у нас своими взглядами на обучение. «Мы учимся, — говорит он, — познавая то, что происходит сегодня, а не то, что произошло или произойдет». «Мы стараемся заполнить только нашу память; разум и совесть оставляем пустыми». Еще в XVI веке Ратке* говорил, что «всякое обучение языкам следует начинать с обучения родному языку», что «сперва надо давать саму вещь, а потом ее описание» (*Ne modus rei ante rem*).

С восхищением смотрим мы на школы иезуитов. Они научили нас, как можно увлечь молодежь предметами, ей очень мало доступными, трудными, сухими. Надо беспрестанно пробуждать и поддерживать живой интерес к науке. Завоевывая сердце ученика, они завоевывали для науки жар этого сердца.

Все отчетливее намечался прогресс в области воспитания и обучения детей и молодежи. Коменский*, Локк, Руссо, Базедов*, Песталоцци и Фребель* совершают одно за другим блестящие открытия в мире детской души. Естественные науки приходят на помощь педагогике, внося в нее сокровища своих наблюдений, опыта и результатов изысканий. Педагогика становится наукой материальной.

Общество открывает глаза на то, к чему раньше было глухо и равнодушно, государства относят вопрос школьного образования к разряду вопросов первостепенной важности. Все живее становится обмен мыслями, споры выясняют много темных мест, старые предрассудки исчезают.

Наконец под влиянием новых течений рушится обязательная программа старой школы. 1709 год дает первую реальную школу. За ней следует целый ряд реформ. Беглый обзор школьных реформ в Германии, Швеции и Франции занял у профессора Окольского* 250 печатных страниц.

Против классицизма выдвигаются все более резкие обвинения; над ним начинают глумиться, забывают о его больших заслугах, помня лишь причиненный вред.

Естественные науки, молодые, свежие, полные жизни и сил, лишают его влияния, занимают первое место, угрожая его существованию.

И неприязнь к древним языкам все возрастает.

*

Одержимость в эпоху Возрождения древними языками была крайностью; такая же крайность — увлечение естественными науками сегодня.

Култ материи подтачивает идеалы молодежи. Лет через триста не отзовутся ли голоса суровых судей?

Из алхимии и астрологии родилась химия и астрономия — в неизученных силах ныне темного для нас спиритизма не проглянет ли неизвестный мир духа?

Имеет ли право анатом, держа мозг в руке, утверждать, что у него на ладони душа умершего?

Ученый анатом, ты фокусник, когда утверждаешь, что все знаешь, все изучил. Будущее — твой судья.

[II]

«Знания для знаний». — Что нам дали знания? — Новый лозунг. — Жизнь, школа, семья. — [...]

Знания дадут вам всё — знания заменят вам личное счастье, вберут в себя ваши стремления, объединят в едином порыве все ваши усилия; дадут вам цель в жизни, независимое положение, физи-

ческое и моральное здоровье, влияние, уважение и удовлетворение! Смотрите, как счастлив этот ботаник, всю жизнь просидевший над микроскопом; математик, командир длинных рядов цифр и знаков; историк, который так погрузился в минувшие века, что душа его, на миг отрываясь от любимых героев прошлого, тоскует по ним, как по братьям — своим ровесникам.

Мы поверили в чудодейственную силу знаний. Назвали книгу единственным другом, науку — единственной возлюбленной, изучение — единственным наслаждением, поиски истины — единственной целью жизни.

Неосмотрительные, мы не спрашивали у тех передовых деятелей науки, не подумали ли они когда-либо с горечью, видя чужое счастье: «ведь мы не жили», не пошатнулись ли когда-либо в своих убеждениях, увидев нищету людскую и невежество.

А может, лю д я м , н е к н и г а м, следовало посвятить жизнь?

Мы поверили безоговорочно в силу знаний и шли к ним окрыленные. Не захотели стоять у их подножия, рвались вверх, все выше и выше.

Сегодня мы остановились на полдороге, усталые, больные и грустные, и жалоба, сначала тихая, раздается все громче:

— Не можем, это свыше наших сил.

А ведь это самые стойкие из нас.

Что дали нам знания взамен загубленного здоровья и ушедшей безвозвратно юности?

Не обеспечили нам материальных выгод; мы скверно оплачиваемые работники богатых. Ловкие невежи завладели плодами наших трудов, отеснив нас от влияния на массы, только они могут сегодня действовать с размахом. Это они извлекают прибыль из наших усовершенствований, открытий и изобретений, мы же с любой идеей, любым продуктом нашего труда вынуждены обращаться к ним с просьбой о поддержке, в страхе, захотят ли взглянуть благосклонно на плоды наших многолетних усилий.

Принесли ли знания нам личное счастье?

До поры до времени мы были упоены тем счастьем, которое дает работа, стремление, цель, мысль, идея. Сегодня нам грустно и горько. Мы поняли, что лозунг: «знание для знаний», «наука для науки» — может зажечь, но заполнить всю жизнь может лишь единицам и никогда — всему обществу. Наука должна иметь своих фанатиков, но основная масса общества должна исходить из принципа:

«Знания — к услугам человека, труд наш и силы — для ближних».

И мы видим сегодня в каждой стране представителей нового течения. Принцип: «Ученые нам необходимы, но прежде всего — люди дела» — находит все более широкий отклик. Командующих надо немного, а вот солдат — многие тысячи.

*

Это новое течение — от письменного стола и книг к жизни и к людям — вызвало соответствующие изменения в методах воспитания.

Работа для общества требует прежде всего здоровья, силы воли, сильно развитого альтруизма, глубокого чувства долга, знания жизни и людей, а потом уже знаний как таковых. Прежде всего следует научить ребенка смотреть, понимать и любить, а потом только учить его читать; юношу следует научить хотеть и мочь действовать, а не только много знать. Надо воспитывать людей, а не ученых. Усвоило ли семейное воспитание это новое направление человеческой мысли?

В девяти случаях из десяти — нисколько.

Мы не укрепляем здоровья ребенка, ибо мы не знаем основ детской физиологии, гигиены и диетологии. Городские дети едят слишком много и без разбора, часто неподходящую пищу; спят слишком удобно, мало двигаются, вовсе не знают физического труда, их развлечения мало соответствуют детскому организму. Волю мы умышленно подавляем многочисленными запретами, наставлениями и подобием физического воспитания. Альтруизм, это тяготение к другим, отказ от некоторых удобств, игр, прихотей ради другого человека, выражен слабо. Скорее, мы развиваем в ребенке эгоизм, балуя его на каждом шагу, прививая с самых юных лет ложное честолюбие этими несвоевременными восторгами по поводу его ума и талантов. Но зато знания, а скорее — их разрозненные клочки, мы впихиваем детям в головы, словно тряпье в котел на бумажной фабрике, — как можно больше иностранных языков, как можно больше книжных сведений, фактов, частных ба, даже талантов.

Подлинные знания восхищают, увлекают, вдохновляют, эти же разрушают и подавляют. Сонные дети глотают их в больших дозах и... не переваривают.

«Истинный исследователь, — говорит Бродзинский*, — может сказать, что он ничего не знает в совершенстве, но во всем видит совершенство, а в нем Бога».

Наши же знания, размолотые в порошок и популярные аж до смешного, представляет надпись на восковой фигуре в одном из наводняющих Варшаву ярмарочных балаганов:

«Обезьяна или первобытный человек».

Воистину, не без основания маги отрубали головы тем, кто смел вороваться неподготовленным в храм знаний.

*

Как отнеслась школа к новому течению, которое осмелилось поставить на одну доску со знаниями — характер человека и его способность нести обязанности в отношении себя, семьи и общества? Излишне спрашивать, в состоянии ли и обязана ли школа формировать характер воспитанников, является ли учебно-воспитательным заведением или только учебным.

В школе (как и вне школы) уже само общение между собой детей вырабатывает многие черты характера. «Алтари дружбы, умения забывать о себе ради общества, — говорит Чацкий*, — редкий случай в домашнем затишье, ибо там нет такого обилия людей одного возраста, как это бывает в публичной школе». Далее: и учебная программа, методы подачи знаний оказывают сильное влияние на развитие ума и характера учащихся. Сегодня, когда этот вопрос уже решен должным образом раз и навсегда, всякие споры были бы не ко времени.

Школа обязана воспитывать, но может ли она это делать там, где речь идет главным образом о дисциплине и подготовке к будущей профессии?

Здесь следует повторить слова Флориана Лаговского* из его работы «О моральном воспитании в школе».

«Я должен обратить внимание родителей, — говорит опытный педагог, — родителей, чьи дети обучаются в школах, где не заботятся о нравственной стороне характера, чтобы они не ограничивались деятельностью школы и внимательно следили за домашним воспитанием, которым обязаны руководить сами или же поручали это людям, умеющим достойно справиться с возложенной на них задачей».

Что сказали бы люди, если бы художник на огромном полотне развернул такой пейзаж: все предметы одинаковой величины и все на первом плане? Дерево, камень, трава, белка, песчинки, солнце — все по два локтя высотой, локоть шириной, и притом все на черном фоне и яркими пятнами. И у дерева ствол, ветви и листья равны по величине; нос у белки той же величины, как хвост, туловище и лапки. Никакой пропорции и никакой перспективы.

Это было бы произведение безумца.

А однако, обучение молодежи сегодня представляет собой такой пейзаж. Сведения не разбиты по степени важности на перво-степенные, выявляющие суть, и дополнительные, менее и наименее важные; на те, которые следует помнить всю жизнь, так, как русские дети помнят басни Крылова, а французские Лафонтена, и на те, которые следует помнить относительно, т. е. в какой книге их можно быстро найти в случае надобности.

Огромную эту работу по классификации всех достижений науки и всех сведений выполняет общими усилиями наша школа, и она будет вести ее так долго, как существует жизнь.

Старая школа утверждает, что, кто не держит в памяти детали пунической войны, тот теряет безвозвратно год жизни. Жизнь показывает, что, кто болен сифилисом и не лечится, тот терит целый десяток лет своей жизни и губит десятки чужих жизней. На пейзаже знаний безумного живописца подвиги авантюриста двухтысячелетней давности занимают столько же места, как одна из самых болезненных и жизненных проблем современного человечества...

Наш ученик сталкивается с фактом: синие губы больного. Чтобы объяснить ему причину этого явления, надо коротко сказать о строении, составе крови, химизме дыхания, жизни. О том, о сем понемногу он уже слышал на ферме, в интернате или в читальне: зачем открываем окна в спальне, для чего удобряем землю?

«Знаем, предполагаем, еще не знаем».

Учебники мертвых школ никогда не строили предположений, никогда не сознавались, что мы чего-то не знаем, а если и вырвалось это неприятное признание, никогда не добавили: но ищем, хотим и будем знать. Отсюда тупая вера в догмы, которая парализовала творчество, инициативу и самостоятельность молодежи.

Наш ученик, переходя из области свободных, не связанных между собой фактов, от тысяч подмеченных им частных к теории, к их классификации, испытывает все безграничное наслаждение великих мастеров синтеза — высокий экстаз Дарвинов и Марксов, Коперников и Вирховов*, Кантов и Пастеров.

Из хаоса возникает прекрасный мир!

Уже наконец согласились, что школа жизни воспитывает здоровых, уравновешенных, энергичных тружеников. Но не понимают, как ученик нашей школы может за год пройти всю программу государственной гимназии и сдать экзамен. Это последнее делают многие из нашей школы — те, кому необходим диплом с его правами. Как удастся это воспитанникам школы, которая не построена на памяти?

Наивные люди! Если существует в мозгу специальный центр памяти, как бы плачевно он выглядел в результате вашей практики.

*

Отдел науки в нашей школе, изолированный от шума и гама жизни, не теряет с ней связи.

Мы поместили его в стороне, пышно декорировали, укрыли в зелени, огородили решеткой.

Мы совершили ошибку.

Лаборатории наши и кабинеты перекочевали во все отделения школы — жизнь с ее гомоном им не помеха. Только немногие из наших воспитанников находят на какое-то время там приют.

Мы хотели князьям духа создать княжеские условия для работы, дать им еще больше света и пространства, больше удобств, чем это требуется для нормального развития, — хотели показать, что они и их труд у нас в почете.

И воцарился там хлад средневековых монастырей — несмотря на свет и роскошь.

Наши историки работают в общей библиотеке, естественники предпочитают лаборатории общих отделений школы, техники — слесарные мастерские.

Факты для своих трудов они черпают из книг, но они испытывают потребность в живых людях вокруг, которые будут пользоваться их работой.

Наш ученик не может быть ученым, не будучи одновременно учителем. Он должен знать, что кто-то заинтересуется его работой и станет ее продолжать, должен видеть своего преемника, чтобы быть уверенным, что не умрет, и слушателя, чтобы не чувствовать себя одиноким.

Так создаются эти исполненные благородства школы, богатые не числом учеников, а сплоченностью и напряжением духовной жизни.

В нашей школе есть сотни школ, и многочисленна уже та, которая насчитывает человек шесть...

Жизнь ставит слишком много вопросов, оттенки человеческого духа слишком разнообразны, чтобы на одном пиру собирать целые толпы. А пир — это каждая теоретическая работа — для будущего, ибо сегодняшней день требует еще — хлеба.

И есть ученики, которые, несмотря на все, не укладываются ни в одну из тысяч ячеек нашей школьной сети, выламываются из

каждой среди тысяч программ — создают, или готовятся создать, или только тоскуют по собственной, туманной, неопределенной, отдаленной. И даже этих немногих наша школа не сбивает с пути. Если они и не дают от себя ничего, что можно бы заключить в книгу как реальную позицию, то они дают — свою тоску. В их мистическом ожидании чуда мы находим элементы собственной души и — идем дальше собственной прямой дорогой.

У нас есть свой Фламаррион*, свои математики и нет — сбившегося с пути.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все представленные работы Я. Корчака, кроме издаваемых на русском языке впервые, публикуются по книге: Януш Корчак. Избранные педагогические сочинения. М., 1979.

Как любить ребенка

Цикл «Как любить ребенка» состоит из четырех самостоятельных частей: «Ребенок в семье», «Интернат», «Летние колонии» и «Дом Сирот». Первая часть впервые была опубликована в Варшаве в 1919 г. Полностью весь цикл вышел в 1920 г. под заглавием «Как любить детей». В 1929 г. при втором издании Корчак вернулся к названию «Как любить ребенка». Не внося изменений в основной текст, он все дополнения выделил как вставки петитом.

Вторая часть цикла «Интернат» была издана в СССР в 1922 г. с предисловием Н. К. Крупской.

В настоящем издании «Ребенок в семье» печатается в сокращенном виде. (Полный текст первой части цикла имеется в издании: Я. Корчак. Как любить ребенка. М., 1980.)

с. 19. Эпиграф взят из поэмы великого польского поэта-романтика Юлиуша Словацкого (1809—1849) «Ангелли».

с. 22. «Magna charta libertatum» — Великая Хартия Вольностей (1215) — закон, который вынужден был принять английский король Иоанн Безземельный. Хартия предоставляла привилегии аристократии, рыцарству, городам и верхушке свободного крестьянства.

с. 24. *Харцерство* — Союз польских харцеров — организация детей и молодежи, созданная в 1909—1911 гг. по образцу скаутских организаций.

с. 24. *Экзематик* — больной экземой.

с. 30. Из повести французского писателя Октава Мирбо «Аббат Жюль».

с. 30. *Бжозовский Станислав (1878—1911)* — польский философ, теоретик культуры. Его «Легенда Молодой Польши» (1909) сыграла большую роль в развитии польской общественной мысли.

с. 42. *Фрейд Зигмунд (1856—1939)* — австрийский врач и психиатр, создатель теории психоанализа.

с. 44. Цитата из «Ямы» А. Куприна.

с. 47. *Еллента Цезарь (1861—1931)* — польский писатель и литературный критик.

с. 51. Слова из популярной в конце XIX в. песенки на стихи Кароля Балиньского (1817—1864). *Фарис* — арабский наездник, в переносном смысле — удалец.

с. 52. *Руссо Жан-Жак (1712—1778)* — французский писатель и философ, создатель концепции естественного и свободного воспитания. Его роман-трактат «Эмиль, или О воспитании» (1762) начинается словами: «Все выходит совершенным из рук Творца, все вырождается в руках человека».

с. 57. *Приют Прево* — сиротский дом во Франции, основанный в 1853 г. филантропом Иосифом Габриэлем Прево (1793—1875) и реорганизован-

ный в 1880 г. педагогом и деятелем рабочего движения Полем Робеном (1837—1912). Робен сломал старую систему религиозного и авторитарного воспитания и ввел светское воспитание, нацеленное на гармоническое развитие физических и духовных сил ребенка. См.: *Кайданов О. В.* Сиротский дом Прево и его создатель Поль Робен. М., 1912; *Шильникова М. Е.* Из опыта работы Поля Робена в интернате Прево // Советская педагогика. 1956. № 12.

с. 65. *Гваякол* — лекарство, употреблявшееся как противотуберкулезное средство.

с. 68. *Песталоцци Иоганн Генрих (1746—1827)* — великий швейцарский педагог. Корчак цитирует отрывок из произведения Песталоцци «Письмо к другу о пребывании в Станце». См.: *Песталоцци И. Г.* Избр. пед. соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 62.

с. 80. *Ex cathedra* (лат.) — с кафедры, т. е. особенно авторитетно, непререкаемо.

с. 89. Повесть «Слава» вышла в Варшаве в 1913 г. (В 1914 г. была издана на русском языке в Москве.)

с. 92. *Войт* — глава гмины, низшей сельской административной единицы в Польше.

с. 93. *Локк Джон (1632—1704)* — английский философ, теоретик воспитания. Корчак ссылается на следующее высказывание Локка: «...хитрость, это обезьянье подобие мудрости, как нельзя более далека от последней и так же уродлива, как уродлива сама обезьяна». См.: *Локк Д.* Пед. соч. М., 1939. С. 169.

с. 105. *Мицкевич Адам (1798—1855)* — великий польский поэт.

с. 105. *Собесский Ян (1629—1696)* — польский король, полководец.

с. 122. Я. Корчак, по-видимому, имеет в виду книгу С. Т. Шацкого (1878—1934) «Дети — работники будущего» (1908), в которой описывается опыт работы клуба «Сетльмент», организованного для детей рабочей окраины.

с. 124. *Praxis pauperum* (лат.) — врачебная практика среди бедных; *praxis augea* (лат.) — практика, приносящая доход.

с. 130. *Педикулез* — вшивость.

с. 130. *Фабр Жан Анри (1823—1915)* — знаменитый французский энтомолог.

с. 133. Здание Дома Сирот на Крахмальной, 92 (ныне по ул. Якторовской) сохранилось с небольшими изменениями.

с. 135. *Панна Стефания* — Стефания Вильчиньская (1886—1942) — сподвижница Корчака, его помощник по Дому Сирот. Погибла вместе с Корчаком и детьми 5 августа 1942 г.

с. 166. *Sic volo, sic jubeo* (лат.) — так хочу, так велю.

Право ребенка на уважение

Впервые опубликовано в Варшаве в 1929 г. Наряду с «Как любить ребенка» эта работа в сжатой форме содержит кредо автора. В 1929 г. Корчак писал: «Каково мое теперешнее отношение к ребенку и к детскому обществу, представляет брошюра «Право ребенка на уважение».

с. 184. Первая часть латинской пословицы «*Ars longa, vita brevis est*» —

«Искусство вечно, жизнь коротка».

с. 186. Имеется в виду Декларация прав ребенка, принятая в Женеве Международной унией помощи детям и утвержденная затем Лигой Наций в 1929 г.

с. 193. Очевидно, имеется в виду С. Маркевич (1857—1941) — врач и общественный деятель, инициатор организации летних колоний для детей Варшавы.

с. 193. Речь идет об английском генерале Баден-Поуэлле (1859—1941) — создателе системы бойскаутизма.

Правила жизни

Впервые опубликовано в Варшаве в 1930 г. Корчак планировал также написать вторую часть книги — «Гигиена». В настоящем издании из 17 главок дается 11. Полностью работа публиковалась в предшествующих изданиях «Избранных педагогических произведений» Я. Корчака (М., 1966; М., 1979).

с. 196. Надпись на обратной стороне линейки гласила: «Кто не хочет учиться, заслуживает наказания».

с. 211. Очевидно, имеется в виду герой книги французского писателя Ж. Ренара (1846—1910) «Рыжик».

Роковая неделя

Впервые опубликовано вместе с двумя другими рассказами в сборнике «Бобо» в 1914 г. Отрывки печатались в журнале в 1906 г. На русском языке публикуется впервые, перевод сделан по изданию: Janusz Korczak. Pisma wybrane. Warszawa, 1978.

с. 236. Курсивом здесь и далее выделяются слова, написанные Я. Корчаком по-русски. Преподавание в гимназии в то время на польских землях, входивших в состав России, велось на русском языке (кроме уроков закона Божьего).

с. 245. Mens sana in corpore sano (лат.) — в здоровом теле здоровый дух.

с. 248. «Пшиячель» — речь идет о журнале для детей «Пшиячель Дзеци», выходившем в Варшаве в 1861—1914 г.

с. 249. Воля — район Варшавы.

Дети и воспитание

Впервые опубликовано в 1900 г. На русском языке публикуется впервые. Перевод сделан по изданию: Janusz Korczak. Pisma wybrane. Warszawa, 1978.

с. 257. Штурм Иоганн (1507—1589) — немецкий педагог эпохи Реформации. Основал в Страсбурге 10-классную гимназию, явившуюся прототипом многих средних школ XVI—XVII вв.

с. 257. Квик Роберт Герберт (1831—1891) — английский педагог. Корчак опирается на его работу «Реформаторы воспитания».

с. 257. Монтень Мишель (1533—1592) — французский философ эпохи Возрождения. В его основном труде «Опыты» изложены педагогические воззрения автора.

с. 257. Ратих (Ратихий, Ратке) Вольфганг (1571—1635) — немецкий педагог, выступил с программой прогрессивной реформы немецкой школы.

с. 258. *Коменский Ян Амос (1592—1670)* — великий чешский педагог, мыслитель и общественный деятель, основоположник педагогики Нового времени.

с. 258. *Базедов Иоганн Бернгард (1723—1790)* — немецкий педагог, основатель филантропинизма.

с. 258. *Фрёбель Фридрих Вильгельм Август (1782—1852)* — немецкий педагог, создатель системы дошкольного воспитания, теоретик детской игры.

с. 258. *Окольский Антоний (1838—1897)* — профессор государственного права в Варшавском университете, автор книги о реформе гимназий в Германии, Швеции и Франции.

с. 260. *Бродзинский Казимеж (1791—1835)* — поэт, критик, профессор Варшавского университета.

с. 261. *Чацкий Тадеуш (1765—1813)* — историк и правовед, деятель просвещения.

с. 261. *Лаговский Флориан (1834—1909)* — педагог и публицист, занимался историей и теорией педагогики и литературы.

Научный отдел

Впервые опубликовано в 1908 г. На русском языке публикуется впервые. Перевод сделан по указанному выше польскому изданию. Статья является разделом работы «Школа жизни».

с. 262. *Вирхов Рудольф (1821—1902)* — немецкий ученый-патолог и политический деятель, один из основоположников научной медицины.

с. 264. *Фламарион Камиль (1842—1925)* — французский астроном, автор популярной книги по астрономии.

СОДЕРЖАНИЕ

Януш Корчак. <i>М. Н. Кузьмин</i>	5
Как любить ребенка	19
Ребенок в семье	19
Интернат	52
Летние колонии	103
Дом Сирот	131
Право ребенка на уважение	175
Правила жизни	195
Роковая неделя	233
Дети и воспитание	256
Научный отдел	262
Примечания	265

Научно-популярное издание

ЯНУШ КОРЧАК

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Составитель

Клара Петровна Чулкова

Зав. редакцией *Ю. В. Василькова.*

Редактор *К. П. Чулкова.*

Художник *Б. А. Валит.*

Художественный редактор *Е. В. Гаврилин.*

Технический редактор *С. Н. Жданова.*

Корректор *В. Н. Рейбекель.*

ИБ 1700

Сдано в набор 18.06.89. Подписано в печать 04.12.90. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офс. № 2. Печать офсетная. Гарнитура таймс. Усл. печ. л. 17,0. Уч.-изд. л. 19,93. Усл. кр.-отт. 17,5. Тираж 472 000 экз. (2-ой завод 100 001—200 000). Зак. № 410. Цена 3 р.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по печати
119034, Москва, Смоленский б-р, д. 4.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати
170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5.

**В издательстве
«Педагогика»
в 1989 г.
в серии
«Педагогическое наследие»
вышла книга**

**В. А. Сухомлинский
«Как воспитать
настоящего
человека»**